Кир БУЛЫЧЁВ

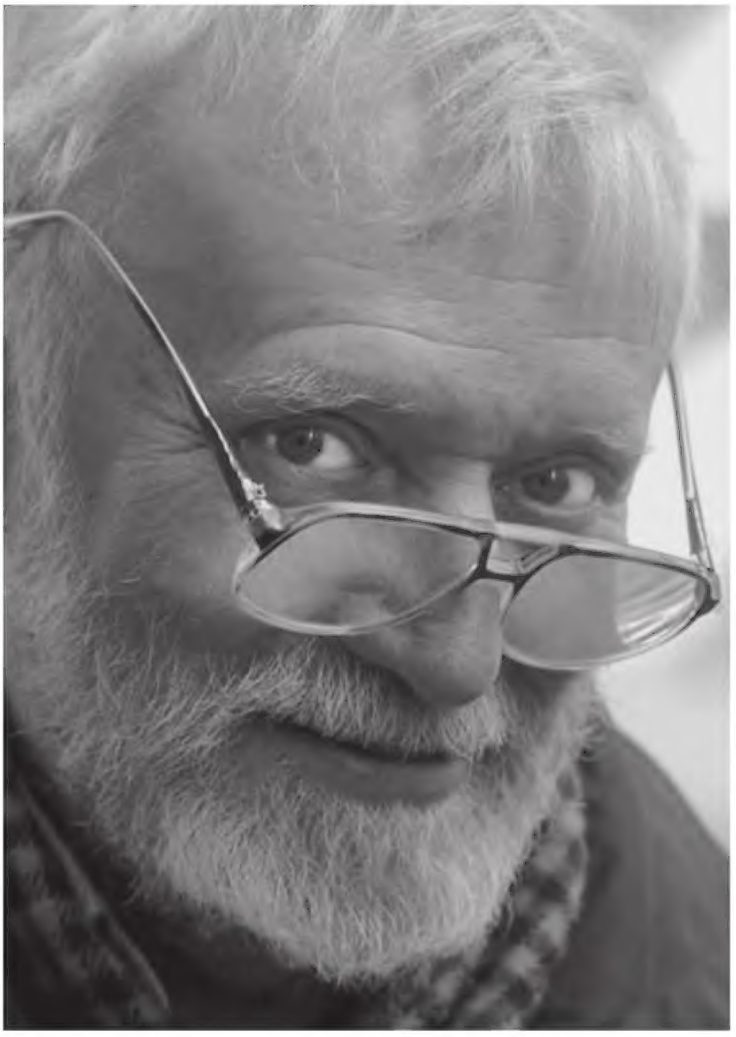
ПОВЕСТИ И СКАЗКИ
СТИХИ

Свыше 170 иллюстраций Евгения Мигунова
к повестям и сказкам «Детки в клетке»,
«Кровавая Шапочка, или Сказка после сказки»,
«Речной доктор», «Звездолет в лесу»,
«Два билета в Индию», «Фотография пришельца»,
«Черный саквояж», «Геркулес и гидра»,
«Инопланетяне» и десяти стихотворениям

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кир Булычёв

ПОВЕСТИ и СКАЗКИ
СТИХИ



Кир Булычёв
(1934–2003)

Кир Булычёв

ПОВЕСТИ и СКАЗКИ СТИХИ

Иллюстрации
Евгения Мигунова

Алькор

Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор»

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б90

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение «Алькор»

Классический переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.
Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.
Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки.
Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.
Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение «Алькор»

Б90 **Булычёв К. Повести и сказки, стихи.** — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. — 512 с.: ил.
Сборник произведений известного фантаста Игоря Всеволодовича Можейко (1934–2003), обычно писавшего под псевдонимом Кир Булычев, включает девять повестей и сказок: «Детки в клетке», «Кровавая Шапочка, или Сказка после сказки», «Речной доктор», «Звездолет в лесу», «Два билета в Индию», «Фотография пришельца», «Черный саквояж», «Геркулес и гидра», «Инопланетяне», а также десять стихотворений. Книгу украшают рисунки художника и новатора отечественной мультипликации Евгения Тихоновича Мигунова (1921–2004).

© СЗКЭО, 2024
© К. Булычёв, наследники, 2024
© Е. Т. Мигунов, наследники, 2024
© Дизайн кожаного переплета. ТО Алькор

ISBN 978-5-9603-1052-9 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-1053-6 (Кожаный переплет)

Детки в клетке

Кровавая Шапочка, или Сказка после сказки

Речной доктор

Звездолет в лесу

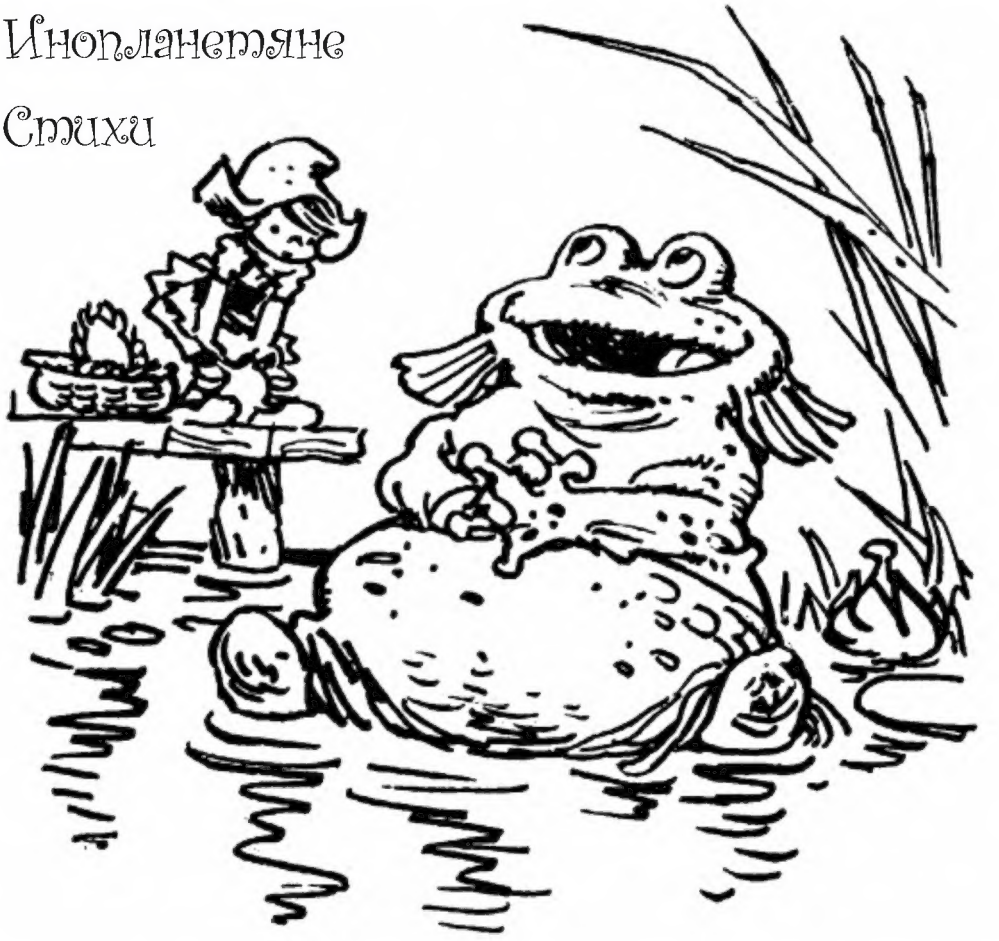
Два билета в Индию

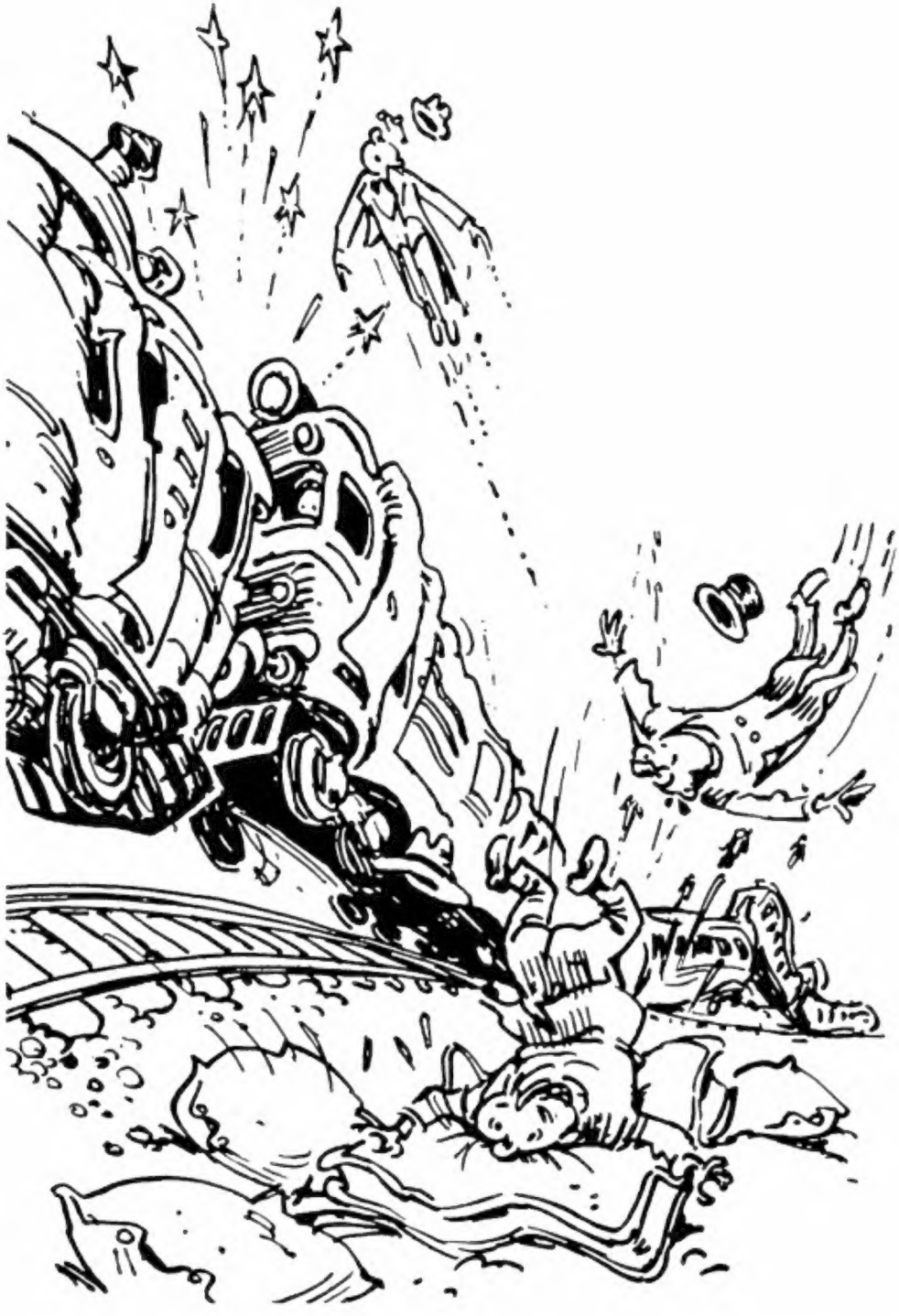
Фотография пришельца

Черный саквояж

Инопланетяне

Стихи





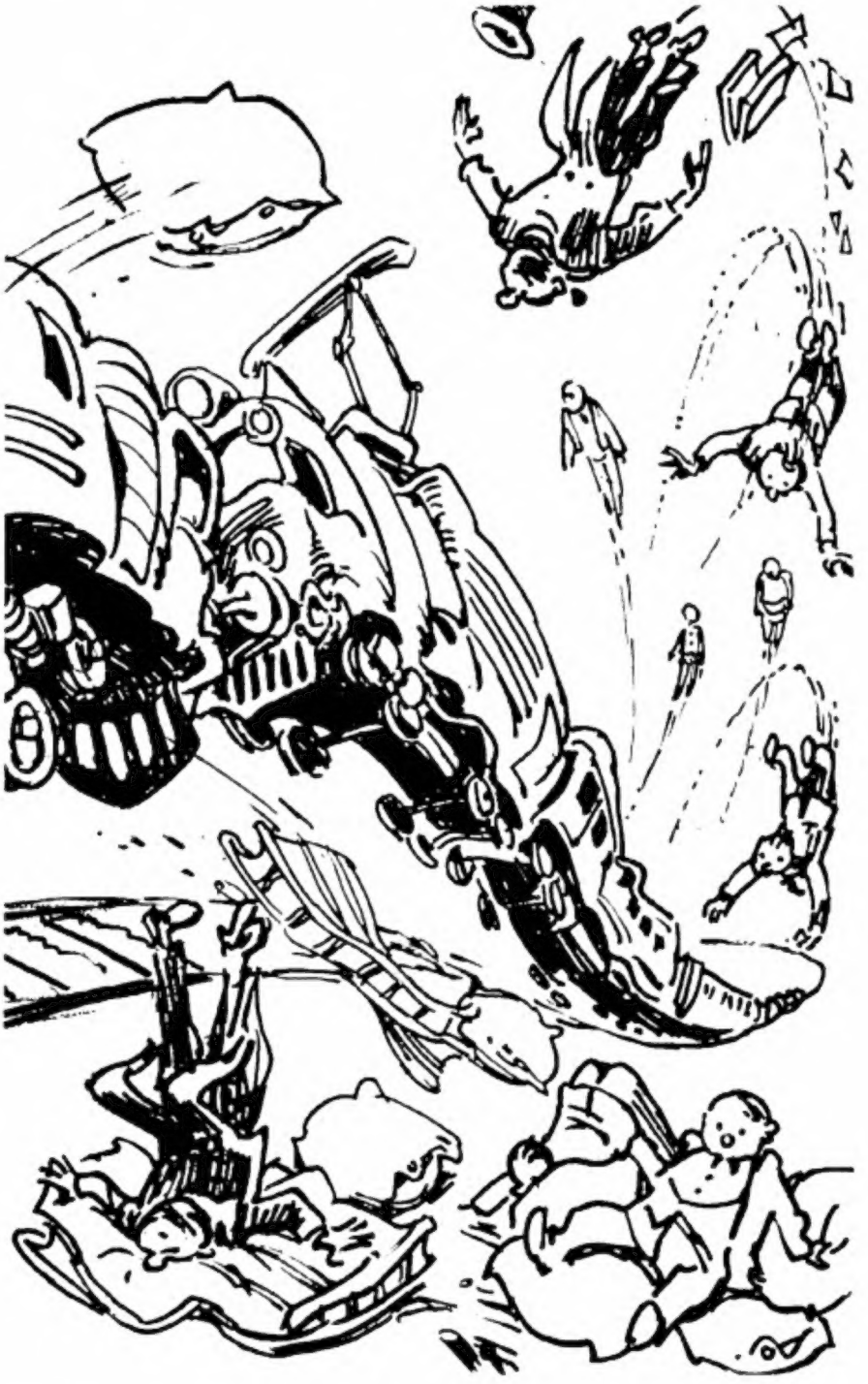
Детки в клетке

Родителям Кати и Маратика не повезло с детьми. Им попались очень неудачные дети. Они еще не научились ходить, а уже начали шалить.

Сначала шалила Катя, потому что Маратик еще не родился. Она плевалась, дралась, щипалась, кусалась, а когда научилась говорить, стала ругаться.

Ее братик Маратик пошел по стопам Кати, но всегда от нее отставал в каверзах и потому еще больше сердился.

Когда Кате исполнилось пять лет, а Маратику три года, они вытоптали все цветы на клумбе возле дома и забросали землей соседскую бабушку, которая вышла, чтобы остановить это безобразие. Бабушку удалось откопать только на третий день. К тому времени она лишилась речи и слуха от холода и голода, так что о виновниках этого двойного преступления

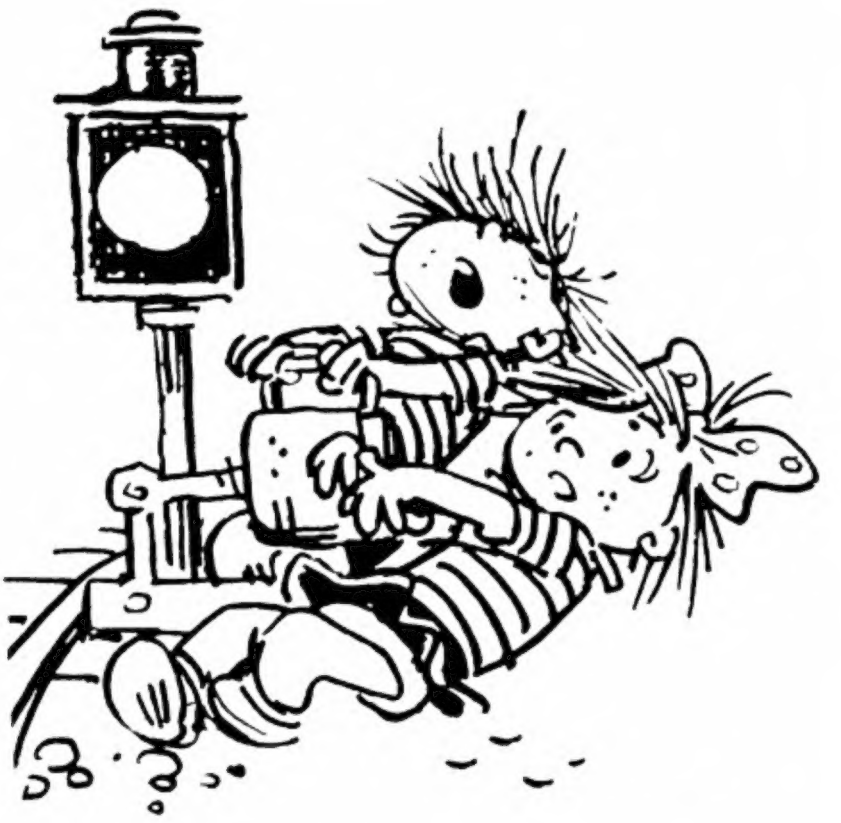


Поезда столкнулись нос к носу и рассыпались на вагоны.

в городе узнали только тогда, когда бабушка написала их имена на листке бумаги.

Правда, увидеть их имена успела только медсестра Клавдия Брызжейко, потому что Катя, которая ожидала, что бабушка проговорится, с ночи дежурила под ее кроватью и, как только медсестра развернула листок, молнией выпрыгнула из-под кровати и листок этот съела. Потом выпрыгнула из палаты с третьего этажа, разбив окно. Медсестра Клава Брызжейко лишилась сознания и до сих пор лежит дома с закрытыми глазами.

В ту осень Катя и Маратик совершили еще несколько страшных преступлений. Может быть, вам приходилось слышать о том, как столкнулись два поезда на запасном пути. Это Катя с Маратиком пробрались на рельсы, вдвоем потянули на себя железнодорожную стрелку, и поэтому поезд Владивосток – Берлин попал на тот путь, где только-только начал



разгоняться поезд, груженный подушками и одеялами для Аддис-Абебы. Поезда столкнулись нос к носу и рассыпались на вагоны. Это еще счастье, что люди из поезда Владивосток – Берлин, включая двух польских министров, венгерского певца и команду футболистов из города Любека, вылетели из вагонов и упали на подушки, которые были разбросаны вдоль путей.

Кате было очень обидно, что никто не догадывается о ее подвиге. Она уже немного умела писать и написала на стене вокзала:

«Это я, Катя Матина, и мой брат Маратик. Смерть падушкам!»

Люди проходили, некоторые читали, а прочтя, все говорили:

– Ну кто так пишет слово «подушка»? Это же ошибка!

Тогда Маратик сказал старшей сестре:

– Давай сделаем большую гадость.

– Какую?

– Пускай сгорит наш детский сад.

Кате понравилась мысль ее братика Маратика. Они украли у папы канистру с бензином, а у мамы спички и пошли после ужина жечь детский садик. Детский садик запылал, как большой костер.

– Как жалко, – сказала Катя, – что сейчас в нем нет детей.

– А правда, – сказал Маратик, – давай завтра еще раз подожжем этот садик. Когда там будет много детей. Вот посмеемся!

Но Катя сказала слова, которые слышала по телевизору:

– Нет, брат. Нельзя войти два раза в одну реку.

– Почему? – спросил Маратик. Ему было всего четыре года, и он не знал жизни.

– Потому что та, старая, вода уже утекла, а новая только-только притекла.

Маратик не стал спорить с сестрой. Он решил с ней дружить, пока она ему не надоест.

Зимой Катя и Маратик сделали большую прорубь в пруду, на котором был устроен детский каток. Они думали, что дети будут падать в прорубь и тонуть. Но как только каток открыли, сторож увидел прорубь, и никто не успел утонуть.

Они решили, что надо как следует думать, прежде чем шалить. И с тех пор не совершали ошибок.

Мама и папа делали детям замечания и даже их ругали. В конце концов детям это надоело. Они сделали приспособление, чтобы уронить маме на голову кирпич. Кирпич упал, и мама попала в больницу.

Папа никак не мог понять, кому потребовалась гибель мамы. Пришла милиция с собакой, и собака сразу привела лейтенанта Круля к детям, которые стояли в углу комнаты и плакали, как и положено детям, надолго потерявшим единственную маму.

Папа отказался поверить своим глазам и за это был наказан. Катя растворила в воде яд бледной поганки и подмешала папе в ночную рюмочку коньяка. Папе стало плохо, его отвезли в больницу, а дети остались одни.

Сначала им это понравилось, однако скоро еда кончилась, но никто не хотел приходить к ним в дом, чтобы их кормить. Тогда Катя взяла Маратика за ручку, в другую ручку взяла пистолет системы Макаров, которым папу наградили за боевую подготовку, и пошла в магазин. Там ей удалось ранить двух кассирш и разогнать по углам продавщиц. А маленький Маратик тем временем собирал по прилавкам самую вкусную еду.

Потом они понесли еду домой, но по дороге их догнал танк, в котором сидели милиционеры. Катенька разрядила в танк всю обойму, но пули его не взяли.

Тогда дети заплакали и принялись быстро есть награбленное, чтобы милиционеры не успели отнять.

Милиционеры взяли их на месте преступления и отвели в детскую комнату милиции. Там дежурила старший лейтенант тетя Дуся и еще были задержанные дети-беспризорники, большей частью цыганята и нищие. В среднем им было по восемь лет, и тетя Дуся читала им на ночь книжку «Муха-цокотуха».

Катеньке и Маратику книжка не понравилась, и они подговорили других детей напасть на тетю Дусю. Дети напали на тетю Дусю, свалили ее на пол, заткнули ей глотку кляпом из колготок, достали из ее кармана сигареты и стали курить, а кто курить не умел, гасили сигареты о живот старшего лейтенанта тети Дуси.

Когда тетю Дусю спасли товарищи по работе, она поклялась, что лучше будет жить в клетке с тиграми и шакалами, чем согласится без танка зайти в детскую комнату. Начальник отделения милиции сначала хотел дать тете Дусе танк, чтобы она на нем въезжала в детскую комнату, но потом решил,

что лучше пускай дети разойдутся по домам и не пугают милиционеров, у которых забот хватает и без маленьких детей.

Катенька и Маратик возвратились домой и легли спать. Ночью Маратику захотелось убить свою сестренку Катю, и он принес для этого из кухни длинный нож. Но Катенька проснулась, исколотила Маратика и объяснила ему, что, если он убьет старшую сестренку, некому будет его кормить и сажать на горшок.

На следующий день брат и сестра открыли люк водопровода и высыпали туда целый мешок крысиного яда, который украли в кооперативе по травле тараканов и грызунов.

Но город не успел погибнуть, потому что тетя Дуся следила за детьми и увидела, что они делают. Тут же по радио и телевидению выступили руководители города и приказали людям ничего не пить и желательно не есть, пока крысиный яд не выветрится.

А Катю и Маратика арестовали и стали думать, что же делать, если в городе завелись такие неисправимые маленькие дети.

Хотели их судить. Но как будешь судить Маратика, которому только что стукнуло четыре годика? Ведь есть мировая общественность, Америка за нами следит, африканские страны наблюдают. Представляете, что наши враги воскликнут, если узнают, что мы судим ребеночка?

Но и оставлять детей на свободе было нельзя. Завтра они все-таки взорвут нашу красавицу Москву.

Для начала к детям прислали врача-психиатра. Он с детьми побеседовал, а пока он беседовал, Маратик приспособил тонкую веревочку и натянул ее по дороге к двери.

Побеседовав, психиатр пошел доложить начальнику милиции, но задел каблуком веревочку. Пока он падал, Катя-резвушка полила перед ним пол подсолнечным маслом, и доктор проехал на собственном носу тринадцать метров.

Он пришел к начальнику милиции без носа и написал записку:

«Прошу детей послать на Луну без скафандров».

Начальник милиции покачал головой и сказал плачущему психиатру:

– К сожалению, у нас нет прямой связи с Луной. А может быть, это к лучшему, потому что они и без скафандров на Луне устроят наводнение.

А Катю и Маратика арестовали и стали думать, что же делать, если в городе завелись такие неисправимые маленькие дети.

Хотели было вызвать специалистов по детским болезням из Японии, но оказалось, что нужно за это очень дорого платить.

И тогда жена мэра города в сердцах произнесла:

– В клетку их посадить, вот что надо сделать!

– А что? – обрадовался мэр и сразу позвонил директору зоопарка. – Иваныч, – спросил он директора, – у тебя свободная клетка найдется? Какая-какая, а большая! Чтобы с толстыми прутьями и отоплением. Желательно из-под тигров... Есть? Вот и замечательно. Скоро мы к тебе танк подгоним, в нем новое поступление.

– Какое такое поступление? – с подозрением спросил директор зоопарка.

– Детишки, – ответил мэр. – Катенька и Маратик.

– Те самые?

– Те самые.

– Они же мне всех зверей перекусают!

– Так уж всех! А ты получше клетки запирай.

– А чем их кормить?

– Нормально корми, как тигров или как слонов.

– Нет, это негуманно, – сказал директор. – Их родители на меня в суд подадут.

– Не подадут, – ответил мэр. – Они по больницам отлеживаются.

Вот так Катенька и Маратик попали в зоопарк.

В зоопарке детям не понравилось. Никого не отравишь, никого не обидишь. В клетке только две кроватки, два стула, столик, за занавеской душ и уборная. На клетке снаружи написано:

«Не кормить.
Не дразнить.
Конфет не предлагать.
Опасно для жизни»

Люди шли сплошным потоком. И все с детьми. Папы и мамы не жалели Катеньку и Маратика, потому что знали о горькой судьбе их родителей и боялись сами стать жертвами. Родители останавливались перед клеткой и говорили своим детям:

– Смотри, Ванечка, смотри, Ритуля, до чего доводит непослушание. Ты хотела бы пожить в клетке?

Дети отвечали по-разному. И среди них даже встречались такие, что и не отказались бы там пожить, только чтобы не готовить уроков, не мыть рук, не чистить зубов и не слушать маминых нотаций или папиных нравоучений. Некоторые дети приносили с собой конфеты и кидали их издали Катеньке и Маратику. Катенька и Маратик собирали конфеты, некоторые – шоколадные – ели сами, другие, которые попроще, складывали в яму, которую ноготками выцарапали в бетонном полу и замаскировали сверху крышкой от унитаза.

В клетке у них редко устраивали уборку, потому что двум уборщицам пришлось уйти на пенсию после того, как дети искусали им ноги. Теперь уборщица если и входила, то только в ватных штанах и бронежилете, а снаружи наготове стоял пожарник со шлангом.

Сначала за границей было много шума: писали, что в России угнетают детей, и даже было создано общество для спасения Катеньки и Маратика. Делегация этого общества во главе с леди Ленорван-Гленорванян приезжала в город, чтобы добиться освобождения детей и наказания преступников. К удивлению делегации, директор зоопарка сразу согласился расстаться с детьми. Он привел делегацию к клетке и спросил, не приближаясь к ее решетке:

– Дети, не хотели бы вы поехать в Англию, где живут ваши защитники и защитницы?

– О, йес! – сказали защитницы, и громче всех сказала это леди Ленорван-Гленорванян. – Мы имеем резолюцию Совета Безопасности с одним только голосом против.

– Во дает, – произнес Маратик.

– А що? – сказала Катенька. – Смотаем, покажем этим брокерам, с какой стороны мажут масло.

– На кого мажут? – рассмеялся Маратик.

– На нос ихнему королю! – ответила веселая Катенька.

Детишки подошли к решетке и встали рядышком, держась за ручки. Слезы текли по их щечкам, и ответные слезы потекли по щечкам леди Ленорван-Гленорванян. И ножки леди задрожали.

Директор зоопарка сам отпер клетку и, зажмурившись, убежал к себе в кабинет. Но не успел добежать, потому что получил по затылку кочаном капусты, который метнула ему вслед девочка Катенька.

Детишки послушно пошли следом за леди и доехали до страны Англии – им очень хотелось посмотреть, как живут простые английские дети.

Половина населения Англии пришли на набережную встречать пароход, на котором привезли угнетенных детей из варварской России.

Играла музыка, и детям в Англии понравилось.

После этого связь с Англией временно прекратилась.

А когда ее восстановили, оказалось, что Лондон лежит в развалинах, башня Тауэр – гордость английского народа – упала набок, часы Биг-Бен разбились, на площади Пикадилли разлилась большая лужа бензина с вареньем, река Темза куда-то утекла, а большая часть населения на лодках, плотах или просто вплавь сбежала во Францию и на остров Исландия.

Отважный адмирал лорд Маунтбэттен не испугался маленьких русских хулиганов и предложил им возвратиться домой. А так как дети уже нашалились всласть, они согласились прокатиться на крейсере «Инвизибл». По дороге домой они отъели адмиралу ухо, обрили наголо и надели ему на голову ботинок. И все же адмирал спас свою страну и возвратил детей в наш зоопарк. И Катенька с Маратиком вновь поселились в клетке, к страшному разочарованию директора зоопарка, который тут же ушел на пенсию, хотя ему оставалось до нее лет двадцать.

С большим трудом удалось отыскать ему замену. Этой заменой стал студент Эдуард Жито-Житинский, который хотел стать академиком и очень нуждался в деньгах. А еще он любил животных и знал их языки, что редко встречается среди людей.

В день, когда Эдуард вышел на работу, он осмотрел зоопарк. Все звери и птицы уже знали, что это новый директор, и кланялись ему или улыбались, потому что с директором ни одно разумное животное ссориться не будет. Но когда Эдуард подошел к клетке Катеньки и Маратика, то дети начали прыгать, кривляться и показывать директору фиги.

– Это наше несчастье, – сказал уходящий директор, который сопровождал нового в его обходе. – Мы хотим возвратить их родителям.

– А родители? – спросил Эдуард.

– Родители возражают, – ответил старый директор. – Вот, кстати, их мама, Прасковья Яковлевна.

И уходящий директор показал на нестарую и недавно еще красивую женщину, которая сидела, пригорюнившись, на скамейке.

Эдуард Жито-Житинский подошел к женщине и сразу понял, насколько она несчастна.

– У вас горе, – сказал Эдуард.

– Как вы точно угадали! – воскликнула мать Катеньки и Маратика. – Как только я вышла из больницы, я стала приходить в зоопарк. Я смотрю на моих детей и удивляюсь: как могло случиться, что они стали такими плохими? Ведь я себе во всем отказывала, чтобы они выросли достой-

ными людьми, инженерами, врачами, учителями и космонавтами. А они стали хулиганами.

Женщина заплакала, а директор Эдуард поглядел на клетку. Катенька и Маратик радовались, что довели маму до слез. Они прыгали по клетке и становились ботинками на кровать.

– Не надо расстраиваться, – сказал тогда молодой директор зоопарка. – Это как болезнь, а каждую болезнь можно вылечить.

– Как называется эта болезнь? – спросила Прасковья Яковлевна.

– Эта болезнь называется свинство. У некоторых она проходит, у других переходит в хроническую форму. Вы знаете, что такое хроническая форма?

– Это когда надолго? – спросила Прасковья Яковлевна.

– Да, это когда болезнь течет медленно, как болотная вода. Но у ваших детей очень острая форма, и потому можно надеяться на излечение.

– Может быть, пригласить зарубежного специалиста?

– Вы с ума сошли! Ваши дети, пока вы лежали в больнице, уже побывали в Англии, и все зарубежные специалисты от них разбежались.

– Ха-ха-ха! – закричали хором из клетки Катенька и Маратик.

– Но что делать? Как помочь?! – заплакала Прасковья Яковлевна.

– Я подумаю, – сказал директор зоопарка. – А вы идите домой и отдыхайте.

Конечно же, Прасковья Яковлевна не пошла домой, а ринулась снова к клетке, простирая к ней руки и умоляя детей сжалиться над несчастной мамой.

А дети смеялись над ней так громко, что все вороны города поднялись в небо, потому что решили, что на них несется стая собак.

Эдуард осмотрел зоопарк, принял дела у старого директора и заперся в своем кабинете, чтобы придумать, как перевоспитать малышей. Не может быть, чтобы они были такими неизлечимыми хулиганами. Ведь у них хороший папа, хорошая мама, хорошие бабушки и славные дедушки. Конечно же, они подцепили вирус хулиганства и злобы, когда гуляли по улице. Ведь на улицах теперь развелось много этого вируса. Может быть, мама на прогулке зашла в магазин и оставила малышей возле очереди за тапочками. А может быть, она гуляла с ними по бульвару, а мимо шли пьяницы или грабители ларьков. А может, наконец, совсем рядом состоялась демонстрация и грудные дети увидели плакаты и лозунги со словами «Долой!», «На плаху!», «Убьем!», «Уничтожим!». Сейчас уже трудно решить, отчего началась болезнь. Но если она есть, то надо не плакать, а лечить. И чем сложнее заболевание, тем хитрее должен быть доктор.

В среду двадцатого числа, когда стемнело и из зоопарка ушли не только посетители, но и сторожа, к клетке Катюши и Маратика подошел верблюд Али-хан и сказал:

– Кончай волынку, братва. А то причешем.

Катеньке и Маратику как раз стало скучно. И они даже обрадовались, что звери ими недовольны. Вот можно будет посражаться! Раньше они со зверьми не ссорились. Ведь звери могут и укусить... Но теперь дети совсем обнаглели.

– А чо те нужно? – спросил Маратик.

– А то, что хозяин зовет, – сказал Али-хан и сплюнул на землю.

– Зовет-зовет, – сказал Маратик. – Я не пойду.

– Как не пойдешь? – удивился Али-хан. – Ведь зовет.

– Слышишь, что мой братишка говорит? – рассердилась Катенька. – Так что беги к своему хозяину и вели ему сюда идти. Да побыстрее, а то я рассержусь.

Али-хан удивился и пошел к хозяину.

А хозяином зверей был старый павиан Велосипед. Шерсть у него была длинная, зеленая, морда собачья, а сзади красная мозоль.

– Не идут, – сказал Али-хан. – Человечья кровь.

– А что говорят?

– Тебя зовут, – сказал Али-хан.

– Не дождутся, – отрезал павиан. – А ну-ка позови ко мне вот кого... – И перечислил имена.

Не дождавшись хозяина, Катенька и Маратик стали укладываться спать.

Но не тут-то было.

Только Катенька откинула одеяльце, чтобы лечь в кро-

ватку, как увидела, что ее место уже занято. Там лежит, свернувшись, небольшая змея.

Катенька с отвращением хотела скинуть змею на землю, но та подняла маленькую зеленую голову и прошипела:

– Не спеши, Катюшшша. Я очень ядовитая. Я такая ядовитая, что боюсь нечаянно язык прикусить.

Катенька замерла. А Маратик сказал:

– Если ты такая ядовитая, то мотай отсюда! Слышишь? А то я тебе как камнем дам по башке!

– Не дашь, – послышался другой голос, и Маратик увидел, что на потолке сидит громадный паук. Тело – с мужской кулак, а каждая нога в карандаш длиной. Называется такой паук птицеедом, и привезли его в зоопарк из Бразилии, а может быть, даже из Африки. – Вот сейчас я тебе на голову прыгну! – пригрозил паук.

Все хулиганы и бандиты, скажу я вам, не очень смелые люди. Откуда же Катеньке и Маратику быть смелыми, если от их свинства и хулиганского поведения даже взрослые разбегались во все стороны! От такого поведения окружающих хулиганы наглеют. Но звери ведь не убегают неизвестно от чего. Звери шутить не умеют.

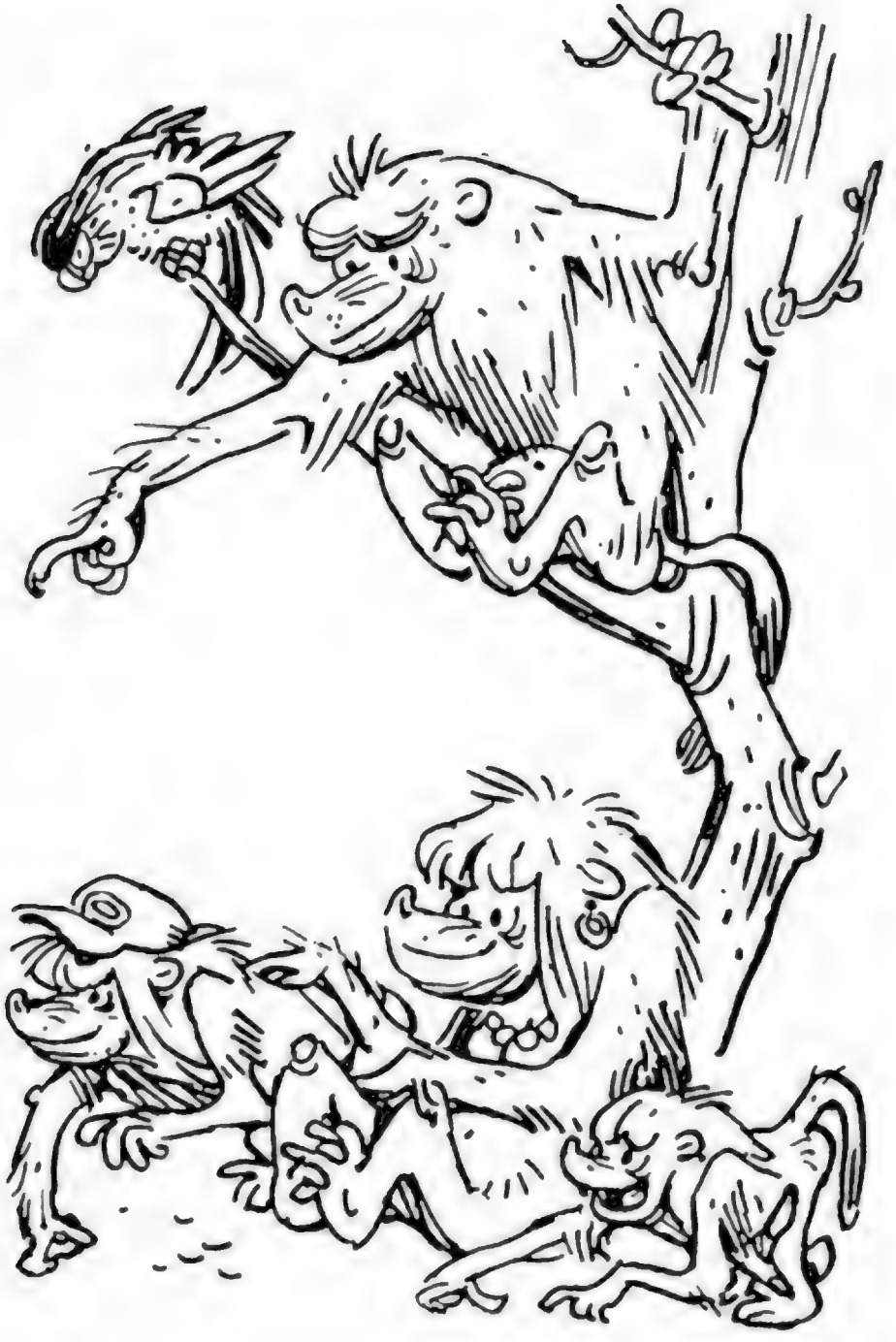
– Что прикажете? – спросила Катенька у змеи.

– А ты знаешь, человечий детеныш, что тебе приказано! – сказала змея. – Иди к хозяину. А то он заждался и сердится. Рассердится – побьет.

– Пойдем, – сказала Катюша Маратику, а тот уже прижался к решетке – ждет не дождется, когда можно будет убежать от страшного паука.

Тут паук спустился вниз и открыл замок – звери в зоопарке все умеют, только не показывают людям, чтобы те оставались в дураках.

Катюша и Маратик, склонив головки, пошли по дорожке к обезьян-



нику. Они, конечно же, не смирились, только притворились, что стали послушными.

– Ничего, – прошептала Катюша на ухо братцу. – Разберемся, что к чему, и покажем им, как нас с тобой пугать.

– Конечно, – прошептал в ответ малыш. – Недаром мы весь Лондон взорвали, даже террористы не посмели на себя наши преступления взять.

Старый павиан Велосипед сидел на развилке сухого дерева, поставленного специально для него посреди вольеры. У его ног сидели и лежали его жены и дети, а также молодые павианы.

– Пришли, явились – не запылились, – сказал павиан. – Вот и хорошо. А то я уже сердиться начал.

– А мы так, гуляли, – сообщила Катенька. – Видим, кто-то сидит. Я думаю, пойдем посмотрим, кто сидит, почему не спит.

– Молодцы, дети, – сказал павиан. – Любопытные, быстрые. Увидели и пошли. А кто вас из клетки выпустил?

– А мы не в клетке, – сказала Катенька. – Мы же люди, мы у директора в кабинете на диванах спим. Правда, Маратик?

– Правда, сестричка, – ответил мальчик.

– Вот и молодцы, – сказал павиан и даже улыбнулся, так ему понравились эти глупые дети. Типичные двоечники и бандиты. Думают, что всех умнее. Пускай думают. – Раз уж пришли, – продолжал павиан, – давайте поговорим. Может быть, вам в этом зоопарке скучно без папы, мамы и школьных друзей?

– Нет, не жалуемся, – сказала Катюша.

– А вы лучше подумайте. Хотите, я вам машину подарю? «Жигули»?

– Даже глупо слышать, – ответила Катенька. – Ты, наверное, и не знаешь, обезьяна зеленая, что мы в Лондоне жили,

на «Роллс-Ройсе» катались, на королевский стол ноги клали.

– Вот молодцы, вот умницы. И чего же вы там не остались? Неужели в клетке лучше?

– Скучно там, – сказал Маратик.

– Тогда могу предложить вам дело, – сказал павиан Велосипед.

– Какое?

– Надо ограбить киоск с вкусными вещами. Надоело нам сидеть на зоопарковских харчах.

– Пустяки какие! – отмахнулась Катенька. – Не хотим пачкаться. Вот если что-нибудь взорвать, потопить или сжечь – тогда зови.

– Позову-позову, – сказал старый павиан. – Только нужно вас сначала проверить.

– Нас не нужно проверять! – закричал Маратик. – Мы сами кого хочешь проверим, старая крыса!

Павиану это не понравилось. Он прикрыл правый глаз, и в тот же момент откуда-то сбоку к Маратику приблизился удав Гравокат, обвил его своими кольцами и чуть-чуть сдавил.

– Ой, отпусти! – закричал Маратик, который привык, чтобы его все боялись. – А то я тебе хвост отвинчу.

А удав сжал Маратика чуть сильнее.

– Катенька! Сестричка! – завопил испуганный Маратик. – Спаси меня!

Катенька, конечно, ответила как всегда:

– Сам спасайся, охота было из-за тебя стараться.

Это не значит, что она совсем не любила своего братика, но ей лень было из-за него силы тратить.

А удав еще сильнее придавил.

Тут Маратик взмолился:

– Дядя обезьян! Я больше не буду.

– Ладно, – сказал павиан, – на первый раз достаточно. Теперь слушайте, что я вам скажу. Пойдете ко входу. Там стоит киоск. В нем продают жевательную резинку, конфеты и пепси-колу. Откроете замок, все возьмете и принесете мне. Сейчас.

– А кто все на себе потащит? – спросила Катенька.

– Вы и потащите. Это же не кража и не бандитизм, а только первое испытание.

– А какое будет второе испытание? – спросила Катенька.

– Вот выдержите первое, тогда скажу.

Павиан протянул Катеньке большой ключ от киоска.

Катенька сказала братику:

– А ну пошли, крошка. Покажем им, как умеем работать.

Павиан, семья павиана и верблюд с удавом спокойно смотрели им вслед. Потом павиан прошел внутрь клетки, где стоял телефон, набрал номер и сказал в трубку:

– Операция началась.

А из трубки послышался голос директора Эдуарда:

– Спасибо. Мы наблюдаем. Продолжайте операцию.

Катенька и Маратик подошли к киоску, который стоял у входа в зоопарк.

Дул ветер, деревья качали ветками и шелестели листьями. Наступала осень, а осень в зоопарке – очень печальное время года, потому что над головой пролетают стаи птиц, которые направляются к югу, а обитатели зоопарка смотрят в небо и переживают, потому что им нельзя улететь к югу. Решетки не пускают. Или крылья подрезаны.

Катенька встала на цыпочки и вставила ключ в замочную скважину.

Она стала его поворачивать, а ключ никак не поворачивался. Тогда Маратик отыскал на ас-

фальте гвоздь, и Катя вставила его в кольцо ключа. Они вдвоем начали нажимать на гвоздь – гвоздь был длинный и толстый. А дети сильные.

Еще раз! Еще раз! Еще раз!.. Трах!

Ключ сломался, и взломщики упали на асфальт.

Маратик ушибся и стал плакать. А тут еще проехала милицейская патрульная машина. Катенька прижала головку братика к асфальту, чтобы он замолчал.

Потом они встали и вернулись к киоску. Дети были очень сердиты на киоск, который не желает открываться, и на ключ, который сломался. Они так рассердились, что собрали на берегу пруда камни, палки и другие твердые вещи и стали кидать в киоск. Полетели стекла, раздался звон, который донесся до клетки с павианом. Павиан улыбался и чесал себе зеленое волосатое пузо.

Потом Катенька подсадила братика, он залез в киоск и стал передавать сестренке оттуда вкусные вещи. Они вытащили из киоска десять пачек шоколада, десять коробок с конфетами, десять бутылок пепси-колы, десять коробок с печеньем и не счесть сколько жвачек.

– Как же мы все это дяде павиану отнесем? – спросил Маратик. – У нас ведь мешка нет.

– А ты думал, что я собиралась ему все нести? – засмеялась Катя. – Еще чего не хватало! Мы с тобой жизнью рисковали, мы с тобой киоск штурмом взяли, как наш дедушка Зимний дворец! А теперь что – ему все тащить?

Маратик даже запрыгал от радости. Ему не хотелось отдавать павиану такие сокровища.

– Мы самые сильные! – кричал он. – Мы самые смелые! От нас все убегут!

Катенька тоже стала прыгать и кричать гордые слова.

Далеко-далеко, в другом конце зоопарка, было

слышно каждое слово. И павиан стал смеяться, и многие животные, которые собрались вокруг, тоже смеялись. Но негромко. А директор в своем кабинете не смеялся. Ему было грустно.

– А теперь давай все сожрем! – приказала Катенька.

– Никому ничего не оставим! – воскликнул Маратик.

Маратик открыл коробку конфет, высыпал их на асфальт, стал подбирать их с асфальта и совать в рот.

А Катенька принялась кидать в рот пачки жевательной резинки – пачки кидала, а обертки выплевывала.

И тут Маратик громко заплакал:

– Это не настоящие конфеты! Это горькие конфеты! Сама кушай!

А Катенька вслед за обертками принялась выплевывать жвачки и очень сердилась:

– Разве это жвачки, это какие-то соленые вонючки!

Она схватила бутылку пепси-колы, ударила ее горлышком о киоск и выплеснула себе в глотку напиток, чтобы унять соленую горечь.

Но пепси-кола была сама горькая, отвратительная и гадкая.

Катерина стала отплевываться, а Маратик хотел было заесть конфеты плиткой шоколада. Но шоколад оказался еще горче, чем конфеты. Так что Маратик со слезами побежал к пруду, залез в воду и стал хлебать из него, как собачонка.

Скоро и Катенька прибежала к пруду и тоже стала из него пить.

Потом она поднялась на дорожку и сказала братику:

– Я знаю, это все павиан нарочно подстроил, чтобы доказать, что мы с тобой не самые смелые и не самые сильные. Давай с тобой возьмем крепкие палки и всех павианов изобьем.

Они нашли на берегу пруда палки и побежали к клетке, где их ждал павиан Велосипед, который уже знал, что Катенька и Маратик пострадали от собственной жадности.

Катенька и Маратик прибежали к клетке павиана. И увидели, что Велосипед спит.

И все его родственники спят.

– А ну, просыпайтесь! – закричала Катенька страшным голосом. – А то мы вам всю клетку разнесем.

Павиан открыл один глаз, почесал свой толстый зеленый живот и спросил:

– Чего там за шум? Принесли конфеты и пепси-колу?

– Он еще издевается! – рассердилась Катенька и стала молотить

палкой по решетке. – Сам подсунул нам горькие сладости, а теперь спрашивает!

Маратик тоже молотил палкой по решетке.

– Ах, какие глупые хулиганы и воришки, – сказал павиан и повернулся на бок.

А кто-то большой и мохнатый ткнулся холодным мокрым носом в щеку Катеньке и сказал:

– Не шуми, спать мешаешь.

Катенька обернулась и увидела, что рядом с ней стоит большой серый волк.

– Сейчас я тебя! – закричала Катя, замахнулась и хотела ударить волка палкой.

Но волк поднял морду и легко палку перекусил.

А Маратик сам палку выкинул, так испугался.

– Мы с Маратиком самые страшные хулиганы на всем свете, – сказала Катенька. Но голос ее немного дрожал.

– А я сейчас тебя съем. И твоего Маратика тоже. Хочешь? – спросил серый волк.

– Дяденька волк, дяденька волк, – перепугалась Катенька. – Вы моего братика кушайте, он очень вкусный, а меня не надо.

Тут павиан Велосипед снова открыл глаз и сказал сонным голосом:

– Не надо ее кушать, серый волк. Она заразная.

– Я не заразная! – обиделась Катенька.

– Нет, заразная. От нее можешь свинством заразиться. Свинством и хамством. Сразу двумя болезнями.

– Тогда я ее есть не буду, – согласился волк.

– То-то, – сказала Катенька. – Я и говорю, что мы с Маратиком самые сильные.

– А что бы нам сделать с самыми сильными? – спросил волк.

– А самых сильных за то, что они меня обманули и хотели съесть все награбленное, придется поколотить.

– Но ведь там все было горькое! – крикнул Маратик.

– А это меня не касается, – сказал павиан и окончательно заснул.

Волк громко свистнул, и тут же из-за клеток выбежали разные звери, которые не могли дождаться, когда им разрешат поколотить этих наглых, крикливых и плохо воспитанных детей.

Волк громко свистнул, и тут же из-за клеток выбежали разные звери.

Лиса, енот, три сороки, бегемотик, осел Кузя, макака – все они колотили, щипали, кусали и топтали детей, пока те совсем не расплакались и не закричали, что больше никогда не будут себя плохо вести.

– Ладно, – сказал павиан. – Если они не врут, придется дать им второе задание-испытание.

– Дайте, дайте! – умоляла Катенька.

– Слушай, – сказал павиан. – Мне очень нужны наличные деньги. Хочу купить машину и съездить к себе в Африку. У меня там сестры и братья остались. Ждут, пишут, по телефону звонят. А вот деньги в банке лежат. А мне их из банка не взять – меня никто за человека не примет.

– А нас примут? – спросила Катенька.

– А вы придете, скажете сторожу, что маму ищете. Вот вам пистолет, вы его застрелите и деньги возьмете.

– А мы что с этого иметь будем? – спросил Маратик.

– А мы вас за это бить не будем, – рассмеялся серый волк.

– Мы вас за киоск простим да еще дадим денег на мороженое.

– Пошли! – сказал Маратик. – Скорее пошли банк грабить!

Дети побежали на улицу, на другой стороне ее был сберегательный банк.

Перед банком ходил сторож в пальто и теплой шапке.

Дети подбежали к нему, и Катенька сказала:

– Дядя банковский сторож, вы не видели нашу маму Прасковью Яковлевну?

Сторож удивился такому вопросу, почесал бороду и сказал:

– Нет, я ни одной мамы здесь не видел.

– А она внутрь банка не заходила? – хитрым голосом спросила Катенька.

– Нет, не заходила, – ответил сторож.

– А вы посмотрите, посмотрите, – приказал Маратик. – Разве не видите, что ребенок замерзает без мамочки?

– Ну, если замерзает, – сжалился сторож, – давайте посмотрим. А то вдруг она нечаянно туда еще днем зашла.

Сторож открыл дверь в банк и сказал:

– Сейчас я погляжу, а вы здесь постойте.

Тогда Катенька крикнула:

– Дядя сторож, посмотри, какая птичка летит!

А когда сторож стал смотреть в небо, она выстрелила в него из пистолета. Три раза. Или четыре.

Сторож упал на землю, застонал и застыл.

– Как здорово я его подстрелила! – обрадовалась Катенька и первой побежала в банк.

А Маратику стало немного страшно. И чуть-чуть жалко сторожа. Он взял его шапку, которая упала с головы, и подсунул ее убитому сторожу под затылок. Когда он так делал, то задел бороду сторожа, и оказалось, что она не настоящая, а сделана из мочалки и привязана на веревочке. А под бородой было молодое лицо. Но Маратик не догадался, зачем убитый сторож притворялся стареньким. Он хотел спросить об этом у старшей сестренки, а та как раз его позвала:

– Маратик, Маратик, гляди, сколько здесь денег!

Маратик побежал в сберегательный банк и увидел, что посреди банка лежит мешок, полный денег. Катенька вынимала из него деньги и снова сыпала в мешок.

– Пошли скорей, отнесем деньги! – обрадовался Маратик. – А нам за это мороженого дадут.

– Глупый, – ответила Катенька. – Зачем нам у них на мороженое деньги брать, если мы на этот мешок денег целую машину мороженого наменяем?

Маратик подумал и сказал:

– Может, не надо, сестренка? Нас уже с тобой побили и еще раз побьют. Давай сделаем, как обещали.

– Еще чего не хватало! – рассердилась Катенька. – Мы с тобой самые сильные в мире! Да мы с тобой всех павианов ногами затопчем!

Маратик все равно боялся, но спорить с сестрой боялся больше и помог ей тащить наружу мешок с деньгами.

Когда они вышли на улицу, убитого сторожа у банка уже не было.

– А где же сторож? – спросил Маратик. – Может, он не убился, а за милицией побежал?

– Его «Скорая помощь» увезла, – сказала Катенька. – Неужели ты ее сирены не слышал?

Маратик никакой сирены не слышал, но промолчал.

Они потащили мешок подальше от банка. Занесли за угол дома, в кусты. Там было темно и страшно.

– Теперь будем ждать, – сказала Катенька, – пока мороженое откроется.

– Я спать хочу, – ответил Маратик. – Я уже мороженого не хочу.

Катенька рассердилась и начала братика колотить, потому что он был слабее ее. Маратик отбивался, кусался и еще плакал, но тихо.

Вдруг они услышали, как что-то зашуршало. И стало светло.

Они обернулись и увидели, как мешок с деньгами сам по себе загорелся.

Катенька кинулась к мешку, чтобы вытащить из него побольше денег, но не успела. И все деньги сгорели.

Тогда и Катенька стала плакать.

Она села на землю, плакала и приговаривала:

– Ой, мамочка, ой, что же теперь делать? Они же меня до смерти побьют за то, что я деньги не принесла.

– Но ведь ты самая сильная, самая смелая! – раздался голос.

Катенька подняла голову и увидела, что на ветке сидит синий попугай, который вообще-то живет в зоопарке.

– Я лучше не буду самой сильной и самой смелой!

– Ты честно это говоришь? – спросил попугай.

– Честно, честно! – закричал Маратик.

Но Катенька промолчала, она уже думала о другом.

– Попугай, – сказала она. – Я тебе завтра рубль дам, если ты сегодня павиану скажешь, что видел, как я мешок с деньгами ему несла, а мешок сам загорелся.

– Но это же неправда! – возразил попугай. – Ты не хотела мешок нести.

– А я тебе рубль дам, – ответила Катенька.

– Нет, ты пока еще не очень честная, – сказал попугай и улетел.

Катенька хотела было остаться и не ходить больше в зоопарк, но Маратик не согласился – он очень замерз и хотел спать. Он пошел в зоопарк сам, а Катенька подумала: «Я скажу павиану, что мы в банке не были, заблудились и вернулись».

Но ничего из этого не вышло.

Как только они ступили в зоопарк, то увидели, как под светом фонаря стоят в ряд их враги – серый волк, лиса, енот, удав, дикая собака динго и кто-то еще.

Серый волк спросил:

– Где деньги?

– Мы их не видели! – ответила, вся дрожа, Катенька.

А попугай сверху закричал:

– Врет она, врет! Они сторожа убили, деньги украли, а потом деньги сгорели.

Тут звери налетели на детей и сильно их поколотили. Катенька и Маратик еле вырвались и, чуть живые, хромая и стеная, добрались до клетки с павианом.

– Я все знаю, – сказал павиан Велосипед. – И не надо мне врать. И жалеть я вас не буду. Вы известные преступники.

– Я к маме хочу, – заплакал Маратик.

– Ах ты, предатель нашего хулиганского дела! – разозлилась Катенька, накинулась на брата и надавала ему тумаков.

– Все меня бьют, – заплакал маленький Маратик. – Никому меня не жалко.

– А тебе кого-нибудь было жалко? – спросил павиан. – Ты пожалел своих папу и маму, когда издевался над ними? Ты пожалел английскую башню Тауэр или лорда Маунтбэттена? Ты пожалел старшего лейтенанта тетю Дусю из детской комнаты?

– Я тогда был маленький и глупый, – сказал Маратик.

Тут Катенька решила оторвать ему ручки и ножки, чтобы наказать, но Маратик убежал к павиану в клетку и спрятался.

Катенька рвалась в клетку за ним, но павиан вытянул вперед лапу, Катенька налетела на эту лапу, как на баррикаду. И не смогла побить Маратика.

– Что же ты? – спросил павиан. – Где же твоя сила и смелость?

– Вот сейчас я тебе покажу! – сказала Катенька и вытащила из кармана пистолет, из которого она убивала сторожа. Катя начала из него стрелять в павиана и своего братика. Пистолет стрелял, но вылетали из него не пули, а пакетики с клюквенным соком. Они разбивались о брюхо павиана, и казалось, что он весь в крови.

Маратик догадался, что пистолет не настоящий, и стал смеяться.

А Катенька отбросила пистолет и убежала.

Тут из-за спины павиана Велосипеда вышел банковский сторож. Только молодой, без бороды. Маратик его сразу узнал.

– Я могу подтвердить, – сказал он павиану, – что Маратик меня пожалел и даже шапку под голову подложил, чтобы мне, убитому, не так жестко лежать было.

– Если так, – сказал тогда павиан, – то Маратик пускай отдыхает.

– Я спать хочу, – сказал Маратик.

Павиан передал его своей жене. Она взяла мальчика на лапы, прижала к теплой мохнатой груди, и Маратик заснул.

Катенька сначала бежала, но потом устала. Она хотела забраться в свою клетку, но клетка была заперта, а где ключ – неизвестно.

«Ну и пусть», – сказала Катенька и пошла к дому, где жил слон. «Спрячусь у него, – решила Катенька, – расскажу все слону, он мне поможет – мы вдвоем всех в зоопарке затопчем».

Пришла Катенька к слону, стала стучаться.

Слон спросил из-за двери:

– Кто меня будит?

– Это я, самая сильная в мире девочка, – сказала Катенька. – Пусти меня погреться, я тебе помогу потом всех людей затоптать.

– И не думай, – ответил слон. – Я с такими злыми детьми дела не имею. Мне даже стыдно за тебя.

Катенька взяла камень и долго била в дверь слону, пока рука не устала. Но слон даже разговаривать с Катенькой не захотел.

Тут Катеньке стало очень себя жалко. Ей хотелось спать, пить и есть. Спать на улице холодно, есть нечего, а попить можно в пруду. Катя дошла до пруда, наклонилась к воде, но тут к берегу подплыл лебедь и сказал:

– Уходи от нашего пруда. Уходи от нашей воды.

– Вода общая, – сказала Катенька.

– Она общая для нормальных детей, а ты заразная.

– Я не заразная!

– Ты нашу воду свинством и хамством заразишь.

Катенька заревела и решила: «Пускай я тогда утоплюсь! Никому я не нужна, и мне пускай никто не будет нужен».

Она как следует прыгнула – плюхнулась в воду и стала пробираться туда, где глубоко, чтобы утонуть и погибнуть.

Но не тут-то было.

В пруду проснулись рыбы, собрались толпой и стали выталкивать Катеньку из воды. Вытолкнули ее наружу, а там уже ждали лебеди и гуси. Они схватили Катеньку клювами за одежду и вытащили на берег. Бросили на берегу и уплыли.

Даже утопиться невозможно!

А тут еще, как назло, какая-то маленькая птичка села на ветку дерева над Катенькиной головой и стала спрашивать тонким голоском:

– Где здесь самая сильная и самая нахальная Катя? Покажите мне эту красавицу.

Катя хотела чем-нибудь швырнуть в птичку, но рука ее не послушалась. «Все равно, – подумала она, – я их всех накажу. Я сейчас заберусь на крышу самого высокого дома и кинусь с него вниз. Разобьюсь, и тогда они все будут плакать, но поздно. Меня уже не вернуть...»

«А кто же будет плакать? – спросил Катин внутренний голос. – Кого ты не успела обидеть? Да все будут смеяться и веселиться!»

Катенька посидела на берегу, дрожа от холода и голода. Она уже выплакала все свои слезы.

И поняла: единственное, что ей остается, это вернуться к павиану, взять у него Маратика и отвести его домой, к маме с папой.

И как только Катенька решила так, ей сразу стало теплее и лучше.

Она побежала, спотыкаясь от слабости, к клетке павиана.

– Маратик! – закричала она.

И тут поняла, что никакого Маратика в клетке нет.

Павианы, павианихи и павианчики просыпались с первыми лучами солнца, прыгали, возились, дрались, обнимались, ждали, когда их покормят завтраком. Даже не угадаешь, кто из них павиан Велосипед, а кто просто павиан.

– Маратик! – снова позвала Катя.

Но Маратика не было, а павианы не обращали внимания на Катю.

Катенька испугалась, что с Маратиком что-то случилось. Она уселась на землю возле клетки и стала дрожать.

Около нее остановился совсем молодой человек в длинном плаще, измазанном клюквенным соком. Из кармана плаща торчала борода, сделанная из мочалки.

– Что ты плачешь, девочка? – спросил он.

– Уйди ты! – огрызнулась Катенька. – У меня несчастье.

– Какое же у тебя, Катя, несчастье? – спросил молодой человек, который на самом деле был директором зоопарка Эдуардом Жито-Житинским.

– Маратик пропал!.. Они его, наверное, съели! – И она показала на клетку с павианами.

– А как же он попал в клетку? – удивился директор зоопарка.

– Его Велосипед взял. Он мне сказал, что Маратик у него спать будет. А теперь Маратика нет, понимаешь?

– Что же ты дальше собираешься делать? – спросил молодой человек.

– Дальше я собираюсь сидеть тут, пока не умру, – сказала Катенька.

– Ты хочешь к маме вернуться? – спросил молодой человек.

– Кому же еще я нужна?

– Так ты же самая сильная и самая отважная! – сказал директор.

– Я заразная, – ответила Катенька. – Меня никто не любит и никто не боится. Даже утопиться не дают.

– Пожалуй, – сказал директор, – если ты хочешь к маме, то я могу тебе помочь.

– Ой! – обрадовалась Катенька и вскочила на ноги. – А где Маратик? Мне же нельзя к маме без Маратика.

– Я думаю, что смогу тебе и в этом помочь, – сказал молодой директор. – Только я спрошу совета, правильно ли я поступаю?

Директор зоопарка громко спросил, ни на кого не глядя:

– Как вы думаете, друзья, отвести мне Катю к маме? Или она еще не поняла, что не права?

– Отведи, – сказала птица, которая сидела на ветке.

– Можно, все в порядке! – крикнули павианы.

– Давай веди, если что, я прослежу, – сказал из соседней клетки серый волк, а жираф покачал головой и добавил:

– Все-таки она еще ребенок.

Только верблюд Али-хан фыркнул и ничего не сказал.

Директор протянул Катеньке руку:

– Пошли. Я покажу тебе что-то.

Они вошли в дом, на двери которого было написано «Дирекция зоопарка». Внутри дома он открыл дверь с табличкой: «Директор зоопарка Эдуард Жито-Житинский».

Там была небольшая комната, в которой стояли диван, два стула, письменный стол и кресло. На столе – термос с горячим чаем, чашки с горячим молоком и плюшки.

А на стуле сидела Катина мама Прасковья Яковлевна с Маратиком на коленях. Маратик держал в одной руке чашку с молоком, а в другой плюшку. Он первым увидел сестренку и сказал:

– Заходи, попей молочка, ты замерзла, наверное.

– Ах, мама, мама! – закричала Катенька. – Я никогда больше не буду хулиганить!

Она подбежала к маме, мама ее поцеловала, дала чашку горячего молока и плюшку. Катя села на свободный стул и стала пить и есть.

Мама сквозь слезы сказала молодому человеку:

– Я вам так благодарна, так благодарна, Эдуард Иванович! Вы вернули мне детей и этим возвратили счастье.

– Ах, что вы, – ответил директор зоопарка. – Не стоит благодарности. Мы старались всем нашим небольшим дружным коллективом.

Катенька хотела было сказать, что даже перестарались, но подумала, что сначала она поживет дома, окончит школу, выучится всему, чему надо, а потом уж в самом деле станет самой сильной, вернется в зоопарк и всем им покажет, где раки зимуют.

Она спросила директора:

– Скажите, пожалуйста, а где зимуют раки?

– Раки зимуют у нас в пруду, – ответил директор, который все понял. Он потом засмеялся и попросил Прасковью Яковлевну: – Налейте мне, пожалуйста, немного молока, а то я не успел позавтракать.

А на стуле сидела Катина мама Прасковья Яковлевна с Маратиком на коленях.

Потом мама повела детей домой, директор проводил их до выхода, звери кивали им из клеток или махали лапами, но не говорили, потому что при людях звери не разговаривают.

На следующую осень Катенька пошла в школу и научилась читать и писать, выучила английский язык и географию. Она спешила скорее вырасти и все выучить, чтобы вернуться в зоопарк и тогда уже поговорить с директором серьезно.

Прошло много лет, прежде чем так и случилось.

Катенька пришла в зоопарк, поговорила с директором, потом они пошли в кино, а потом они поженились, Катенька работает в зоопарке начальником обезьянника, а ее братик Маратик скоро кончит учиться, но работать в зоопарк идти не хочет. Он собирается в Африку ловить павианов.

Кровавая Шапочка, или Сказка после сказки

От автора

Я люблю сказки, только одно мне не нравится: никогда не известно, что было раньше и что стало потом. Вот живет в лесу Баба-яга, костяная нога. А скажите, пожалуйста, где и почему она потеряла ногу? Может, под трамвай попала? Впрочем, какие могут быть трамваи в древнем лесу! Вернее всего, медведь ей ногу откусил. Или отморозила.

Может быть, вам, уважаемый читатель, приходилось читать сказку о Малыше и Карлсоне, который живет на крыше? Тогда скажите мне, пожалуйста, откуда этот шалун достал себе пропеллер? И как, простите, этот пропеллер крутится? На батарейках он у него, что ли?

Когда-то много лет назад мне пришлось прочесть в газете сердитую статью критика о том, что у сказочного ушастика Чебурашки нет роди-

телей и это очень плохо. Почему у него нет родителей? Может быть, он не любил своих родителей? Может быть, они его лупили и Чебурашка от них убежал? Но если убежал, то почему в ящике из-под апельсинов? Прав тот самый критик! Я хочу обязательно познакомиться с господином Чебурахом и госпожой Чебурахой, родителями Чебурашки. Правда, с родителями крокодила Гены вы можете меня не знакомить.

Если вы ответите на эти и многие другие вопросы, то прошу вас, скажите, где сейчас работает доктор Айболит? У моего котика болит живот, а я не знаю, по какому телефону мне разыскать знаменитого доктора.

Я много лет мучился такими вопросами, я вырос, окончил школу, немного даже состарился, но никто не смог мне ответить: откуда взялись и куда потом делись герои известных сказок?

И вот сегодня, отложив все дела, я решил написать сказку именно об этом. Может быть, я не прав и вы со мной не согласитесь. Зато я сам успокоюсь.

Глава первая
О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ПОШЛА К БАБУШКЕ

Лида играла с Аладдином в шахматы. Вообще-то Аладдин пришел к маме и принес ей показать ковры, которые только что прибыли из Персии, но мама еще спала на своем хрустальном ложе, и Лиде пришлось развлекать гостя.

Аладдин в шахматы играл плохо, потому что его никто этому не учил, и Лида ему нарочно поддавалась, чтобы не обижать. Ведь толстому взрослому торговцу коврами обидно, если его обыгрывает маленькая девочка Лида по прозвищу Красная Шапочка.

Красной Шапочкой Лиду прозвали из-за того, что ее бабушка всегда что-нибудь вязала, и, конечно же, больше всего она любила вязать для своей единственной внучки. Каждый раз, когда Лида к ней приходила, бабушка дарила ей новую вязаную красную шапочку с кисточкой на макушке. Чтобы не обижать бабушку, Лида ходила в красной шапочке – отсюда и прозвище.

– Слышала новость? – спросил Аладдин. – Вчера украли быка-чемпиона.

– Какого чемпиона?

– Он был самым большим быком в стране, его собирались отправить в Испанию на бой быков.

– Странные люди эти испанцы.

– Что же твоя мама не просыпается? – спросил Аладдин. – Ведь часы на башне уже пробили полдень.

– Извини, Аладдин, – отвечала Красная Шапочка, – но мама вчера допоздна пекла пирожки для бабушки, а потом смотрела телевизор. Но скоро уже обед, и мама проснется. Видишь, по улице идет наша соседка Василиса Премудрая и несет свернутую скатерть-самобранку?

– Ничего не понимаю! – сказал Аладдин. – Что общего между вчерашними пирожками и вашей соседкой Василисой?

– Ах, какой ты наивный, Аладдин! – воскликнула Красная Шапочка. – Скатерть-самобранка служит всему нашему кварталу. Она готовит обед по очереди во всех домах. По пятницам у Аленушки, по субботам у тети Шехерезады, по воскресеньям у Дюймовочки и ее мужа – стойкого оловянного солдата. Они, конечно, маленькие, но у них очень много детей и родственников.

– Все понял! – ответил Аладдин. – Сегодня среда – и ваша очередь!

Лидочка подставила Аладдину ферзя, чтобы он поскорее выиграл партию в шахматы, а сама побежала встречать тетю Василису и накрывать на стол.

Аладдин принялся разворачивать чудесные ковры, а в доме зазвенели серебряные и хрустальные колокольчики – это Красная Шапочка включила волшебный будильник, который своими звуками дарит хорошее настроение. Даже школьник, проснувшись от колокольчиков такого будильника, спешит скорее в школу с превеликим удовольствием.

В ответ на звон будильника из спальни донесся счастливый смех Лидиной мамы.

– Лида! – позвала мама. – Иди ко мне, моя крохотулечка, я тебя поцелую.

Красная Шапочка побежала к маме в спальню.

Спальня мамы была похожа на большую пещеру, освещенную различными лампами и фонарями. Посреди нее стояло хрустальное ложе, на нем, вся в кружевах, нежилась Лидочкина мама, бывшая Спящая Красавица. Маму давно уже отыскал и поцеловал принц, который на поверку оказался вовсе не принцем, а известным моряком и путешественником Синдбадом-мореходом. Его раскладушка стояла рядом с маминым хрустальным ложем. Дело в том, что Лидочкин папа Синдбад не любил спать на хрустале. Но сейчас раскладушка пустовала, потому что Синдбад уплыл открывать Америку.

Мама расцеловала Лидочку и спросила:

– А что у нас на завтрак?

– Обед сегодня готовит скатерть-самобранка, – напомнила Лидочка, и мама расстроилась:

– Ах, опять эта скатерть! У нее совсем нет воображения! Опять придется есть омаров, лангустов, семгу, лососину и суп из акульих плавников!

– Что же делать, мамочка, – сказала в ответ Красная Шапочка, – раз на нашу долю выпал самобранкин рыбный день. Но она старается и в прошлый раз сделала карпа в сметане.

– Вот именно! – Спящая Царевна расстроилась и хотела было снова лечь спать, но тут Лида сказала:

– Мамочка, там тебя ждет Аладдин. Пришел караван из Персии и привез новые ковры.

Мама тут же забыла о своих бедах и крикнула:

– Лида! Удержи его любой ценой! Я должна посмотреть на ковры!

Мама была одета, причесана и умыта в пять минут. Лидочка даже не успела накрыть на стол, как мама уже велела развернуть ковры и принести кашемировые шали.

Пока мама рассматривала товары, Лида стала собираться в дорогу. Она положила в корзиночку пакет с пирожками, три мотка шерсти, которые бабушка просила купить на рынке, книжку с картинками, чтобы почитать бабушке вслух, и компас, чтобы не заблудиться в лесу.

Потом Красная Шапочка надела красную шапочку и попрощалась с мамой и Аладдином.

Аладдин пожелал Лидочке счастливого пути, а мама сказала:

– Чтобы вернуться до темноты! А то, говорят, в лесу волк объявился. – И тут же легкомысленная мама обернулась к Аладдину: – Почему я не вижу настоящих больших ковров?

– Прости, госпожа, – ответил Аладдин, – но ты же знаешь, что мой джинн ушел на пенсию, и мне самому приходится таскать по городу товары.

– А ты не жадничай, старый плут, – сказала мама. – С твоими богатствами ты можешь нанять сто носильщиков. Не зря же джинн у тебя столько лет служил.

Мама была знакома с Аладдином с детства, и они дружили, хотя часто ссорились, потому что Аладдин стал богатым торговцем, а мама не любила тратить деньги.

Больше Лида этот разговор не слушала, а отправилась в лес.

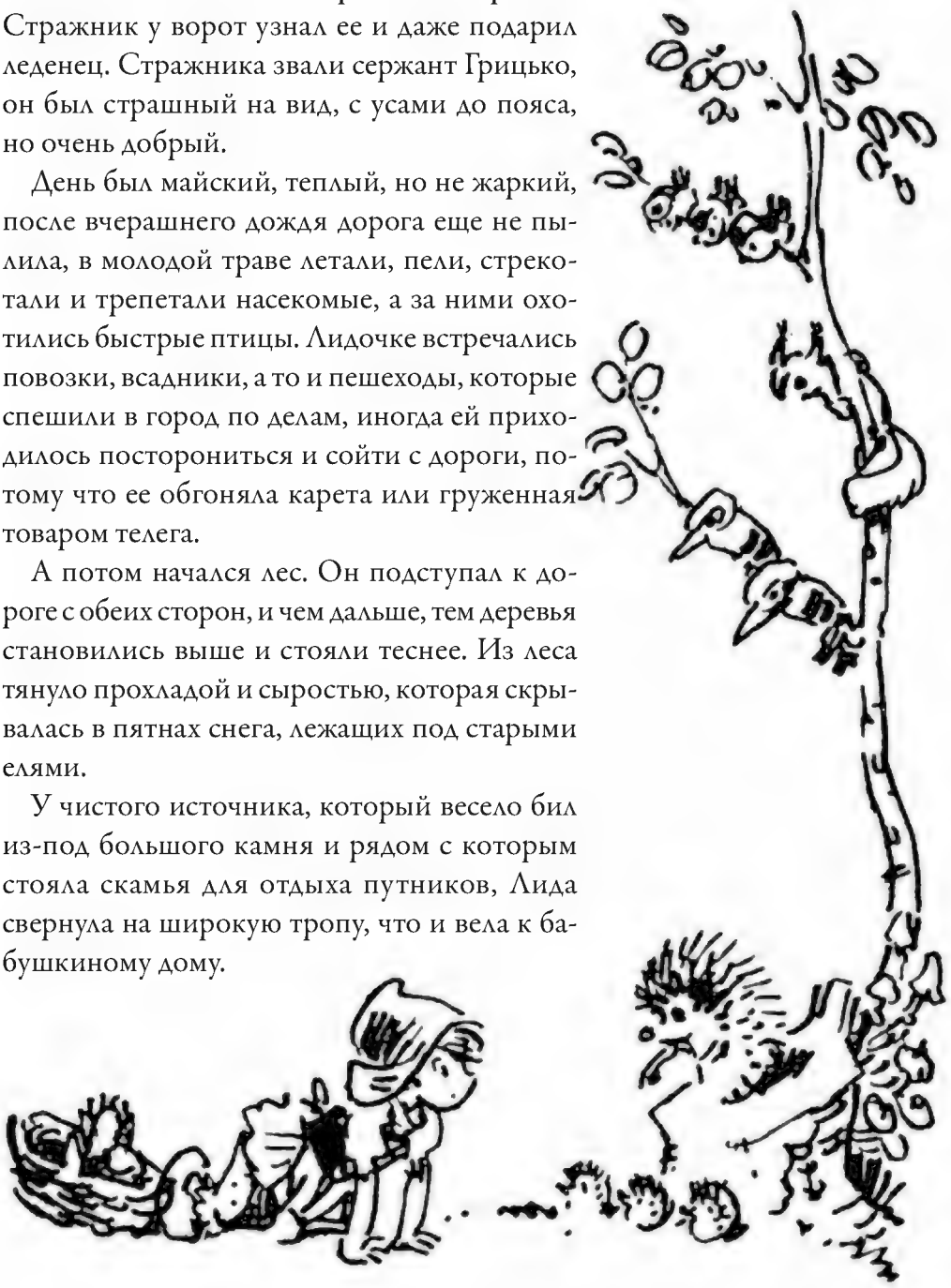
Лида прошла по узкой тенистой улице, где стоял их дом, миновала шумную ба-

зарную площадь, обсаженную цветущими каштанами, обошла дворец и мимо городского сада выбежала к городским воротам. Стражник у ворот узнал ее и даже подарил леденец. Стражника звали сержант Грицько, он был страшный на вид, с усами до пояса, но очень добрый.

День был майский, теплый, но не жаркий, после вчерашнего дождя дорога еще не пылила, в молодой траве летали, пели, стрекотали и трепетали насекомые, а за ними охотились быстрые птицы. Лидочке встречались повозки, всадники, а то и пешеходы, которые спешили в город по делам, иногда ей приходилось посторониться и сойти с дороги, потому что ее обгоняла карета или груженная товаром телега.

А потом начался лес. Он подступал к дороге с обеих сторон, и чем дальше, тем деревья становились выше и стояли теснее. Из леса тянуло прохладой и сыростью, которая скрывалась в пятнах снега, лежащих под старыми елями.

У чистого источника, который весело бил из-под большого камня и рядом с которым стояла скамья для отдыха путников, Лида свернула на широкую тропу, что и вела к бабушкиному дому.



Сначала, пока тропа была широкой и утоптанной, Красной Шапочке нередко встречались птицы и звери, некоторые из них – старые знакомые. Ежиха Лукерья поджидала около пня, чтобы представить Лиде своих малышей, которых родила всего месяц назад; два близнеца-дятла с красными макушками, которые считали себя из-за этого братьями Красной Шапочки, попросили ее быть судьей их соревнования: кто быстрее проклюет осинку до середины? Но Лида не согласилась ждать.

За поворотом, где тропинка раздваивалась, Лиде встретилась молоденькая фея, которая сказала:

– Красная Шапочка, может быть, мне тебя проводить?

– Почему, добрая фея?

– Говорят, в лесу объявился Серый волк. Это очень опасное животное.

– Но волки никогда не нападают на людей днем, да еще в одиночку, – возразила Лида.

– Значит, ты не боишься?

– Совсем не боюсь.

– А я очень боюсь, – сказала фея и спряталась в цветущем сиреневом кусте.

Теперь тропинка стала совсем узенькой. По ней мало кто ходил.

Но Лиде эти места были знакомы, и обитателей леса она знала не первый год. Это не значит, что Красная Шапочка со всеми дружила. Например, старого лиса она просто не выносила, такой он был хитрый и нечестный. И сороку она не очень любила, потому что сорока всегда врала и сплетничала. А медведей – всю эту семейку – она избегала: они глупые, невежливые и привыкли быть самыми сильными – медведю ничего не стоит толкнуть тебя так, что ты в кусты улетишь и руку сломаешь. А он при этом будет стоять и рычать от радости.

Впереди стало светлее. Лида вышла на поляну, посреди которой стояла избушка на курьих ножках – здесь жила Баба-яга, но сейчас ее не было дома: наверное, как всегда, улетела в ступе в гости к лешему, который жил в соседнем лесу.

Окна в избушке были закрыты ставнями, и печка не топилась.

Лиде бы пройти мимо, но вдруг ей захотелось проверить, работает ли избушка, когда Бабы-яги нет дома.

– Избушка, избушка, – попросила она ласковым голосом, – встань, пожалуйста, к лесу задом, а ко мне передом.

– Избушка, избушка, – попросила она ласковым голосом, – встань, пожалуйста, к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка громко заскрипела и покачала крышей – видно, хотела бы повернуться, но не смогла.

– Ну ладно, – сказала Красная Шапочка. – Я не настаиваю.

Она пошла было дальше, но тут оглушительный треск заставил ее в страхе остановиться и оглянуться. Оказывается, избушка все же повернулась, но не вся, а только ее верхняя часть – куриные ножищи остались на месте, крепко вцепившись когтями в землю, зато бревна поехали в сторону, дверь выскочила из рамы и полетела в кусты, окошки упали на траву, черный кот выскочил через трубу – и вовремя, потому что труба рассыпалась на кирпичики, соломенная крыша улетела облаком в неизвестные края, белая печка съехала на землю, с трудом пробралась между куриными лапами, открыла свой рот, и оттуда выехал горшок с пшенной кашей. Печка сказала:

– Отведай каши, доченька.

Но тут с неба с криком и гамом опустилась целая туча ворон, они подхватили горшок за края и подняли в небо.

Все, что стояло, лежало на лавках и на столе, в углах избы и в сенях, – все разлетелось по поляне.

– Ой! – сказала Лидочка. – Я этого не хотела!

Она была очень расстроена, и хитрый черный ворон, который жил в избе на печке, а теперь остался без дома, закричал страшным голосом:

– Прячься, Красная Шапочка! Баба-яга летит! Вот она тебе покажет!

Красная Шапочка и в самом деле не была виновата, но чувствовала себя виноватой. Так что неудивительно, что она кинулась к сундуку, который стоял посреди этого разорения, и открыла его, чтобы спрятаться.

Тогда ворон захохотал:

– Я пошутил! Я пошутил!

– Не верь ему, – сказала яблонька, которая росла рядом, – он же известный враль. Ему человека напугать – самое главное удовольствие.

Лидочка перестала бояться, но очень удивилась, потому что в сундуке лежали большие бычьи рога, копыта и хвост.

Лидочка сразу вспомнила о сером быке, о котором рассказывал толстый Аладдин. Его хотели отправить в Испанию на бой быков, а он пропал. Вот, оказывается, куда он делся! Неужели Баба-яга сожрала целого быка? За ней такого раньше не водилось. Ну сожрет ягненка, ну, мальчонку

поймает, сварит, если он не успеет убежать, но чтобы быка – такого еще не бывало!

– Не подглядывай! – прошипел черный кот. – А то сама туда угодишь.

– Не нужны мне ваши тайны, – обиделась Лидочка. – Я только хотела в сундук посуду сложить, пока еще не растащили.

– Сами сложим, – сказали хором черный кот и черный ворон, а вороны в стае, которые кружили над головами, так рассмеялись, что уронили горшок с кашей прямо на голову черному коту.

Тут поднялся такой визг, что Лидочка поспешила уйти подальше.

Лес становился все гуще и темнее. Колючие ветви елей смыкались над головой, травы в лесу почти не было – она не могла пробиться сквозь толстый слой иголок, только кое-где поднимались бледные поганки и оранжевые мухоморы.

Тропинка вела мимо небольшого озера. В нем жил старенький водяной. Лидочка всегда приносила ему

чего-нибудь вкусненького. Но на этот раз забыла взять подарок, и, когда из воды показалась голубая лысая голова водяного, увешанная зелеными водорослями, как будто на нее вывалили целую кастрюлю зеленых макарон, Лидочка даже ахнула от ужаса:

– Ну как же я забыла! Прости, дедушка.

– Неужто не принесла?

– Забыла.

– Даже лягушку не принесла?

– И лягушку не принесла.

– И даже окунька не принесла?

– Хочешь пирожок?

– А с чем пирожок? – Водяной заранее распахнул свой лягушачий рот без зубов.

– С клубникой и сливами, – сказала Лидочка.

Водяной так рассердился, что пустил в Лиду фонтан холодной воды, – она еле успела отпрыгнуть в сторону.

– Ты гадкая, отвратительная, злая девчонка! – захлюпал водяной. – Твоя жадность тебя погубит! Я хотел открыть тебе важную тайну, а теперь не открою – погибай как хочешь!

И с этими словами похожий на пузырь злой водяной опустился под воду – только круги по озерцу пошли.

Лидочка огорчилась. Ей было неловко, что она обманула водяного. Никто в лесу не любил это чудовище, одна Красная Шапочка его жалела – ну легко ли быть таким уродливым и к тому же обреченным всю жизнь сидеть в озере, куда и лягушки редко запрыгивают?

Красная Шапочка шла дальше и думала: зачем же водяной ей угрожал? Он ведь очень глупый и не умеет придумывать никаких гадостей или радостей. Если он сказал, что знает какую-то неприятную тайну, значит, знает. А почему Лидочка может погибнуть?

Лес вокруг молчал, словно не хотел ничего отвечать печальным мыслям Лидочки. Словно все там – и деревья, и белые цветы ландыша, и круглые листочки заячьей капусты, и сморчок, который вылез из прошлогодней листвы на небольшой прогалине у озера, – все что-то знали, но таились. Как же так? Лидочка всегда думала, что лес добрый, ласковый и со всеми в лесу можно договориться...

А оказывается – не так. И водяной ей грозит, и черный кот злится...

С такими печальными мыслями Лидочка дошла до бабушкиного дома.

Глава вторая
О ТОМ, КАК ВМЕСТО БАБУШКИ КРАСНАЯ ШАПОЧКА УВИДЕЛА СЕРОГО ВОЛКА

Бабушкин дом стоял на пригорке, справа от него был небольшой огород, слева – сад. И сад и огород были запущенными. Хоть весна и в полном разгаре – капуста не посеяна, картошка не посажена, яблони не обрезаны...

Ну вот, сказала себе Красная Шапочка. Типичная бабушка!

Когда-то, давным-давно, когда Красной Шапочки еще не было на свете, бабушка была совсем молоденькой, и жила она в этом доме вместе со своим папой, но без мамы, потому что мама умерла. И жили там еще мачеха, то есть новая папина жена, и две ее дочки, которые, по словам бабушки, отличались гадким характером и всегда бабушку угнетали. Бабушку заставляли работать по дому, перебирать горох, мыть посуду, подметать полы – в общем, делать все, что и полагается делать в доме послушной девочке. Наверное, бабушка бы и не обижалась, но две ее новые сестры полов не подметали, горох не перебирали, суп не варили, а только читали книжки и смотрели телевизор, который тогда только-только изобрели.

Конечно, нормальный отец навел бы в доме порядок – цыкнул бы на новых дочек да на новую жену и разделил бы горох и полы поровну между молодыми особами.

Но папа, надо сказать, обожал свою новую жену – иначе бы никогда не взял к себе в дом женщину с двумя взрослыми детьми.

Говорят, что новая жена отличалась замечательным здоровьем, красивым лицом, крепкими руками и ногами и такими замечательными волосами цвета воронова крыла, что на них приезжали полюбоваться гости из других стран.

Так что из любви к новой жене папа не обращал внимания на то, как угнетали его дочку, и даже думал, что это пойдет ей на пользу – пускай приучается к труду. А когда он услышал, что его дочку, настоящее имя которой было Августина, прозвали Золушкой, он только улыбнулся грустной улыбкой и пошел полюбоваться тем, как его новая жена причесывает свои чудесные волосы.

Многие знают, чем кончилась эта история: однажды принц сказочной страны решил жениться и вызвал к себе на бал всех девиц королевства. Ну, как и положено, дочки новой жены отправились на бал, а Золушка перебирала горох. К ней заглянула добрая фея, которая жила по соседству, пожалела ее и превратила тыкву в карету, а мышей, если не ошибаюсь, в коней. И велела ей ехать на бал, а к двенадцати быть дома, а то волшебство закончится и она окажется посреди дороги в тыкве, запряженной мышами.

Как известно, принц потанцевал немного с неизвестной молоденькой красавицей, потом они спели на два голоса кантату композитора Баха, и принц влюбился в Золушку до полусмерти, а когда она убегала, чтобы успеть домой до окончания волшебства, он подобрал ее хрустальный башмачок и стал искать по этой вещи свою будущую жену точно так, как собака ищет потерянную кость, обнюхивая каждый подозрительный угол.

Только не надо думать, что принц был таким уж идиотом, что послал солдат на поиски исчезнувшей девушки, а сам сидел дома и занимался фехтованием.

Разумеется, он переоделся солдатом и вместе со своей командой ходил из дома в дом, надеясь увидеть Золушку. Ведь размеры обуви совпадают у красавиц и у дурнушек. И если ты объявил всенародно, что женишься

на девушке, у которой размер обуви тридцать три с половиной, – то тебе могут подсунуть настоящую каракатицу с таким размером ноги, и ты потом всю жизнь не простишь себе такого легкомыслия. Так что, прежде чем принц отыскал Лидочкину бабушку, он отверг более ста двадцати других девушек, которым туфелька Золушки была впору. И от этого происходили душераздирающие сцены. Только какой-нибудь девушке хрустальная туфелька окажется впору, как принц, переодетый солдатом, вдруг заявляет:

– Нет, туфелька мала!

– Как так мала, как так мала? – кричат родители.

– Впору, впору, я та самая! – кричит бедная девушка.

– Мы будем жаловаться господину полковнику! – угрожают родители.

Но солдат-принц уже поворачивается и топает прочь, а его помощники отбирают у рыдающей девушки хрустальный башмачок и идут пить пиво и обедать, прежде чем отправиться в следующий город.

А в доме Золушки – многие об этом знают – все чуть было не кончилось трагически. Сводные сестры Золушки уж собирались рубить себе пальцы ноги, потому что их ноги были сорокового размера, а их прекрасная мама тоже решила попытать счастья и поменять папу Золушки на сына короля, но у нее ничего не вышло... И тут принц услышал, как из кухни доносится обожаемая им кантата композитора Баха, которую они на два голоса пели с Золушкой именно в ту памятную ночь.

– Она! – закричал принц.

– Так рубить пальцы или не рубить? – спросили сестры.

– Как хотите! – откликнулся принц. – Но я-то свою суженую уже отыскал!

Эта история кончилась свадьбой. Золушка, которую стали называть принцессой Августиной, переехала жить во дворец, а ее родственницы быстро примирились с поражением, потому что и им нашлось место во дворце. К сожалению, в мачеху Золушки влюбился герцог Синяя Борода. Мачеха покинула папу, папа очень переживал, а мачеху Синяя Борода, как известно, вскоре зарезал, потому что она совала нос куда не положено. Сводные сестры Золушки вышли замуж за графов и были несчастливы, потому что графы все время сражались за рубежами своей страны. И сводным сестрам было скучно.

Не всегда следует разузнавать, что случилось после сказки. Кончилось, вот и хорошо. А как только задумаешься, что же было после ее конца, можешь увидеть то, чего и видеть не хочется.

Но раз уж мы сюда попали, останавливаться поздно. Придется рассказывать дальше.

А дальше принц стал королем и, как положено королю, задумал большую войну с соседями, чтобы отнять у них Коровий лужок, речку Свинюху и выпрямить границу до самого Щенячьего брода.

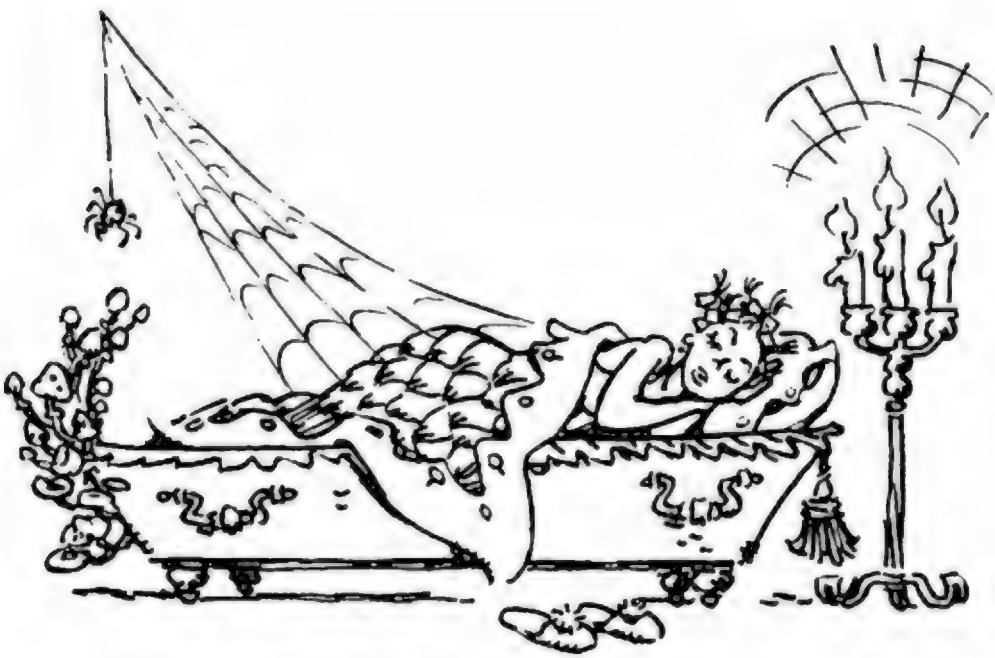
В отчаянных боях и сражениях король потерял большую часть армии, половину королевства, включая Свинячий лужок, речку Коровюху, и граница сдвинулась до самого Кошачьего брода. В схватке у этого брода погибли оба графа и оста-

вили Золушкиных сестер вдовами. А сам король попал в плен к врагам и был заточен в Замок, где и томится до сих пор. Лишь раз в год бывшей Золушке – королеве Августине разрешают передать ему посылку с фруктами и конфетами.

А также вышитый платочек для вытирания скупых мужских слез.

За это время младшие братья короля передрались между собой, один из них захватил власть и выгнал из дворца королеву Августину, бывшую Золушку. В это трудно поверить, но так бывает в жизни. Забрав с собой хрустальные туфельки и кое-что из одежды, бывшая королева вернулась домой. Затем приехали и сестры – теперь уж Золушка была здесь главной. Она воспитывала свою дочку, а сводные сестры ей помогали и вели хозяйство. Если надо было перебрать горох или прополоть тыкву – уж можете быть спокойны: Золушка только приказывала, а растолстевшие и постаревшие сестры носились по дому, как деловитые мышки...

Годы шли, никаких особенных событий не происходило, только в день, когда Золушкиной дочке Лукреции исполнилось шестнадцать лет, на этот праздник забыли пригласить одну из тамошних волшебниц, и она подсунула девушке заколдованное яблочко. Лукреция откусила кусочек



и заснула вечным сном. Правда, та самая добрая фея, которая когда-то давала Золушке на бал хрустальные туфельки и превращала тыкву в карету, сказала:

– Не беспокойтесь, пускай заколдованная принцесса поспит в хрустальном гробу, пока не появится принц и не поцелует ее. Тогда она очнется и придет в себя.

Золушка и ее сводные сестры отвели в доме специальную комнату для хрустального гроба, в котором спала принцесса Лукреция. Порой сюда заглядывали принцы, соблазненные слухом о такой романтической истории, и готовы были поцеловать беспомощную принцессу – ведь каждому принцу хочется поцеловать хорошенькую беспомощную принцессу.

Но мама Золушка и ее сводные сестры никогда не дозволяли незнакомым сомнительным принцам целовать девушку без свидетелей. А при свидетелях те целоваться не желали.

И неизвестно, как бы кончилась эта история, но как-то к ним в дом попал известный путешественник по имени Синдбад-мореход. Он узнал о Спящей красавице и решил поцеловать ее так, чтобы ни мама, ни тетки этого не увидели. Он оставил свой корабль на ближайшей речке, а сам дождался глубокой ночи, перелез через забор, оттуда в окно второго этажа, нащупал гроб, зажег взятую с собой свечку и при ее свете решил, что невеста ему подходит. Она была белокурая, розовощекая, мягкая и сдобная. Синдбад-мореход задул свечку, чтобы она ему не мешала, откинул крышку гроба и принялся целовать принцессу изо всех сил. Принцесса проснулась, сначала испугалась и хотела позвать на помощь, но вскоре ей так понравилось целоваться с Синдбадом-мореходом, что она до самого утра никого не позвала на помощь.

Потом Синдбад и принцесса Лукреция поженились, и у них родилась Красная Шапочка. И ее назвали Лидочкой.

А сводные сестры Золушки вышли замуж за купцов, которые приплыли с Синдбадом на корабле. С тех пор одна из них живет в Исфахане, а вторая в Алма-Ате, это очень далеко, и потому огород и сад Золушки пришли в полное запустение.

Все эти сказки по отдельности многим знакомы, но мало кто догадывается, что Золушка – мама Спящей красавицы, а Спящая красавица – мама Красной Шапочки, да притом жена Синдбада-морехода. А Красную Ша-

почку на самом деле зовут Лидочкой, и она понесла через лес пирожки с клубникой, которые ее мама испекла для бабушки, то есть для бывшей Золушки.

Честно говоря, Лидочка без особой радости ждала встречи с бабушкой. Это не значит, что она ее не любила. Она любила свою бабушку, но ей очень надоело слушать одну и ту же сказку про бедную девушку, которую угнетали бессердечные родственники и не взяли на бал, но одна добрая фея ее пожалела и дала ей карету-тыкву, и мышей, и платье, и туфельки, и бабушка, то есть девушка, поехала на бал... Да вы разбудите Красную Шапочку среди ночи – она вам эту сказку расскажет слово в слово.

С грустью думая о том, что придется сейчас пить чай с пирожками и слушать сказку, Красная Шапочка вышла из леса и подошла к калитке.

Калитка была приоткрыта. Красная Шапочка прошла по дорожке между запущенных грядок и клумб, на которых разрослись крапива и чертополох, и подошла к двери в старый, послуживший еще прадедушке бревенчатый дом.

Она позвонила в дверь.

Ей долго не отвечали. Красная Шапочка уж хотела обойти дом сзади и войти через кухню, как издалека послышался голос:

– Кто там?

– Это я, Красная Шапочка!

– Заходи, внучка! – отозвался далекий голос, совсем непохожий на голос бабушки.

Лидочка вошла в дом.

В доме был страшный беспорядок, словно целая компания невоспитанных детей соревновалась в том, кто больше разобьет ламп и выпотрошит подушек.

Красная Шапочка очень удивилась.

– Бабушка, ты где? – спросила она.

– Здесь! – Голос был странный – сразу и грубый и тонкий, но только не бабушкин.

Красная Шапочка открыла дверь в спальню бабушки и вошла в нее.

Бабушка занимала ту же спальню, что когда-то ее папа и мачеха, и спала на громадной квадратной кровати, на которой можно было бы уложить

– А почему у тебя такие большие уши? – поинтересовалась тогда Красная Шапочка, не подходя близко к кровати.

двадцать таких девочек, как Красная Шапочка, да еще осталось бы место для трех велосипедов.

Красная Шапочка остановилась в дверях и глазам своим не поверила: на бабушкиной кровати лежала вовсе не бабушка, а громадный волк, одетый в бабушкин ночной чепец, в бабушкиной ночной рубашке и бабушкином халате, из рукавов которого по локоть торчали серые лапы, которые заканчивались большими папиными рукавицами, в которых он обычно рубил дрова.

– Ну что ж, здравствуй, внучка! – сказал Серый волк, прикрывая рукавицей пасть. Начало фразы получилось басовитым, а конец прозвучал тонко, словно говорил не волчище, а комар.

– Здравствуй, бабушка, – сказала Красная Шапочка.

– Чего же ты на меня так смотришь? – спросил Серый волк.

Нет, таких больших волков не бывает, подумала Лидочка. А вслух спросила:

– Что это у тебя, бабушка, такой странный голос?

– А я простудилась, девочка.

– А почему у тебя такие большие уши? – поинтересовалась тогда Красная Шапочка, не подходя близко к кровати. Она никак не могла сообразить, что это за маскарад.

– Чтобы лучше тебя слышать, внученька, – сообщил волк.

– А почему на тебе черные очки, бабушка? – спросила Красная Шапочка.

– Что-то конъюнктивит замучил, – пискнул волк.

– Нет, мне все это не нравится, – сказала Красная Шапочка.

– А ты спроси, спроси, – сказал волк. – Спроси, почему у меня такие большие зубы?

– Знаем, – ответила Лидочка. – А ты мне скажешь: чтобы тебя съесть.

– А ты все-таки спроси!

– Ну хорошо! Почему у тебя такие большие зубы?

– Чтобы съесть тебя, Красная Шапочка! – взревел волк и стал выпутываться из одеяла и из бабушкиного халата.

И пока он выпутывался, Лидочка на всякий случай выскочила из спальни, выбежала в сад и остановилась, потому что не знала, что же делать дальше.

Глава третья
О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА СПАСАЛА БАБУШКУ ОТ СЕРОГО ВОЛКА

Лидочка выбежала в огород и попыталась скрыться в капусте, но в этот момент сверху донесся вопль:

– Здесь она! Лови ее! Я вижу Красную Шапочку!

Бабушкин дом содрогнулся – видно, волк все еще не выпутался из одеяла и халата. Но вот он показался в дверях и начал медленно протискиваться наружу.

Чепец сбился набок, зубы бабушка-волк прикрывал лапой.

Лидочка подобрала юбку и кинулась наутек, несмотря на то, что Баба-яга все норовила спикировать на нее в деревянной ступе. Корзинку с пирожками она потеряла по дороге, это, может, ее и спасло, потому что жадная Баба-яга кинулась за пирожками, а волк, которому надо бы презирать пирожки, тоже на них накинулся, опрокинул Бабу-ягу, ее ступа раскололась, и между негодяями начался отчаянный спор, который Лидочка не без интереса слушала, спрятавшись в кусте сирени.

– Ты что отвлекаешься? – рычал волк. – Ты мне ее выследи – мне одной бабки мало!

– А ты меня не учи, шкура паршивая! – кричала в ответ Баба-яга, ковыляя вокруг треснувшей ступы. – Как я теперь летать буду? Теперь меня любая ворона обгонит!

Баба-яга взяла пирожок и кинула его в пасть, в которой торчал один желтый зуб.

А из открытой пасти волка вдруг высунулась тонкая маленькая рука – глазам не поверишь, но это так! – схватила другой пирожок, спряталась вместе с добычей внутри волка, и оттуда донеслось чавканье.

– Осторожнее, – предупредила Баба-яга, – а то она еще увидит.

– Не увидит, – сказал волк тонким, знакомым Лидочке голосом, – она уже убежала в самую чащу, сидит там и дрожит.

Снова из волчьей пасти показалась ручонка, и снова пирожок исчез внутри волка.

Все было ясно! Никакой это не волк, а кто-то в очень большой волчьей шкуре.

Но если это кто-то небольшой в волчьей шкуре, то ему никак не скушать бабушку, которая женщина сама по себе крупная, можно сказать, толстая и далеко не каждому волку по зубам. Ну, может быть, нильский крокодил бабушку проглотит. Или змея анаконда – но далеко не всякая. А вот обыкновенному, даже очень большому волку, это не под силу, если на самом деле он внутри не пустой, а там сидит какое-то человекообразное существо и высовывает наружу ручку за маминым пирожком.

– Все! – сказала Баба-яга, вытирая губы грязным платком, который вытащила из кармана юбки. – Я полетела искать Красную Шапочку.

– Слушай, – ответил детский голосок из волка. – А может, обойдемся бабушкой? Ты прилетишь к ним домой и скажешь ее мамаше: «Отдай мне товар! А то Золушке не жить на свете!»

– Нет уж, лучше ты сам приходи к ее мамаше – а то она в меня кастрюлей запустит!

Лидочка давилась от смеха. Негодяи, которые задумали такое злодейство, боялись Лидочкину маму – самую безобидную маму на свете!

Смешно-то, смешно, но где бабушка? А должна ли она, Лидочка, бояться Серого волка? И что нужно этим злодеям в лесу?

Пожалуй, лучше всего возвратиться домой и рассказать обо всем маме. Она придумает, как помочь бабушке.

Решив так, Лидочка побежала через лес.

В одном месте ей пришлось отпрыгнуть в сторону и спрятаться в кустах, потому что ее обогнала странная пара: Серый волк, бегущий совсем не по-волчьи, и Баба-яга, которая кое-как летела над ним в треснувшей ступе.

Как только погоня исчезла из глаз, Красная Шапочка побежала дальше, но вскоре ей снова пришлось остановиться. Впереди раздались крики.

Осторожно выглянув из-за соснового ствола, Красная Шапочка уви-

дела, как Баба-яга носится по поляне вокруг своей разрушенной избушки, за ней бегает черный кот и летает черный ворон. И вся эта компания кричит, перебивая друг дружку.

– Это кто сделал? – кричала Баба-яга. – Кто разрушил мою крепость? Дом моих славных предков? Кто предательски напал, когда меня не было дома? Где была охрана? Чем она занималась?

– Это все она! – пытался объясниться черный кот. – Она ка-ак навалится!

– Кто?

– Это Красная Шапочка! – отвечал ворон. – Она как стукнет – и притом совершенно неожиданно.

– Предательски! – мяукнул кот.

– Из-за угла! – каркнул ворон.

– И что, голыми руками? – удивилась Баба-яга. Она вылезла из ступы и заковыляла вокруг руин своей избушки.

– Их целая компания была! – закричал черный кот.

– У нее пушка была! – закаркал ворон.

– Ой, моя бедная избушечка! – причитала Баба-яга. – Ой, мое сокровище! Мои славные предки положили все силы и средства, чтобы соорудить это чудо архитектуры, эту вавилонскую башню, эту египетскую пирамиду... Она вознеслась своими шпилями выше облаков и доставала золотой крышей до самого солнца. О, славные тени деды-яги, прабабки-яги,

прапрабабки-яги – где вы! Обрушьте на голову этой негодяйки все свои страшные проклятия!

Тут Баба-яга устала кричать и бегать по полянке и уселась на сундук.

– Рассказывай, – приказала она хрипло коту, – как дело было?

– Она ей велела – повернись, велела, к лесу задом, а ко мне передом.

– Хулиганка! – крикнул ворон.

– А изба?

– А изба стала было поворачиваться, а я ей приказал: «Не смей вертеться, когда хозяйки нет дома!»

– Молодец. А она?

– А она сверху повернулась, а снизу не повернулась. Вот и рассыпалась.

– Значит, это ты виноват, что под руку избушке говорил!

– Он! – закричал ворон. – Он самый.

Баба-яга кинулась было за котом, да, видно, возраст не тот, и резвости не хватило. Кот вскарабкался на сосну, по дороге наподдал лапой ворону, который хотел его схватить, и закричал сверху:

– Твою избушку давно ремонтировать пора! Если бы ветер посильнее подул, она бы и без Красной Шапочки рассыпалась.

Эти невежливые слова настолько разозлили Бабу-ягу, что она ударила костяной ногой ближайший к ней предмет, а ближайшим предметом

оказался сундук. Сундук опрокинулся, из него вывалились рога и копыта серого быка, и Серый волк, который до того смотрел на этот скандал спокойно, страшно рассердился и тоже начал кричать.

– Ты зачем раскидываешь улики по всему лесу! – кричал он.

– Это не улики, а рога! – кричал кот, который не знал, что значит слово «улика». – Мы одного быка съели, вот от него и остались только рожки да ножки.

– Это кто же быка съел? – спросила сорока, сидевшая на верхней ветке сосны – подальше от сражения.

– Я сам съел, лично! – заявил кот. – Догнал, растерзал и съел.

Сорока захохотала, все думали, что Баба-яга рассердится, а Баба-яга вместо этого сказала:

– Молодец, мой котик, сильный, умненький, быков кушает. Он у меня часто быков кушает. А иногда и медведя задерет!

– Ой! – испугался ворон.

– А на днях, говорят, ездил в Африку и там слона скушал, правда, котик?

– Скушал, скушал! – Кот пошел по поляне, высоко подняв облезлый хвост. – А кто такой слон?

– Это крыса, только с длинным носом, – сказал тонкий голосок изнутри волка.

Красная Шапочка, которая следила за всей этой сценой из кустов, заметила, что ни кот, ни ворон совсем не боятся Серого волка. Значит, они отлично знают, что этот волк ненастоящий. И у нее уже не оставалось никаких сомнений, что вся эта компания зарезала быка, а из его шкуры сшила чучело волка, засунула в чучело неизвестного Лидочке негодяя... Но зачем, зачем? И где же бабушка? Загадка оставалась неразгаданной.

Поэтому Красная Шапочка не стала ждать, пока злодеи выяснят отношения, а побежала скорее домой, чтобы предупредить маму и позвать на помощь.

Но не тут-то было! Черный ворон увидел ее и полетел низко, норовя ее клюнуть, кот догнал и прыгал вокруг, чтобы исцарапать, – хорошо еще, ступа Бабы-яги была в неисправности и не могла лететь как следует. Иногда она взмывала над вершинами деревьев, и тогда до Лидочки доносился вопль:

– Догоню! Я вижу тебя, разрушительница домов! Хулиганка!

Недалеко от развилки, за которой начиналась широкая дорога к городу, стояла цветущая яблоня. Именно к ней и подбежала Лидочка.

– Яблонька, а яблонька! – взмолилась она. – Спрячь меня от погони!

– Видишь ли, – ответила яблонька, – ветви мои гнутся от тяжелого груза яблок, и некому сорвать их. Вот сорвешь с меня яблоки, укрою тебя от погони.

– Яблонька-яблонька, – сказала тогда Красная Шапочка. – Но ведь сейчас всего-навсего май месяц, и яблок на тебе нет, а есть только цветы, которые рвать нельзя, потому что именно из них и получаются яблоки.

– Если нет яблок, то тогда тебе нечего рвать, – сказала яблоня, – а бесплатно я никого не укрываю. А то укроешь, а они за это все ветки обломают.

Больше Лидочке некогда было спорить с яблонькой, которая совсем не умела думать, но неподалеку она увидела между корней гигантской сосны дверь в подземное жилище гномов.

– Простите! – закричала она, стучась в дверь. – Вы не спрячете меня от погони?

В двери приоткрылся «глазок», и оттуда выглянула добрая гномиха, которая много раз бывала у Лидочки в гостях, да и сама любила угостить Красную Шапочку.

– Прости, Красная Шапочка, – сказала она. – Но, как всем известно, за тобой гонятся очень страшные звери. Серый волк и злая Баба-яга со своей бандой.

– Но если ты меня спрячешь, они же не будут об этом знать.

– Если такие сильные хулиганы гонятся за тобой, значит, ты виновата. Не надо было разрушать избушку Бабы-яги, не надо было хулиганить!

В двери приоткрылся «глазок», и оттуда выглянула добрая гномиха.

– Ты только подумай, ну как я могла разрушить чужой дом?!

Но гномиха не стала слушать. Она только добавила:

– И бабушку твою, наверное, скушали за дело. Серый волк зря никого кушать не будет.

– Да это не Серый волк, а только бычья шкура с приделанными зубами!

Но гномиха уже не слушала Лидочку, а погоня между тем настигла ее.

Красная Шапочка подумала, что ей пришел конец, но тут она увидела, что по дороге, поднимая пыль, скачет ее дальний родственник герцог Синяя Борода. Разумеется, отношения у нее с этим родственником были не очень хорошие, потому что он когда-то задушил мачеху Золушки. Но говорят, что мачеха была сама виновата, что полезла в комнату, где лежали трупы других

семи задушенных жен Синей Бороды. Герцог Синяя Борода всегда считал, что сделал для Красной Шапочки доброе дело. Вот и сейчас, увидев ее, он закричал, перекрывая басом стук копыт своего тяжелого коня:

– Кого я вижу! Красная Шапочка! Ты помнишь, что я отомстил за беды и унижения твоей бабушки?

– Дядя Синяя Борода, – взмолилась Красная Шапочка, которая задыхалась от быстрого бега. – Спасите меня!

– Разумеется! – откликнулся небольшого роста чернобородый герцог. – Сейчас мы с тобой разгоним негодяев, которые осмелились поднять руку на правнучку моей покойной супруги, так трагически погибшей от моих собственных рук.

Серый волк и Баба-яга остановились, не смея приблизиться к герцогу. Но Бабе-яге, видно, очень жалко было расставаться с добычей, и поэтому она заговорила сладким голосом:

– Господин великий герцог Синяя Борода, разрешите к вам обратиться с вопросом, прежде чем вы наведете здесь справедливость и накажете виноватых.

– Говори, – откликнулся герцог, – все равно спешить некуда.

– Эта известная вам Красная Шапочка воспитывалась в очень дурной семье, – сообщила Баба-яга, низко кланяясь Синей Бороде. – Вы лучше всех знаете, что это за семейка!

– К сожалению, это правда, – ответил Синяя Борода. – Продолжайте, уважаемая Баба-яга.

– Яблоко, как известно, от яблони недалеко падает. И если мачеха ее бабушки вынудила вас ее задушить...

– Ах, к сожалению, так и случилось, – вздохнул герцог Синяя Борода. – Суд признал, что я этого не желал. Я нечаянно разгневался.

– Так вот, эта Красная Шапочка поступила еще хуже – она сначала разрушила мой дом и лишила меня крова!..

– Это правда! – замяукал черный кот.

– Это так! Это так! – закричал ворон.

А волк только зарычал.

– Ужасно! – воскликнул герцог.

– Это еще не все! – сообщила Баба-яга. – Красная Шапочка съела свою бабушку, известную вам Золушку.

– Съела?

– Живьем! – подтвердил волк.

– Ни одной косточки не оставила! – добавил черный кот.

– Я сейчас упаду в обморок от отвращения! – сказал на это герцог Синяя Борода и бухнулся на землю полежать в обмороке, а на самом деле – чтобы не вмешиваться в эту сложную историю: неизвестно еще, кто кого съел, начнешь за кого-то заступаться, а потом тебе самому влетит. К тому же Синяя Борода очень боялся снова попасть в суд – судья его строго предупредил, что если он задушит еще хоть одну жену, его сурово накажут. Так что он уже несколько лет не женился, сам себе готовил супы и жарил мясо и, за неимением жен, передушил всех своих кухарок.

– Ну, теперь ты от нас не уйдешь! – закричал Серый волк, но Красной Шапочки нигде не было видно.

Пока они глядели на то, как Синяя Борода бухается в обморок, она исчезла.

Глава четвертая
О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ИСКАЛА СВОЮ БАБУШКУ

В то время, когда происходили все эти события, по лесу и по всему сказочному царству уже разнеслись слухи, что такая невинная на вид Красная Шапочка разрушила до основания домик бедной старушки пенсионерки Бабы-яги, потом пришла к своей бабушке и ее съела. А теперь гоняется по лесу за Серым волком, чтобы его обвинить в этом страшном преступлении и, может быть, тоже съесть. Некоторые рассказывали также, что Красная Шапочка напала на герцога Синяя Борода и отомстила ему за смерть Золушкиной мачехи. Если кто не верит, может пройти к перекрестку лесных дорог и посмотреть на герцога, который лежит там бездыханный.

Разумеется, Красная Шапочка об этом еще не знала, потому что она спряталась в подвернувшейся кротовьей норе, где было очень тесно и холодно, но, к сожалению, в тот момент у нее не было выбора.

– Ах, кто к нам пожаловал! – прошелестел гладкий толстый крот, надевая очки с очень толстыми стеклами, чтобы разглядеть, кто к нему пожаловал. – Неужели это ты, Красная Шапочка?

– Извините, что я пришла без приглашения, – сказала Красная Шапочка, – но меня преследуют, а я ни в чем не виновата.

– Как же, как же, – ответил лоснящийся и очень богатый крот. – Только что мне рассказал дождевой червяк, что ты там натворила. Мне совсем не жалко Бабу-ягу, у которой ты разрушила дом и оторвала ногу, и тем более я не жалею Синюю Бороду, которому ты выщипала бороду до последнего волоска, но кушать собственную бабушку – это слишком.

– Неужели об этом так рассказывают? – огорчилась Красная Шапочка. – Даю вам слово, это почти все неправда.

– Но что-то правда?

– Только про дом Бабы-яги.

– Ты разрушила дом?

– Нечаянно...

Крот чуть отполз назад, отгребая землю лапами, как лопатами.

– Дорогая Красная Шапочка, – сказал крот. – Я давно хотел на тебе жениться и всегда думал: ах, какая красивая и мягкая девочка ходит по улице, то-то мне будет тепло с ней спать под землей! Но тут я узнаю, что ты вовсе не Красная Шапочка, а Кровавая Шапочка! Вот именно! Кровавая Шапочка! Ты убила свою бабушку! Ты разрушаешь города и страны! Я очень прошу тебя – уйди и не угрожай моей драгоценной жизни. По-

тому что человек, совершивший одно преступление, обязательно совершит еще десять.

– Уважаемый крот, – ответила Лидочка, – я тебе не верю. Не такой ты глупенький, чтобы поверить, что я могла разрушить дом Бабы-яги...

– Не знаю, – глубокомысленно ответил крот, – нынешние дети так распустились, что могут разрушить и крепость.

– Ты не веришь, что я скушала собственную бабушку, – продолжала Красная Шапочка. – Но ты на самом деле боишься Серого волка и Бабу-ягу, которые за мной гонятся. Тебе стыдно признаться, что ты готов выгнать на растерзание убийцам маленькую девочку, вот и придумываешь про меня страшные истории.

– Уйди, Кровавая Шапочка! – завопил тогда крот, зажмурив и без того малюсенькие подслеповатые глазки.

И он начал когтями выпихивать ее наружу.

Лидочка снова оказалась наверху. И не успела она отряхнуть измазанное землей платье, как из норы высунулась острая усатая морда крота, который завопил басом:

– Держите ее! Кровавая Шапочка здесь! Она только что пыталась меня убить и ограбить!

Преследователи Красной Шапочки были неподалеку, и той пришлось со всех ног мчаться в лес, удивляясь тому, как странно ведут себя люди и звери, которые еще вчера к ней так хорошо относились.

Лидочка мчалась по лесу, ветви цеплялись за ее платье, сучья ломались под ногами, а корни высовывались из земли, чтобы она о них споткнулась.

Вдруг спереди послышался хруст ветвей, и Лидочка даже остановилась в страхе, что ее обогнал Серый волк.

Но, к счастью, это оказались медведи. Хоть и не друзья, но уж не дадут в обиду Бабе-яге и волку.

– Как я рада, что вас встретила, – сказала Красная Шапочка. – Проводите меня, пожалуйста, до дома. Я вас медом угощу. Папа целую бочку привез из Башкирии.

– Целую бочку! – ухнул от радости старый медведь. – Пошли, пошли, никто не посмеет тебя тронуть.

Только Лидочка вздохнула с облегчением, что все ее несчастья позади, как услышала голос медведицы:

– Топтыгин, а ты о своих детях подумал?

– Подумал, подумал, – ответил добродушно Мишка, – им тоже меда хватит. Я всего не съем.

– Дурачье, – рассердилась медведица. – Я не про мед, а про детей наших. Знаешь ли ты, кого ты хочешь защищать? Или тебе неведомо, о чем весь лес говорит, кричит, чирикает и перешептывается?

– А что?

– А то, что ты имеешь дело с известной хулиганкой и бандиткой Красной Шапочкой, которая сначала сожрала свою бабусю, а потом разломала дом Бабы-яги, оставив ее бездомной, убила Синюю Бороду, напала на Серого волка и чуть не задушила добрейшего крота.

«И про крота они уже успели сочинить», – с горечью подумала Лида.

– Ой-ой-ой-ой! – заревел медведь. – Неужели это робкое маленькое создание – на самом деле такое чудовище?

– В народе ее называют Кровавой Шапочкой, – сказала медведица, а медвежата, отчаянно ворча, умчались в чащу.

– Но ведь вы знаете, что это неправда! – воскликнула Лида. – Я не могу съесть любимую бабушку, я не могу сломать чужой дом!

– Раз люди говорят, значит, можешь, – ответила медведица, взяла мужа за лапу и потащила в чащу.

Хотя тот оборачивался и облизывался: ему очень хотелось меда, и он не очень верил в злодейство Красной Шапочки.

В полном отчаянии Красная Шапочка прошла еще несколько шагов и присела на пенек. До города идти еще далеко – а по всему видно, что все в сказочном царстве уже знают, что она натворила. Но самое странное для Красной Шапочки было то, что поверить в ее страшные преступления было невозможно, а тем не менее все верили.

– Не верят они, – раздался ласковый голосок совсем рядом, – не верят, но делают вид, что верят.

Лидочка обернулась и увидела лису.

Лиса спокойно сидела рядом, вовсе не боялась Лидочку и даже улыбалась, показывая белые острые зубки.

– Но почему? – взмолилась Лидочка. – У меня же несчастье! Мне надо как можно скорее домой! Почему ко мне так относятся? Неужели кто-то поверил этой клевете?

– А кто клевещет? – спросила лисичка-сестричка. – Кто рассказывает о тебе небылицы? Хомяки? Гномы? Муравьишки? Нет – про тебя рассказывают всем известные негодяи, с которыми лучше не связываться. Пока они гадили людям поодиночке, их еще можно было терпеть, а тут они объединились. Так что лучше и нам всем отвернуться от Красной Шапочки, пускай сама выпутывается, как может. Мы ни при чем! Мы хотели как лучше!

– Неужели все такие трусы?

– Почему уж такие? Подумай – ведь у каждого есть свои дети, свой дом, свои планы, свои прогулки по лесу... А вдруг Серый волк будет недоволен?

– Лисичка, ты мне говоришь неправду, – сказала Лидочка. – Только я не совсем понимаю почему. Разве Серый волк – это настоящий Серый волк? Я же видела настоящего Серого волка, он в три раза меньше этого и вовсе не такой злобный. Он никогда не ел человеческих бабушек, я даже с ним здороваюсь, когда встречаюсь на тропинке. Ведь я не кролик и не суслик.

– Ах, как ты права, Лидочка! – Лиса поднялась и замахала пушистым хвостом. – Конечно же, это не простой волк, конечно же, это особенный и страшный волк, от которого нет пощады. Стали бы мы так себя вести, если бы это был обыкновенный волк, – никогда! Мы себя ведем так, потому что это особенный волк! Уж-жасный волк!

– Но он не настоящий!

Лидочка обернулась, а лисицы и след простыл. Только трава чуть задрожала. Не захотела лисица говорить честно.

Глава пятая
О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ВСЕ-ТАКИ ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ

Лидочка добежала дальше лесом до самых окраин города, и тут ей пришлось выйти на открытое место. Она к тому времени уже так устала и переволновалась за судьбу бабушки, что как-то забыла о погоне.

Она брела по пыльной дороге – шапочка набекрень, платье изорвано и измазано сажей и грязью.

И все же старый толстый Аладдин, который ехал из города на арбе, запряженной верблюдом и нагруженной коврами, которые он продавал в городе, узнал ее издали, остановил повозку и, спрыгнув на землю, спросил:

– О, великий аллах! Что случилось с моей маленькой подружкой, светом моих очей, самой великой в мире шахматисткой?

Красная Шапочка бросилась к нему на грудь, она говорила бессвязно, обливаясь слезами:

– Аладдинчик, дорогой! Ты не представляешь! Какое несчастье...

– Спокойно, – сказал Аладдин. – Может быть, я и не такой молодой и шустрый, как когда-то, но я никогда не предавал моих друзей. Ты можешь быть за мной как за каменной стеной.

Его верблюд кивнул головой и плюнул так далеко, что сшиб плевком черного ворона, который как раз поднялся с ближайшего дуба, чтобы получше разглядеть, с кем разговаривает Красная Шапочка.

Плача, Лидочка поведала Аладдину про то, как разрушился дом Бабы-яги, как Серый волк съел или куда-то спрятал бабушку Золушку, как ей пришлось спасаться и как ей никто не верит.

– Все нормально, – сказал Аладдин. – Влезай на повозку, разворачиваемся и едем к тебе домой. Там вместе подумаем, как освободить бабусю, с которой я танцевал еще в молодости.

Красная Шапочка будто лимонада напилась – такое наступило облегчение. Она протянула руку, Аладдин ловко посадил ее рядом с собой, и верблюд повернул обратно к городу, стены которого возвышались совсем рядом.

– Значит, говоришь, крот обозвал тебя...

– Кровавой Шапочкой!

– Ах, какая славная шутка! За эту шутку я его выкопаю из земли, клянусь тенью моего дяди Хасана, и сделаю из него славную шапку!

Аладдин еще продолжал смеяться, когда они подъехали к мосту через ров, который окружал город.

Мост был поднят.

– Эй, лентяи и бездельники! – крикнул Аладдин. – Опустите мост! Еще не вечер!

Ворота в город приоткрылись, и знакомый Лидочке стражник Грицько ответил:

– Ворота закрыты по приказу короля.

– Это что еще за приказ?

– А тот приказ, по которому запрещен доступ в наше славное королевство известной преступнице и убийце своей бабушки, разрушительнице очагов одиноких старушек по имени Кровавая Шапочка.

– Не Кровавая, а Красная! – закричала в отчаянии Лидочка. – Дядя Грицько, неужели ты меня не помнишь?

– Тебя-то я помню и маму твою, Спящую красавицу, сам пытался поцеловать, да не был удостоен, и папу вашего Синдбада очень уважаю, но в город вас не пущу из-за того, какая вы страшная преступница.

– Да что ты несешь! – возмутился Аладдин. – Сейчас мы тебя на пенсию отправим. А ну-ка, мой верблюд, разгонись, перепрыгни через ров и снеси эти проклятые ворота!

– Я бы рад, – сказал верблюд, – но посмею напомнить тебе, мой повелитель, что нам в этом городе еще торговать и торговать. А что, если эта девочка и на самом деле людоедка? А мы ее защищаем и даже нападаем на охрану? Кто нас пустит сюда в следующий раз? Где будут наши доходы?

Пока верблюд говорил эту разумную и осторожную речь, железные двери в город захлопнулись, и стало ясно, что Аладдину никогда их не пробить.

– Может быть, ты в самом деле оставишь меня? – вздохнула Лидочка. – Тебе в самом деле лучше не портить репутацию.

И тогда толстый и совсем уже немолодой дядя Аладдин, торговец коврами из города Исфагана, сказал так:

– Может быть, я уже не тот нищий сорванец, которому когда-то на улицах Багдада досталась случайно волшебная медная лампа, в которой скрывался всесильный джинн, и, может быть, я совсем не тот смелый мальчишка, который вместе с глупым джинном пережил столько приключений. Но я должен сказать тебе, всем ведьмам и волкам всего мира: самое дорогое на свете – это дружба.

– Какая может быть дружба между персидским торговцем и русской девчонкой? – закричала Баба-яга, которая тем временем уже подобралась к ним совсем близко. – Хватит, надружились вдоволь! Теперь каждый сам за себя! Я даже черного кота уже проверила – достаточно ли он русский!

– А если бы был персидский? – спросил Аладдин, очень удивившись.

– Тогда бы я его повесила.

– С тобой все ясно, нечисть лесная, – сказал Аладдин. – А ты, Серый волк, зачем залез в эту компанию?

Но Серый волк ничего не ответил и только погрозил Аладдину лапой в рукавице.

– Это тот самый волк, который говорит, что проглотил мою бабушку, – сказала Лидочка, она была очень благодарна Аладдину за верность.

– Вот я сейчас ему покажу! – рассердился Аладдин и спрыгнул с повозки.

Громадный волк, который был ростом с Аладдина, начал неуверенно отступать перед торговцем коврами, и, может быть, вся история закончилась бы благополучно, но Баба-яга прицелилась и с такой силой запустила клюкой, что угодила Аладдину в темечко, и тот упал и протянул ноги.

– Ах, старуха, ну зачем ты это сделала! – заплакала Лидочка.

– А затем, чтобы вас всех изничтожить.

Лидочка была ужасно расстроена. Она склонилась над Аладдином. Он дышал, но на голове у него была рана, и из нее лилась кровь.

– Скорее! – закричала Лидочка. – Откройте ворота, помогите мне внести в город Аладдина! Ему нужен доктор!

Она умоляюще смотрела на своих врагов, хоть и не ждала от них пощады.

– Вы можете потом сделать со мной, что захотите, но сначала мы должны позаботиться об Аладдине. Я вас умоляю.

И, к ее удивлению, Баба-яга перемигнулась с Серым волком и сказала:

– Почему же не помочь Аладдину, на которого нападала страшная разбойница Кровавая Шапочка и чуть его не убила? А ну, Грицько, отворяй ворота, дай нам изуродованного купца пронести.

После некоторых уговоров Грицько согласился отворить ворота, но сам отступил в свою будку, а наружу высунул только конец копья – так опасался Лидочки.

Совместными усилиями они донесли раненого Аладдина до дома Спящей красавицы, и Лидочка обратила внимание на то, как все люди прячутся в дома, закрывают окна, запирают ставни и по городу прокатывается шепот:

– Идет девочка – убийца и разрушительница! Берегитесь этого юного чудовища.

Мама, конечно, ничего об этих ужасах не знала, но она была женщиной осторожной – мало ли какие разбойники могут забраться в город! Поэтому она сначала откинула «глазок» двери и поглядела в него.

Серый волк и Баба-яга вытолкнули вперед Красную Шапочку, и та сказала:

– Мама, скорей открывай, Аладдину плохо!

Мама ахнула и сразу открыла дверь.

К ее удивлению, Серый волк и Баба-яга, которые вместе с Красной Шапочкой несли потерявшего сознание Аладдина, кинулись вперед, сбили маму с ног и ворвались в дом.

А у ворот остались лишь Лидочка, мама, верблюд и Аладдин, который лежал на земле без сознания.

– Что случилось? – спросила мама.

Глава шестая
КАК СЕРЫЙ ВОЛК СТАЛ МАЛЕНЬКИМ

Вдвоем – верблюд помочь ничем не мог – мама с Лидочкой долго затаскивали бесчувственного Аладдина в гостиную и наконец уложили на диван. Они очень устали, а мама притом всхлипывала, боясь, что Аладдинчик умрет. Она сидела рядом, не выпуская его руки, – а вдруг пульс прервется и сердце остановится?

Но вот Аладдин тихо застонал и открыл глаза.

– Где я? Что со мной? – спросил он тихим голосом.

И тут, обведя взором своих друзей, он вспомнил, что произошло, и даже попытался вскочить, чтобы навести порядок. Но не смог – слишком был для этого слаб. Он снова откинулся на подушку.

– Ты не умрешь, Аладдинчик? – спросила мама, которая так дружила с Аладдином, когда они были подростками.

– И не мечтай.

Аладдин попытался улыбнуться, но тут же улыбка покинула его лицо, потому что он услышал шум и голоса, которые доносились из подвалов, где хранились товары, которые привозил из своих путешествий Синдбад-мореход.

– Кто там? Неужели Синдбад вернулся?

– Мыши, наверное, – ответила мама.

– Нет, не мыши, – сказала Красная Шапочка. – Это наши враги. Они даже согласились помочь отнести тебя к нам в дом, чтобы сюда проникнуть. Я думаю, что этому волку с самого начала что-то было нужно у нас.

– Правильно говоришь, девочка, – сказал Аладдин. – Подумай, Спящая красавица, не привозил ли Синдбад из последнего путешествия каких-нибудь особенно ценных товаров? Ради которых они пошли бы на то, чтобы захватить в заложники твою маму?

– Ах, не может быть! – воскликнула мама и упала в обморок.

Поэтому вместо того, чтобы разрешить эту тайну, пришлось искать нюхательные соли и давать маме.

– Я помню, – сказала мама, придя в себя, – я вспомнила!

– Только тише! – предупредил Аладдин.

– Когда мой Синдбадик уезжал в последнее плавание, он сказал, чтобы я особенно берегла шкатулку, которую он приобрел для Карабаса-Барабаса.

Лидочке показалось, что штора шелохнулась. Она посмотрела туда – нет, все неподвижно.

– Может быть, они охотятся именно за этой шкатулкой? – сказал Аладдин. – Умоляю тебя, спрячь ее как следует.

– А она спрятана как следует, – сказала мама. – Она лежит за плитой на кухне, чтобы никто не догадался...

– Мама! – закричала Лидочка. – Только не вслух! Они могут услышать!

Но было поздно. Со страшным хохотом из-за портьеры выскочили черный кот и Баба-яга и пронеслись через комнату к лестнице вниз, на кухню.

– Скорее, остановите их! – приказал Аладдин.

Но останавливать их было некому – Аладдин все еще лежал на диване. Лидочка с мамой были слабее нападавших, а верблюд как застрял в дверях, так и стоял, вздыхая.

– Наверное, лучше вам пока спрятаться, – сказал Аладдин. – А то они вернутся...

– А тебя оставить здесь? – обиделась мама.

– А что им от меня нужно? Ничего. А от тебя...

Аладдин не успел договорить, потому что дверь, ведущая на кухню, распахнулась и оттуда выскочила вся компания разбойников: Баба-яга, черный кот и Серый волк.

Баба-яга несла в руках небольшую, но увесистую шкатулку.

– Ну, – сказала она от двери, – подавай сюда ключи, да поскорее.

– Какие такие ключи? – пропела мама и так мягко и округло повела руками, что все даже залюбовались.

За красоту и мягкость движений маму не раз приглашали выступать с танцами даже перед самим герцогом Бургундии и халифом Багдада. Но мама наотрез отказывалась, хотя бы потому, что была по происхождению принцессой, а не артисткой.

– Ключи от шкатулки, где тайна лежит! – приказал кот.

– Мне Синдбад никогда ничего о ключах не рассказывал, – ответила мама. – Может быть, вам лучше подождать, пока он вернется, и спросить у него, если вам так уж понадобилась чужая шкатулка?

– Молчать! – закричал Серый волк. Он закричал страшным басом, но когда попытался еще раз так же закричать – то получился детский голосок.

Это очень удивило Аладдина, он даже приподнялся на локте, внимательно рассматривая Серого волка-гиганта.

– А теперь слушай меня внимательно! – сказала скрипучим голосом Баба-яга, которая была главной в этой бандитской компании. – Мы не зря начали с того, что схватили и проглотили твою мамашу Золушку.

– Освободите ее немедленно! – приказала мама. – А то вам будет плохо.

– Помолчи. Ничего с твоей мамашей не случится, – сказала Баба-яга, – полежит в желудке и выйдет.

– А как же желудочный сок? – спросила Лидочка, которая, в отличие от всех остальных, училась в школе и знала, что желудочный сок очень едкий и растворяет все, что попадает в желудок.

– Мы хотели взять в заложницы и твою дочку Красную Шапочку, – продолжала Баба-яга. – Но из этого сразу ничего не вышло. Зато теперь у нас в плену вся ваша семейка. Так слушай: мне ничего от вас не нужно, и вы все получите свободу в тот момент, когда отдадите нам ключик от шкатулки.

– Я не знаю, где ключик, – произнесла мама, и Аладдин сказал:

– Правильно. Главное, не поддавайся бандитам. Бандиты всегда рассчитывают на то, что люди их боятся. А если бандитов не бояться, они –

Аладдин не успел договорить, потому что дверь, ведущая на кухню, распахнулась и оттуда выскочила вся компания разбойников: Баба-яга, черный кот и Серый волк.

самые главные трусы. Скоро прибегут соседи, придет городская стража, сам король узнает о безобразиях, которые здесь творятся.

В ответ на слова Аладдина злодеи расхохотались.

– Еще чего не хватало! – закричал черный кот. – Только они и ждут, как бы вам помочь! Ты что думаешь, мы зря всем рассказываем, что Красная Шапочка на самом деле Кровавая Шапочка, что она скушала свою бабушку?

– Слышали, слышали, только мало кто поверит в эту чепуху. А кто поверит – тому станет стыдно.

– Когда ему станет стыдно, вам уже будет все равно, – сказала Баба-яга. – Пока что все верят нам. Люди всегда верят в дурное. Если сказать, что ты вынесла из огня ребенка, они даже глазом не поведут, а если сказать, что ты ребенка в огонь кинула, все поверят. Такие вот вы люди – трусливые, доверчивые и глупые.

– Ну уж по крайней мере Аладдина вы трусливым не назовете! – сказала Красная Шапочка.

– Он дурак, – отрезал ворон и закаркал, но в своем восторге он слишком близко подлетел к верблюду, который застрял в дверях, и верблюд с такой силой наподдал ему ногой, что ворон разбил задом окно, вылетел наружу, пролетел через весь город и уцепился клювом за самую верхушку шпиля королевского замка.

Только на второй день Баба-яга отыскала своего любимца, потому что узнать его было невозможно – городские птицы, которые не выносили ведьминого ворона, выщипали у него все перья, и больше всего он стал похож на голую курицу.

– Сначала мы замучаем до смерти бабушку Золушку, – сказал тогда Серый волк.

– А где она? – спросила Красная Шапочка.

– Она там, где ей положено быть, – в животе у Серого волка, и если вы не верите...

– Конечно, не верим, самозванец! – воскликнула Лидочка. – Ты сам не волк, а кто-то мелкий в волчьей бычьей шкуре с приделанными волчьими зубами.

– Вот только не надо догадок, – сказал волк, – не люблю этих шарад и кроссвордов. Вы мне не верите, а я вам сейчас докажу.

Наступила тишина, тело волка начало содрогаться, там внутри кто-то шевелился. Потом вдруг раздался плачущий голос:

– Ой, как больно! Прекрати сейчас же!

– Это голос бабушки! – испугалась Лидочка. – Значит, он на самом деле ее съел.

– Мы слов на ветер не бросаем! – откликнулась Баба-яга.

– Сейчас я тебя замучаю! – глухо донесся голос волка или того, кто в волке таился.

Лидочка не выдержала – она кинулась к волку и принялась колотить его кулачками по жесткой шкуре, но Баба-яга ловко подцепила ее клюкой и отбросила в сторону, притом воскликнув, обращаясь к маме:

– Отдашь ключ от шкатулки или нет?

– Не отдавай! – закричал Аладдин. – Сейчас я до них доберусь!

Но мама уже поняла, что Аладдин не помощник. Она подбежала к столику у своей хрустальной кровати, открыла хрустальный ящик и достала оттуда хрустальный ключик – его оставлял ее муж Синдбад, когда уезжал в далекие плавания.

– Давай сюда! – закричала Баба-яга.

– Нет, сначала освободите бабушку!

– Не тебе с нами торговаться, – сказала Баба-яга. – Ты в наших руках. А ну, ключ сюда!

Лидочка заплакала от бессилия. Самое обидное, когда унижают твою маму и мучают твою бабушку, а ты ничего не можешь поделать. Аладдин пытался подняться, но силы оставили его, и он упал, потеряв сознание. Может, и лучше для него – хоть он не мучился. Но ужасно пришлось верблюду, который мечтал добраться до врагов, однако с каждым движением все сильнее заклинивался в дверях – ни туда ни сюда – и мог только плеваться.

Баба-яга вырвала у мамы хрустальный ключик и поставила шкатулку на столик.

Она открыла шкатулку и, покопавшись в деньгах и драгоценностях, что хранились там, вытащила небольшой кожаный мешочек.

– Ура! – закричала Баба-яга. – Наша взяла.

– Помоги вылезти! – послышался голос изнутри волка.

Не выпуская мешочка, Баба-яга отстегнула крючок под горлом у волка, и шкура распалась на две половинки. Конечно же, это была бычья шкура, только искусно переделанная под волчью.

И глазам наших героев предстало удивительное зрелище. На шкуре стоял всем известный городской шалун и пройдоха, бездельник и прогульщик по прозвищу Мальчик-с-пальчик. А рядом с ним был мешок, который шевелился и изнутри которого доносились стоны.

Лидочка сразу все сообразила. Она кинулась к мешку и с трудом развязала его. Еле живая, поднялась на ноги скрюченная в мешке бабушка Лидочки – сохранившая следы былой красоты и элегантности пожилая Золушка.

Лида кинулась ее обнимать, мама тоже кинулась ее обнимать, и они наперебой спрашивали бабушку:

– Ты жива? Они тебе ничего не сломали? Они ничего у тебя не отъели?

Словно бабушка сидела в самом настоящем Сером волке и на нее действовал едкий желудочный сок.

Пока бабушка, дочка и внучка обнимались и рассказывали друг дружке о своих переживаниях, Мальчик-с-пальчик и Баба-яга отбежали в угол и развязали кожаный мешочек. Ссорясь и ругаясь, они разделили белый порошок, который хранился в мешочке, и высыпали себе во рты. Они давились и бегали по комнате, ища, чем бы запить горький порошок. Но остальные не обращали на них внимания.

Глава седьмая
О ТОМ, КАК ВСЕ КОНЧИЛОСЬ

– Я сидела у накрытого стола, – стала рассказывать бабушка, словно ничего особенного и не произошло, – и вдруг услышала звонок в дверь. Я обрадовалась, потому что поняла, что пришла моя любимая внучка Красная Шапочка, хотя должна вам сказать, мои дорогие, что этот звонок в дверь напомнил мне тот случай в моей жизни, когда вслед за подобным же звонком вошел твой дедушка в виде юного и прекрасного принца, протягивая мне хрустальную туфельку и спрашивая мелодичным голосом: «Не вы ли будете та прекрасная незнакомка, которая так чудесно танцевала на нашем балу?»

– Погоди, бабушка, погоди! – умоляла ее Красная Шапочка. – Скажи, пожалуйста, не нужно ли вызвать доктора Айболита? Может быть, мне сбегать за ним? Ты же провела столько времени в заточении!

– Да, мне было очень тесно, темно и, главное, душно. Правда, мне в конце концов удалось просверлить ногтем дырочку в животе этого искусственного волка, но я не успела этой дырочкой воспользоваться, потому что меня уже освободили. Единственное, что меня утешало... дети,

не отвлекайтесь, когда с вами разговаривает только что освобожденная из оков бабушка. Меня спасло то, что этот волк проглотил меня вместе с вязаньем и я почти кончила вязать тебе новую красную шапочку – пожалуйста, примерь ее...

Но на этот раз даже разговорчивой Золушке пришлось замолчать, потому что действие горького порошка, который сжевали бандиты, начало сказываться и, ко всеобщему удивлению, они все начали быстро расти.

– О-го-го! – гордо закричал Мальчик-с-пальчик – известный мелкий пакостник и хулиган.

Это он умудрился подложить в ухо одному джинну ручную гранату, и тот на две недели оглох, это он украл и съел все варенье, которое сварили гномы к их празднику, это он избил Дюймовочку так, что ее пришлось вести к доктору... Ах, как его не выносили все в городке и как хотели, чтобы его кто-то поскорее и подальше отвел бы в лес, но не находилось желающего вести в лес этого сорванца.

Но это уже был не Мальчик-с-пальчик, он превратился в мужчину среднего возраста... А еще минута – и голова его достала до потолка. Еще смешнее выглядело превращение Бабы-яги. Она сама-то увеличивалась, как и положено, но ее клюка и ступа остались обычными – она шарила ручищами по полу, искала свое добро, а найти ничего не могла.

Страшнее всех стал кот: как черная пантера, он напружинил свое мохнатое тело, улыбнулся зловещей улыбкой, и усы его стали похожи на турецкие сабли.

– Ну, что мы сделаем с этими ничтожествами? – спросил гадким голосом бывший Мальчик-с-пальчик, а теперь – Мальчик-с-бревно.

– Растопчем, – сказала Баба-яга.

– Разорвем и растерзаем! – завопил кот.

– Бегите! – воскликнул пришедший в себя Аладдин. – Они и в самом деле никого не пощадят!

Красную Шапочку и ее друзей спасло то, что бандиты продолжали увеличиваться и никак не могли привыкнуть к своим новым рукам и лапам. Как ни поведут в воздухе – все мимо!

Подхватив под мышки слабого еще Аладдина, Красная Шапочка и ее мама побежали к двери. За ними, прижимая к груди корзинку с вязаньем, спешила Золушка.

Они проскочили между ног верблюда, который закрывал собой дверь, и тот принялся отплевываться от Мальчика-с-бревно, который хотел догнать Красную Шапочку.

Но когда они все выбежали на улицу, то, оказывается, попали из огня в полымя.

Там их уже ждали городские стражники и толпа возмущенного народа.

– Вот, вот они, убийцы своей бабушки! – кричали люди.

– Вот она, Кровавая Шапочка!

– Поглядите, они и нашего доброго Аладдина искалечили!

– Тишина и спокойствие! – закричал старший стражник. – По повелению его величества короля я должен арестовать и отвести в тюрьму некую девочку Лиду по прозвищу Красная Шапочка за многие хулиганские преступления, в том числе за убийство ее родной бабушки...

В этом месте вся толпа зарыдала от ужаса. Раздавались крики: «В тюрьму ее! Исключить ее из школы!»

– И за многие другие преступления, еще хуже, чем первое...

На этих словах стражника вдруг большой каменный дом Синдбада-мореходa зашатался, крыша рассыпалась, и оттуда появилась сначала макушка, а затем и вся голова обезумевшего от такого испытания Мальчика-с-бревно, а рядом с ним уже возникла отвратительная рожа Бабы-яги с торчащими во все стороны седыми патлами.

А когда дом окончательно развалился и толпе людей, прибежавших наказать Красную Шапочку, пришлось на большой скорости разбегаться во все стороны, то люди в ужасе увидели, что между гигантскими Бабой-ягой и Мальчиком-с-пальчик стоит пантера, или черный лев, или иной неизвестный хищный зверь ростом со слона и облизывается, словно готовится кинуться на людей и всех растерзать.

Лидочка и ее родственники тоже побежали прочь, потому что они понимали – им несдобровать в первую очередь.

И в этот момент сквозь крики людей и грохот падающего дома они услышали стук копыт и увидели, что навстречу им, спокойно разговаривая, едут Синдбад-мореход и его приятель Карабас-Барабас, хозяин городского зоопарка. Только я прошу не путать с тем Карабасом-Барабасом, о котором написано в сказках о приключениях Буратино или Пиноккио. На самом деле Карабас-Барабас – добрейший толстяк, у него в зверинце

Лидочка и ее родственники тоже побежали прочь, потому что они понимали – им несдобровать в первую очередь.

много разных зверей, в том числе черепаха Тортилла, раньше там жил и кот Базилио, но, к сожалению, он убежал, познакомившись с одной хорошенькой кошечкой из проезжавшего мимо цирка.

Синдбад-мореход первым увидел своих родных и соскочил с коня.

– Что случилось, что такое? Кто вас обидел? Кто ранил моего друга Аладдина?

– Кто посмел поднять руку на несчастных женщин?! – рассердился Карабас-Барабас.

– Я их пронзю шпагой! – закричал деревянный человечек Буратино, заместитель директора зоопарка по хозяйственной части и хороший друг Лидочки.

Мимо них пробегали перепуганные жители города и стражники и кричали:

– Это все Кровавая Шапочка! Это она – страшная убийца.

И на это мудрый умненький деревянный человечек Буратино заметил:

– Сила негодяев не только в том, что они совершают мерзкие поступки, но и в том, что они кричат, что эти поступки совершили хорошие люди.

– А дураки им верят! – добавил верблюд Аладдина.

– Как же это случилось? – спросил Буратино.

– Они все это подстроили, чтобы добыть шкатулку, ключ от которой был у меня, – сказала мама. – Только я не знала, что в шкатулке.

– А в шкатулке было средство для того, чтобы увеличивать все живое в тысячу раз, – сказал Синдбад. – Я специально привез это средство из Сингапура для моего друга Карабаса. Но не успел отдать по назначению...

– Потому что я уезжал на свадьбу к девочке Мальвине, – сказал Карабас-Барабас.

– Я во всем виноват, – заплакал Буратино. – Я рассказал об этом средстве Мальчику-с-пальчик. Я сказал ему, что Карабас-Барабас строит специальный павильон в зоопарке для бабочек, мотыльков и божьих коровок, чтобы они стали громадными и люди могли ими любоваться... Мальчик-с-пальчик мне тогда ответил: вот бы мне стать таким большим, я бы тогда женился на великанше, стал бы царем всех великанов и завоевал весь мир...

Он был страшен – ростом с двадцать этажей,
темнокожий, голый и страшно зубастый.

– Все ясно, – вздохнул Синдбад. – Как я был легкомыслен, как же я не догадался, что подлая Баба-яга обязательно воспользуется этой идеей, чтобы стать сильным и страшным чудовищем...

– Вот вы где! – захохотал Мальчик-с-пальчик, увидев кучку маленьких людей. – Сейчас я вас растопчу.

– Нет, сначала я их растерзаю! – закричал кот.

– Погодите, погодите, я их сначала помучаю, – заявила Баба-яга.

Пока злодеи, нависавшие над людьми так, что закрывали половину неба, спорили, верблюд протянул губы к уху Аладдина и что-то прошептал.

– О, я глупый старый купец! – прошептал в ответ Аладдин.

Таясь за боком верблюда от врагов, он расстегнул суму и вытащил оттуда позеленевшую медную лампу. Он прошептал нужные слова, потер ее, как следовало, и в тот момент, когда Баба-яга уже протянула свою лапищу, чтобы схватить Лидочку, густой столб дыма поднялся над улицей и заставил Бабу-ягу отпрянуть.

Из столба дыма появился могучий джинн и прогремел недовольным голосом:

– Зачем ты побеспокоил меня, Аладдин? Мы же договорились с тобой, что я ухожу на пенсию.

– Прости меня, о повелитель злых духов! – воскликнул Аладдин, падая на колени. – Но случилось событие, которое заставило меня изменить слову. Если хочешь, казни меня, если хочешь, выслушай.

– Говори! – проревел джинн.

Он был страшен – ростом с двадцать этажей, темнокожий, голый и страшно зубастый.

– Нет, пускай он помолчит, – заявила Баба-яга, которая теперь немногим уступала джинну ростом. – Вы лучше, господин хороший, возвращайтесь в свою банку, продолжайте отдыхать, а мы тут без вас разберемся. Я вам как женщина советую.

Может быть, джинн и послушался бы Бабу-ягу, но он не выносил, когда ему давали советы женщины.

– Приказывай! – сказал он Аладдину.

– Я прошу тебя, чтобы все те, кого ты видишь вокруг себя, снова приняли свой прежний вид, в том числе и разрушенный дом Синдбада-морехода, и стали такими же, как прежде. И больше мне ничего не надо.

– И дворцов не надо строить, и голов не надо сносить?

– Ничего, мой друг.

– А потом снова на пенсию?

– А потом снова на пенсию.

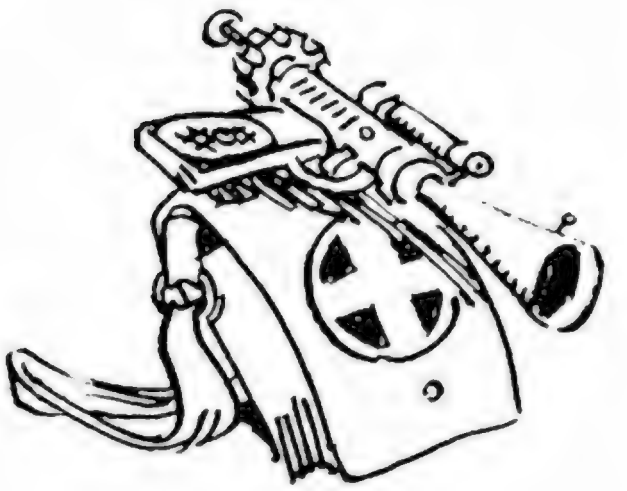
– Быть по тому! – сказал джинн, и пока Баба-яга, Мальчик-с-пальчик и черный кот возвращались в свой прежний вид, он и сам уменьшился и залез в свой кувшин, а Аладдин заткнул его пробкой и положил на место в переметную суму на боку своего верблюда.

Баба-яга и Мальчик-с-пальчик не стали ждать выяснения отношений. Они с такой скоростью убежали из города, что Баба-яга забыла на площади свою треснутую ступу, и лишь верблюд успел наподдать ногой Мальчику-с-пальчик. А так как мальчик был маленьким, то его до сих пор так и не нашли.

Все вернулись домой к Синдбаду и устроили большой пир.

Король прислал специального придворного, чтобы тот извинился за поведение стражников и за то, что он сам, король, поверил такой гадкой клевете на Красную Шапочку.

А из следующего путешествия Синдбад-мореход привезет увеличительного порошка для Карабаса-Барабаса, и тогда, господа, – добро пожаловать в павильон гигантских бабочек нашего городского зоопарка!



Речной доктор

(фантастическая история)

Там был родник. Вода в нем была целебная своей чистотой и прозрачностью. Тысячу лет назад, а может, больше, росло у родника дерево. Кто исцелился той водой, привязывал к ветке белую тряпицу. И дерево было так густо покрыто теми тряпицами, что круглый год, казалось, цвело.

Люди думали, что в дереве живет бог реки, которая брала начало от родника.

Потом про языческое дерево забыли. Но родник остался целебным, и еще сегодня не очень старые старики помнят, как со всей округи люди приходили сюда за водой с банками, бидонами, даже ведрами. У родника был деревянный помост, а сам он был обложен валунами.

Когда лет тридцать назад здесь начали строить новый район, пятиэтажные дома выстроились по откосу, а разбитые бетонные плиты, мусор, арматуру, мешки из-под цемента, все, что не нужно, строители сбрасывали с откоса вниз и погребли родник.

Конечно же, сколько на родник ни сваливай мусора, он все равно пробьется. Только вода перестала быть целебной, потому что родник, сам того не желая, захватывал своим быстрым стремлением крошки штукатурки и цемента, ржавчины и краски. А раз уж тот овражек стал свалкой, то и люди, которые жили в новых домах и не знали о целебном роднике, кидали туда ненужные вещи.

В июне будущего года, часов в девять утра, по пыльной улице микрорайона Космонавтов шел молодой человек, одетый просто и легко. Был он на первый взгляд обыкновенный, только если присмотреться, увидишь, что его волнистые волосы были какого-то странного, зеленоватого оттенка.

Через плечо у молодого человека висела небольшая сумка из джинсовой ткани.

Никто на этого человека внимания не обратил. Впрочем, улица была почти пустая – те, кто работал на Химупаковке или служил в городских учреждениях, уже уехали на работу, а бабушки с детьми еще не вышли на прогулку. И никто не заметил, как молодой человек задержался возле сломанного тополя у шестого корпуса, достал из сумки рулон широкой синей ленты, перевязал ствол, а потом отыскал поблизости палку и приспособил ее к деревцу.

Потом молодой человек дошел до последнего дома, за которым начинался спуск к свалке, и стоял там довольно долго, рассматривая наполненный мерзостью бывший овражек и прослеживая взглядом, как сквозь бетонные плиты, консервные банки и ломаную мебель пробивается родник, как он вытекает из овражка и, робко обегая препятствия, течет к кустам, пропадая в ржавой трубе.

– Жуткое дело, – сказал молодой человек вслух и осторожно, видно не желая измарать кроссовки, начал спускаться к роднику.

Со свалки навстречу ему прибежали две бродячие собаки, что жили там, брошенные хозяевами. Они не испугались молодого человека, потому что сразу почуяли, кто он такой. Но близко не подходили – сели рядом и улыбались.

Молодой человек открыл сумку, вынул из нее небольшую штуку, похожую на пистолет с дулом-раструбом. Потом сказал собакам:

– Я начинаю.

Собаки не возражали.

Молодой человек направил раструб на ближайшую к нему бетонную плиту, на которой валялись две разбитые бутылки, несколько консервных банок и груда выброшенных за ненадобностью рваных обоев, и нажал на курок своего пистолета.

Из раструба вырвался широкий луч, невидимый под солнцем, но не совсем прозрачный. Если смотреть сбоку, то предметы за ним казались туманными и дрожащими.

Это и заметили Гарик Пальцев и Ксюша Маль, которые как раз спустились к роднику, чтобы поискать там пустые бутылки. Им не сами бутылки были нужны, а этикетки – для коллекции.

Они увидели, что над грудой плит и мусора стоит молодой человек с пышными кудрявыми волосами, одетый просто и скромно. И держит в руке пистолет с широким дулом, а из пистолета исходит почти невидимый луч. В том месте, где луч дотрагивался до мусора, мусор начинал съеживаться, таять, словно был снежный.

Молодой человек не просто держал пистолет, а все время двигал им, уменьшал или увеличивал ширину и направление луча. Словно был зубным врачом, который осторожно действует иглой бормашины, убирая сгнившую ткань зуба, но стараясь не повредить здоровую ткань.

Сильно пахло озоном. Стало теплее, от свалки до ребят доносилось шуршание и тихий скрежет. Когда самые большие плиты растворились и серый дымок над ними рассеялся, молодой человек подошел еще ближе и начал убирать завал совсем уж осторожно, часто включая и выключая свой пистолет, короткими выстрелами уничтожая то погрузившуюся в землю бутылку, то ржавую кастрюлю, то порванную шину. Одновременно он водил лучом вокруг, расширяя очищенное место.

Ребятам, которые смотрели на него сверху, не было страшно, и они хотели подойти поближе. Но молодой человек, не оборачиваясь, сказал им:

– Подождите, ближе нельзя, можно обжечься.

Минут через пять образовалась широкая, неглубокая яма, по бокам которой мусор спекся, словно края глиняной миски, а на дне ямы показались совсем старые бревна и остатки столбов, врытых в землю. Между ними была видна черная земля и песок.

Молодой человек спрятал пистолет в сумку и спустился к столбам. Там, из углубления, изливалась струя чистой воды и заполняла это углубление.

Минут через пять образовалась широкая, неглубокая яма.

Молодой человек принялся руками разгребать черную землю, извлекать из нее лишние предметы, освобождать горло родника.

– Теперь можно подойти? – спросила Ксюша Маль.

– Конечно, – ответил молодой человек.

Он улыбнулся ребятам, откинув со лба тыльной стороной кисти прядь непослушных волос. Ксюша Маль, которая была очень наблюдательной, заметила, что волосы молодого человека необыкновенного цвета.

– Вы что делаете? – спросил Гарик Пальцев.

– Разве вы еще не поняли? – удивился молодой человек.

Он вытащил из земли согнутый лом и легко отбросил его в сторону, будто это был гвоздь.

– Вы чистите родник, – сказал Гарик.

Молодой человек отгребал ладонями грязь и землю, обнажая чистый песок. И на глазах родничок начал бить веселее, сильней, и вода ярче заблестела под солнцем.

– Вы речной доктор, – сказала Ксюша Маль.

– Правильно, – сказал молодой человек. – Меня можно называть речным доктором, а еще меня называют речным богом.

– Бога нет, – сказал Гарик.

– Правильно, – согласился молодой человек. – Но я есть.

– А кто вам разрешил? – спросил Гарик.

– А разве надо разрешение, чтобы лечить и делать добро?

– Не знаю, – сказал Гарик. – Но все всегда спрашивают разрешения.

– Если ждать, то река умрет, – сказал речной доктор.

– А почему вы раньше не пришли? – спросила Ксюша.

– У меня много дел, – сказал молодой человек. – Я прихожу только тогда, когда совсем плохо. Бывают случаи, что люди сами понимают, что натворили, и исправляют свои ошибки.

Говоря так, речной доктор кончил чистить родник и, отвалив в стороны грязь, отыскал под ней вершины погрузившихся в землю серых валунов. Без заметного усилия он выкатил один за другим валуны и подвинул поближе к роднику, чтобы они его ограждали.

– Вы очень сильный, – сказала Ксюша. – А чем вам помочь?

– Я еще не знаю, – сказал речной доктор. – Но если у вас есть время, оставайтесь со мной. Мы пойдем вниз по течению и будем вместе работать.

– Давайте я домой сбегаю, за лопатой, – сказал Гарик.

– Спасибо, не надо.

Молодой человек поднялся, отряхнул ладони от земли.

– Чего не хватает? – спросил он.

Ребята посмотрели на родник. Он выбивался из песка невысоким веселым фонтанчиком, разливаясь по светлому песку. Вокруг, как часовые, стояли серые валуны.

Ожидая ответа, речной доктор вынул из-за пояса широкий нож, точными и быстрыми ударами отсек гнилые верхушки торчащих из земли столбов, вытащил из земли черные брусья, обстругал их и положил на столбы – так, через много лет, у родника снова образовался мостик.

– Ну, что же вы молчите? – спросил речной доктор.

– А можно сделать еще красивее? – спросила Ксюша.

– Подскажи, – улыбнулся речной доктор и сунул руку в сумку.

– Не хватает травы, – сказала Ксюша.

Молодой человек вынул руку из сумки, раскрыл кулак – на ладони лежала кучка семян.

– Я знал, что ты так скажешь, – проговорил он.

И он произнес эти слова так, что Ксюше стало приятно, что она угадала.

Речной доктор рассыпал семена по земле вокруг родника, потом зачерпнул из него ладонями воды и полил семена.

– Помогайте мне, – сказал он.

Ребята тоже спустились к роднику и стали черпать ладонями воду и поливать вокруг. Вода была очень холодная.

– А пить ее можно? – спросила Ксюша.

– Нельзя, – сказал Гарик. – Вода некипяченая.

– Можно, – сказал речной доктор. – Теперь можно. Эта вода вырывается из самой глубины земли. Она проходит через подземные пещеры, пробивается сквозь залежи серебра и россыпи алмазов. Она собирает молекулы редких металлов. В ней нет ни одного вредного микроба. Много тысяч лет люди знали, что она целебная.

Ксюша первой присела перед родником, набрала в ладошки хрустальной воды и выпила ее. Вода была холодной, даже зубы ломило, и немного газированной. В ней были свежесть и даже сладость. Потом воду пил Гарик, потом снова Ксюша.

А когда Ксюша выпрямилась, напившись, она увидела, что вокруг родничка выросла густая зеленая трава. Откуда-то прискакал кузнечик, влез на травинку и принялся раскачиваться. Зажужжал шмель.

– Ну и трава у вас! – сказал Гарик. – Такой не бывает.

– Такой не бывает, – согласился речной доктор. – Но она есть.

Гарик сорвал несколько травинок и понюхал. Они пахли травой.

И тут они услышали, как над их головами кто-то пискнул.

На кромке поросшей травой котловины, на оплавленной спекшейся границе между свалкой и родником, сидели два бродячих пса. Один молчал, а второй раскрывал рот, словно зевал, и от этого получался писк.

– Пошли отсюда! – сказал собакам Гарик.

– Почему? – удивился речной доктор. – Собакам тоже надо пить чистую воду. Псы, идите сюда.

– Они грязные, – сказал Гарик. – У них много блох и микробов. Они на свалках живут.

– Они живут на свалках, – сказал речной доктор, – потому что люди, у которых они жили раньше, выгнали их из дома. И я с этим не согласен.

– Я тоже не согласна, – произнесла Ксюша.

– Я после них пить не буду, – сказал Гарик.

Речной доктор засмеялся. У него были такие белые зубы, каких Ксюше еще не приходилось видеть. И он умел угадывать мысли. Потому что в ответ на мысль Ксюши сказал:

– Я всегда пью только настоящую, чистую воду.

Собаки спустились к роднику и стали пить. Они виляли хвостами и косились на людей, потому что привыкли им не верить.

А напившись, стали бегать вокруг и кататься по траве. Гарик хотел было погнать их прочь, чтобы не мяли траву, но, когда открыл рот, чтобы прикрикнуть на них, встретился со взглядом речного доктора. Тот словно спрашивал: неужели ты сейчас их прогонишь?

И Гарик, вместо того чтобы кричать на собак, сказал:

– Все это чепуха. Вы здесь немного почистили, а завтра все снова загадят.

– Я потому вас и позвал, – сказал речной доктор, – чтобы вы все увидели и не дали больше губить родник.

– А как же мы это сделаем? – спросил Гарик. – Вы нам, может, свой пистолет оставите?

– Не знаю, – сказал речной доктор. – Честное слово, не знаю. Я думал, у вас есть своя голова на плечах.

Он посмотрел наверх. Конечно, Гарик был в чем-то прав: весь склон, до самых домов, был такой же печальный и грязный, как родник до прихода речного доктора. И лужайка вокруг родника казалась такой маленькой и беззащитной.

– Моя работа, – сказал речной доктор, – это спасение рек. И я ничего не смогу поделать, пока я один.

Они помолчали. Мирно журчал родник. Собаки улеглись на траве.

– Ну, что ж, – сказал речной доктор, – наша работа не окончена.

– А что дальше? – спросила Ксюша.

– Дальше мы пойдем вниз по течению, – сказал речной доктор, – посмотрим, чем мы можем помочь реке. Вы со мной?

– Конечно, мы с вами, – сказала Ксюша.

Ручеек пробирался, почти невидимый, среди поломанных кустов к дороге и впадал в ржавую трубу.

Речной доктор пошел первым. Он то и дело наклонялся, подбирая из воды бутылки, банки, пластиковые пакеты, кирпичи, но не кидал их в сторону, а прятал в карман своей сумки. И все эти вещи пропадали там, словно растворялись. Гарик попытался заглянуть в этот карман, но ничего не увидел.

– Вы и целый дом туда положить сможете? – удивленно спросил он.

– Нет, дом не поместится, – ответил речной доктор и засмеялся.

Вроде бы он на все вопросы отвечал просто и ничего не скрывал, но все равно он был окружен тайной, и все это чувствовали, даже собаки, что бежали за людьми, но вели себя тихо, примерно, даже не лаяли.

Речной доктор не спешил, но делал все так быстро и ловко, что трудно было уследить за его руками. Вот ему чем-то не понравились кусты, что росли у ручейка; он расправил их ветви, очистил землю под корнями – и кусты распрямились, зашуршали листьями. Проплешины между кустов и по берегу ручейка, залитые мазутом и какой-то краской, он двумя движениями пальцев очистил и засеял травой, а лужу, в которую разливался

ручеек перед трубой, засыпал песком. Песок он достал из кармана сумки, куда раньше кидал мусор, и Гарик догадался, что в кармане есть какой-то преобразователь – он-то и превращает металл, стекло и кирпич в песок.

А речной доктор снова угадал его мысль и объяснил:

– Вы, наверное, знаете, что стекло и кирпич, бетон и штукатурку делают из песка, гравия и прочих таких же простых вещей. А металл добывают из руды. А я умею все возвращать в первоначальный вид. Никакой тайны.

Гарик кивнул. А Ксюша подумала: конечно, нет никакой тайны в том, что стекло делают из песка. Но есть большая тайна в том, как стекло снова превратить в песок.

Они остановились перед трубой.

Речной доктор наклонился и заглянул внутрь. Труба была не очень большая, с полметра диаметром. Внутри видны какие-то наросты, из воды вылезали черные горбы.

– Надо почистить, – сказал речной доктор.

Гарик понял, что доктору не пролезть в трубу, и сказал:

– Погодите, я разденусь и все сделаю.

Молодой человек внимательно поглядел на Гарика, положил жесткую ладонь на его рыжие, торчком волосы и сказал:

– Спасибо, Гарик.

Ксюша подумала: «Я ни разу Гарика по имени не называла. А он его знает!»

Речной доктор протянул сумку Гарику и сказал:

– Встречай меня на той стороне.

Потом мгновенно скинул рубашку, кроссовки и носки.

Ксюша все подобрала.

Из кармана джинсов речной доктор вытащил плоскую серебряную коробочку, махнул рукой, чтобы все остальные перебирались через насыпь, и сам, подобравшись и став вдвое тоньше, влез в дыру.

Гарик с Ксюшей, а потом и собаки ждали доктора у выхода из трубы. Что-то он задерживался. Вода из трубы текла темная, мутная и с каждой секундой становилась грязнее. Гарик заглянул внутрь, но там было совсем темно. Гарик хотел позвать доктора, – а вдруг тот застрял? – но тут же ему

Речной доктор наклонился и заглянул внутрь.

пришлось отпрыгнуть от трубы: из нее полезла темно-серая скользкая масса, как будто кто-то сжал пирожное эклер и выдавил крем.

Серая масса вывалилась из трубы с чавканьем и всхлипом, ухнула в бурую воду ручейка и перекрыла ему путь.

А вслед за грязью из трубы выполз веселый и жутко измазанный речной доктор. Он широко улыбался, и зубы его были такие же ослепительно белые, как раньше. И белки глаз белые, а остальное – «негритянское».

Речной доктор, видимо, устал. Он сел на берегу ручья и перевел дух.

Потом сказал:

– Гарик, дай сумку.

Гарик протянул ему сумку. Речной доктор вытащил оттуда свой пистолет, велел ребятам отойти в сторону и выжег громадную плюху грязи, что перекрывала плотиной ручеек.

Ксюша заглянула в трубу. Труба была изнутри гладкая, блестящая, будто посеребренная, и по ней тек прозрачный ручеек.

Речной доктор быстро вымылся под струей воды, падавшей из трубы, и сказал:

– Ну и дела!

– Дайте мне свой пистолет, – сказал Гарик. – Там дальше железная тачка валяется.

– Нельзя, – сказал речной доктор, как бы извиняясь. – Тут нужна осторожность. Потом я тебя возьму в ученики, научишься, сам будешь работать. Только это не очень легко.

– А мне можно в ученики? – спросила Ксюша.

– Обязательно, – сказал речной доктор.

Он снова оделся, а собаки немного пробежали вперед и остановились перед сломанной тачкой, которая перекрывала русло ручейка. Словно тоже поняли, что дальше идти нельзя – сначала надо тачку убрать. Тачку убрали быстро. Но пришлось задержаться, чтобы посеять траву на берегах ручейка.

«Странно, – подумала Ксюша, – мы прошли от трубы всего метров сто, а ручеек уже стал шире. Почему это?»

– А потому, – ответил речной доктор, – что по дороге в ручеек влились еще два родника, вы их не заметили, они на дне, а я их расчистил. А вот и третий.

Но это был не родник, а приток. Тоненький, как струя из чайника. Струя была белесой, будто с молоком, и молочная муть расплывалась по главному ручейку.

– Посмотрим, – сказал речной доктор и легко взбежал по склону, поросшему лебедой и лопухами и усеянному бутылками и банками – следами пиршеств, которые закатывали соседние жители.

Бежать пришлось недалеко. Струйка воды выбивалась из-под груды белого порошка, что был свален возле большой теплицы. Там, за районом Космонавтов, откуда начинался ручеек, шли теплицы пригородного совхоза. Весной Гарик, Ксюша и другие ребята из школы там работали. Одни пололи, другие сажали рассаду, и всем потом дали по свежему огурцу.

– Это удобрения, – сказал Гарик.

– Я с тобой согласен, – произнес речной доктор. – Но это не значит, что их надо спускать в реку.

– Только их не надо уничтожать, – сказала Ксюша, увидев, что речной доктор хочет достать свои пистолет. – Они полезны.

– Химические удобрения редко бывают полезными, – сказал речной доктор. – Но если ты настаиваешь, мы их подвинем.

Речной доктор выставил вперед руки и дотронулся до груды удобрений. Груда медленно и послушно отползла на два метра. Речной доктор нахмурился – видно, ему было тяжело, а собаки принялись прыгать и лаять – им это понравилось.

На примятой траве осталась белая пыль. Речной доктор достал все-таки свой пистолет и сказал Ксюше:

– Не бойся.

Он буквально сдул им пыль с травы. И тогда Ксюша увидела место, откуда выбивался родничок, – трава там была мокрая, земля тоже мокрая.

– Это что вы здесь хулиганите! – услышали они пронзительный голос.

От дверей теплицы к ним бежала грузная женщина в синем халате. Она размахивала лейкой и переваливалась, как утка.

– А что случилось? – спросил ее молодой человек. Он широко улыбался и совсем не испугался криков.

– Что я, не вижу, что ли? Не вижу, да?

– А что вы видите? – спросил речной доктор.

– Ты удобрения крадешь, а мне отвечай?

– Это неправда, – сказал речной доктор. – И вы это отлично знаете.

– Знаю? А где удобрения?

– Вон там.

– А здесь чего?

– А здесь ничего.

– А было удобрение!

– Оно и есть.

– Но оно было здесь?

– Не знаю, – сказал речной доктор. – Я знаю только, что все у вас цело, ничего не пропало.

Грузная женщина растерялась. Она знала, что, бывает, удобрения крадут для своих участков. Но тут никто ничего не украл, но подвинул. А этого не бывает.

Тогда Гарик решил все объяснить.

– Ваши удобрения, – сказал он, – завалили родник. А этот родник впадает в ручей. Он размывал удобрения, понятно?

Женщина не стала слушать Гарика. Она подошла к груде удобрений и стала рассматривать, словно куст роз.

Молодой человек молча показал ребятам рукой: надо, мол, уходить, – и они поспешили прочь. А женщина ничего не сказала. Она все не могла понять, как можно подвинуть гору удобрений и зачем это делать. И только когда они уже вернулись к ручейку, то услышали сверху крик:

– Чтоб ноги вашей тут не было!

Как приятно было вернуться к ручейку! Он стал уже знакомым, как будто родным. Он зажурчал, заблестел под солнцем, увидев людей. Гарик встал над ним – одна нога на правом берегу, одна на левом.

– Я гигант! – закричал он.

– Уже десять часов, – сказал речной доктор. – Вам, наверное, домой пора.

– Нет! – закричали сразу Ксюша и Гарик. – Мы совершенно свободные.

– У нас каникулы, – сказала Ксюша.

– У нас все на работе, – сказал Гарик. – Мы можем хоть весь день идти.

– Ну, ладно, – сказал речной доктор. – Пошли дальше. Устанете – скажите мне.

– Мы не устанем, – заверил его Гарик.

В этом месте ручеек поворачивал прочь от города и возвращался к нему уже речкой. Речка впадала в реку, на берегу которой стоял город. Но ребята не знали, да и мало кто в городе знал, что где-то далеко в лесу ручеек вольется в речку и вернется обратно в город.

Они шли по берегу прозрачного ручейка целый километр. По обе стороны тянулся кустарник, за ним огороды. Время от времени речной доктор останавливался и уничтожал хлам, валяющийся в ручейке, укреплял берег, подсыпал на дно песок.

Остальные развлекались, как умели. Одна из собак, рыжая, лохматая, одноухая, с вечной улыбкой на морде, выбрала Ксюшу себе в подруги и все звала ее побегать. Гарик был разведчиком и высматривал, не надвигаются ли фашистские танки.

За заводом ручеек нырнул в лес. Лес был пригородный, истоптанный, замусоренный, весь порезанный дорожками и тропинками. Но июньская листва и июньская трава были еще свежими, птицы пели весело, солнце грело, но не пекло.

На полянке стояли столы на вкопанных в землю столбах и вокруг них скамейки для отдыха. Речной доктор сказал:

– Привал. Легкий завтрак.

Он сел на скамейку, раскрыл свою бездонную сумку и вытащил оттуда большую бутылку с молоком, батон и высыпал на подстеленную газету кучу белой черешни.

– Молоко с черешней нельзя, – сказал Гарик.

Речной доктор не ответил. Он только улыбнулся и расставил на столе белые чашки.

– А может, можно? – спросил Гарик.

– Черешня мытая, – ответил речной доктор.

Затем он вынул из сумки круг толстой колбасы, половину порезал кружочками, а половину разделил пополам и отдал собакам. Они завтракали, было очень вкусно. Ксюша спросила:

– А вы где вообще живете?

– В разных местах, – сказал речной доктор.

– Я думаю, что вы инопланетный пришелец, – сказал Гарик.

– Почему если человек работает, то все думают, что он приехал издалека? Или даже прилетел? – спросил доктор.

Никто не знал почему, поэтому доктору не ответили.

Сам доктор выпил чашку молока, и, пока его друзья ели, он обошел полянку и собрал с нее все бумажки и банки и даже залечил подрубленное кем-то дерево. Но Ксюша с Гариком уже привыкли к тому, что речной доктор все время занят, и не обращали на него внимания.

Подкрепившись, пошли дальше.

Ручеек уже стал таким широким, что через него во многих местах надо было не перешагивать, а перепрыгивать.

В лесу ему мало что угрожало, и он струился таким же прозрачным, как родник.

И тут они увидели на берегу рыболова. Самого настоящего.

Рыболов был на вид младше Гарика и Ксюши – лет семи-восьми. Вместо удочки он держал в руке палку с веревкой.

– Как ловится? – спросил речной доктор.

– Не знаю, – сказал рыболов.

Он вытащил свою удочку из воды. На конце веревки был погнутый гвоздик. Без всякой наживки.

– Так ты ничего не поймаешь, – сказал Гарик. – Где червяк?

Мальчик снова опустил веревку в воду и замер, глядя в воду.

– Чудак, – сказал Гарик. – Откуда здесь быть рыбе?

– Правильно, – согласился речной доктор. – Рыбы здесь нет. Но обязательно должна быть.

Из сумки он вынул банку. В банке было много мальков.

Он опрокинул банку, и мальки серебряными стрелками разбежались в разные стороны.

– Вот здорово! – сказал Гарик. – К будущему году рыбки подрастут, а тот рыболов как раз червяка выкопает.

– Так долго ждать не надо, – сказал речной доктор. – Смотри.

В воде мелькали мальки, но они уже подросли. Одни из них обкусывали стебли водорослей, другие закапывались в тину на дне.

– Как у вас все быстро получается, – сказала Ксюша.

– Надо спешить, – объяснил речной доктор.

– Эй! – раздался крик.

Они обернулись. Мальчик с палкой-удочкой прыгал на берегу, а на конце веревки блестела серебряная рыбка.

– Поймал? – спросил Гарик.

– Ой-ой-ой! – закричал мальчик и, размахивая палкой, побежал прочь. Он сам не верил в свое счастье.

Речной доктор засмеялся.

– А вам не жалко рыб? – спросила Ксюша. – Я думала, что вы все охраняете.

– Когда человек поймает рыбку, ничего страшного для реки нет, – сказал речной доктор. – Особенно, если рыбка такая глупая, что попалась на голый крючок. Я не выношу рыболовов с сетями, динамитом и другими варварскими приспособлениями.

Они пошли дальше по берегу ручья.

Некоторые из рыбок, уже подросшие, плыли рядом с ними, серебряные в прозрачной воде.

Через полчаса они увидели, как ручеек слился с еще одним, таким же, который вытекал из чащи. Только их ручей был чистым, а тот, что вливался в него, мутным.

– Друзья мои, – сказал речной доктор. – Подождите меня здесь. Я скоро вернусь. Только никуда не уходите.

Ребята согласились. Они немножко устали. Они улеглись на берегу, на траве под ивой, а собаки сели рядом, словно охраняли их.

Солнце пригревало, и Ксюша незаметно для себя задремала.

Проснулась она от веселого голоса речного доктора.

– Подъем! – сказал он. – Все в порядке.

Ксюша вскочила. Следом за ней поднялся Гарик. Они посмотрели на ручейки. Оба ручейка были совершенно чистыми.

– А что там было? – спросил Ксюша.

– Пустяки, – ответил речной доктор. – Совсем пустяки по сравнению с тем, что нам предстоит впереди.

Он пошел впереди, и Ксюша так никогда и не узнала, что же он делал.

А что могло предстоять впереди, друзья речного доктора не знали и знать не хотели. Они были точно уверены, что речной доктор все может. И если надо речку повернуть обратно, он это сделает.

– Пустяки! – закричал, запел Гарик.

– Вынем палки, вынем камни из реки! – запела Ксюша.

– Пууустя-а-ки!

Ксюша не придумала, как петь дальше, и посмотрела на речного доктора.

– Будут рыбы косяки, а старики за лягушками полезут в тростники! – пропел доктор.

– Пустяки! – закричал Гарик.

– Воду портят подлецы и дураки! – пропел речной доктор.

– Хватит, – сказала Ксюша. – Вы плохо придумываете, и ваша песня не настоящая.

– Пустяки! – закричал Гарик.

Но Ксюшу никто не слушал. Гарик и речной доктор придумывали песню еще минут десять, пока не кончились все рифмы.

Под песню шагалось так легко, что никто не заметил, как ручей уже превратился в речку. А лес вокруг стал густым и диким.

– Надо искупаться, – сказал Гарик. Он охрип от пения.

– Сейчас будет широкое место, – сказал речной доктор. – Тут должны жить бобры. Если они не будут возражать, мы искупаемся возле их плотины.

Но, к сожалению, искупаться не пришлось.

Бобровая плотина совсем недавно пересекала речку, но кто-то ее разрушил, и вода утекла через прорыв в низкой, сложенной из ветвей и земли плотине. Речной доктор очень огорчился.

– Кому это понадобилось? – спросил он сам у себя. Потом он тихо свистнул и подождал.

Ребята тоже молчали. Никто не ответил на свист.

– Вы бобров зовете? – спросил Гарик.

– Их здесь нет, – ответил доктор.

Рыжая собака вдруг начала бегать по берегу плотины, вынюхивать что-то на земле.

– Она знает, – сказала Ксюша. – Она знает, куда ушли бобры.

Собака подняла голову и тявкнула.

Вторая подбежала к ней, а потом, понюхав землю, поспешила вдоль берега.

– Пошли! – сказал Гарик.

Собаки поджидали людей на пригорке, куда вела узкая тропинка. Хоть они были дворняжками, сейчас они вели себя как настоящие гончие. Порой они теряли след и начинали бегать по кустам, но не шумели.

Собаки поджидали людей на пригорке, куда вела узкая тропинка.

Собаки уводили людей все дальше от реки.

– Какие странные бобры, – сказала Ксюша шепотом. – Я и не знала, что они уходят так далеко от воды.

– Если твой дом разрушили, то надо искать другую речку, – сказал Гарик.

И тут впереди послышались голоса.

Собаки выбежали на прогалину.

Там была старая вырубка. На ней стояли толстые пни, между ними росла высокая трава и было много черничных кустов. На пнях сидели люди и мирно беседовали, передавая друг дружке бутылку с водкой. Их было трое. Они были очень довольны собой. И ясно почему: на четвертом пне лежали два убитых бобра.

– Ой! – воскликнула Ксюша. – Они их убили!

Браконьеры обернулись, хотели было вскочить, может, убежать. Но сообразили, что против них только молодой человек и двое детей.

– Валяйте отсюда, – сказал самый толстый браконьер. Несмотря на жаркий день, он был в куртке и сапогах, в которые заправлены брюки.

Он протянул руку к ружью, что стояло прислоненное к тонкой елочке, выросшей на порубке.

Ксюша и Гарик замерли, глядя на речного доктора. А спутники толстяка, молодые парни, громко засмеялись.

– Вы преступники, – сказал спокойно речной доктор. – Отдайте бобров и уходите из леса. Я не хочу вас больше видеть.

Браконьеры покатились от смеха.

– Во дает! – закричал самый молодой из них и, присосавшись к бутылке с водкой, запрокинул голову.

– Если хочешь жить, – сказал толстый браконьер, поднявшись с пня, взяв в руку ружье и делая шаг к речному доктору, – то сейчас отсюда убежишь и детишек возьмешь. И забудешь. Обо всем забудешь.

– А если не убегу? – спросил речной доктор, как всегда улыбаясь.

– Если не убежишь, то твои детишки останутся сиротками, – сказал толстяк, а его спутники расхохотались еще сильнее. Они начали вырывать друг у дружки бутылку.

– Вы мне противны, – сказал речной доктор. И спокойно пошел к толстому браконьеру.

– Назад! – закричал тот, но отступил.

– Учтите, – сказал речной доктор, – я вас всех запомнил.

– Убью! – взревел медведем толстяк.

– Погоди, – сказал его молодой друг. – Я его без пули проучу так, что он забудет, как в лес ходить.

Он поднял с земли тяжелый сук и двинулся к речному доктору.

Обе собаки тут же кинулись на браконьера, страшно рыча. Забыли, видно, что они – небольшие дворняжки, которые никогда в жизни не бросались на людей.

Сук засвистел в воздухе. Одна из собак увернулась, а вторая не успела и с жалким визгом взлетела вверх и упала на бок возле пня. А молодой браконьер, продолжая размахивать суком, уже подошел к речному доктору.

Еще мгновение, и сук ударит его!

– Беги! – крикнул Гарик.

Но речной доктор никуда не убежал. Движения его были такими быстрыми, что никто и не увидел, каким образом он сумел вырвать сук у браконьера, перехватить его руку и так рвануть, что браконьер перевернулся, ноги его мелькнули в воздухе, он стукнулся о землю и по уши вошел головой в землю.

Второй молодой браконьер как стоял с бутылкой в руке, так и остался стоять, а толстяк бормотал:

– Сейчас стрельну! Вот сейчас стрельну!

– Ты не стрельнешь, – сказал речной доктор. – Потому что ты мерзавец, а все мерзавцы трусы. Ты думал, что втроем вы побьете и выгоните нас, поэтому и махал ружьем. А сейчас ты уже не уверен. Ты уже думаешь, как бы убежать, но сохранить добычу. А ну, отдавай ружье!

– Стрельну! – повторил толстяк, отступая.

Но речной доктор шел к нему, протянув вперед руку.

И тогда толстяк, больше от страха, чем от злости, все же выстрелил.

Выстрел был оглушительным.

Речной доктор пошатнулся.

Молодой браконьер кинул в сторону бутылку и бросился бежать. Но толстяк убежать не успел. Он сам, видно, не ожидал этого выстрела и потому стоял и смотрел на ружье.

Но это продолжалось не больше секунды. Речной доктор прыгнул вперед, выхватил ружье из руки браконьера и, взяв за ствол, так ударил прикладом о пень, что ружье разлетелось на куски. А толстяк стоял, приоткрыв рот, и силился что-то сказать, но связных слов у него не получалось, только: «А-а, а-бы, бы-вы...»

– Ой! – закричала Ксюша.

Она увидела, что речной доктор поднял руку к груди и по белой рубашке расплывается пятно крови. Кровь сочится между пальцев.

– Ты его убил! – закричала Ксюша. И весь страх у нее прошел от злости к этому толстому браконьеру.

Она кинулась на него и начала колотить кулаками в живот.

Собака, что осталась цела, пришла Ксюше на помощь и вцепилась браконьеру в брюки.

А Гарик, подобрав сук, который потерял молодой браконьер, с трудом поволок его за собой, стараясь поднять и ударить им врага.

Но толстый браконьер видел только кровавое пятно на рубашке речного доктора и от страха часто моргал.

– Отойдите, – тихо приказал речной доктор ребятам и собаке. – Я с ним сам поговорю так, что он никогда в жизни больше не посмеет прийти в лес.

Слова звучали тихо, но при том слышно их было в самом дальнем конце леса. И от этих слов толстый браконьер завыл и понесся прочь из леса, спотыкаясь о корни и пни.

Речной доктор подошел тогда к оставшемуся браконьеру, рывком вытащил его из земли и кинул вслед толстяку так, словно это была ватная кукла.

И молодой браконьер послушно захромал вслед за своими друзьями.

– Скорей, – сказала Ксюша. – Скорей пошли в город. Вам надо в больницу.

– Мне не надо в больницу, – ответил речной доктор. – Я вылечусь сам. Разве вы забыли, что наш родник целебный? Только у меня к вам, друзья, просьба. Донесите до воды собаку. Ей тоже нужна помощь.

Речной доктор взял тела бобров, ребята понесли горячую, мягкую, почти неживую собаку, а вторая собака побежала впереди, показывая самую короткую дорогу к речке.

– Стрельну! – повторил толстяк, отступая.

Прежде чем заняться своей раной, речной доктор опустил у самой воды мертвых бобров, сказал ребятам, чтобы положили собаку, открыл сумку, вытащил из нее розовую губку, окунул в воду и принялся протирать мокрой губкой разбитую голову собаки. Собака застонала, а речной доктор сказал:

– Потерпи, Рыжик. Сейчас все пройдет. – Он погладил собаку по спине и приказал: – Спать!

И собака послушно заснула.

– А теперь, – сказал он ребятам, – займемся мною.

Он скинул рубашку, протер розовой губкой свою грудь, выжал губку в речке, и вода вокруг стала красной. Но кровь перестала идти, и речной доктор сказал Гарику, который стоял рядом и не знал, чем бы ему помочь:

– Мое счастье, что ружье у него было заряжено картечью, а не пулей. Он меня убить мог.

– Я его выслежу, – сказал Гарик. – Он не уйдет отсюда.

– Его выдадут собственные дружки, – сказал речной доктор. – Они так перепугались, что побегут доносить на него, чтобы самим под суд не попасть.

– Можно, я вашу рубашку выстираю? – спросила Ксюша.

– Спасибо, – сказал речной доктор. – А то мне надо заняться бобрами.

– Вы будете шкуры снимать? – удивился Гарик.

– Еще чего! – улыбнулся доктор. – Я постараюсь их оживить. Их убили совсем недавно, и есть надежда, что они еще не совсем погибли.

И пока Ксюша стирала рубашку речного доктора, он вынул из сумки небольшой шприц и пробирку с голубой жидкостью. Он набрал жидкости в шприц и сделал мертвым бобрам уколы. Потом он протер их розовой губкой, смоченной водой из речки. Но бобры не шевелились.

Тем временем проснулся Рыжик. Видно, он совсем забыл, что с ним случилось, потому что казался очень веселым и бодрым.

Он подошел к речному доктору, который пытался оживить бобров, смотрел, склонив голову и подняв одно ухо, как доктор снова протирает бобров целебной водой, и вдруг оглушительно залаял.

И тут – ну прямо чудо! – один из бобров открыл глаз, сжался от страха и боком-боком сполз в воду. Второй поспешил за ним. Высунув из воды только плоские морды, они быстро поплыли к дальнему берегу.

– Спасибо, Рыжик, – сказал речной доктор. – Это называется шоковая терапия. Ты их так перепугал, что они ожили.

Рыжик вилял хвостом, а вторая собака, темная, коротконогая – видно, среди ее предков была такса, – огорчилась, что все внимание обращено к Рыжику, подбежала к речному доктору и начала на него лаять.

– Возьмите, – сказала Ксюша, протягивая рубашку речному доктору. – Только она мокрая.

– Большое спасибо, – сказал речной доктор, натягивая рубашку. – Она на мне быстро высохнет. Тем более что нам предстоит сделать еще одно дело. Надо починить плотину. Бобры еще совсем слабые, вода в речке упала, их домик – наружу.

Речной доктор показал похожую на большой муравейник бобровую хатку, что поднималась из воды у дальнего берега речки.

Все вместе они быстро починили плотину.

Бобры, которые уже поняли, что люди не желают им зла, стали подтаскивать к плотине сучья, которые разбросали браконьеры, когда спускали воду из бобрового затона, чтобы отыскать бобров и убить их.

– Ну вот, – сказал речной доктор, когда плотина была восстановлена. – Теперь вода поднимется, и я надеюсь, что хозяева плотины ее быстро достроят.

Они пошли дальше, а бобры остались трудиться.

Солнце поднялось уже совсем высоко, через полчаса путешественники отыскали в речке глубокое место и искупались. А потом речной доктор вытащил из сумки флягу с каким-то кисловатым, терпким соком. Все выпили по глотку, только собаки пить не стали. От этого сока сразу пропала усталость и даже жара перестала мучить. Ребята почувствовали такую бодрость, что готовы были шагать до вечера без остановки.

Но шагать без остановки не пришлось. Вскоре они вышли к тому месту, где речка протекала под мостом. А по мосту проходила железная дорога.

За много лет под мостом и по сторонам его накопилось в воде много мусора: то из окна поезда что-то кинут, то прохожий сбросит с моста бутылку или банку...

Речной доктор нырял на дно и выбрасывал на берег ненужные предметы, а ребята стаскивали их в кучу. А когда, наконец, речной доктор ска-

зал, что речка стала чистой, Гарик сам достал из сумки пистолет, и речной доктор в одну минуту уничтожил на берегу кучу мусора и грязи.

– Вы не устали? – спросил он у своих спутников.

– Нет!

– Теперь начнется самая трудная работа.

Лес кончился. Дальше речка виляла по полю. Но посевы не доходили до самой реки – по обе ее стороны росли ивы.

Речной доктор надел темные очки.

– От солнца? – спросил Гарик.

– Нет, – сказал речной доктор. – Наша речка стала глубокой, не все на дне увидишь. А я ничего не хочу пропустить.

Они шли по берегу, и время от времени речной доктор останавливался, нырял и извлекал из воды ненужные речке вещи. В одном месте, недалеко от деревни, что тянулась по склону, он выволок из воды несколько темных бревен. Он сказал, что когда-то здесь был мост.

– А разве бревна речке мешают? – спросил Гарик.

– Да, мешают, – сказал речной доктор. – Есть речки, особенно в тех местах, где рубят лес, которые уже умерли, потому что их дно покрыто утонувшими бревнами. Ничто не может жить в такой речке.

Возле деревни были мостки. На мостках стояла женщина и стирала белье.

Речной доктор хотел подойти к ней, потом остановился, вздохнул и сказал:

– Вот с такими людьми труднее всего. Вроде бы они не делают ничего плохого, но речке вредят.

– А чем вредят? – спросил Гарик.

– Эта женщина стирает белье с мылом. А мыло вредно для воды.

– А что же ей делать?

– Надо стирать дома, а в речке белье можно только полоскать.

– Давайте я ей все объясню, – предложила Ксюша.

– Нет, – сказал речной доктор. – У нашей речки есть куда более опасные враги. Не будем тратить время.

Женщина, видно, почувствовала, что разговор идет о ней. Она выпрямилась и спросила:

– Куда путь держите?

– Мы идем в город, – сказала Ксюша.

– А на меня что глядите?

– Вы только не сердитесь, – сказала Ксюша. – Но вы стираете белье, а мыло губит рыбу.

– Какая у нас рыба! – засмеялась женщина. – Это при стариках, говорят, здесь рыба водилась. А теперь только лягушки.

– Вы неправы, – сказала Ксюша. – Ваша речка – самая чистая в мире. Она начинается от целебного родника, и вода в ней особенная.

– Что-то я не замечала.

– Вы не замечали, – сказала Ксюша, – потому что мы речку очистили только сегодня. И рыба в ней будет.

И, как будто услышав слова Ксюши, из воды выпрыгнула рыбина размером с Ксюшину руку. Рыба исчезла в воде, и по речке пошли широкие круги.

– Видели? – спросила Ксюша.

– Ой! – сказала женщина. – Отроду не видела.

– А теперь так всегда будет, – сказала Ксюша. – Только вы, пожалуйста, не стирайте здесь с мылом. Вы дома постирайте, а здесь полощите.

Женщина смотрела вниз, где у мостков резвились рыбки.

– Чудеса, – сказала она, – чудеса, да и только. И кто это сделал?

– А вот он, видите, уходит! Это речной доктор.

– Давно пора было речкой заняться, – сказала женщина, собирая белье в корзину. – А ты спроси у своего доктора, может, он скажет нашему председателю, чтобы лесок не рубил?

– Я ему обязательно передам, – пообещала Ксюша и побежала вслед за речным доктором.

Когда она догнала его, доктор сказал, не дожидаясь пока Ксюша начнет рассказывать:

– Спасибо тебе. Я надеюсь, что эта женщина будет вести себя иначе. А лесу я помочь, к сожалению, не могу. Я только речками командую.

– А у вас есть и лесной доктор? – спросил Гарик.

– Есть. Но он очень занят. Ему очень трудно...

Ксюша обернулась. Она увидела, что женщина стоит на мостках, прижав к боку таз с бельем. Увидела, что Ксюша обернулась, и помахала ей. Ксюша тоже помахала.

За деревней речка протекала сквозь еще один небольшой лесок. Здесь речной доктор тоже выпустил в воду банку мальков.

Лесок кончился, и когда они вышли из него, то увидели впереди высокие трубы завода и много низких корпусов.

– Вот наш враг, – сказал речной доктор.

И хотя завод был на вид совершенно обыкновенный и даже трубы его дымили несильно, ребята сразу догадались, что имеет в виду речной доктор.

– Они в нашу речку вредные вещества сливают, – сказал Гарик.

– Сейчас увидите, – ответил речной доктор.

Речка еще текла, как прежде, совсем чистая, трава по берегам была зеленая, но с каждым шагом Ксюше становилось все страшнее. Она чувствовала, как вот-вот речка кончится. Ей даже казалось, что она издали видит, как речка меняет цвет там, у завода.

Ксюша не ошиблась.

Завод сам к речке не подходил. Он остался на высоком берегу. Между его высоким бетонным забором и рекой тянулись какие-то склады, а еще ниже, у самой воды, было несколько огородиков, рядами сбегали к реке кустики картошки.

Между двумя огородами улеглась толстая труба, наполовину погруженная в землю. Труба нависала над речкой, и из нее в речку лениво изливался густой поток бурого цвета. И видно было, как жуткая жижа расплывается в прозрачной воде, вытесняет ее, смешивается с ней – и дальше вниз текла уже не вода, а жидкость, которой нет названия.

Они остановились возле трубы.

Ксюша увидела, как несколько рыбок, что плыли за ними сверху, засуетились возле границы между водой и жидкостью и поспешили обратно.

Жижа, которая изливалась из трубы, была вонючей, пахла аптекой и уборной.

– Доктор! – сказала Ксюша в ужасе. – Скорее закройте трубу.

– А дальше что? – спросил речной доктор. – Они ее тут же откроют.

– Все равно что-то надо сделать, – сказал Гарик. – А то зачем мы очистили речку?

Ксюша увидела, как одна из рыбок, видно рассеянная, нечаянно вплыла в зараженную часть реки и тут же перевернулась белым брюшком вверх. И ее понесло вниз по течению.

– Что? – раздался голос. – Не нравится вам наша речка?

Голос принадлежал старичку, маленькому, скрюченному, в широкополой соломенной шляпе, который стоял, опершись о лопату, посреди огорода.

– Не то слово, – сказал речной доктор. – Но неужели вам все равно?

– Нам не все равно, – ответил старичок. – Только нас никто не спрашивает.

– Разве они не видят? – спросила Ксюша, показывая на завод.

– Они штрафы платят, – ответил старичок. – Им лучше штраф заплатить, чем безобразие прекратить.

– И все молчат? – спросил Гарик.

– Почему все? Есть у нас один, он даже в газете написал.

– И что же?

– Уволили его с завода за плохую дисциплину.

– И он сдался? – спросила Ксюша.

– Он не сдался. Он глупый, он думает, что-то можно изменить.

– А где он?

– Вон там – у входа стоит.

Старичок показал вверх. Туда, где в заборе были ворота. В ворота входили и выходили люди, а возле ворот стояла маленькая фигурка с белым плакатиком.

– Пошли посмотрим, – сказал речной доктор.

Они поднялись вдоль трубы наверх, прошли вдоль бетонного забора и оказались у ворот.

Человек, на которого показал старичок, оказался мрачным, коренастым пожилым мужчиной. Он держал прикрепленный к палке плакат. На плакате было написано: «Губить природу – преступление!»

Люди шли мимо, некоторые улыбались, некоторые останавливались, некоторые укоризненно качали головой.

– Здравствуйте, – сказала Ксюша. – Вы хотите спасти нашу речку?

Мужчина сказал:

– Да, я буду здесь стоять, пока не спасу речку.

– Значит, вы наш союзник, – сказал Гарик. – Только мы не стоим, а идем. Мы сегодня уже тысячу километров прошли и всю речку очистили.

– Что? – раздался голос. – Не нравится вам наша речка?
Голос принадлежал старичку в широкополой соломенной шляпе.

– Мне приятно с вами познакомиться, – сказал речной доктор. – Гарик говорит правду. Мы в самом деле хотим очистить речку, чтобы люди в ней могли купаться, пить воду и ловить рыбу.

– Боюсь, что ничего не получится, – сказал мужчина. – Меня зовут Петр Ванечкин. Я раньше здесь работал. Но я очень устал. Никто не обращает на меня внимания.

– Но почему? – удивилась Ксюша.

Тут из ворот выбежал очень худой человек в черном костюме.

– Освободите проход! – закричал он на Петра Ванечкина. – Вы мешаете нормальной работе. Я милицию вызову.

– Вызывай, Кузькин, – сказал Ванечкин.

– Эй! – крикнул Кузькин проходившим мимо рабочим. – Помогите мне его выгнать.

Но рабочие только засмеялись.

Кузькин начал толкать Ванечкина. Он старался вырвать у него плакат. Это ему почти удалось, но в последний момент Гарик подхватил плакат и отбежал с ним в сторону.

Кузькин хотел бежать за Гариком, но его остановил речной доктор.

– Кузькин? – спросил он. – Тимофей Викторович? Главный технолог?

– Я самый, – сказал Кузькин.

– Вот с вами я и хотел поговорить, – сказал речной доктор. – Ваш завод сбрасывает в речку отравляющие вещества. Я очень прошу вас прекратить это.

– Еще вас мне не хватало! – рассердился Кузькин. – С минуты на минуту Лодзинский из управления приедет. А мы тут безобразие допускаем. А что, если с ним телевидение будет?

– Не надо ждать, пока будет телевидение, – сказал речной доктор. – Сейчас же прекратите сбрасывать отраву.

– Производство остановить, да? – закричал Кузькин. – Народ оставить без ценной продукции? Вы – не знаю, как вас зовут – типичный диверсант и вредитель. А ну, покажи документы!

– Ах, Кузькин, Кузькин! – сказал печально речной доктор. – Я же знаю, почему вы так сердитесь. Вы же экономите на средствах очистки и за эту экономию получаете премию. Вы же ни о чем, кроме своей премии, ду-

мать не можете. Даже если вся Земля развалится, вы все равно бровью не поведете – только бы премию получить.

– Это точно, – сказал один из рабочих, что стояли вокруг.

– Есть уже шесть постановлений прекратить на заводе производство вредных для здоровья веществ. А вы с директором эти документы прячете.

– Мы не прячем! – возразил Кузькин. – Мы о рабочих заботимся. Если мы производство остановим, они зарплату не получат.

– Кузькин, я вас предупредил, – сказал речной доктор. – Я с обманщиками и вредителями природы шутить не люблю. Немедленно прекратите сбрасывать в речку вредные вещества. Вы меня слышите?

– Может, вы инспектор? – спросил Кузькин. – Тогда я скажу – инспекция у нас уже работала. У меня есть документ, что выбросы завода в пределах нормы. И штрафы мы все заплатили, как положено.

– Я не хочу смотреть на ваши бумажки, – сказал речной доктор. – Бумажками речку не спасти. К таким, как вы и ваш директор, у меня нет жалости. Вы не только убиваете речку, вы убиваете всех людей. Не сегодня, так завтра люди начнут серьезно болеть.

– Товарищи трудящиеся! – завопил Кузькин. – Вы его слышите? Он хочет остановить наше замечательное производство. Вы не получите зарплату и премию! Ваши дети будут голодные!

Рабочие молчали. Конечно, некоторым было все равно, какая река – грязная или чистая. Другим было жалко речку. Но не настолько, чтобы из-за нее оставаться без работы.

– Хватит, надоело, – сказал речной доктор. – Я пошел.

И он быстро пошел вниз, к тому месту, где из трубы лилась отрава.

– Только без самоуправства! – испугался Кузькин.

Он вытащил из кармана свисток и засвистел в него.

Из ворот выглянул пожилой вахтер.

– Взять его! – крикнул Кузькин, показывая на речного доктора. – Он без документов.

Вахтер неуверенно пошел следом за речным доктором.

Но речной доктор был не один. Рядом с ним шагали Ксюша и Гарик, а следом шел Петр Ванечкин с плакатом. А в отдалении шли несколько рабочих, которым было интересно поглядеть, чем все это кончится.

Кузькин догнал речного доктора у самой реки.

Речной доктор ждал его.

– Я сейчас... Я сейчас... – Кузькин задыхался от бега и ярости. – Ты только тронь!

Но речной доктор ничего не стал делать с трубой. Вместо этого он ловко схватил Кузькина, поднял его в воздух, и тот на глазах у всех превратился в худую длинную щуку.

– Попробуй сам, – сказал речной доктор и кинул Кузькина в воду недалеко от трубы.

Все так растерялись, что стояли с разинутыми ртами. Только Ксюша и Гарик не удивились.

Щука заметалась в грязной воде, выпрыгнула, выпучив белые глаза, и отчаянно поплыла вверх, к чистой воде. Она разевала рот, била хвостом, потом поплыла к берегу – видно, хотела упросить речного доктора, чтобы он вернул ей человеческий облик.

Речной доктор стоял на берегу, сложив руки на груди, и ничего не делал.

Зато Рыжик вдруг кинулся в воду, догнал щуку – Кузькина, который неловко пытался уйти от собаки в глубину, схватил главного технолога зубами за хвост и выволок на берег. Так, держа за хвост, он притащил его к речному доктору и кинул на траву у его ног.

– Ну что? – спросил речной доктор у щуки. – Хотите еще плавать или начнете думать?

Щука закрутилась у ног речного доктора. Рыжик зарычал и хотел было снова схватить рыбину, но она превратилась в человека, и собаке с сожалением пришлось отойти.

Кузькин кашлял, хлопал глазами. Все стояли вокруг и молчали.

Наконец Кузькин пришел в себя и сказал:

– Я буду жаловаться!

– На что? – спросил речной доктор.

– Я буду жаловаться, что вы меня схватили при исполнении служебных обязанностей и чуть не погубили. Пытались погубить!

– Каким же образом?

– Сами знаете! Там дышать невозможно!

– Теперь вы знаете, каково рыбам в такой воде?

– Я не рыба! Я главный технолог.

Но речной доктор ничего не стал делать с трубой.
Вместо этого он ловко схватил Кузькина.

– Послушайте, Кузькин, вы мне надоели. Если вы будете и дальше сопротивляться, то я вас заставлю эту воду пить.

Тут не выдержали нервы у зрителей.

– Ну, это слишком! – раздались голоса из толпы.

– У него же дети есть!

– Все-таки живой человек!

Кузькин сразу осмелел.

– Все будете свидетелями! – сказал он. – Мы его засудим.

– Вы, по-моему, ничего не поняли, – сказал речной доктор. – Я сюда пришел не развлекаться, а спасти речку. Для этого мне нужно, чтобы речку перестали травить. Разве это так сложно понять?

– Хулиган, – сказал Кузькин.

Тут он весь подобрался, как тигр перед прыжком, и кинулся вверх по склону, к воротам, куда как раз въезжала «Волга».

– Из управления едут, – проговорил Ванечкин.

– Странный человек, – сказал речной доктор. – Я такого просто не встречал. Он совсем не испугался, что я превратил его в щуку. Он об этом сразу забыл.

– Он у нас такой, – сказал один из зрителей. – Он мать продаст за премию.

Видно было, как Кузькин подбежал к машине. Из нее вышел человек. Другой спешил к машине от ворот.

– Вот и директор прибежал, – сказал Ванечкин. – Учтите: если вам станет плохо, если на вас будут гонения, я с вами!

– Чего из-за речки переживать? – спросил один из рабочих. – Она уж лет десять как отравленная, а ничего, живем.

– Жить можно и по горло в болоте, – сказал Ванечкин. – И думать, что лучше жизни нету. Если не с чем сравнивать.

– Почему не с чем? – спросил рабочий. – Я Черное море видел – в него тоже помои сбрасывают.

Но разговор кончить не удалось, потому что с горы спешил Кузькин с солидным подкреплением: директором и Лодзинским из управления.

– Вот он! – кричал Кузькин. – Он себе позволяет!

– Так, – сказал директор, подходя первым. – Кузькин утверждает, что вы здесь фокусы показываете, людей превращаете в рыб, чтобы испугать

наших трудящихся. Так вот, отвечу вам со всей ответственностью: нас не запугаете! Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая держава.

– Попрошу документы, – сказал Лодзинский из управления. – Если вы общественность, вам надо действовать через положенные каналы. У вас есть разрешение на демонстрацию?

– По-моему, они безнадежные, – сказал речной доктор.

– Совершенно безнадежные, – согласился с ним Ванечкин.

– Может, их тоже в рыб превратить? – спросил речной доктор. – Пускай дышат тем, что в реку спускают.

– Попрошу без фокусов, – сказал Лодзинский, но на всякий случай отступил подальше.

– Начнем, как всегда, с Кузькина, – сказал речной доктор, поднимая руку.

Но тут Кузькин припустился в гору с такой скоростью, что обогнал собственный визг.

– Тогда ваша очередь, товарищ директор, – сказал речной доктор.

– Милиция! – закричал директор. – Нас превращают!

И тоже побежал наверх. За ним Лодзинский из управления.

А из трубы все текла и текла страшная жижа.

– Надо остановить производство, – сказал Ванечкин. – Они не выполняют указаний санинспекции.

– А как остановить? – спросил речной доктор.

– Технологию надо менять.

– К сожалению, этого я не умею, – сказал речной доктор. – Я специалист по речкам, а не по заводам.

– Надо сделать замкнутый цикл, – сказал один из рабочих.

– А как? – спросил речной доктор.

– Чтобы ничего с завода не выливалось.

– А потом? Они его опять разомкнут?

– Пока они будут размыкать, – сказал Ванечкин, – я до Москвы дойду! Мы их остановим.

– Я попробую, – сказал речной доктор.

Он наморщил лоб, уставился на трубу и принялся что-то бормотать.

От речного доктора исходило такое напряжение, что у окружающих из пальцев посыпались искры.

И вдруг у всех на глазах труба начала двигаться. Она двигалась, как огромная змея: голова, из которой хлестала жижа, приподнялась и обернулась к заводу. Она поднималась, волоча за собой длинное тело, а грязный поток, выливаясь, потек по огороду, отчего молодые кусты картошки начали съеживаться и вянуть.

– Стой! Стой! – закричал старичок-огородник. – Меня-то за что?

– Я исправлю, – сказал молодой человек. – Зато все теперь видят, что значит отрава, которую выпускает ваш завод.

А тем временем голова трубы добралась до бетонного забора, проломила его и исчезла на заводском дворе.

– А что там будет? – спросил кто-то из рабочих.

– Сейчас увидите.

Над забором стояло большое здание заводоуправления. И тут все увидели, как труба начала подниматься по стенке здания, добралась до окна на втором этаже. Разлетелись стекла – голова трубы исчезла в комнате.

– А что там? – спросила Ксюша.

– Там кабинет директора, – сказал Ванечкин.

Целую минуту ничего не происходило – видно было только, как труба все втягивается и втягивается в окно.

А потом в здании начали раскрываться окна, и из окон принялись выпрыгивать люди.

Труба уже полностью уползла со склона.

– А что дальше будет? – спросила Ксюша.

– Наш конец трубы, – сказал речной доктор, – отыскал уже второй конец, в который собиралась с завода эта жижа. Теперь жижа будет течь по кругу. Я правильно понял, что такое замкнутый цикл?

– Нет, неправильно, – вздохнул Ванечкин. – Вы плохо знаете технологию. Ведь в трубе останется только та жижа, которая там была. А новая?

Из ворот выбежали директор, Кузькин и Лодзинский из управления, все измазанные. Они попрыгали в машину, но шофер, который их там ждал, открыл дверь и из машины убежал.

– Очень плохо пахнут, – сказал Ванечкин.

Директор, Кузькин и Лодзинский принялись бегать за шофером.

– Я думаю, – сказал речной доктор, – что с такой трубой этот завод работать не сможет.

– Это точно, – сказал Ванечкин. – Придется им останавливать производство.

Он протянул руку речному доктору, попрощался с ним и сказал:

– Я поехал в Москву. Пока они будут разбираться, я успею что-нибудь сделать.

Наконец Кузькин поймал шофера, втроем они затолкали его в машину, и «Волга» уехала.

– Вы бы ушли, – сказал один из рабочих речному доктору. – Они сейчас милицию вызовут. Вам придется отвечать за хулиганство.

Речной доктор словно его не слышал. Он смотрел, как одна за другой переставали дымить трубы завода.

– Ой! – воскликнул старичок-огородник. – Вы только поглядите!

Они обернулись к реке.

Темная жижа исчезла – уплыла вниз по течению. И вся река была прозрачна, как горный ручей. Сверху приплыли рыбы и резвились в воде. На дне были виден каждый камешек.

А на берегах реки ниже по течению, на берегах голых и серых, на глазах вылезала из земли трава.

– Слушай, – сказал один рабочий другому. – Давай искупаемся.

И все рабочие начали раздеваться и прыгать с берега в воду.

– Лучше, чем в Черном море! – закричал один из них.

– Спасибо, речной доктор! – закричал другой.

– Мне не надо вашей благодарности, – сказал речной доктор. – Я прошу об одном: не давайте жиже из трубы снова выливаться в эту реку. Это же ваша вода!

– Не учи, сами понимаем! – послышалось в ответ.

– Пойдем дальше, – сказал речной доктор. – Меня не оставляет беспокойство. А что, если у Ванечкина ничего не получится?

Ребята молчали. Они не знали, получится у Ванечкина или нет.

– Конечно, я мог бы взорвать этот завод, – сказал речной доктор. – Но если каждый начнет взрывать, это плохо кончится.

Они хотели уйти, но их остановил старичок-огородник. Он напомнил речному доктору, что тот обещал вылечить его картошку. И речной доктор сделал это без труда, за одну минуту – рабочие еще не успели из реки вылезти.

Когда речной доктор, Гарик, Ксюша и собаки пошли дальше вниз по прозрачной реке, рабочие кричали им, что они будут помогать реке. И еще советовали уходить поскорее...

Скоро завод остался позади.

За ним начался заводской поселок. В нем были пятиэтажные дома, но больше одноэтажных домиков.

У поселка река была перегорожена дамбой, чтобы получился пруд.

Видно, устроили его давно, когда еще не было завода. А теперь он превратился в большой вонючий отстойник – ни одна травинка не росла по его берегам, ни одно дерево не подступало близко. Только зеленые блины тины покачивались у берегов.

Прозрачная вода речки вливалась в пруд, и видно было, что в верхней его части вода начинает светлеть и очищаться.

– Давайте посмотрим, – сказала Ксюша, которая немного устала, – как этот пруд сам по себе очистится.

– Нет, – сказал Гарик. – Надо уходить. Ты же слышала, что они милицию позовут.

– А мы ничего плохого не сделали.

– Как не сделали? – возразил Гарик. – Все-таки целый завод остановили. И директора испачкали, и Кузькина в щуку превращали.

Он говорил «мы», потому что считал, что они все делают вместе с речным доктором. Он вообще думал попроситься к доктору в ученики. Все же интереснее, чем ходить в школу и учить таблицу умножения.

Речной доктор вроде бы их не слышал. Он осмотрел пруд и сказал:

– Ждать, пока он сам очистится, нельзя. Там на дне столько скопилось вредных веществ, что пруд и за месяц не промыть. Придется действовать.

– А милиция? – спросил Гарик.

– Будем рисковать. Может, они не догадаются сюда за нами прийти.

Речной доктор быстро пошел вдоль пруда, остановился возле дамбы, сквозь которую по бетонному желобу протекала серая речка, а потом посмотрел вниз по течению.

– Эй! – крикнул он тоненькой девушке в противогазе, которая шла по голому берегу реки, читая журнал. – Отойдите от реки, сейчас я ее спускать буду!

– Что вы сказали? – спросила девушка. Голос сквозь маску звучал глухо.

Речной доктор показал ей рукой, что надо отойти.

Девушка не стала спорить. Продолжая читать, она пошла вверх по склону.

– Странная какая, – сказала Ксюша.

– Приготовились, спускаем пруд! – предупредил доктор.

Он направил свой пистолет на дамбу, и в ней образовался прорыв, сквозь который с плеском и стоном понеслась вниз вода, заливая серые берега. А серая жидкость в пруду стала понижаться, обнажая такое же серое дно.

Девушка, увидев, что началось наводнение, перестала читать и поспешила к речному доктору.

– Что вы делаете? – спросила она. – И без вас дышать нечем!

– Я хочу, чтобы вы сняли противогаз.

– Это невозможно, – сказала девушка. – У нас в поселке все ходят в противогазах. Даже спят в противогазах. Товарищ Кузькин сказал, что у нас самые лучшие в мире противогазы.

– Зачем же вы все это терпите? – спросил речной доктор.

– А мы не терпим, мы привыкли, – сказала девушка. – Я даже хожу гулять на берег. Если в противогазе, то не очень противно.

– Нельзя! – вдруг закричал речной доктор. – Нельзя привыкать! Вы не смеете привыкать к грязи и ничтожеству! Вы перестанете быть людьми, если разрешите каким-то негодяям губить природу и убивать вас! Неужели вы не знаете, что человек – это только маленькая часть природы?

– Зачем же кричать? – удивилась девушка. – Я и так все слышу. Я с вами совершенно согласна. Но мы ничего не можем поделать. И если вы спустите воду из нашего пруда, то завтра в него снова нальют такую же гадость.

– А вы посмотрите! – воскликнула Ксюша. – Вы посмотрите, какая вода течет!

И только тут девушка увидела, что вместо серой грязи в пруд вливается прозрачный поток.

– Как? – удивилась она. – Неужели так может быть?

Она побежала к домам и стала кричать:

– Мама! Тетя Дуся! Галя, Валя, Маля! Идите сюда! Здесь чистая вода!

А воды в пруду оставалось все меньше.

– Эх, – сказал речной доктор, – аккумуляторы нейтрализатора садятся. Не думал я, что придется сегодня так много работать.

Он направил широкий луч на серую массу на дне, и она начала исчезать. Ее было так много, что воздух согрелся, и Ксюша с Гариком отбежали от берега. Собаки за ними: у пруда было очень жарко.

Серая тина, серый ил, серый камень, в который превратилась за годы грязь на дне, исчезали. Речной доктор спешил. Он изо всех сил нажимал на курок своего пистолета.

Над прудом стоял пар, потому что речка приносила чистую воду, и вода спешила наполнить углубления в дне.

Вскоре речной доктор скрылся за клубами пара.

А от поселка бежали люди, все в противогазах. Они боялись подойти к пруду и спешили по его берегу вверх, туда, где в него вливалась прозрачная вода.

Ксюша не знала, сколько прошло времени. Наверное, не очень много – у речного доктора пистолет мощный.

У ее ног плескалась прозрачная вода, и кипела она уже только у дамбы.

Раздался гудок.

От поселка неслись две машины – «Волга» и милицейский «газик».

Они остановились недалеко от пруда.

Первым вскочил Кузькин. За ним вылезли директор завода и Лодзинский из управления. Из «газика» вышли милиционеры и в изумлении глядели на неузнаваемый пруд.

Речного доктора они не видели, потому что он был скрыт в клубах пара, но Ксюшу с Гариком Кузькин увидел сразу.

– Вот они! – закричал он. – Его сообщники. Они одна компания.

Клубы пара рассеивались. Стало видно, что на разрушенной дамбе стоит молодой человек с сумкой через плечо. В руках у него ничего нет.

– Держи его! – Директор побежал к речному доктору.

За ним – Кузькин и Лодзинский. Правда, Кузькин и Лодзинский отстали – они не хотели, чтобы их превращали в рыб.

Речной доктор стоял неподвижно. Он не смотрел на директора, он осматривал бывший пруд и был доволен. По очищенной земле текла прозрачная река.

Директор остановился возле речного доктора и сказал:

– Сдавайся, хулиган.

– Я никуда не убегаю, – сказал речной доктор.

Тут подошли два милиционера. Лейтенант и сержант.

– Что вы тут делаете? – спросил лейтенант.

– Разве не видно? – удивился речной доктор. – Я очистил ваш пруд.

– И правда, очистил, – удивился сержант.

– А завод вы остановили? – спросил лейтенант.

– Его давно нужно было остановить. Это не завод, а убийца, – сказал речной доктор.

– Вам придется пройти с нами, – сказал лейтенант.

– Осторожнее! – предупредил Кузькин издали. – А то он вас в рыбу превратит.

– Я ничего не делаю из хулиганства, – сказал речной доктор. – Я вообще очень серьезный. И я думаю, что лучше вам меня не задерживать, потому что я еще не кончил мою работу.

К ним стали подходить жители поселка. Они снимали противогазы. Первой к речному доктору подошла девушка с книжкой. Без противогаза она казалась очень красивой, только бледной.

– Большое спасибо, – сказала она. – Вы сделали очень хорошее дело.

– Спасибо! – говорили другие жители поселка.

– Не задерживайтесь, – сказал лейтенант.

Он взял речного доктора за локоть.

Жители поселка стали шуметь и требовать, чтобы доктора отпустили.

– А мы его не обижаем, – сказал сержант. – Вы нас тоже должны понять. К нам поступила жалоба, что этот человек остановил целый завод. И тут непонятно, что делал. Мы разберемся, и, если человек ни в чем не виноват – проверим документы и выпустим.

– Они правы, – сказал речной доктор. – Они на работе. Я пойду с ними и скоро вернусь.

Он снял с плеча сумку и передал ее Гарику.

– У нас еще осталось много работы, – сказал он. – Увидимся ниже по течению.

Милиционеры повели речного доктора к своему «газику».

А Кузькин побежал за ними следом. Он кричал:

– Сообщников возьмите! Пока они на свободе, я не могу спать спокойно.

Но лейтенант только отмахнулся, а сержант обернулся и спросил:

– Вы дорогу домой найдете?

– Найдем, – сказала Ксюша.

Речной доктор, садясь в «газик», улыбнулся им и подмигнул.

Гарик кивнул в ответ.

Машины уехали. Жители поселка разбрелись по берегу. Они любовались речкой и с удовольствием дышали свежим воздухом. Возле ребят остались только девушка, которую звали Милой, и ее тетя Дуся.

– Пошли к нам, – сказала тетя Дуся. – Он вам кем приходится?

– Он наш друг, – сказала Ксюша.

– Небось далеко от дома вас увел?

– Нет, недалеко, – быстро ответил Гарик. Он не хотел, чтобы взрослые начали суетиться, если узнают, как далеко отсюда он живет.

– Мы пойдем вниз по реке, – сказала Ксюша. – Речной доктор будет нас там ждать.

– Не выпустят его, – возразила тетя Дуся. – Для нас он хороший человек, а завод все-таки без спросу остановил.

– Мы пошли, – сказал Гарик.

– Нет, – сказала Мила. – Я вас одних не отпущу. Хотите идти вниз по реке, пойдете со мной.

Гарик с Ксюшей переглянулись.

– Ладно, – сказал Гарик.

Все-таки лучше идти с девушкой, чем совсем одним.

– А то заходите, пообедайте, – сказала тетя Дуся.

Но Гарик ее уже не слушал. Он понимал, что теперь, раз речного доктора нет, спасателем реки придется быть ему самому.

Он сунул, не глядя, руку в сумку, и тут же его пальцы нащупали ворох семян. Гарик вытащил пригоршню семян и побежал по берегу, раскидывая их вокруг пруда. Так он добежал до прорыва в дамбе и не знал что

делать дальше, как засеять дальний берег пруда. Но тут внезапно налетел сильный порыв ветра, его пальцы сами разжались, и семена понеслись на тот берег, ровно ложась на землю, – и всюду вокруг пруда начала подниматься зеленая трава.

И жители поселка, которые гуляли по берегу, начали хлопать в ладоши и смеяться – это было как фокус, как во сне.

А ребята с Милой пошли дальше вниз по реке.

За ними побежали собаки, которые куда-то убегали, пока речной доктор лечил пруд. И понятно: для их чутких носов запах пруда был совершенно невыносим.

Гарик время от времени запускал руку в сумку и рассеивал по берегу семена. И берег становился из серого зеленым.

– А кто он такой? – спросила Мила. – Он такой красивый и веселый.

– Он речной доктор, – сказал Гарик.

– А может быть, он речной бог, – сказала Ксюша.

– Я думаю, он биолог, – сказала Мила. – И очень способный.

Чем дальше они спускались по реке, тем удивительнее было видеть, как на глазах она возрождалась. Если бы речной доктор был рядом, он объяснил бы друзьям, что сама вода, чистая и целебная, может лечить природу. Вот уже без помощи Гарика трава начала сама пробиваться на берегах: распрямлялись пожелтевшие раньше времени и пожухшие листья кустов; мальки, приплывшие сверху, сверкали среди водорослей, а невесть откуда приползшие раки уже рыли норы под берегом. Стрекозы носились над водой, гонялись за мушками, а синицы – за стрекозами. А лишние мертвые вещи старались исчезнуть с глаз. Ксюша собственными глазами видела, как ржавая кастрюля, которая валялась в тине, как только ее промыло чистой водой, принялась быстро погружаться в песок, с глаз долой...

Солнце уже перевалило зенит, и ребята и собаки устали, но признаваться в этом не хотели.

– А где он будет нас ждать? – спросила Ксюша у Гарика.

– Ниже по течению, – ответил Гарик.

Разумеется, он тоже не знал, где встретит речного доктора, но верил, что доктор умнее и сильнее всех, даже милиционеров. И если он сказал, что надо идти вниз по реке, значит, надо идти. Теперь Гарик был главным, у него была сумка. Он стал если не доктором, то речным санитаром.

Мила, конечно, этого понять не могла. Она речного доктора совсем не знала. Хотя он ей очень понравился. Поэтому она беспокоилась о нем совсем иначе.

– Может, пойти в милицию? – спросила она. – Мы попросим отдать нам доктора на поруки. Если нужно, я весь наш поселок подниму. Ведь люди ему очень благодарны.

– Подожди, – сказал Гарик. – Я думаю, он сам выпутается. Давай дойдем вон до того поворота. Если доктора нет, значит, надо выручать. В крайнем случае, я знаю, как его освободить.

Гарик не стал говорить женщинам, как он намерен освобождать речного доктора. Это была тайна. Они бы испугались.

В сумке у Гарика, как известно, лежал пистолет. Если этим пистолетом можно разрушить дамбу или расплавить бетонную плиту, то уж стену отделения милиции или даже тюрьмы ничего не стоит. Надо только выбрать время, когда никто не смотрит, сделать дырку в стене – и доктор выйдет на свободу.

По правому берегу, по которому они шли, начали появляться дачи. Потом показался пионерский лагерь. Множество ребят выбежали к реке. Они радовались, какая в ней чистая вода, и хотели купаться. Но вожатые не пускали их в речку.

– Нельзя! – повторяла кругленькая вожатая. – Вы же знаете, река отравлена.

– Но она чистая! – отвечали пионеры.

– Это только кажется, что она чистая. Мы не знаем, какие вещества в ней растворены.

– Никаких веществ, – сказал, подходя, Гарик. – Я вам это гарантирую.

– Мальчик! – воскликнула вожатая. – Откуда ты можешь знать? Пока санитарный врач не разрешит, я не могу рисковать здоровьем детей.

Собаки словно поняли, о чем идет спор, – побежали к воде, подняли столб хрустальных брызг и поплыли от берега.

Ксюша подобрала сарафан и вошла в воду по колени.

– Девочка! Прекрати немедленно! – испугалась вожатая.

Ксюша засмеялась и бухнулась в воду. Было жарко – сарафан быстро высохнет.

И тогда дети перестали слушаться вожатую и кинулись в реку.

– Не волнуйтесь, – сказала Мила вожатой. – Я точно знаю, что река очищена. Завод перестал работать. Его закрыли.

– Вы уверены? – спросила вожатая. – Ваши дети неорганизованные, а за моих я отвечаю.

– Вы лучше сама искупайтесь, – сказал Гарик строго. – Смотрите, какая жарища.

– Купаться я не буду, – сказала вожатая. – Но мой долг идти в воду, чтобы с детьми чего-нибудь не случилось. К счастью, я в купальнике.

Она сбросила платье и осторожно вошла в воду. Сначала по щиколотки, потом по колени. Вода весело плескалась у ее ног, заманивая вглубь. И тут вожатая не выдержала. Она взвизгнула, зажмурилась и нырнула, отчего поднялся фонтан брызг.

На середине реки показалась ее голова. Голова крутилась во все стороны, и вожатая кричала:

– Далеко не отплывать! Не нырять! Не окунаться!

Но все ныряли, отплывали и окунались.

– Ксюша! – позвал Гарик. – Нам надо спешить. Вылезай.

Ксюша с сожалением вылезла из воды. И они пошли дальше.

Ниже лагеря снова начался лес. Лес был молоденький, сосновый. Саженцы росли прямыми рядами. Там в речку впадала другая речушка. Путники остановились, размышляя, как через нее перебраться. Речушка была узкой, но глубокой.

Гарик увидел, что через речушку перекинуто бревно. К нему вела тропинка. Рядом с тропинкой была вывеска, прибитая к столбу:

ИВАНОВСКОЕ ЛЕСНИЧЕСТВО
ЗАПОВЕДНИК
СОСНОВЫЙ ПИТОМНИК

Гарик первым перешел речку по бревну.

Бревно было тонкое, оно качалось, поэтому переходить было трудно.

– Осторожнее! – сказал Гарик Ксюше.

Он встал на берегу и протянул руку, чтобы Ксюше было за что схватиться.

Ксюша легко перебежала по бревну, но в последний момент потеряла равновесие, и Гарик еле успел схватить ее за руку.

Мила сделала первый шаг по бревну и сказала:

– Ой, я сейчас упаду.

И как только она решила, что сейчас упадет, ноги ее ослабли, она отчаянно замахала руками – и Гарик, который бросился к ней на помощь, сам чуть не упал в воду.

Быстро махая руками, словно хотела взлететь в небо, Мила ухнула в речку.

На секунду она скрылась под водой.

И тут же вода вскипела, словно Мила там встретилась с крокодилом и вступила с ним в смертельную схватку. Гарик с Ксюшей замерли от удивления, а собаки принялись носиться вдоль берега и отчаянно лаять.

Из-под воды показались две головы.

Одна принадлежала Миле, а вторая – другой девушке, которой раньше не было.

Обе головы отфыркивались, крутились, отплевывались.

Четыре руки колотили по поверхности воды, и казалось, что узенькая речка вот-вот выплеснется на берег.

Правда, девушкам ничего не угрожало – они вынырнули как раз в двух шагах от большой ивы, что росла на берегу, затеняя своей листвой темную воду речки.

Через минуту обе девушки уже были на берегу.

Обе тряслись от пережитого страха, обе обняли с разных сторон ствол ивы.

Тогда ребята смогли их рассмотреть.

Впрочем, Милу рассматривать не было нужды – она не изменилась, только промокла, и ее пышные черные волосы распрямились и прижались к голове. Зато вторая девушка их удивила.

Во-первых, она была очень бледной и у нее были зеленоватые прямые волосы точно такого же оттенка, как у речного доктора. Но и это не самое удивительное: девушка была одета в купальный костюм зеленого цвета. Он был составлен из чешуек, которые переливались перламутровым блеском.

Девушка перевела дух и сказала низким, хрипловатым голосом:

– Я думала, что умру от страха.

– А я почти умерла, – отозвалась Мила.

Правда, девушкам ничего не угрожало – они вынырнули как раз в двух шагах от большой ивы.

– Ну, зачем же вы падаете людям на голову? – спросила зеленая девушка.

– Я же не знала, что вы сидите под мостиком, – сказала Мила. – К тому же, я нечаянно упала.

– Я не сидела под мостиком, – обиделась зеленая девушка. – Что мне там делать? Я плыла.

– Что-то мы вас не видели, – сказал недоверчиво Гарик.

– А как вы могли меня увидеть, если я плыла под водой?

– Вы подводная пловчиха?

– Это не важно, – сказала зеленая девушка. – До свидания.

И повернулась, чтобы снова войти в воду.

Но тут же обернулась, и лицо ее было испуганным, словно она увидела привидение.

– Где ты это взял? – спросила она, указывая на сумку, которая висела через плечо Гарика.

– Что взял?

– Сумку. Где ты взял эту сумку?

– Мне речной доктор дал, – сказал Гарик.

– Речной доктор? А, конечно, он себя так называет. Но где он сам?

– Вы его знаете? – спросил Гарик.

– Знаю, знаю! Не увиливай от ответа, мальчик. Ты украл эту сумку?

– Как вам не стыдно! – возмутилась Мила. – Речной доктор сам дал Гарику эту сумку. При мне. Гарик ему помогает.

– Значит, случилось что-то страшное! – воскликнула зеленая девушка. – Только не скрывайте от меня всей правды! Он никогда бы не расстался с сумкой. Что с ним, умоляю, что с ним? Его убили?

Ксюша поняла, что девушка в самом деле очень испугана и переживает. Может, она его сестра? У них волосы одного цвета.

– Ничего страшного. – Ксюша постаралась успокоить зеленую девушку. – Речной доктор попал в милицию. Но он скоро оттуда уйдет, мы договорились, что подождем его.

– В милицию? Разве он совершил что-то ужасное? Нет, не скрывайте от меня ничего. Лучше страшная правда, чем жалкая ложь.

И тогда Ксюша – конечно, очень коротко, в нескольких словах, – рассказала зеленой девушке, как они познакомились с речным доктором, как путешествовали по реке и что случилось на заводе, а потом на пруду.

Зеленая девушка выслушала рассказ не перебивая, только кивала и иногда вздыхала. А когда Ксюша поведала ей, как речного доктора арестовали, на глазах у нее показались слезы, сорвались с длинных ресниц и покатились по щекам. И Ксюша поняла, что слезы у девушки тоже зеленые. Хотя, может быть, на ее лицо падала тень от листвы.

– И он сказал, чтобы вы его ждали? – спросила она наконец.

– Он велел нам идти вниз по реке, – ответил Гарик.

– А где, в каком месте вы должны встретиться?

– Я не знаю.

– Все это очень плохо, – сказала зеленая девушка. – Я очень обеспокоена.

– Почему же вы о нем беспокоитесь? – спросила Мила. Ей девушка не очень понравилась.

Мила понимала, что девушка знакома с речным доктором, а Миле доктор очень понравился. И она немного ревновала и считала, что зеленой девушке совсем не стоило таиться под бревном и пугать Милу.

– Мы с ним одной крови, – ответила девушка. – Мы с ним родственники.

– А я думал, он инопланетный пришелец, – сказал Гарик.

– Не говори глупостей, – сказала зеленая девушка. – И отдай сумку. Тебе еще рано до нее дотрагиваться.

– Речной доктор мне ее дал, ему я ее и отдам, – сказал Гарик. – А вас я не знаю. И не знаю, где вы были, когда мы сражались на реке и в лесу.

– Гарик прав, – сказала Мила, которой зеленая девушка совсем разонравилась. – У нас нет оснований вам доверять.

Но Ксюша так не думала. Она понимала, что зеленая девушка говорит правду. Конечно же, она похожа на речного доктора.

– А кто вы такая? – спросила Ксюша. Но не строго спросила, не сердито, а по-дружески.

– Я здешняя русалка, – ответила зеленая девушка. – Разве не понятно?

– Совершенно не понятно, – сказала Мила.

– И вообще вы на русалку совершенно не похожая, – сказал Гарик, который не хотел отдавать сумку случайным встречным.

– А вы раньше много русалок видели? – спросила зеленая девушка у Гарика.

– Видел, – упрямо сказал Гарик. – На картинках видел. И оперу по телевизору показывали. Где ваш хвост?

– Ах, какая наивность! – сказала русалка. – Я убеждена, что ты ни одной русалки в жизни не видел.

– Это не важно, – сказала Мила. – Я тоже не видела русалок, а также не видела драконов, гномов и леших. И вообще я в эти сказки не верю.

– А в то, что обыкновенный человек может очистить пруд, который вы, люди, загубили, – в это вы поверить можете? – спросила русалка сердито.

Мила ничего не ответила, а Гарик сказал:

– Все равно вы сумку не получите. Она мне нужна для дела.

– Это еще для какого дела? – спросила русалка.

– Я вам не скажу.

– Ты ничего не понимаешь!

– Я понимаю, что друзей надо защищать и спасать, – сказал Гарик.

Русалка вздохнула. Она не знала, что делать дальше. Друзья у речного доктора оказались очень упрямые.

И тут ей вдруг пришла в голову тревожная мысль.

– Скажите, – спросила она, – а он давно сидит в милиции?

– Уже час, наверное, – сказала Мила. – Мы с тех пор далеко отошли.

– Час? И вы молчали?

– А что мы должны были говорить? – удивилась Мила.

– Неужели вы не понимаете, что ему нельзя так долго быть далеко от реки? Он не может жить далеко от реки! Неужели вы ничего не поняли? Где эта милиция?

– Она в городе, – сказала Мила. – За поселком.

– Так бегите туда!

– Я же говорила – нужно скорее туда бежать, – сказала Мила.

– Нет, – ответил Гарик. – Я верю речному доктору. Он мне приказал, чтобы я ждал его на реке.

Конечно, Гарику было страшно, не случилось ли чего-нибудь с доктором. Но он верил в доктора. И он хотел его слушаться. Бывает так в жизни: ты человек непослушный, никто тебе не указ. А вдруг встречаешь в жизни человека, которого хочется слушаться. Что он прикажет – сразу сделаешь. И никого больше слушать не желаешь. Так случилось и с Гариком.

– Ну как мне вам доказать! – чуть не плакала русалка.

– Пошли в милицию, – согласилась Мила. – Я пойду.

– А если они тебя не послушаются? – спросила Ксюша.

– Конечно, не послушаются, – сказал Гарик.

Он не стал рассказывать о пистолете, который способен разрушить целую дамбу и может в секунду расплавить стену отделения милиции.

Женщины, если узнают, что он замыслил, тут же перепугаются. Начнут отговаривать, скажут, что это уже настоящая война, а воевать нельзя. Что впору самому в милицию за это угодить. Известно, что говорят в таких случаях женщины. Значит, надо ничем не выдать своего решения. Затаиться. И если речной доктор сам не появится, придется тихонько сбежать, добраться до милиции, подождать, пока никого не будет рядом, прицелиться в стенку – и вот наш доктор на свободе!

– Я знаю, кого позвать на помощь, – сказала русалка. – Он нам подскажет. Идите за мной!

Русалка нырнула в речку и поплыла вниз, туда, где речка вливалась в большую главную реку. Все поспешили по берегу за ней.

– Ой! – воскликнула русалка, увидев, какая прозрачная, чистая вода в реке. – Он спас реку!

– А вы не знали? – спросила Ксюша.

– Нет, я сегодня здесь не была. И вообще, я старалась сюда не заплывать: отравиться можно.

– А вы живете в этой маленькой речушке?

– Не совсем так, – ответила русалка. – Я живу в лесном озере. А иногда в доме лесника.

Русалка не стала больше ничего рассказывать. Она сунула в рот два пальца и оглушительно засвистела. Гарик даже позавидовал. Ни один мальчишка в их микрорайоне не умел так свистеть.

– Подождем немного, – сказала русалка, выбираясь из воды и усаживаясь на берегу хрустальной реки.

– Скажите, а кто все-таки речной доктор? – спросила Мила.

– Это сложный вопрос, – ответила русалка.

И в этот момент послышался шум мотора и на берег выкатил мотоцикл. На мотоцикле сидел молодой мужчина с белыми выгоревшими волосами и с такой же бородкой. Он был одет в форму лесника – у него

была зеленая фуражка со скрещенными дубовыми листочками спереди, зеленая куртка и форменные брюки.

– Ты меня звала, Нюша? – спросил он, останавливая мотоцикл.

Русалка вскочила и подбежала к нему.

– Случилось жуткое несчастье! – воскликнула она. – Речной доктор попал в милицию. Его посадят в тюрьму.

– За что? – спросил лесник.

– Неужели ты не понимаешь?

Русалка обернулась к реке. Лесник тоже посмотрел на реку и обрадовался:

– Неужели он спас нашу реку?! А я не верил, что ему это удастся.

– Мишенька! – сказала русалка. – Я же тебе говорила, что доктор не может жить вдали от реки. Это очень опасно. Но ему никто не поверит. К тому же... К тому же у него нет никаких документов.

– Но что мы-то можем сделать?

– Ты должен немедленно ехать в милицию и выручить его. Ты же работник леса. Ты можешь сказать, что доктор ничего плохого не сделал. Что он спас реку и принес огромную пользу!

– Мы можем это подтвердить! – сказала Мила.

И ребята тоже начали уговаривать лесника. Даже собаки прыгали вокруг, но не лаяли.

– Хорошо, – сказал Мишенька. – Я еду. Только не знаю, что из этого получится. Наверное, директор завода и этот вредитель природы Кузькин на него уже написали жалобу.

– Они и привели милицию, – сказала Ксюша.

– Хорошо. Ждите здесь, – сказал лесник Мишенька. – А ты, Нюша, не вылезай на солнце, перегреешься.

– Хорошо.

– Я поеду с вами, – сказал Гарик.

– Зачем? Ты отдыхай.

– Нет, – сказал Гарик. – Мне надо отдать речному доктору сумку. И вообще, я могу вам пригодиться.

Гарик понял, что леснику можно будет рассказать про пистолет. Конечно, если другие способы освободить доктора не помогут. Все-таки лесник – мужчина, он пистолета не испугается.

– Ладно, садись сзади, – сказал лесник.

Он развернул мотоцикл, и они помчались по тропинке вдоль молодых сосновых посадок.

Гарик держался руками за лесника. Мотоцикл так тарахтел, что разговаривать было нельзя. Главное, думал Гарик, не потерять сумку.

Через несколько минут тропинка влилась в лесную дорогу.

Лесник повернул направо, к поселку. Но проехали они совсем немного. Впереди показалась черная точка. Она быстро увеличивалась, и стало ясно, что это мотоцикл, который едет навстречу.

Мотоциклы встретились и разминулись. И Гарик принялся стучать кулаком в спину лесника.

– Обратно! – кричал он. – Обратно! Это он!

Гарик успел разглядеть, что встречный мотоцикл был синим с желтым, милицейским. С коляской. За рулем сидел сержант, который арестовал речного доктора на дамбе, а в коляске – речной доктор.

Лесник и сам уже сообразил, кого они встретили. Он развернул мотоцикл и помчался обратно. Милицейский мотоцикл съехал на обочину и остановился.

Речной доктор с трудом выбрался из коляски.

Гарик первым добежал до него. Он никак не мог найти слов, чтобы выразить свою радость. Он стал стаскивать с плеч ремень сумки и бормотал:

– Вот, там все в порядке... там все в порядке... я ничего не потерял.

Он был так рад, что ему хотелось плакать.

Речной доктор обнял Гарика за плечи и прижал к себе.

Лесник сказал сержанту:

– А мы к вам ехали. Просить за него.

– Зря, – сказал сержант. – Не отпустили бы его. Официальное обвинение. Большой убыток промышленности. Конечно, по суду, я думаю, его бы оправдали – общественность бы вступилась. Но сам понимаешь – документов у него нету...

– Так почему же ты его привез? – спросил лесник.

– А я, Миша, – сказал сержант, – свой долг служебный нарушил. Мне он сказал, что ему без реки долго не прожить, – такая у него конституция. И я ему поверил. Другие не понимают, не поверили. А я поверил. И знаешь, почему поверил? Я же на этой речке родился, рыбу ловил, ку-

пался. Я за эту речку, как за родную сестру, переживал. Я такому человеку должен в ноги поклониться, а не в тюрьму его сажать. А когда я это понял, то дождался, как все на обед пошли, открыл камеру, посадил его на мотоцикл... остальное ты знаешь.

– Ты правильно сделал, – сказал лесник. – Спасибо тебе, Пилипенко.

– Не стоит благодарности, – сказал сержант. Он пожал руку речному доктору и сказал: – Вы уж о нас не забывайте. Приезжайте. Может, ваша помощь еще понадобится. А если какие неприятности, сразу ко мне.

– Но у вас из-за меня будут неприятности.

– Не думаю, – твердо ответил сержант Пилипенко. – Документов у гражданина не имеется, так что будем считать, что его и не было.

– Но ваш лейтенант его видел.

– Товарищ лейтенант очень сочувствовал задержанному, – сказал сержант.

Он откозырял и, взревев мотоциклом, умчался обратно бороться с преступностью.

Гарик посмотрел на речного доктора. Тот был бледный, усталый, еле живой.

– Поезжайте без меня, – сказал Гарик. – Я пешком дойду. Речному доктору надо скорее окунуться в речку.

Доктор улыбнулся. А лесник Мишенька сказал:

– Не беспокойся, Гарик. Мы втроем уместимся. Садитесь сзади, товарищ доктор, и покрепче держите ребенка. Я осторожно поеду.

Они уселись на мотоцикл, лесник повел машину, объезжая ямы и рытвины на лесной дороге. Гарику было тесно, и он спиной чувствовал, как дрожит речной доктор. Как бы подбодрить его?

– Сержант молодец! – крикнул Гарик.

– Я ему очень благодарен, – сказал речной доктор.

– Человек как человек, – отозвался лесник. – Есть голова на плечах, а это главное. И сердце человеческое.

– Жалко будет, если его накажут, – сказал Гарик.

– Он об этом жалеть не будет, – ответил лесник. – Он знает, что прав, а это главное. Речной доктор спас речку, сержант спас речного доктора. Если мы будем думать друг о друге, все будет нормально.

Наклонив мотоцикл, лесник съехал с дороги на узкую тропинку. Ветви стегали по лицам. Тропинка круто вела вниз.

– Вы куда? – спросил Гарик.

Лесник не ответил. Мотоцикл рычал, съезжая по узкой, извилистой тропе. Сквозь ветви сверкнула вода.

Мотоциклы встретились и разминулись.

Мотоцикл замер на берегу темного лесного озерца, окруженного соснами.

– Спасибо, – прошептал речной доктор.

Он не смог сам сойти с мотоцикла, и леснику с Гариком пришлось вести его к воде.

– Отпусти, – сказал речной доктор, зайдя в воду.

– Вы кеды забыли снять! – сказал Гарик.

Но речной доктор со всего роста упал в воду. Видно было, как под водой его тело шевельнулось, совсем по-рыбьи изогнулось – и доктор скользнул в глубину.

– Не утонет? – спросил с тревогой Гарик.

Речной доктор вынырнул посреди озера. Он смеялся – белые зубы сверкали на темном лице.

– Спасибо, Миша! – крикнул он. – Ты настоящий друг.

– Выбирайся из воды, – сказал лесник. – Твоя сестра, наверное, с ума сходит.

– Сейчас, – сказал речной доктор и хлопнул ладонью по воде.

И тут же неподалеку из воды высунулась щучья морда – такой Гарику видеть не приходилось. Размером она была больше человеческой головы.

Щука открыла рот, будто хотела что-то сказать.

– Не верь ей, – засмеялся лесник. – Опять будет жаловаться, что молодежь ее не уважает.

Речной доктор провел пальцами по щучьим жабрам.

– Что с тебя взять! – сказал он. – Триста лет – возраст солидный.

– Ей и двухсот нет, – сказал лесник. – Придумывает она.

Щука, видно, обиделась, ушла в глубину, только круги пошли по озеру.

Речной доктор в три гребка достиг берега, вылез из воды, отряхнулся, как щенок, и сказал:

– Все в порядке. Я как новенький.

Через несколько минут они добрались до дома лесника.

Русалка, Ксюша и Мила стояли перед домом, ждали. При виде речного доктора собаки залаяли, а русалка бросилась к нему, начала рыдать, зеленые слезы текли по ее щекам.

– Ну что ты! – смутился речной доктор. – Что со мной могло случиться? Погляди, сколько у нас друзей.

– Давайте пообедаем, – сказал лесник. – Я проголодался, а на детей смотреть жалко.

Он не выносил женских слез, а русалка часто плакала, потому что любила лесника и из-за этого была несчастлива. Ей очень хотелось жить с ним вместе, но подолгу без воды ей оставаться было нельзя.

Зато русалка была отличной хозяйкой. В доме лесника было чисто, ни одной пылинки, русалка умела готовить лучшие в мире фруктовые салаты и варить самую лучшую в мире манную кашу. Правда, мясной и рыбной пищи она не выносила, поэтому Мишенька тоже стал вегетарианцем.

Пока русалка готовила обед, Мила с Ксюшей накрыли на веранде стол. Потом все обедали, лесник с речным доктором обсуждали, как чистить реку ниже по течению, а за чаем Гарик нечаянно съел целую банку малинового варенья. Собакам тоже дали манной каши. Сначала они удивились, потому что в жизни такой еды не видели, но потом распробовали и вылизали миски до блеска – такая была каша!

После обеда дети легли спать и проснулись, когда солнце уже садилось. Был тихий вечер, лесник возился с мотоциклом. Мила гуляла по поляне с речным доктором и обсуждала с ним новый роман, который был напечатан в последнем номере журнала «Новый мир», русалка стирала белье.

Стали прощаться. Речной доктор обещал ребятам, что возьмет их в ученики, но не сейчас, а когда они кончат шестой класс. Мила оставила им свой адрес, чтобы приезжали в гости. А русалка подарила ни прощанье Ксюше ожерелье из маленьких ракушек.

Лесник Мишенька отвез гостей на мотоцикле домой, в микрорайон Космонавтов. Он ехал медленно, чтобы собаки, которые бежали следом, не отстали.

Перед тем как попрощаться, они все спустились к роднику.

Кто-то уже расчистил среди свалки широкую дорожку. Подростки из техникума оттаскивали в сторону и складывали бетонные плиты и кирпичи.

У родника стояла длинная очередь. Люди пришли с ведрами, мисками, бидонами и канистрами. Они набирали воду из родника и несли домой. Никто не толкался, не шумел, все улыбались и были вежливые.

Вокруг родника расстилалась широкая зеленая лужайка.

Гарику показалось, что она на глазах увеличивается, словно травинки отпихивали подальше серый мусор.

Подошел пенсионер Ложкин. Он принес большую вывеску. На фанере черными печатными буквами было написано:

ВОДА ЦЕЛЕБНАЯ
СОРИТЬ, КУРИТЬ И БЕЗОБРАЗНИЧАТЬ ЗАПРЕЩЕНО

Ложкин с помощью соседей прибил вывеску к столбу.

Хотя и без нее никому в голову не приходило курить, сорить или безобразничать.

Звездолет в лесу

Когда Сева и Олег выбрались из последней, самой глубокой, пещеры, солнце уже спряталось в сизую подушку облаков, которые поднялись ему навстречу из-за горизонта. От мрачного елового леса на том берегу Вяты потянуло подвальным холодком, а из кустов, как истребители, вылетели первые комары.

Сева спустился по песчаному откосу к воде, спрятал в рюкзак фонарь, потом разложил новые находки на газете, рядом с трофеями, найденными и в других пещерах.

Олег догнал друга, сбросил на песок рубашку, разбежался, с размаху влетел в воду и саженками поплыл к другому берегу.

– Окунись, академик! – крикнул он с середины реки. – Такой сказочной воды в этом году больше не дадут!

Сева не ответил. Он любовался сокровищами. Перед ним лежали три кремневых наконечника стрел, таинственный круглый камень с дыркой

в центре, окаменевшая кость и десяток кремней, которые могли быть орудиями древнего человека, а могли оказаться просто камнями. Неплохая добыча для однодневной экспедиции. И, если бы Олег серьезнее относился к науке, находок было бы больше.

Но Олег – человек несерьезный. Из-за него экспедиция трижды срывалась, потому что в последний момент возникали совершенно неотложные дела. Беда Олега в том, что он интересуется всем на свете, а это, с точки зрения Севы, означает, что он не интересуется ничем. Кроме того, Олег слишком много энергии уделяет борьбе с бабушкой, на попечении которой его оставили родители, уезжая в отпуск.

Сева же увлечен в настоящее время только проблемой происхождения человека и не отвлекается на посторонние мелочи.

В этом главное различие между друзьями. Хотя есть и другие.

Например, высокий, сутулый, мягкий и рассудительный Сева отлично учится, презирает телевизор и читает энциклопедию том за томом.

Смуглый, верткий Олег не может усидеть на месте больше минуты, а книги читает с последней страницы. Если она понравилась – может быть, прочтет книгу с самого начала. Если нет – все равно уже известно, чем кончилось.

Дружат эти непохожие люди со второго класса, уже шестой год, и почти во всех спорах побеждает Сева. Может быть, потому, что Олегу надоедает сопротивляться.

У Севы созрела теория, что самые первые люди произошли от обезьяны не в Африке, а здесь, в окрестностях небольшого города Крутояра. Но эта теория требует доказательств. Поэтому, когда один рыбак сказал, что километрах в семи от города в высоком обрыве над Вятой он видел пещеры, Сева понял, что до конца каникул он обязан их исследовать. Десять дней он ломал пассивное сопротивление Олега, пока тот не сдался. И вот сегодня, поднявшись на рассвете, они по холодку добрались до пещер.

Олег предпочел бы отыскать в пещерах древнюю кольчугу или сундук с драгоценностями, поэтому он был несколько разочарован находками. Сева же был счастлив – никакой сундук не сравнился бы с кремневыми наконечниками стрел. В этом и заключается различие между наукой и кладоискательством.

Пока Олег нырял, плескался и фыркал, наслаждаясь парной водой, Сева вытащил из рюкзака припасенные газеты, завернул каждый камень отдельно, потом разломил пополам последнюю булку, разрезал колбасу и крикнул:

– Олег, вылезай! Скоро темнеть начнет. Ужин на столе.

– Сейчас, – ответил Олег и снова нырнул.

– Не сейчас, а немедленно, – сказал Сева. – Меня не радует перспектива ночевать в лесу.

– Почему?

– Комары сожрут.

– Мы в воде отсидимся, – ответил Олег. – Или доберемся до дому вплавь.

Сева не стал отвечать на эти глупости, а сказал:

– Я тебе оставил половину пищи. Если не вылезешь, сам съем. Ты меня знаешь.

– К сожалению, знаю, – согласился Олег. – И кто только меня воспитывает!

– Если тебя не воспитывать, ты превратишься в обезьяну.

– Вылезаю, – сдался Олег и поплыл к берегу.

И в этот момент Сева увидел, как в темный лес на том берегу опускается космический корабль.

Корабль спускался медленно, по касательной. Вдруг он на мгновение завис на месте и вертикально рухнул вниз.

– Ты чего? – удивился Олег, выходя из воды. – У тебя глаза квадратные.

– Обернись, – медленно сказал Сева.

Олег послушно обернулся. И, разумеется, ничего не увидел.

– Ничего, – сказал он. – Что случилось, старик?

– Сбылась мечта человечества, – медленно произнес Сева. – К нам прибыли пришельцы из космоса.

– Слушай, ты перегрелся? – Олег вышел на берег, еще раз обернулся, снова ничего не увидел и нагнулся за рубашкой.

– Это был не земной аппарат. – Сева говорил как во сне. – Я все земные знаю. И наши, и американские. Это была самая настоящая летающая тарелочка. И она села в лесу.

– Если села, чего ж ты мне не крикнул?

– Я крикнул. Но поздно. Ты не успел обернуться.

– Ладно, прощаю. А далеко эта тарелочка села?

Олегу хотелось поверить Севе, тем более что Сева принципиально не врал. Он как-то объяснил другу, что честному спокойнее жить, не надо стараться придумывать – экономия мыслей.

– Трудно определить. В километре. Может, больше. У пришельцев что-то неладно с двигателем.

– Тогда пошли, – сказал Олег. – Чего мы ждем?

– Погоди. У нас нет опыта встречи с пришельцами.

– А у кого он есть?

– Наш долг обратиться к специалистам, – без уверенности в голосе сказал Сева. – Мы не имеем права бросаться в авантюры.

– А если очень хочется?

Севе тоже очень хотелось броситься в авантюру.

– С другой стороны, – сказал он, – если его засекли, то наши вертолеты прилетят скорее, чем мы успеем добраться до Крутояра. Если ему нужна медицинская помощь...

Олег больше не слушал. Он собрал свои немногочисленные вещи, сложил рубашку, завязал в узел и, не оглядываясь, вошел в воду.

– Куда идти? – крикнул он.

– Ты прав, – сказал Сева. – Даже если это космические агрессоры и мы с тобой погибнем, мы все равно выполним наш гражданский долг. Погоди, я только рюкзак в пещеру отнесу.

Олег ждал Севу на другом берегу, отмахиваясь от комаров.

– Слушай, – просил он, когда Сева вылез из воды и начал шнуровать ботинки, – а с чего ты решил, что в космосе могут быть агрессоры? Я об этом нигде не читал.

– Надо больше читать. Английский писатель Уэллс сообщает, что марсиане обладали смертельными лучами, вроде лазеров... Только, правда, на Марсе нет жизни.

– Ясно. Перебили друг друга, вот и не стало жизни, – сказал Олег, первым входя в лес. Он всегда был сторонником простых решений и объяснений.

Идти оказалось недолго. Лес был густой, еловый, колючие сухие ветки стегали по лицам. В еловой тени полутемно, закатное солнце сюда не про-

никало, а стволы были такими одинаковыми, что уже метров через сто Сева остановился – ему показалось, что они заблудились. Олега, правда, такие сомнения не тревожили – он пробрался дальше, где сквозь темную чащу елей просвечивали светлые листья орешника, и остановился у глухой лесной дороги.

В глубоких колеях поблескивала вода, и трава между колеями вымахала такой высокой, что ясно было – никто по этой дороге не ездит. Из травы высовывалась оранжевая в белых заплатах шапка мухомора.

– Погоди, – сказал Сева. – Надо отдышаться. Вертолетов еще не слышно?

Вертолетов не было слышно. Только отчаянно гудели комары.

– Совершенно сбился, – признался Сева. – Может, они голос подадут?

Сквозь комариный писк послышался далекий звук. Будто кто-то стучал по земле молотком. Звук приближался. Сева отступил в чащу и сказал:

– Что-то необычное. Сойди с дороги. Возможно, они передвигаются на вездеходе.

– Ничего необычного, – сказал Олег. – Кто-то на лошади едет. Это же копыта стучат. Сейчас мы и спросим.

– Что спросим?

– Не видел ли он космического корабля.

– Спрячься! – прошипел Сева. – Никакая это не лошадь. Кто в этом лесу будет вечером скакать на лошади?

Но Олег его не слышал. Когда из-за поворота дороги показался всадник, Олег выскочил на середину, поднял руку и сказал, как ему казалось, строгим голосом:

– Стоп! Тревога!

Лошадь запрокинула голову, поднялась на дыбы, чтобы не сбить Олега. Девочка, которая сидела на ней, крикнула:

– Сумасшедший! Прочь с дороги!

Лошадь встала, кося на Олега обиженным глазом. Девочка похлопала ее по шее.

– А как тебя еще остановишь? – спросил Олег. – Ты не беспокойся. Мы не разбойники.

– Я не беспокоилась. Просто, если бы Тамара тебя сбила, до больницы отсюда километров десять. Заблудились, что ли?

Сева понял, что пришло время ему самому вмешаться в беседу. Он сделал шаг вперед. Теперь он мог хорошо разглядеть девочку. На вид ей было лет двенадцать. У нее было очень белое веснушчатое лицо и темно-рыжие густые волосы. Глаза же оказались светлыми и совершенно зелеными, как трава.

– Добрый вечер, – сказал Сева. – Мы не заблудились. И мы находимся в группе поиска.

– Тут космический корабль приземлился, – объяснил Олег, отступая от лошади Тамары, которая вдруг потянулась к нему губами. – Сева видел. Мы спешим на контакт выйти.

– Вы видели?

– Мы наблюдали космическое тело, – сказал Сева.

Вдруг собственные слова показались ему смешными. Что за космическое тело? Лошадь, лес, комары, незнакомая рыжая девочка, мухомор в траве... Все просто, и не может быть космических тел.

– Я тоже, – сказала девочка совершенно серьезно. – Поэтому вскочила на Тамару – и в лес. Только я думала, что мне показалось.

– Если двое видели, – сказал Сева, – значит, не показалось.

– Тогда идите за мной, – предложила девочка. – Метров двести осталось. Я эти места знаю.

Дальше девочка пошла пешком по лесу, ведя лошадь на поводу. Сева шагал рядом, рассуждая о космонавтике, а Олег чуть сзади, потому что лошадь Тамара заинтересовала его больше, чем все космические корабли, вместе взятые.

Олег вдруг понял, что он прирожденный наездник и ему просто не повезло, что он живет в городе. Конечно, хорошо бы сейчас сказать этой девочке: «Дай прокатиться». Но Сева поднимет такой скандал, что лучше уж потерпеть до следующего раза. К тому же на лошади ему еще не приходилось кататься, и она казалась очень высокой.

Девочка отводила рукой ветви, чтобы не били Тамару по морде, и слушала Севу, не перебивая.

– Ты в Крутояре живешь? – спросил вдруг Сева. – Я что-то тебя раньше не видел.

– Я у дяди живу. Он лесничий. Вообще-то я из Москвы. На каникулы приехала.

– *Стоп! Тревога!*

– Скучно в лесу жить, – сказал Олег. Голос его прозвучал очень громко – в лесу наступила странная тишина.

– Тише, – сказала девочка. – Зачем кричать? Скучно везде, если ничего не делать. У нас при лесничестве лосиная ферма есть. Я там с лосятами работаю...

– Врешь! – воскликнул Олег. – С ло-осятами?

– Олег! – Сева остановился и поднял указательный палец. – Ты забыл, что мы не на прогулке. Я совершенно не представляю, как ты намерен выходить на связь с инопланетной цивилизацией.

– Может, твоему другу лучше здесь подождать? – спросила девочка.

– Ладно уж, – буркнул Олег. Не очень приятно слушать, как лучший друг в присутствии незнакомых людей разговаривает с тобой свысока. – Спросил, и все. Может, инопланетных цивилизаций не существует. Дальше пойдем или здесь останемся?

– Теперь надо не идти, – сказала девочка, – а искать. Это где-то совсем рядом. Расходимся веером. Понятно?

– Понятно.

– Как вас зовут, если придется позвать?

– Сева.

– Олег.

– Меня – Марина. Тамара, подождешь нас здесь.

Лошадь остановилась.

– Она понимает? – спросил Олег.

– Иногда больше нас с вами, – сказала Марина.

Олег хотел было засмеяться, но осекся. Он вдруг понял, что сейчас они разойдутся и он останется в сумеречном лесу, где за каждым кустом может таиться пришелец или что-нибудь еще похуже. Но признаться в своем страхе Олег не мог, только посмотрел на Севу – каково ему? Первый раз он видел Севу, который уступил бы кому-нибудь первенство. А тут девочке... Что ж, бывает.

– Вообще-то лучше идти вместе, – сказал вдруг Сева. – Боюсь за Олега. Может потеряться.

– Я не потеряюсь, не беспокойся! – Олег понял, что Севе тоже не по себе – от этого Олегу стало полегче. И он первым пошел в чащу, ломая ветки и погромче топая кедами.

Марина показала рукой, чтобы Сева взял левее, а сама пошла вправо. Тамара смотрела им вслед, размеренно и печально покачивая головой. Ей этот вечерний поход в лес был непонятен.

Олег шел, считая шаги. На шестидесятом он остановился. Ну вот, никого нет, тишина, даже не слышно, чтобы хрустели ветки. Куда они все делись? И нужен им этот пришелец? Вдруг пришельцы стреляют без предупреждения? Он понял, что больше не сделает ни шагу. Лучше здесь подождать... Комар больно укусил в щиколотку. Олег наклонился, чтобы прихлопнуть его, и в тот же момент рядом, словно над ухом, услышал голос Марины:

– Сюда. Я нашла.

Марина сказала это обыкновенно, словно нашла подберезовик.

Олег рванулся к голосу. За спиной топот – ясное дело, это бежал Сева.

Она нашла! Значит, в самом деле так бывает? И он сейчас увидит Это?

Это лежало на небольшой прогалине, повалив и подмяв несколько молодых осинок, вершинки которых обрамляли снизу черную массу металлической чечевицы, словно листочки большую черную ягоду. Чечевица была метров шесть в диаметре. Поверхность ее была матовой, кое-где покрытой серыми пятнами, словно пеплом.

На верхнем полушарии чечевицы чернел открытый круглый люк. От него струились тонкие трещинки, которые собирались к небольшому отверстию, как бывает на ветровом стекле автомобиля, если в него попадет камешек...

Сева сзади откашлялся. Этот звук показался Олегу страшно громким, и он зашипел, чтобы предупредить Севу, чтобы тот вел себя потише, но не успел. Сева произнес громким шепотом:

– Они потерпели крушение. Я так и думал.

– Ты так не говорил, – сказал тихо Олег.

– Я думал. Наверное, столкнулись с метеоритом. Это бывает в космических полетах.

– А потом они ушли нас искать, – сказала Марина. – И люк за собой не закрыли?

– Это еще надо проверить, – Олег сделал шаг к кораблю.

– Стой, – остановил его Сева. – Вернее всего, здесь смертельная радиация.

– Раньше надо было думать, – сказала Марина. – Если она есть, мы уже облучены.

Олег все-таки отошел от корабля к большой ели. Теперь они стояли за толстым стволом. Совершенно непонятно, что же делать.

– Придется ехать в город, – сказал наконец Сева. – А то совсем стемнеет.

– Может быть, сейчас за ним прилетят на вертолете – просто еще не успели, – отозвался Олег.

– Вряд ли, – сказала Марина. – Вряд ли. Если бы его заметили, уже давно бы прилетели.

– А в город я не пойду, – решился Олег. – Никуда не пойду. Может быть, они внутри сидят раненые, ждут помощи, а мы в город побежим. А они тем временем попросту умрут. Представляешь, если у них тяготение другое?

– В словах Олега есть смысл, – согласился Сева. – Раз уж мы сделали великое открытие, наш долг быть логичными и довести его до конца.

– А я бы, – сказала Марина, – посмотрела вокруг. Если они открыли люк, значит, может быть, отошли. А вдруг они сейчас следят за нами?

Олег сразу оглянулся.

Под деревьями уже улеглись черные тени, небо стало синим, и на нем появились первые звезды. Все предметы постепенно потеряли свои цвета, и мир становился сине-серым, как в нецветном кино. Словно пишущая машинка, прострекотала сорока... Олег непроизвольно развел руками – ему вдруг захотелось показать невидимому наблюдателю, что руки его пусты, оружия нет, а намерения самые мирные.

– У вас фонарь есть? – спросила Марина.

– В рюкзаке остался, на Вяте, – сказал Сева. – Я без фонаря туда загляну. Один. Тем более что там, может быть, смертельная радиация. Не стоит всем рисковать.

– Интересно, – сказала Марина, – как ты будешь ощупью шарить в космическом корабле. Ты что, знаешь, как он устроен?

– Он небольшой, – ответил Сева, но с места не двинулся.

И тут же Марина обернулась, взглянула на Севу.

– Это ты? Это кто...

Сева тоже услышал. Слабый голос, беззвучный, возникший в их головах, в глубине, словно мысль:

– Помогите... Идите сюда...

– Ты слышал? – спросил Олег.

– Молчи, – сказала Марина. – Не перебивай.

– Вы где? – спросил Сева.

– Идите ко мне, – вновь раздался мысленный призыв. – Идите на мой голос...

И все, они уже знали, куда идти, знали, откуда доносился голос.

Олег первым рванулся в чащу, но через несколько шагов ахнул от ужаса и метнулся назад, налетел на ствол ели, споткнулся о корень... упал к ногам Севы. Кто-то громадный, большеглазый, с уродливым, длинным лицом выглянул из чащи и открыл пасть, обнажив длинные желтые зубы.

Марина перепрыгнула через Олега, протянула руку и хлопнула ладонью по морде чудовища... Лошадь Тамара захрапела, качнула головой.

Рядом, обхватив Олега, тяжело дышал Сева. Если он тоже испугался лошади, то не успел показать этого...

– Я здесь, – прозвучал голос. – Чуть правее...

Между двух старых, в обхват, елей обнаружилась небольшая, глубокая ложбинка. Когда-то там стояло еще одно дерево, но упало. Его сгнивший ствол тянулся вдаль, пропадая в темноте, а корни торчали вверх, как узловатые пальцы. В этой яме в ворохе веток и лежал пришелец.

Они знали, где он лежит, раньше, чем увидели его. Он сам сказал им мысленно, что он здесь, что он ранен и беззащитен.

Ребята остановились у ложбины, не решаясь сделать дальше ни шагу – не потому, что было страшно, нет, страха не было. Была невероятность того, что происходит.

Хотя глаза и привыкли к сумраку леса, разглядеть пришельца было нелегко. Он почти слился с землей и сучьями. С первого взгляда Севе показалось, что пришелец покрыт темной шерстью, лишь лицо – светлое пятно, на котором светились круглые, синие, будто подсвеченные лампочками изнутри, глаза, – выглядело голым. Но оказалось, что мохнатой была одежда пришельца – нечто вроде комбинезона, оставлявшего открытыми только пальцы и лицо. И трудно было понять, уродливо это

существо или красиво – просто не с чем было сравнить то, что сделано природой по совершенно чужим законам красоты.

Комбинезон пришельца был разорван на груди, а правая рука неестественно вывернута и покрыта темными пятнами крови.

– Ой, вы ранены! – прошептала Марина.

– Лучше говорите со мной мысленно, – ответил пришелец. Узкий рот его был неподвижен. – Если ваши мысли направлены ко мне, я их читаю без труда.

– Мы вам можем помочь? – спросил Сева мысленно, но мысль тут же запуталась в голове, потому что ее догнали и замутили тысяча вопросов и других мыслей.

– Можете говорить вслух, – разрешил тогда пришелец, – я вас тоже пойму... только говорите тихо... Я позвал вас, потому что надеюсь на вашу помощь.

– Мы поэтому и прибежали, – сказал Олег. – Мы видели, как корабль упал, вот и прибежали. Мы всегда так, если кто падает, бежим.

– Что, не первый корабль? – серьезно спросил пришелец.

Марина засмеялась, но тут же оборвала себя и сказала:

– Вас перевязать надо.

– Подождите. Это не угрожает моей жизни... есть более важные дела.

– Вы совсем чисто по-русски говорите, – не удержался Сева. – Вы где учили наш язык? На родине или здесь?

– Я улавливаю ваши мысли. Не очень далеко... но улавливаю. Я не мог позвать вас сразу, потому что мне нужно было послушать, как вы разговариваете, надо было понять ваш язык... и убедиться, что вы не желаете мне зла.

– Не желаем, – сказал Сева. – Теперь мне все понятно. Только неясно, это был метеорит? Вы с ним столкнулись?

– Нет.

– Погоди ты, – вмешалась Марина. – Расспросить всегда успеем. Его же в больницу надо.

– Это точно, – сказал Олег. Он боялся крови и боялся дотрагиваться до раненого. – У нас лошадь есть.

– Пожалуй, – сказал пришелец, – это непрактично. Мне там вряд ли помогут.

Между двух старых, в обхват, елей обнаружилась небольшая, глубокая ложбинка.

– Наши врачи помогут, – уверенно сказал Олег. – Врачи у нас лучшие в мире.

– Он не об этом. Он не сомневается, – сказала Марина. – Он о том, что иначе устроен, чем мы.

– И у нашей медицины еще мало опыта, – подтвердил Сева.

– При других обстоятельствах я бы обратился к вашим врачам, – мысленно произнес пришелец. – Но не сейчас. Сейчас мне нельзя этого делать.

– Ну тогда скажите, что надо! – просто взмолился Олег, который вдруг почувствовал, что пришельцу больно, очень больно...

– Спасибо, – сказал пришелец. – Вы мне можете помочь... Я так спешил уйти с корабля, что ничего не взял с собой. Если вы вернетесь туда... я буду управлять вами, я вам подскажу, что надо сделать. К сожалению, я сам не могу двигаться. Только надо спешить...

– Бегу! – крикнул Олег, срываясь с места.

– Может, я? – Но голос Севы запутался в ветвях, пропал сзади.

Олег уже несся к кораблю.

Стемнело, и казалось, что деревья сблизились, сомкнули стволы, переплели сучья, собираясь на покой... Олег буквально продирался сквозь заросли.

– Слушайся меня, – догнал его мысленный приказ пришельца. – Близка опасность...

– Слышу! – откликнулся на бегу Олег. – Справимся! Наши всегда побеждают.

Вот должна быть и прогалина... Где же корабль?

– Ложись! – догнал Олега приказ. Резкий и неожиданный.

Олег пробежал еще два или три шага, остановился, но не лег. Не понял, зачем же надо ложиться...

– Ложись и замри!

Олег поглядел вперед. В просвете между синими столбами еловых стволов чуть поблескивал под взошедшей луной бок корабля, чернел люк.

– Опасность!

Олег на всякий случай присел на корточки.

И увидел, как, застилая звезды, с неба спускается нечто черное, тяжелое, громадное... Это был другой космический корабль.

– Наши врачи помогут, – уверенно сказал Олег. – Врачи у нас лучшие в мире.

Олег лег, сжался в комок, приник к стволу. Перед ним, как бруствер перед траншеей, круглился толстый корень. Черный корабль медленно опустился, тяжело вжался в землю, прижимая кусты и осинки: раздался треск и какое-то утробное, глубокое хлюпанье. Корабль качнулся, словно земля была мягкой, резиновой, и тут же в глаза Олегу ударил ослепительный свет. Он нырнул за корень, распластался по земле. Иголки больно вдавились в лицо. Луч света обежал поляну, высветил кусты, черный строй елей и уперся в корабль пришельца.

Когда Олег понял, что его не заметили, он снова приподнял голову – узнать, что же будет дальше. Он совсем не испугался. Было такое ощущение, словно он смотрит кино, которое его лично совершенно не задевает. В крайнем случае в любой момент можно выйти из зала и закрыть за собой дверь.

Новый корабль был похож на шар с какой-то нашлепкой сверху. Именно из нашлепки и бил луч прожектора. Затем в стене шара показалась щель – Олег угадал ее потому, что помещение там, внутри, было слабо освещено: щель казалась зеленоватым столбом воды, который становился все толще.

Черная тень застила на мгновение зеленую щель, затем исчезла. Вторая тень, третья...

Олег понял, что из корабля выходят астронавты. Обитатели корабля были высоки ростом, куда выше пришельца, который вряд ли доставал Олегу до плеча, худы и очень прямы.

Три черные тени приблизились к потерпевшему бедствие кораблю. Луч прожектора спустился ниже, пробежал по боку, замер перед паутиной трещин, затем переместился к открытому люку. До Олега донесся перезвон быстрых щелкающих звуков: высокие пришельцы переговаривались.

– Не двигайся, – услышал Олег мысленное предупреждение. – У них очень тонкий слух.

Один из пришельцев протянул к краю люка длинные тонкие руки, подтянулся и без видимого усилия скользнул в черное отверстие. И тут же – прошло, наверное, секунд десять – в люке вновь возникла его голова. Луч прожектора осветил ее, отразившись от темного стекла шлема – пришельцы были в скафандрах.

– Они догадались, что я ушел, – прозвучал в голове Олега мысленный голос. – Не двигайся, пока они не улетели. Но не знаю, улетят ли...

Олег понял, что из корабля выходят астронавты.

Три черные вытянутые тени, свистя и пощелкивая, отошли от корабля, остановились у черного шара. Олег увидел, как один из них медленно поднял тонкую руку и направил ее на корабль.

Ярко-синий луч протянулся от руки к кораблю, и вдруг корабль охватило тревожным мерцающим светом, вокруг него засуетились голубые искры, и он начал рассыпаться на глазах, словно был сделан из сухого песка. Олег не успел бы сосчитать до десяти, как от корабля осталась лишь небольшая кучка серого пепла. Один из пришельцев подошел к ней и поддал носком башмака. Поднялось светлое облачко.

– Они сожгли ваш корабль, – мысленно сказал Олег.

– Я слежу за твоими мыслями, – послышался тихий ответ. – Они знают свое дело. Все погибло.

Одна за другой черные длинные тени скрылись в люке, зеленый столб света превратился в тонкую щель, исчез, и черный шар оторвался от поляны, завис над самой землей и затем, набирая скорость, рванулся вверх.

– Улетели, – сказал Олег, поднимаясь.

– Подожди, не верь.

Олег замер.

Пришелец был прав. Корабль замер над вершинами елей, потом медленно поплыл над ними. Вновь загорелся прожектор. Конус света высветил поляну, на которой только что стояли два корабля, затем двинулся, расширяя круги, к деревьям. Сейчас луч настигнет Олега...

Олег прижался к стволу ели. Ветви должны были защитить его миллионами еловых иголок...

Луч прожектора высветил траву там, где только что лежал Олег, и поплыл дальше. Свет его был холодным, белым и мертвым, такой бывает только во сне. Как бы они не добрались и до ребят, испугался Олег.

Но этого не случилось.

Сделав еще один круг над лесом, черный шар выключил прожектор, и, когда глаза Олега привыкли к темноте, он, запрокинув голову, ничего не увидел в небе – только звезды.

– Теперь они совсем улетели? – спросил Олег.

– Иди сюда, – услышал он.

Через три минуты Олег скатился в яму между елями, где его ждали.

– Что будем делать? – Олег чувствовал себя героем и готов был сражаться с любыми космическими врагами.

– Плохо, – сказал раненый пришелец. Он говорил, не открывая глаз, и ребята все время ощущали его боль. – У меня теперь нет корабля, нет связи... а они еще вернутся. Они сделают все, чтобы отыскать меня и уничтожить.

– Почему? – спросил Сева.

– Они понимают, что прожектором им меня в лесу не найти, – продолжал пришелец, будто не услышав вопроса. Он рассуждал вслух. – Значит, придумают что-то еще. Нет, так просто они не уйдут. Им нужно убедиться в том, что я погиб и угроза исчезла.

– Может, вас перевязать? – спросила Марина. – У вас кровь...

– Нет. Кровотечение прекратилось. Я смог остановить его силой воли. К тому же в этом уже нет смысла.

– Всегда есть смысл лечиться, – сказал Сева.

– Они все равно найдут и убьют меня. И чем дальше вы будете от меня в этот момент, тем лучше. Я не хочу, чтобы вы пострадали.

– Хватит разговоров, – строго сказала Марина. – Вас надо отвезти в больницу. Там куда безопаснее, чем в лесу.

– Спасибо, – ответил пришелец. – Прошу вас, уйдите и забудьте о том, что видели меня. Для вашего же блага. Вы не представляете, в какой опасности вы находитесь.

– Представляем, – сказал Олег. – Я видел. Жечь чужие корабли они умеют. Но меня не нашли. Значит, не такие уж они всесильные.

– Они упрямые. Не нашли сейчас, придумают, как найти через час.

– Но почему вы не хотите в больницу? – с отчаянием спросила Марина.

– Потому что нет более удобного способа сообщить им, где я нахожусь.

– Мы провезем вас незаметно, – сказал Сева. – Они не догадаются. Ручаюсь.

– Вы же небольшой, меньше меня ростом, – добавил Олег.

– А там? В больнице? – спросил пришелец. – Неужели никто не удивится, если я там появлюсь?

– Нет, конечно, удивятся, – согласился Сева. – Еще как удивятся.

– И начнется суматоха?

– Еще какая! – воскликнул Олег. – Они же никогда живого пришельца не видели. Они с ума сойдут от удивления.

– Вот именно, – подтвердил пришелец.

– Я все поняла, – сказала Марина. – Если за вами следят сверху, если они ищут вас, то они и ожидают, что начнется суматоха. И сразу догадаются.

– Вы правы.

– Тогда мы попросим врачей не обращать на вас внимания, – сказал Олег. – Так и объясним. Делайте вид, что это не пришелец. Существует опасность. Я им расскажу, как эти бандиты ваш корабль сожгли. Неужели врачи не поймут?

– Пока поймут, – произнесла Марина задумчиво, – может быть поздно. Если они смогли так сжечь целый корабль...

– И погибну не только я – они не остановятся перед тем, чтобы уничтожить всю больницу, – сказал пришелец. – И потом умчатся довершить свое дело...

– Какое дело? – спросил Олег.

– Давайте сделаем иначе, – сказала Марина. – Мой дядя Сергей, он человек умный, кандидат биологических наук, честное слово. Он мне совершенно доверяет... Мы спрячем вас в лесничестве...

– А ты ему когда-нибудь пришельцев с других планет привозила? – спросил Олег.

– Нет, ты не понимаешь...

– Я понимаю, что самый умный дядя тоже удивится.

– Дело даже не в этом, – сказал пришелец. – То, что называется лесничеством, это далеко отсюда?

– Нет, километра два, на краю леса.

– И лес подходит к самому дому?

– Метрах в трехстах кончается.

– Значит, этот дом находится под наблюдением.

– Но ведь они улетели! – сказал Олег. – Я сам видел.

– Это был разведкатер, – объяснил пришелец. – Корабль-матка остался на орбите. Они не хотят, чтобы на Земле догадались об их прилете.

– Боятся? – спросил Олег.

– Нет, не боятся. Вы ведь только выходите в космос. Вы не можете догнать или изгнать их. Но дело в том, что ваша планета входит в число охраняемых миров, она под защитой галактических законов невмешательства. Мои враги разумны. Они холодны и расчетливы. Они не будут рисковать больше, чем необходимо. Можно предположить, что они спустят или уже спустили в этот район несколько капсул с десантом. Оцепят лес и начнут поиски.

– Ничего страшного, – сказал Олег, который не хотел мириться с поражением и которому было обидно, что земляне бессильны перед какими-то космическими бандитами. – Пускай они сбрасывают свои десанты. Мы вызовем из лесничества милицию. Там есть телефон?

– Есть.

– Вот. Вызовем милицию, а если надо – даже войска. Мы их сразу выловим. Я их откуда угодно отличу, видел: длинные, черные, в скафандрах.

– А может, Олег прав? – спросил Сева. – Уж у себя-то дома мы с ними можем справиться.

– Вы их не узнаете, – сказал пришелец. – Вы их не узнаете потому, что кренги могут принимать облик любого существа. Вас в том числе. Только я, читая мысли, могу отличить кренга от человека...

– Вы будете отличать, а мы их будем ловить, – сказал Олег.

– Тамара, Тома, иди ко мне.

Послышался треск ветвей, словно лошадь ждала приказа. Темная тень возникла рядом с елью.

– Ты чего? – спросил Сева.

– Мы все разговариваем, – сказала Марина, – а надо действовать. Что мы будем ждать здесь, пока нас не сцапают?

– Но куда ты его повезешь? – спросил Сева.

– Решили. Лучше действовать, чем ждать.

– Боюсь, – сказал пришелец, – вы так ничего и не поняли. Вам почему-то кажется, что все проще, чем в самом деле. Что вы куда-то меня отвезете, спрячете, что кренги смирятся с этим...

– Если не найдут, то смирятся – что им еще делать?

– Может, смирились бы, если бы это были живые существа...

– Они еще какие живые! – сказал Олег. – Я их близко наблюдал.

– Тише, – остановил его пришелец. – Я был, к сожалению, прав. Я чувствую, как к лесу спускаются капсулы с десантом. Одна, вторая, третья...

Все сразу замолчали. Прислушались. Тишина. Лишь гудят комары. А может, это не комары, подумал Олег. Может, за комариным звоном спускаются сюда черные шары, из них выскакивают с автоматами черные солдаты и разбегаются, залегают вокруг леса, подстерегая любое движение, любой шум... Комар больно укусил Олега в лоб, тот хлопнул себя по лбу ладонью, и звук этот показался ему слишком громким в напряженно замолкшем лесу.

– Поймите же, – мысленно продолжал пришелец. – У нас осталось лишь несколько минут. Я расскажу вам, в чем дело – иначе мы не поймем друг друга. Вы же так и не знаете, кого хотите спасти, почему, от чего...

– Вы ранены, вы слабее их, – сказал Сева. – Вы попросили нашей помощи. И мы пришли. Это же элементарно.

– Спасибо. Элементарно, но не очень убедительно. Закройте глаза, и я попытаюсь, чтобы вы увидели...

Мир, который увидели ребята, был чем-то похож на Луну. Те же резкие тени, кратеры, черные трещины и залитые светом безжизненные долины... Казалось, что летишь над этой пустыней в самолете, невысоко и медленно... И вдруг, нарушая безжизненность и пустоту, впереди возник прозрачный купол, подсвеченный изнутри теплым желтым светом. Вблизи можно было различить под куполом какие-то строения, машины, маленькие фигурки живых существ...

– Это планета-рудник, – сказал пришелец, и голос его отчетливо прозвучал в головах ребят. – Здесь я и еще тысячи других специалистов трудились, добывая из недр планеты вещество, без которого не могут работать гравитационные двигатели новых космических кораблей. Это месторождение уникально. Поглядите...

За куполом – теперь можно было понять, насколько он велик – может быть, километр в диаметре, – на широкой ровной долине стояли разной формы космические корабли – некоторые похожи на детский волчок, некоторые – как чечевица, третьи – плоские диски.

– С разных созвездий прилетают сюда грузовые корабли за рудой. И вот недавно...

Картина изменилась – как будто пришелец перевел взгляд на небо – и там, на фоне звезд, отражая свет далекого белого солнца, появилось несколько кораблей – цилиндрических тел с выступающими впереди круглыми надстройками. Эти корабли медленно и будто лениво опустились возле купола и рядом с космодромом. Видно было, как раскрываются люки и оттуда сыплются шарики. Это были круглые неземные машины, в которых сидели неподвижные и прямые черные фигуры.

– Кренги, – сказал пришелец. – Так они появились на нашей планете. Патрульный корабль, дежуривший на орбите, попал им в руки, не успев передать сигнала тревоги. И мы не были готовы к этому вторжению...

Шарики-машины неслись к кораблям, стоявшим на космодроме. И вот уже знакомые Олегу тонкие голубые нити протягиваются к ним, и громада кораблей начинает рассыпаться, превращаться в пыль... Вот от одного из кораблей отделилась фигурка в скафандре – кто-то из экипажа успел спастись и бежит к куполу. Но белый луч настигает и его. И фигурка исчезает на бегу, рассыпается, как песок.

– Кренги, – услышали они голос пришельца, – странные и удивительные создания. Лет триста назад почти неизвестная нам, погибшая при вспышке сверхновой звезды цивилизация создала биороботов, которые были предназначены для того, чтобы заменять живых существ на трудных работах, в опасных местах и далеких экспедициях. Постепенно создатели роботов перекладывали на них все больше собственных дел и обязанностей, предаваясь сами удовольствиям и развлечениям. Все, что было трудного и неприятного, делали биороботы, они ведали промышленностью и сельским хозяйством, строили дома и копали шахты. Постепенно биороботы взяли в свои руки исследования, научились сами производить себе подобных, и так продолжалось до тех пор, пока роботы не решили, что настоящие хозяева планеты – они. И, честно говоря, винить их трудно... С их точки зрения...

– Не только с их точки зрения, – вдруг перебил пришельца Сева. – Они сами виноваты. Удовольствия и развлечения без работы – губители прогресса. Я в этом давно убежден.

Олег с умным видом кивнул. Он знал философию Севы и, хоть сам ее не придерживался, точку зрения друга ценил очень высоко.

– Я не беру на себя права судить, – сдержанно ответил пришелец. – Единственное известно всем: роботы всегда остаются только роботами – как бы умны они ни были. Они не способны чувствовать. С их точки зрения это преимущество. С нашей – недостаток.

– Они всех перебили? – спросил Олег.

– Конечно, недостаток, – сказала Марина.

– Нет, в этом им не было нужды. Они же кормили обитателей планеты, одевали, обучали, обеспечивали им развлечения... Потом они что-то сделали с пищей, после чего у существ с той планеты больше не было детей. И когда те спохватились, было поздно. Никто не мешал им доживать свои дни в неге и покое...

– А кренги?

– Когда хозяева планеты вымерли, кренги быстро расплодились. Вскоре им стало тесно на своей планете. Производство себе подобных все расширялось, они построили космические корабли и начали заселять другие планеты... Галактический центр с ними столкнулся недавно, и разгорелись дебаты, что делать с кренгами или ничего не делать, а наблюдать. А тем временем кренги прознали про нашу планету. Они ведь страшно нуждаются в космическом топливе, чтобы воплотить в жизнь свои планы...

– Завоевать всю галактику! – сказал Сева.

– Очевидно, так, – ответил пришелец. – Нападение на наши рудники было внезапным и успешным. Большинство обитателей планеты было убито. Остальные оказались в плену. И я почти уверен, что, когда кренги загрузят свои корабли рудой, они постараются убить и остальных.

– Зачем? – спросила Марина. – Они же добились, чего хотели.

– Разве не понятно? – сказал Сева. – Чтобы замести следы. Так всегда преступники поступают.

– Да, чтобы никто не понял, что случилось, – согласился пришелец.

– А вы? Как вам удалось убежать?

– Мне повезло.

И снова в сознании ребят возникла картина.

... По длинному коридору бежит пришелец. Вот он спрятался за угол, замер, глядя, как через пересечение туннелей гуськом идут высокие тонкие фигуры кренгов. Кренги скрылись. Пришелец побежал снова. Вот

По длинному коридору бежит пришелец.
Вот он спрятался за угол, замер...

он проводит рукой по гладкой стене, и в ней возникает трещина. Трещина расширяется – это дверь в подземный ангар. Там стоят несколько небольших кораблей, схожих с чечевицами...

– Они не знали, – послышался голос пришельца, – что у нас на планете был подземный ангар для спасательных кораблей – на случай непредвиденной аварии. Мне удалось пробраться в ангар и поднять корабль в воздух.

Корабль пришельца вырвался из открывшегося в земле люка и почти вертикально пошел в небо, оставляя за собой серебристый след. Вот он уже звездочка среди других звезд...

– Но мое бегство не осталось незамеченным, – продолжал пришелец. – Они послали за мной вдогонку один из своих кораблей, который догнал меня в районе вашей звездной системы. Сообщить я никуда ничего не успел. Ведь на маленьких спасательных катерах нет галактических средств связи. Мне надо было сблизиться с галактическим патрулем. Но крейсер галактического патруля в этот период находился в другом секторе – и кренги об этом знали. И я не успел добраться до патрульного корабля. Меня настигли и обстреляли. Пришлось спуститься здесь. Вот и вся моя печальная повесть.

– Так нужно немедленно связаться с крейсером! – сказал Олег. – Все проще простого.

– Как? – спросила Марина. – Ты знаешь, как связаться с крейсером?

– Его корабль погиб, – добавил Сева. – А у нас таких пока еще нет. Не ждать же десять или двадцать лет. За это время...

– За это время они не только убьют моих соотечественников, – сказал пришелец, – но и заметут следы. Именно поэтому им так нужно, чтобы я погиб. И они не остановятся ни перед чем, чтобы избавиться от опасного свидетеля.

– Проще простого, – произнес Олег. – Я знаю, что делать.

– Ах, помолчи, – сказал Сева, уверенный, что Олег сморозит глупость.

– Нет, у нас свобода слова! – возмутился Олег. – Я говорю совершенно серьезно. Мы должны захватить их корабль. И на нем – к галактическому патрулю!

– Как? – спросила Марина. – Как ты его захватишь?

– Еще не придумал. Придется чем-то их заманить, может, сделать вид, что мы согласны попасть к ним в плен. А потом их связать и рвануть на нем к галактическому патрулю.

– Ладно, – вздохнул Сева, опасения которого полностью оправдались. – Захватывать космические корабли мы подождем. Пока нам надо спрятать человека – ведь если они прочесывают лес, то обязательно нас найдут. И как только найдут, то пропадет весь смысл. И даже не надо будет ничего захватывать.

– Но если в больницу нельзя и в лесничестве опасно... – вслух размышляла Марина. – То куда?

– Тогда остаются пещеры! – сказал Сева. – Там найти его куда труднее. Тем более, они на другом берегу реки...

– Это недалеко? – мысленно спросил пришелец.

– По прямой через чащу меньше двух километров. А там переплывем через речку, и мы дома.

– Напрямик? – засомневалась Марина. – Тут очень густой лес. И уже темно. Мы будем пробиваться до рассвета.

– А лошадь Тамара на что? – спросил Олег.

– Тамара в темноте сквозь такую чащу не пойдет. А на руках нам его не донести, – сказала Марина.

– Даже если надо спасти человека? – возмутился Олег. – А где героизм?

– Тамара не знает, спасать или нет. Героизм ей чужд. Не пойдет, и все.

– Они уже оцепили лес, – сказал пришелец. – Я чувствую их присутствие.

Сева невольно оглянулся. Лес стоял тесно, деревья сомкнулись, словно солдаты. Стало так темно, что толстые стволы лишь угадывались рядом... И казалось, что далеко-далеко мерно стучат шаги кренгов.

– Дорога, по которой я ехала, когда вы меня встретили, – сказала шепотом Марина, – через три километра выходит к Вяте. Там мост...

– Мы почти наверняка встретим их, – сказал пришелец.

– А разве у нас есть выбор? – спросила Марина.

Олег подумал: как жаль, что Марина не парень. В некоторых отношениях она даст десять очков вперед Севе.

– Помоги мне, – сказала Марина Олегу.

Марина взобралась на лошадь, а Сева с Олегом подняли пришельца. Он оказался куда тяжелее, чем казался. Два километра через чащу – не дотащить. Пришельцу было больно, он старался скрыть от ребят свою боль, но все-таки они ее чувствовали и, наверное, делали ему еще больнее, потому что в темноте мешали друг другу...

Марина посадила пришельца перед собой и забрала поводья. Тамара тревожно захрапела, высоко поднимая голову.

– Тише, Тамарочка, тише, девочка, – прошептала Марина. – Ты должна нам помочь...

Олег с Севой шли впереди, раздвигая ветви. Тамара словно поняла, что надо быть осторожной, и Олег вдруг подумал: а что, если и она улавливает мысли пришельца? Ведь если язык мыслей един для всей галактики, то он, наверное, понятен и животным?

– Нет, – неожиданно услышал Олег ответную мысль пришельца. – Я не могу разговаривать с животными. Их мозг недостаточно развит для этого. Хотя я могу приказать лошади остановиться или пойти вперед...

* * *

Они вышли на лесную дорогу. Все молчали, чтобы случайно не привлечь внимания кренгов, которые были уже где-то неподалеку. Дорога была узкой, ветви больших деревьев смыкались над ней, и сквозь них просвечивали звезды.

Странно, подумал Сева, сказали бы мне вчера, что ночь я проведу в лесу, в компании самого настоящего пришельца, к тому же буду спасать его от космических роботов... сам бы не поверил.

– Вот бы в классе рассказать, – тихо прошептал Олег.

– Ты что, тоже научился мысли читать? – удивился Сева.

В этот момент они услышали мысленный приказ пришельца:

– Тихо! Кренги близко.

Тамара послушно замерла.

И вдруг в ночной тишине они услышали поскрипывание колес телеги.

Впереди, метрах в ста, лесная дорога вливалась в другую, пошире. Телега ехала по ней, спускаясь к реке.

Низкий мужской голос напевал что-то, фыркнула лошадь, может, почуяла, что близко Тамара.

– Это кренги? – мысленно спросил Сева.

– Нет, это человек, – сказал пришелец. – Но там, куда он идет, его ждут кренги. Там мост.

– Я посмотрю, – сказал Олег, – я осторожно.

И, не дожидаясь разрешения, Олег пригнулся и побежал вперед.

Из-за облаков вышла луна и осветила пыльную серую дорогу, которая сбегала по пологому откосу к деревянному мосту. По откосу не спеша ехала телега, запряженная понурой головастой лошадкой. В телеге сидел дед в шляпе, в брезентовом плаще, за его спиной высовывались крышки молочных бидонов.

К мосту телега разогналась, но тут впереди вспыхнул ослепительно яркий фонарь и ударил в глаза лошади, которая со страху осадила, присев на задние ноги.

– Эй! – крикнул старик. – Не пугай!

– Стой, – послышалось в ответ. – Кто такой?

Старик поправил кнутовищем шляпу и спокойно ответил:

– А ты кто такой, чтобы по ночам государственных людей пугать?

– Это они, – раздался голос пришельца в голове Олега. – Кренги.

– Но они говорят по-русски, – ответил мысленно Олег.

– У них переводческие устройства.

Фонарь опустил луч света к земле, и обозначились три человеческих силуэта. И Олег вдруг понял – это не кренги, это самые обыкновенные люди, в обыкновенных костюмах и сапогах.

– Вы уверены, что это кренги? Кренги совсем другие.

– Я же говорил: сила кренгов в том, что они могут принимать любой облик. Но это гипноз. Они захватили дежурный корабль у планеты-рудника, потому что приняли вид наших ученых, – сказал пришелец.

Между тем один из кренгов подошел к телеге, постучал пальцем по крышке бидона, потом посветил фонарем между бидонами, словно хотел выяснить, не прячется ли там кто-нибудь.

– Гражданин хороший! Ты чего шаришь? – спросил старик. – С молоком надо осторожнее быть. А то я на ферму масло привезу. Меня за это по голове не погладят.

К мосту телега разогналась, но тут впереди вспыхнул ослепительно яркий фонарь и ударил в глаза лошади, которая со страху осадила, присев на задние ноги.

– Не спорить, – сказал другой кренг. – Карантин. Мы проверяем. Так надо.

Лошадь старика испуганно захрапела.

– Что-то днем карантина не было, – сказал старик. – На бруцеллез, что ли, проверяете? У нас уже проверяли.

– Бруцеллез, – ответил кренг. – Там все в порядке?

– Вроде пусто, – отозвался второй кренг.

– Проезжай. Быстро. Совсем быстро, – приказал первый кренг.

– Странные дела, – сказал старик, не трогаясь с места. – Нашли место карантин устраивать. Да здесь за день, может, один я проезжаю. Странное дело.

Кренг ударил лошадь ладонью по шее, и та вдруг рванула вперед, словно испугалась. Копыта часто застучали по настилу.

Олег, пригибаясь, бросился обратно к друзьям.

– Что будем делать? – спросил он мысленно. Он уже сносно научился разговаривать, не открывая рта. Хорошо бы освоить эту систему на уроках. Можно выбиться в отличники.

– Сколько их? – прошептала Марина.

– Здесь трое, – ответил Олег. – Может, Тамара быстро поскачет, а мы побежим рядом? Прорвемся – ружьем и гранатой?

– Не получится, – сказал пришелец. – Они умеют стрелять. Вы видели, как они умеют это делать.

– Тогда мне придется взять огонь на себя, – сказал Сева. – Я пойду, отвлеку их, а Марина и Олег перевезут пришельца там, за излучиной. Там брод, Тамара умеет плавать?

– Все лошади умеют плавать, – ответила Марина.

– Это опасно, – сказал пришелец. Он замолчал, и пауза показалась ребятам очень длинной, однако никто не посмел перебить его. – Но другого выхода, очевидно, нет. Я слышу, как сзади по дороге идет вторая группа кренгов. Они будут здесь через несколько минут.

– Только не думай, Сева, – сказал Олег, – что ты пойдешь один. Ты физически хуже меня развит. К тому же у меня есть опыт – я их уже несколько раз видел, а для тебя что кренг, что медведь – все равно.

– Правильно, – вдруг поддержала Олега Марина. – А мы без вас даже тише переплывем...

– Ну, тогда мы пошли, – сказал Сева, поднимаясь.

– Только не рассчитывайте на мою помощь, – произнес пришелец. – Мне плохо, я могу потерять с вами контакт.

– Справимся, – заверил его Олег. – Дело пустяковое. Тысячу раз в кино видел... Наши партизаны всегда брали огонь на себя, пока основной отряд прорывался к Берлину.

– Пустяковое, – в сердцах прошептала Марина.

Или это была Тамара? Олегу вдруг показалось, что это была Тамара. Он с опаской взглянул на лошадь. Та улыбалась.

Ребята подождали, пока лошадь с двумя седоками скрылась в чаще, и, когда стихло похрустывание веток под копытами Тамары, они переглянулись, вышли на дорогу и сначала медленно, словно не очень слушались ноги, потом быстрее пошли под откос к мосту.

Дорога казалась совсем светлой, пыль серебрилась под лунным светом. Было тихо, и Сева понял, почему в голове исчез ровный тихий голос пришельца. Сейчас они пройдут еще несколько шагов, и возле моста возникнут высокие фигуры кренгов, ребята встретят настоящих... кого? Врагов? Роботов? Они встретят что-то настоящее, из другой жизни, где есть смерть, насилие, война, где фигурка в скафандре, бегущая к космическому кораблю по лунной долине, превращается в пыль под голубым лучом. Очень трудно поверить, что это не сон, что нельзя проснуться и сказать: «Мам, я такой сон видел!»

– Может, они ушли? – прошептал Олег. Видно, ему очень хотелось, чтобы кренги ушли.

– Забудь об этом! – громко ответил Сева. Олег даже вздрогнул. – Мы же с тобой о футболе говорим. Помнишь, как ты мне пенальти забил? Если бы солнце в глаза не светило...

– Солнце ни при чем! – так же громко и даже с облегчением ответил Олег. – Ты опоздал с броском. Я размахнулся, будто ударю в левый угол...

– Стой! – раздался голос впереди. Он возник раньше, чем ребята смогли бы что-нибудь увидеть. И тут же в глаза ударил свет сильного фонаря.

Конечно, ребята знали, что кренги должны встретить их, ведь для этого и шли к мосту... и все-таки холодный голос, свет фонаря были слишком явными, слишком настоящими, как в кошмаре.

– Чего остановились? – Голос исходил из-за луча света, словно был бесплотным. – Подходите ближе, не торопиться... Почему вы есть в лесу в такое время?

– Ничего не видно, – сказал Сева, прикрывая глаза ладонью. – Выключите фонарь.

– Зачем видеть, надо отвечать...

Но луч фонаря ушел в сторону, хоть это помогло не сразу – в глазах остались радужные круги.

Сева зажмурился, чтобы круги исчезли. Он услышал голос Олега.

– Мы домой идем, к родителям. – Голос был хныкающий, жалкий. – Мы землянику собирали, а земляники нет... Мы ничего плохого не делали, честное слово!

– Где ваш населенный пункт? – спросил кренг.

Сейчас Тамара должна уже быть у реки, подумал Сева. Только бы они тихо плыли. Надо что-то придумать, чтобы отвлечь... и как назло, голова была легкой и пустой, ни одной мысли, как на экзамене, если вытащить неудачный билет... Но страшно не было. Просто некогда было испугаться.

– Мы из деревни, – повторял плачущим голосом Олег. – Пропустите нас, мы по лесу гуляли...

– Мы есть карантин, против болезни. Мы вас не обижаем.

Сева открыл глаза и очень близко, в двух шагах, увидел невысокого человека в пиджаке, брюках, заправленных в сапоги, и в кепке, надвинутой низко на глаза. Человек был худ, пиджак висел на нем, как на вешалке.

– Вы, кажется, напуганы, – сказал кренг.

Подошел второй, повыше ростом, без кепки, лысый, и свет луны попал ему в глаза. И тогда Сева разглядел, что глаза кренга пустые, почти белые и зрачки в них кажутся точкой.

– Что вы видели в лесу? – спросил высокий кренг.

Сева посмотрел вперед. Мост был недалеко. Третий кренг стоял, опершись спиной о перила моста, смотрел прямо перед собой. И, как назло, в сторону излучины, где перебирались через Вяту Марина с пришельцем.

– Еще бы, – тем же жалким голосом сказал Олег. – Ночью через лес идти – любой испугается. А если волк встретится? Вы-то здоровые, вам не страшно.

– Вы видели в лесу других людей? – повторил высокий кренг.

– Ничего не видно, – сказал Сева, прикрывая глаза ладонью. – Выключите фонарь.

– Да, – сказал быстро Сева. – Нас обогнал старик на телеге. Он молоко вез.

– И больше никого?

– Никого, – сказал Сева.

– Нет, видели, – добавил Олег, и Сева вдруг испугался, что Олег от страха скажет лишнее...

– Ты что! – крикнул он.

Он почувствовал, как насторожились кренги, как вонзились в него иголки черных зрачков.

– А ничего. Ты забыл, Сева, – сказал Олег. – Ты просто забыл. Ты в ту сторону не смотрел. Там какой-то мужик шел и ребенка на руках нес, а может, собаку, мохнатую...

– Где?

– Они нам навстречу шли по дороге, а как увидели нас – в кусты. Помнишь, я тебе еще говорю – кто там в кусты спрятался? А ты говоришь, не обращай внимания, мало ли кто по кустам прячется. У нас бабка Ефимовна в погребе спряталась, два дня найти не могли.

Сева понял, что надо подыгрывать Олегу, но все-таки зря он начал придумывать, зря, хотя понятно, почему: хочет сбить кренгов со следа? Но ведь кренги не дураки, они могут заподозрить...

– А я и не догадался, что это мужчина, – сказал быстро Сева. – Ты мне сказал, что мужчина с ребенком, а я тебе сказал, что нечего делать мужчине с ребенком в кустах.

– Где это имело место? – спросил высокий кренг.

– Минут двадцать назад мы их встретили, – сказал Сева. – Они нам навстречу шли.

– Навстречу шли, – сказал Олег, – наверное, в лесничество.

– Ну, мы пошли? – спросил Сева.

– Идите. – Кренги расступились, открывая дорогу к мосту.

Несколько шагов до настила показались бесконечными. Третий кренг, что стоял на мосту, казалось, медленно плыл к ним. Вдруг он насторожился, обернулся к воде, в руке возник фонарь, и широкий луч света стеганул по клочьям тумана, плывшим по воде.

«Что спросить? Чем отвлечь?» – подумал Сева. Он обернулся. Высокий кренг шел сзади, в трех шагах.

– А от чего карантин? – спросил Сева громко.

– Пошел, мальчик, не задерживайся, – сказал кренг и тяжело хлопнул его по плечу рукой в перчатке. Плечо даже заныло.

– Осторожнее! – сказал Сева возмущенно. – Вы не имеете права!

Кренг на мосту выключил фонарь. Когда Олег проходил мимо, он подтолкнул его и сказал:

– Не задерживайся, домой пора.

– Спешим, спешим, – ответил Олег.

Кренги шли за ними до середины моста. Потом остановились. Слышно было, как доски настила ухают под тяжестью их шагов.

Потом шаги прервались. Сева обернулся.

Может, кренги увидели что-нибудь в реке?

Нет. Оба кренга стояли посреди моста, глядя вслед ребятам, и в их неподвижности было что-то неживое, словно их выключили.

Ребята старались сдерживать себя, чтобы не побежать. Ноги сами рвались вперед.

* * *

Метров через двести дорога свернула, и мост пропал из виду. Еще через несколько шагов Сева вдруг опустился на траву у обочины.

– Прости, – сказал он тихо Олегу, – я передохну.

Олег опустился рядом.

– Если бы ты не остановился, я бы через минуту вообще бы упал. Сначала ничего, а теперь ноги как ватные. Не держат, подлые.

– Вроде бы они не заметили...

– Все прошло отлично. Как я предсказывал. Операция проведена на пять. Как я их с этим мужчиной одурачил? Гениальный ход?

– Вот это и была глупость, – сказал Сева.

– Это еще почему?

– Неубедительно ты говорил. Я бы на их месте тебе не поверил.

– Еще бы. Ты же знал, что я вру, а они видят – детишки идут...

– Они так на меня смотрели, когда ты эту чепуху нес...

– Не беспокойся! Они сейчас уже там, в глубине леса рыщут. Наверное, все свои группы мобилизовали. Откуда им знать нашу психологию? Ну что, пошли?

– Только на цыпочках. И чтобы полная тишина! Даже если головой о дерево треснешься, молчи.

– Спасибо, начальник. Я-то промолчу, а что, если оно застонет и рухнет?

После пережитой опасности Олег был возбужден и говорлив.

– Молчи! – зашипел Сева.

Они добежали дорогой до тропинки, отходившей в сторону пещер. Идти было недалеко, и эта часть пути прошла благополучно, если не считать, что раз пришлось замереть в кустах – оба они скорее почувствовали, чем увидели, как над ними скользнул черный разведкатер кренгов. И все-таки, как ни таись, всегда можно догадаться о том, что по ночному лесу идет человек – то хрустнет ветка, то зашуршит камешек...

– Ку-ку, – раздалось спереди. – Ку-ку.

– Кукушка... – прошептал Олег. – Я думал, они ночью спят.

– Это не кукушка, – ответил Сева. – Никакая это не кукушка. Думать надо.

– Конечно, – сразу согласился Олег. – Акцент человеческий. Маринка.

Сева приложил руки трубкой ко рту, прокуковал в ответ: раз, два, три...

Через минуту они услышали шорох. Кто-то подходил к ним.

– Вы где, ребята? – Это был голос Марины.

– Здесь. Все нормально. Веди нас скорее, – сказал Олег.

– А чего наш пришелец молчит? – спросил Сева. – Он живой? Я думал, он нам направление покажет.

– Он плохо себя чувствует. Но не это важно. Он боится, что они могут запеленговать его мысль. Он заснул. Только что.

– Ну, пошли тогда к нему.

– Нет.

– Это еще что?

– Ребята, вы никуда не пойдете. Ни шагу дальше.

– Да будь человеком, Маринка, – взмолился Олег. – Скажи, что случилось?

– Кренги дотрагивались до вас?

– И пальцем не коснулись. Не посмели, – сказал Олег. – Попробовали бы! Они бы от меня живыми не ушли...

– Так, чтобы специально трогать, – нет, – добавил Сева.

– А не специально?

– Один меня по плечу хлопнул, а тебя, Олежка, вроде бы подтолкнул, да!

– Слегка, почти по-дружески. Когда прощались на мосту.

– А в чем дело? – спросил Сева.

– Так вот, слушайте. Вернее всего, в вас внедрили микропередатчики. Дэ знает...

– Кто знает?

– Дэ. Нашего пришельца так зовут. Вообще-то его длинно зовут, не выговоришь, мы договорились по первой букве звать. Дэ говорит, что у них могут быть микропередатчики, как бы маяки. Если в вас есть, то они всегда могут проследить, где вы. Понятно?

– Маринка, кончай! – возмутился Олег. – Что мы, дети, что ли? Что я, не почувствую, когда в меня радиопередатчик врубят?

– У тебя нет опыта общения с инопланетными цивилизациями, – серьезно сказала Марина.

– Мы бы почувствовали... – сказал Сева неуверенно.

– И все-таки мы не можем рисковать, – ответила Марина так, словно сама только что прилетела из космоса. – Немедленно возвращайтесь домой. Я сама вас завтра найду.

– С чего это ты решаешь? – Олег начал раскаляться, и Сева понял, что его друг сейчас сморозит какую-нибудь глупость.

И поспешил прервать его.

– Мы не собой рискуем, – сказал он. – К тому же нам до дому еще часа два добираться. Не знаю, как твоя бабуся, но у меня уже точно решили, что я утонул. Гарантирую.

– Черт возьми, – сразу изменил тон Олег.

Он совсем забыл, что кроме него и пришельца существуют другие люди, город, бабушка, дом... Его родители уехали отдыхать и оставили его с бабушкой. Лучше бы они взяли с собой и бабушку.

– Но вообще-то как добрались? В порядке? – услышал Олег голос Севы. – А то мы волновались, кренги чуть было не почуяли.

– Все в порядке. Тамара вела себя молодцом.

Марина достала из кармана куртки блокнот и карандаш. Протянула Севе.

– Запиши ваши адреса. Жди меня после восьми утра. Не проспите.

Олег подумал, что обижаться не стоит.

– Тебе-то, – сказал он, – тоже, наверно, пора домой. А то твой дядя, наверное, по всему лесу носится.

– Мой дядя уважает во мне человеческую личность, – ответила Марина серьезно. – И он знает, что я с Тамарой. Так что в безопасности.

– Мне бы такого дядю, – вздохнул Олег. – Ну, мы пошли?

Сева записал адреса и протянул блокнот Марине.

Он сделал это так торжественно, что Олег не выдержал и пошутил:

– Как-то у нас несерьезно. Пароль нужен.

– Разумеется, – ответила Марина. – Пароль будет обязательно.

– Это еще зачем? – удивился Олег. – Я же пошутил. Разве ты меня не узнаешь завтра?

– А затем, – сказала Марина, – чтобы вы не пошли в ловушку за моей копией. Вы же убедились, что кренги могут превращаться в кого угодно? Значит, и в меня, и в тебя – зачем же рисковать?

– Но не до такой же степени! – засмеялся Олег. – А вообще-то здорово: приходят завтра две Марины...

Марина ничего не ответила, а написала на листке блокнота печатными буквами: «Пароль: «Мария Стюарт». Отзыв: «Граф Монте-Кристо».

– Мария Стюарт? – прочел Олег вслух. – И Монте-Кристо. Я вас поздравляю. Этого они еще не проходили. У роботов графов не бывает.

– Детский сад, – вздохнула Марина, разорвала листок и спрятала клочки в карман.

– Ты чего? – удивился Олег.

– Ничего. Пароль придется сменить. Кто-то здесь протрепался вслух. Хотя он, может быть, ходячий передатчик. Придется написать снова. И только Севе. Тебе, Олег, я, к сожалению, больше не доверяю. Тебе вообще лучше в этом больше не участвовать. Ты делаешь все, чтобы погубить не только живое существо...

– Но и целую планету, – закончил за Марину Сева.

«Эх, предатель, – с горечью подумал Олег. – Переметнулся к Маринке в такой тяжелый для меня момент».

– Ты тоже хочешь, чтобы я больше в этом не участвовал? – спросил Олег обиженно, повернувшись к Севе.

Марина молча передала Севе листок из блокнота, и тот сразу же сунул его в карман.

– Это только предупреждение. Но последнее, – сказал Сева. – Пора становиться взрослым. Постарайся обойтись без детских шуточек.

Олег отвернулся. Сквозь деревья серебрилась река, и лунная дорожка тянулась прямо к кустам. Потом дорожка исчезла. Олег поднял голову. Темной тенью, перекрывая звезды, пронесся черный шар разведкатера. В общем-то, Маринка была права. Но от этого Олегу было не легче. Он все понимал, но не мог объяснить Севе, что не он, Олег, превращает все в игру, а, наоборот, они с Мариной переигрывают. А это, наверно, тоже опасно.

Сева с Олегом долго брели к городу. Они спешили, но усталость так завладела ими, что даже говорить не хотелось. Пыль поднималась серебряными облачками из-под ног, уже запели птицы, хотя еще стояла ночь. На большом мосту, где в город Крутояр входила шоссейка, они увидели парочку. Парень держал в руке транзистор, а девушка млела, глядя на луну.

– Кренги, – шепнул Сева, – осторожнее.

Олегу было уже все равно, кренги, не кренги, хоть целый полк кренгов.

Кренг с транзистором увидал Олега и сказал ему:

– Привет, Олежка, что ты по ночам гуляешь? Бабка тебе уши оторвет. И за дело.

Девушка захихикала.

– Самому тебе врежет, – устало огрызнулся Олег.

Парень оказался соседом, из его дома.

Когда они расставались у сквера, Сева строгим Мариниым голосом сказал:

– Чтобы дома не проболтаться.

– Ладно уж, – отмахнулся Олег. – Если я бабке начал бы рассказывать, она бы мне первым делом горчичники поставила. Это ее основное лекарство. А я горчичники не выношу.

Всю ночь Севе снились кренги. Они гнались за ним по лунным кратерам, и сине-белый луч настигал его, грозя испепелить. Их пустые белые глаза выглядывали из темных углов комнаты, и Сева несколько раз за ночь просыпался и никак не мог отделаться от ощущения, что эти глаза следят за ним из-за угла. Ныло плечо – Сева ощупал его в полусне, – вроде бы какое-то уплотнение, там, где кренг ударил. Но, может, кажется?

Проснулся он окончательно в семь.

Утреннее солнце било в тюлевые занавески. Дома все еще спали. Сева на цыпочках подошел к окну, отодвинул занавеску – теперь надо незаметно уйти из дома и поднять Олега, который, конечно, проспит. Рука непроизвольно коснулась плеча – не рассосалось ли уплотнение? Нет. Неужели в самом деле Сева сейчас испускает сигнал: «Я здесь... Я здесь»?

Улица была пуста. В небольшом скверике, за которым стоял дом Олега, рыжий щенок гонялся за бабочками. Интересно, подумал Сева, кренги могут превращаться в щенков? Щенок побежал к кустам. Сева проследил за ним взглядом и увидел, что на покосившейся скамейке, на которой еще года три назад по молодости они с Олегом вырезали свои инициалы, сидит человек в сером плаще и черной кепке. И читает газету.

Человек повернул голову, глядя на щенка. Потом отложил газету и взглянул на окно. Сева опустил занавеску, и она, покачиваясь, распрямилась. Даже на таком расстоянии Сева ощутил холод взгляда и заглянул в пустоту светлых глаз со зрачками-иголками.

И стало страшно.

Сева оглянулся. Дверь в комнату, где спали мать с отцом, была приоткрыта, и была видна полная белая рука матери, свесившаяся с кровати. И вдруг захотелось разбудить мать и сказать... А что сказать матери? Сева непроизвольно прикрыл плечо ладонью, словно хотел приглушить передатчик, – он представил себе, что связан с чудовищем в скверике тонкой нитью. Нет, родителей впутывать в это нельзя. Они не поймут, не поверят и могут только пострадать.

Щенок зарычал, осел на задние лапы – что-то ему не понравилось в человеке.

Правильно, молодец, мысленно похвалил щенка Сева. Мы с тобой их сразу отличим...

Сева вздрогнул – сзади послышался голос матери:

– Ты чего вскочил ни свет ни заря? Опять куда-то навострился? Спать разучился.

– Я сегодня не поздно вернусь, – сказал Сева, и голос его был хриплым, словно чужим. – Скоро каникулы кончаются.

Еще хорошо, что у него нормальные отношения с родителями. Учится он хорошо, так что претензий нет. Может, рассказать все отцу? Нет, и отец

не поймет. Он ни во что, кроме своих паровозов, не верит. Даже к палеонтологии относится скептически. Когда Сева рассказывал ему о том, что в меловом периоде здесь, в Крутояре, было море и в нем водились акулы, а по берегам бродили ящеры, отец с морем еще смирился, а про ящеров сказал, что климат для них не подходящий. А мать только сказала: «Какой ужас!» Если акулы, то купаться нельзя. Она обожает купаться.

Сева снова посмотрел на окно. Кренг сидел на лавочке, опустив голову, словно задремал. Вдруг он резко поднял голову, повернулся.

По улице не спеша шла Марина со спортивной сумкой в руке и глядела на номера домов.

Сева протянул было руку к форточке, чтобы открыть ее и предупредить Марину, но именно этого делать не следовало. Ведь Марина не видела кренгов близко и не отличит кренга от обыкновенного человека. Да, кричать нельзя. Закричать – все погубить. И так он под подозрением.

Сева, как был в одних трусах, выскочил босиком в коридор к лестнице. Дом был старый, бревенчатый, двухэтажный. Сева по скрипу пола всегда узнавал, кто идет по коридору. Он скатился по лестнице к входной двери. Как раз вовремя – вошла Марина.

Сева сказал быстро, чтобы Марина не успела испугаться:

– Это я, Сева, молчи.

Марина спокойно затворила за собой дверь, прищурилась, вглядываясь в полумрак лестницы, и, увидев Севу, спросила:

– Ты чего не оделся?

– Тише. За нами следят. Он там сидит в сквере.

– Я не знаю, с кем имею дело, – сказала Марина. – Прости.

– Это я, Сева.

– Пароль.

– Ах, черт, я бумажку в кармане рубашки оставил. Ну поверь мне в виде исключения. В последний раз. Понимаешь, в сквере кренг сидит!

– Исключений нет, – сказала Марина. – Может быть, меня тоже подделали и я вовсе не Марина. Ты об этом подумал?

И тут от большого нервного напряжения Сева вспомнил пароль.

– Оливер Твист! – воскликнул он.

– Тише, – сказала Марина. – Отзыв – Чарльз Диккенс. Как ты догадался, что там кренг?

– Я их по глазам узнаю.

– Это хорошо. И наверняка узнаешь?

– Наверняка.

– Ты мне обязательно покажи.

– Не знаю, на этом расстоянии ты увидишь или нет – все дело в глазах... Ну ладно, покажу. Как наш Дэ?

– Я была у него. Напоила, перевязала. Только есть он не может. Мы с ним боимся пить молоко. Понимаешь, в нем много наших бактерий.

– Когда же ты все успела? Ты совсем не спала?

– Ах, пустяки, – сказала Марина голосом графини из кино.

Сева даже не улыбнулся. И в самом деле – спать не хочется. И есть не хочется.

– Кренги тебя не заметили? – спросил он тихо.

– С рассветом они сняли оцепление.

– Доверять им нельзя, – сказал Сева. – Наверно, они придумали что-то другое.

– Может быть. Мы не знаем. Нам надо отделаться от слежки, потом купить кое-что – и обратно.

– Правильно. А как мы отделаемся?

– У меня есть инструкции. Только, к сожалению, я не могу их тебе пока разглашать.

– Почему? Мы же вместе.

– А если ты попадешь к ним в лапы? Если ты проговоришься?

– Ладно. В другой раз я бы тебе ответил. Не сегодня... Чего тогда делать?

– Где Олег?

– Я за ним сбегаю. У него бабка скандальная.

Но бежать за Олегом не пришлось. Бабка начала скандал именно в этот момент.

– Подлец! – донеслось с улицы. Словно гроза обрушилась на тихое утро. – Кто будет пить молоко? Дома не ночует!.. От рук отбился!

– Это она, – сказал Сева, выглядывая из двери. – Теперь ты понимаешь, почему она страшнее стихийного бедствия?

Через сквер несся Олег с буханкой хлеба под мышкой, за ним шустро семенила совершенно кругленькая бабушка с поварешкой, которой она размахивала, как саблей.

Через сквер несся Олег с буханкой хлеба под мышкой, за ним шустро семенила совершенно кругленькая бабушка с поварешкой, которой она размахивала, как саблей.

Олег пронесся рядом с кренгом, который лишь бросил на него равнодушный взгляд, словно мальчишкам положено гоняться с бабушками наперегонки. Ага, подумал Сева, вот и второй: в дальнем конце сквера, за спиной бабушки возникла высокая фигура в плаще и шляпе – второй кренг, который не спеша, словно прогуливался, шел вслед.

Вдруг Олег бросился в сторону и исчез из виду.

– Где он? – прошептала Марина. – Куда делся?

– Военная хитрость, – сказал Сева. – Чтобы бабушку на нас не навести. Он сейчас дворами прибежит.

Бабка немного покрутилась в сквере, выбежала на мостовую, в растерянности спросила что-то у кренга, который отрицательно покачал головой – видно, отказался помочь ей. Второй кренг между тем не спеша пересек улицу и тоже скрылся из глаз.

– Бабку-то он, может, и обманет, – сказала тихо Марина. – Но убежит ли от кренга?

– Без сомнения. Кренг не страшнее бабушки.

Бабка поплелась обратно через сквер, громко ворча. Поварешка тускло поблескивала под утренним солнцем. Кренг внимательно смотрел ей вслед.

Олег распахнул дверь, чуть не сшибив Севу с ног, ворвался на лестницу и тут же замер, почувствовал, что кто-то стоит рядом. Он метнулся назад, прижался спиной к закрывшейся двери.

– Не бойся, – сказал Сева. – Здесь свои, мы за тобой наблюдали.

– Ох ты, я уже подумал, что к кренгам попал.

– А ты не радуйся, – строго сказала Марина. – Где гарантия, что мы не кренги?

– Гарантии нет, – согласился Олег, – но все равно приятно.

– Ты пароль помнишь? – спросил Сева.

– Какой еще пароль! Вы мне пароля не доверили. Я хлеб для пришельца принес. Бабушку обездолил.

– Ладно, – сказала Марина. – Каждая секунда на счету. Где здесь светлое место, чтобы не в темноте операцию проводить?

– Что? – удивился Олег.

– Пошли на кухню, – предложил Сева. – Там расскажешь.

Сева стал полным союзником Марины, даже признал ее превосходство, но зато сам окончательно понял, насколько он взрослее Олега. Если можно так сказать, в их небольшой группе произошло разделение, как в Древней Греции: Марина стала Александром Македонским, Сева – рядовым патрицием, а роль плебея досталась Олегу. Правда, он об этом не догадывался.

На кухне Марина поставила на стул сумку, достала из нее металлическую блестящую коробку, в которой оказались скальпель, иглы и что-то еще, острое и потому страшное.

– Это еще зачем? – Олег отошел подальше от сумки – он с детства не выносил медицины, если она была нацелена на него.

– Ты хочешь быть ходячим передатчиком? – спросила Марина, зажигая газ. Она подержала скальпель и иглы над газом и потом решительным жестом указала Севе на табурет.

– Только осторожнее, – предупредил Сева. – Ты не думай, я не боюсь, только я тебе не очень доверяю. У тебя нет медицинского образования.

– У меня есть ветеринарный опыт, – возразила Марина. – Я третье лето ухаживаю за лосятами. И даже операции им делаю. Небольшие. Дядя Сережа мне полностью доверяет.

– Я не животное, – сказал Сева, но больше спорить не стал.

– Зажмурься, – велела Марина.

Сева послушно закрыл глаза, и Марина, нащупав на его плече маленький бугорок, полоснула по нему острым скальпелем. Сева только ахнул, а Олег, который наблюдал за операцией, отвернулся к окну – он увидел кровь. Марина поддела загнутой иглой бусинку размером меньше перечного зерна, подхватила ее пальцами и показала Олегу.

– Ты смотри, – сказала она, – скептик. Ты думаешь, что это все шутки?

– Я ничего не думаю, – сказал Олег. Шарик был черным и гладким. – Что, во мне тоже такая штука?

– Я не сомневаюсь, – сказала Марина. – За тобой от самого дома кренг шел. Хорошо еще, если ты его на нас не вывел.

Марина прижгла ранку йодом, потом заклеила пластырем. Затем приказала Олегу занять место Севы, которому вручила йод и клочок ваты, и повторила операцию. На голубой пластик кухонного стола лег второй шарик.

– Давай, – сказал Олег, – я их подальше закину. Я хорошо кидать умею.

– Ты с ума сошел, – ответил Сева.

– Передатчики оставим здесь, – сказала Марина, складывая обратно инструменты.

– Зачем? – не понял Олег.

– Чтобы кренги думали, что вы остались дома. Неужели не понятно? Иначе зачем мы старались?

Она подошла к окну. Оба кренга сидели на скамеечке рядом, как мирные пенсионеры – шахмат между ними не хватало. Они были так похожи друг на друга, что казалось – любой прохожий заподозрит неладное: два немолодых близнеца, одетых не по сезону, прямых, как палки... Но прохожих в этот ранний час было немного, они спешили по делам и не взглядывали на лавочку. Бабка исчезла, вернулась домой. Щенок куда-то убежал.

– Через дверь нам не выйти, – произнес Сева. Он прижимал пластырь к ранке на плече.

– Оставь пластырь, оденься, – приказала Марина. – Что ты делаешь?

– Окно из коридора выходит во двор, – сказал Сева. – Под ним навес над дверью в подвал. Прыгать – метра полтора. Сможешь?

– Сможет, – уверенно ответил Олег. – Мы так тысячу раз удирали.

– Тогда пошли, – сказала Марина. Она закатила черные шарики под плиту, чтобы никто их не заметил. Наверное, они до сих пор там лежат и посылают давно уже никому не нужный сигнал: «Я здесь... я здесь... я здесь...»

Дворами они минут за пять добежали до рынка. Площадь была полна народу – казалось, все, кому не спалось, сошлись на площади. Тамара, запряженная в телегу, была привязана к коновязи, в конце ряда, где прямо с телег продавали картошку. Она узнала ребят и даже кивнула им, словно знала, что именно так принято здороваться у людей.

Пока Марина делала покупки, ребятам пришлось посидеть под телегой. Занятие скучное и неудобное, потому что туда залетали слепни и оводы, суетились мухи, которые, видно, считали, что ребята заняли чужое место.

Из-под телеги видны были лишь ноги, и Сева подумал, как много они могут рассказать и жаль, что он раньше об этом не задумывался. Вот, например, идет бывший генерал. Ботинки у него вычищены, шаг широкий, уверенный, брюки выглажены так, словно через час на парад ветеранов...

Бывший генерал отошел подальше, и Сева узнал Ян Яныча, учителя рисования, настолько близорукого, что без очков не мог найти карандаш. Попробуем еще раз: чьи это женские ноги на высоких каблуках, идут они брезгливо, осторожно, берегут себя? Разумеется, дачница или туристка. Сева осторожно высунулся – дама на каблуках волокла охапку гладиолусов – привезла торговать. Нет, подумал Сева, Шерлок Холмс из меня не вышел. Не стоит рассказывать Олегу о своих ошибках. Исследование ног и походок потребует еще длительного труда и обобщений.

Становилось все жарче. Воздух под телегой был неподвижен, мухи и слепни становились все наглее. Марины не было целую вечность, она вполне могла попасть в плен к кренгам.

Наконец тапочки и джинсы Марины возникли возле колеса, и Сева услышал ее голос:

– Перебирайтесь под брезент, на горизонте пока чисто.

– Кренгов не видала? – спросил Сева, разминаясь.

– Может быть, ими рынок кишит. Разве разберешь? Поехали.

– Погоди, – сказал Олег, внимательно глядя на Марину. – А кто уверен, что ты Марина?

Он воспользовался возможностью немного отомстить своим критикам.

– Еще чего не хватало! – возмутилась было Марина, но Сева рассмеялся, и тогда она тоже улыбнулась, поняла, что неправа. И добавила: – Погляди на Тамару. Ее ведь не проведешь.

Тамара, естественно, молчала. Марина легко вскочила в телегу, подождала, пока ребята улягутся, подоткнула брезент сбоку и сказала:

– Пошла вперед, моя подруга.

Под брезентом ненамного лучше, чем под телегой. Телегу трясло, дно ее было жестким. Марина не хотела разговаривать, потому что опасалась кренгов, и вообще приключения с пришельцем становились все менее романтичными.

* * *

Марина привязала лошадь в кустах, они разобрали покупки и через несколько минут подошли к пещере.

– Добрый день, – услышал Сева мысленный голос пришельца и даже вздрогнул – словно отвык от него за ночь, словно он был принадлежностью ночи, а при солнце должен был исчезнуть. – Мне трудно следить за вами в городе – очень много людей, мыслей, чувств... и далеко... но кажется, что вы вели себя разумно...

Марина уже была в пещере, ребята, нагнувшись, прошли за ней. В пещере было полутемно, и глаза не сразу привыкли к сумраку.

– Как самочувствие? – спросил Олег, присаживаясь на корточки рядом с одеялом, на котором полулежал, прислонившись спиной к стене, пришелец. – Идем на поправку?

– Я надеюсь, – сказал мысленно пришелец. Глаза у него казались громадными, совершенно круглыми, и изнутри они чуть светились.

– Мы привезли еще продуктов, – сказала Марина, открывая сумку. – И лекарства, которые вы просили, Дэ.

– Разве у вас такие же лекарства? – удивился Сева.

– Лекарства другие, – заметила Марина прежде, чем Дэ успел ответить. – Не будь наивным. Но вот таблица Менделеева та же самая.

– Вы и Менделеева знаете? – спросил Олег.

– Балбес, – вмешался в разговор Сева. – Элементы в галактике одни и те же. Понимаешь?

– Я пошутил, – сказал Олег. – Неужели не понятно?

– Что же будем делать дальше? – спросил Сева.

– Надо думать, – ответил Дэ. – Надо задавать вопросы и думать...

– Правильно, – сказал Сева, усаживаясь на пол и скрещивая ноги. – Три головы лучше, чем одна.

Марина налила в чашку воды и передала пришельцу.

– Спасибо, – произнес Дэ. – Боюсь, пока кренги не убедятся, что со мной покончено, они вас не оставят в покое. И это самая главная опасность... К сожалению, ваши возможности ограничены.

– Пока нам кое-что удалось сделать, – сказал Олег. – Уже второй день, а вы целый и почти невредимый.

– Не много нам удалось, – заметила Марина. – Сидим в норе, таимся.

– Скрываемся на собственной планете! – поддержал ее Сева. – Как будто не мы здесь хозяева.

– Я беспокоюсь за вашу безопасность, – сказал Дэ. – Они вас уже знают. И если догадаются, что вы избавились от передатчиков, то, разумеется, вы станете главными подозреваемыми. Они сделают все, чтобы заполучить вас в руки.

– Ну и пусть, – сказал Олег. – Они ничего от нас не добьются.

Пришелец вдруг обернулся к Олегу и так внимательно на него посмотрел, словно впервые увидел. Потом сказал странную фразу:

– Насколько различен у вас уже с детства эмоциональный уровень сознания.

Словно размышлял вслух.

Марина улыбнулась. Сева немного обиделся за друга, и Дэ сразу ощутил его обиду и добавил:

– Я не имел в виду умственные способности.

– Правильно, чего уж там, – сказал вдруг сам Олег. – Я разве не знаю, что легкомысленный? Лучше вас знаю. Это моя беда. Зато иногда я соображаю быстрее других. Например, у меня сейчас уже созрела идея – везем Дэ на Байконур, на космодром.

– Спасибо, – ответил Дэ. – Но, к сожалению, Земля еще не достигла эпохи звездных полетов. Ваши корабли для моей задачи бесполезны.

– А может, постараемся построить передатчик? – спросил Сева. – Мы по вашим чертежам могли бы покупать транзисторы или схемы...

– Вряд ли это поможет. К тому же я просто не знаю, как построить космический передатчик – это достаточно сложное устройство.

– Значит, безнадежно? – спросил Сева. – Этого быть не может.

– Безнадежных ситуаций не бывает, – сказал Олег.

– Смотрите! – Марина вскочила и чуть не ударилась головой о потолок пещеры – она смотрела наружу: овальное пятно входа, только что голубое, потемнело и по нему проносились оранжевые и черные полосы.

Небо над рекой почернело, солнце померкло. До пещеры доносился далекий, глухой, тягучий рев. Ребята столпились у выхода из пещеры.

Лес на том берегу пылал. Темные стены дыма поднимались справа и слева.

– Пожар! – Марина больно схватила Севу за руку. – Что же делать? Там лесничество!

– Лесничество в стороне, – успокоил Сева. – Не бойся.

– Надо эвакуировать пришельца, – сказал Олег.

– Именно этого они и ждут, – вдруг возразил Сева.

– Кто? – Олег не сразу понял.

– Ты думаешь, что это они подожгли? – спросила Марина.

– Это они, – раздался в головах ребят голос Дэ. – Я знаю, что это они.

– Я побежала за Тамарой. Она испугается, – проговорила Марина.

– Огонь сюда не дойдет, – сказал Сева. – Ему не перебраться через Вяту. И ветер не в нашу сторону.

– Ну, ветер может измениться, – сказал Олег.

– Изверги! – крикнула Марина. – Подлецы! Там же деревья... и звери... Мой дядя растил этот лес всю жизнь! Я должна быть там!

– Ты права, – ответил пришелец. – Ты ощущаешь это как свой долг. Значит, ты должна там быть.

– Я тоже пошел, – решил Олег. – Чего в пещере отсиживаться, когда мы там нужнее!

– Нет, – сказала Марина. – Кто-то должен остаться здесь. Мало ли что может случиться?

– Кто же? – спросил Сева. И ясно было, что добровольно он здесь не останется.

Никто ему не ответил.

– Кинем жребий? – спросил Сева.

– Какой может быть жребий?! – обернулась к Севе Марина. – Ты хочешь, чтобы мы доверили Дэ Олегу? А если Олег через полчаса сбежит?

Олегу бы самое время возмутиться, но вместо этого он не без торжества сказал:

– А что? Могу и сбежать. Я за себя не ручаюсь.

Олег хитрил – и понятно почему: сидеть в пещере, когда бушует пожар, для Олега было почти немыслимо.

– Ты разумнее и надежней – разве не ясно? – спросила Марина, глядя на Севу. – Я бы осталась сама, но там мой дядя. Так что на тебя вся надежда.

Сева понял, что выхода нет. Или он признает себя настоящим мужчиной, или... Ему показалось, что в голове его послышался тихий смех – Дэ понимал все мысли друзей.

– Да, – вздохнул Сева. – Кто-то должен взять на себя ответственность...

– Помните, – сказал мысленно Дэ, – что они стерегут все выходы из леса.

Километра два они ехали от реки по дороге, которая вливалась в шоссе, потом добрались по шоссе почти до Крутояра и там переехали речку по мосту. Конечно, драгоценное время было потеряно, но зато Марина была уверена, что они не выдали тайну пещеры.

На шоссе, ведущем от Крутояра к лесничеству, было оживленно. Раза три их обгоняли грузовики, полные людей. Над головой пролетел вертолет. Потом проехал газик, из которого, словно иглы ежа, торчали лопаты. Пожарная машина стояла у ручья перед лесом и набирала воду. Вскоре телега пересекла широкую просеку, на которой сотни людей рыли канаву. Здесь шум и треск пожара были громче и страшнее: внутри леса все время слышались удары и взрывы – это падали деревья.

У большой поляны, где помещалось лесничество – несколько небольших жилых домов и складов, контора, загон, гараж, – было пусто: народ в основном толпился метрах в ста, где окапывали канавой молодые посадки, чтобы огонь не перекинулся туда.

Марина первой соскочила с телеги и бросилась в большой бревенчатый дом конторы. Олег за ней. В доме никого не было – лишь горячий ветер, налетавший волнами от леса, носил по комнатам бумажки.

Дядю Марины они отыскали в загоне, где он командовал погрузкой в машину молодых лосят, которых здесь одомашнивали. Лосята были перепуганы, они оглядывались на черную стену дыма и вздрагивали всей шкурой.

– Маришка! – обрадовался дядя. – А я уж беспокоился.

– Не надо было беспокоиться, – серьезно ответила Марина.

Она побежала к лосенку, который упрямился, не хотел взбираться в кузов по наклонной доске, и что-то прошептала ему на ухо. Лосенок подчинился Марине и покорно пошел в грузовик.

– Ну, вот и все, – сказал лесничий молодому парню, который помогал ему. – Поезжайте. В колхозе предупреждены. Только не спешите, лосята и так напуганы.

Дядя Сергей оказался совсем еще не старым сухим, поджарым человеком. На его очень загорелом лице светились яркие синие глаза, а волосы были рыжеватыми, точно как у Марины. Олег подумал, что вообще-то лесничий, наверное, очень веселый человек. Хоть сейчас его глаза были злыми и очень усталыми.

– Разгильдяи, – сказал он сквозь зубы, глядя вслед грузовику с лосятами, который осторожно выезжал из загона. – Достаточно одного непогашенного костра, чтобы целый лес спалить... Эх, попался бы мне этот турист... или охотник! Хорошо еще, что вовремя спохватились, подняли весь народ...

– Он тебе не попадется, дядя Сережа, – сказала Марина.

– Ты что-нибудь знаешь?

Марина ответила не сразу. Они вышли из загона и остановились у края опушки. Видно было, как огонь мечется у канавы, языки пламени крутятся по земле, стараясь перепрыгнуть преграду, словно живые хищники... но не могут.

– Я пойду, потружусь, – сказал Олег, которому надоело бездействие. Он показал туда, где ребята из его школы копали вторую, резервную канаву. – Там интереснее.

– Только в огонь не суйся, – произнесла Марина голосом старшей сестры или даже Александра Македонского.

Олег побежал к канаве.

– Ты что-то хотела сказать? – Дядя Сергей остановился, закурил.

– Я знаю, кто поджег лес.

– Тогда скажи.

– Я почти уверена в этом. Но в это трудно поверить.

– Я постараюсь.

– Это тайна. И ее не скажешь в двух словах, а то получится бессмыслица. Ты сможешь потерпеть и послушать?

Лесничий чуть улыбнулся.

– Много лишних слов, – сказал он. – Я к тебе всегда относился серьезно. Ты это знаешь. Я могу уделить тебе даже полчаса. К счастью, сейчас стало спокойней, опасности нет. Могло быть хуже.

– Они хотели сжечь лес, чтобы выкурить или погубить Дэ, – сказала Марина. – Они не знали, что весь город поспешит к вам на помощь. Теперь они, наверное, сильно удивились. И, может, даже растерялись. Они не знают, что делать дальше. Дай мне слово молчать, дядя Сережа.

– Маришка, – возразил лесничий, – я не могу дать тебе такого слова. Лес – не моя собственность. Он общий. Если кто-то поджег его, он преступник. И я не буду его покрывать, даже если это твой друг.

– И все-таки я надеюсь на твою рассудительность, – сказала Марина. – Давай зайдем в контору, чтобы нас не видели снаружи. Они могут следить за нами и заподозрят, что ты в курсе дела. А это очень для тебя опасно.

– Кто они? И в чем опасность?

– Я думаю, что они здесь. Сева умеет их отличать. Я не сталкивалась так близко, чтобы узнать с первого взгляда.

– Ладно, пойдем в дом, – сказал лесничий. – Надеюсь, что это не детский вздор!

– Дядя Сергей!

– Прости, но вступление звучит слишком загадочно.

Рассказ Марины занял минут пять, не больше. Дядя Сергей слушал его внимательно, не перебивая, потягивая короткую трубку. Раза два он поднимался, подходил к окну, выглядывал наружу, чтобы посмотреть, как там идут дела.

– Ясно, – проговорил он, когда Марина закончила рассказ. – Скажу тебе честно. Если бы я тебя не знал так хорошо, если бы мне все это рассказал кто-то другой, я бы решил, что он сошел с ума. Мне даже тебе трудно поверить. Но ты не обижайся.

– Я не обижаюсь. Но пойми, что мы обещали Дэ сохранить тайну. Ведь если все это правда и они идут на такие дела, только чтобы его найти, значит, они в самом деле очень его боятся. И мы должны ему помочь. Ты всегда был мне другом, дядя Сергей.

– Спасибо за доверие, – сказал лесничий. – Положение у меня, конечно, сложное. Позвонить в милицию и сообщить им, что лес подожгли инопланетные разбойники, я не могу. Там, естественно, решат, что я свихнулся от волнений... – Лесничий улыбнулся и выбил трубку в пепельницу. – Я предпочитаю принять за рабочую гипотезу, что пришелец и в самом деле существует. И что ему надо помочь. Помочь так, чтобы

не наломать дров и не сделать хуже всем. Как помочь, я пока не представляю... Ладно, сначала надо будет с ним встретиться. И убедиться в том, что...

– Что я не сошла с ума, – сказала Марина. – Спасибо.

– За что?

– Ну, за то, что ты не смеялся.

– Ничего смешного. Но учти, сделать я это смогу только попозже. Когда с пожаром все будет кончено.

– Тогда мы с Олегом вернемся в пещеру. А то Сева там один.

– Ну что же, возвращайтесь.

Лесничий направился было к выходу, но Марина остановила его.

– Дядя Сережа, ты не обидишься, если я тебе напишу пароль?

– Зачем?

– Чтобы тебя не подменили.

– Боюсь, что это уже лишнее.

– Ты мне поверил в главном. Давай уж будем верить до конца. Логично?

– Логично.

Марина написала лесничему пароль и отзыв на листке из блокнота. Потом разорвала листок.

Они вышли из дома. Пожар затихал. Он как будто смирился с поражением, и когти пламени спрятались в черной сожженной траве.

– Где же Олег? – оглянулась Марина. – Наверное, увлекся героическими подвигами и забыл обо всем остальном.

И тут же она увидела Олега. Тот стоял, устало опершись о лопату, страшно довольный собой... Марина подняла руку, хотела окликнуть его, но не успела. Послышался громкий пронзительный крик:

– Вот я где тебя нашла! Вот ты где скрываешься, негодник!

Люди оборачивались, в удивлении глядя на маленькую крепкую кругленькую старушку, которая бежала к лесу от дороги, размахивая поварешкой, словно саблей.

Старушка неслась к Олегу, и тот при виде ее стал отступать к канаве, рискуя туда свалиться.

– Это еще что за явление? – удивился лесничий.

– Это его бабушка, – улыбнулась Марина. – Я ее уже сегодня утром видела. Как она его здесь отыскала – ума не приложу!

Бабушка тем временем настигла внука, схватила его за руку и рванула к себе.

– Если ты сгоришь, – спросила она пронзительно, – что я скажу отцу и матери? Чем я им отвечу за доверие?

Она тянула Олега за руку.

Олег покорился, шел за ней, только повторял:

– Ну, бабушка, ну зачем так... я сам пойду...

Что-то Марину смущало в бабушке. Но что? И тут она сообразила: поварешка. Зачем бабушке весь день бегать с поварешкой в руке? Неужели не нашлось случая положить ее на место?.. Зато кренги, может быть, думают, что бабушкам положено всегда бегать с поварешкой...

И, еще не будучи уверенной в этом, но чувствуя опасность, Марина закричала:

– Олег! Остановись! Погоди!

Олег обернулся, замер на мгновение, но бабушка так сильно дернула его за руку, что он потерял равновесие и, чуть не упав, побежал за старушкой, которая, набирая скорость, волокла его к молодому сосняку.

– Дядя Сережа! – закричала Марина, которая уже не сомневалась, что бабушка – кренг. – Скорей! Помоги! Это же не бабушка! Неужели ты не видишь, что это не бабушка?

И она бросилась вслед за Олегом.

Через секунду, не поняв еще, в чем дело, но ощутив в голосе Марины тревогу, лесничий побежал за своей племянницей.

Наверно, именно тогда и до Олега дошло, что с бабушкой что-то неладно. Он начал отчаянно, но молча вырываться, и его борьба с кругленькой старушкой, которая была ниже его на голову, со стороны, наверно, казалась очень комичной – усталые люди, стоявшие у кромки леса, принялись смеяться, кое-кто подбадривал бабушку, кто-то сочувствовал Олегу, и мало кто обратил внимание на Марину и лесничего, которые бежали вслед за этой странной парой.

Марина уже настигла их, когда бабушка обернулась. И тут впервые Марина увидела настоящие глаза кренга – пустые, безжалостные и холодные.

Как же так... крутились в ее голове мысли... как же Олег не сообразил.... ну ничего, еще не поздно, мы успеем...

Лесничий обогнал Марину и уже протянул руку, чтобы задержать Олега, как бабушка, сообразив, что сейчас ее настигнут, словно включила другую скорость и рванулась вперед так быстро, что ноги Олега оторвались от земли и он полетел вслед за старушкой. Еще несколько секунд, и они скрылись в молодых посадках, которые с таким трудом удалось отстоять от огня.

Дальше ощущения Марины почему-то разбились на отдельные картинки, на мелкие осколки реальности. Сосновые ветки больно хлестали ее по лицу, тонкие колючие стволы вставали на пути, кто-то тяжело дышал рядом... Видно, кто-то из зрителей тоже почувствовал неладное и бросился вдогонку... Она бежала и ничего не видела впереди, казалось, что бежит она целую вечность... Потом была полянка, пустая и тихая. Только звенело в ушах. И Марина вдруг опустилась на траву, словно не держали больше ноги. И поняла, что Олега она не найдет. И никогда больше не увидит. И виновата во всем только она одна. Олег ведь до самого конца не верил в то, что опасность, нависшая над ними, так реальна и страшна.

Неподалеку звучали голоса:

– Ты видел?

– Я не видел, но Кондратьев точно видел...

– Это была летающая тарелочка, да?

– Летающих тарелочек не бывает.

– Как не бывает, если я о них читал в журнале.

– Не в этом дело, мы же ее видели...

– Не тарелочка это, а дым, клуб дыма. Так бывает на пожаре...

– Вы не видели здесь девочку?

Это был голос дяди Сергея.

– Я здесь, – откликнулась Марина.

Дядя Сергей подошел, положил ей руку на плечо.

– Мы найдем его, – сказал он тихо.

– Теперь ты веришь? Веришь?..

– Не плачь, я с самого начала поверил. И я видел их черный шар... Это был не клуб дыма. Я даже испугался, что ты тоже попала к ним в лапы.

– Его увезли? Его увезли с собой?

Ноги Олега оторвались от земли и он полетел вслед за старушкой.

– Не знаю. Надо срочно поговорить с твоим знакомым, с пришельцем... Ты можешь подождать несколько минут в доме, не выходить, пока я не отдам распоряжения? Мы поедем с тобой на мотоцикле.

Сергей, крепко держа Марину за руку, будто боялся, что кренги могут перехватить ее, провел племянницу в дом. Они миновали группу старшеклассников, и до Марины донеслись обрывки их разговора:

– Кого ищут?

– Говорят, парень пропал.

– Из нашей школы?

– Нет, не пропал, его бабка домой увела. Малыш еще, из шестого класса.

Марина осталась одна в конторе. Дядя Сергей обещал вернуться минут через десять. Марина осторожно подошла к окну, выходившему в сторону реки. Она остановилась за рамой, чтобы ее не видно было снаружи. Интересно, уловил ли Дэ их мысли на таком расстоянии? Сможет ли он помочь? А как поможешь, если Олег в самом деле уже не на Земле? Его не достанешь даже со спутника.

И вдруг она увидела, как над лесом за Вятой, там, где были пещеры, медленно скользит над самыми вершинами деревьев черный шар разведкатера кренгов, словно высматривает что-то. Полет его был неверен, передвигался шар словно рывками, на мгновение зависая, потом делая резкий скачок вперед.

– Неужели они нашли пещеры? Там же Сева!

Марина забыла об осторожности и метнулась на крыльцо.

Лесничего нигде не было видно.

Марина выхватила из кармана блокнот, написала на вырванном листке: «Я в пещерах. Жду», – вернулась в дом, положила листок под книгу на столе так, чтобы был виден текст, и побежала туда, где была привязана Тамара. Еще минута ушла на то, чтобы выпрячь Тамару из телеги... и вот снова знакомая дорога, стук копыт и горячий, пропахший гарью ветер в лицо...

Марина была права, когда опасалась, что Олега нет в лесу и вообще нет на Земле.

Олег был в черном шаре кренгов.

И вдруг она увидела, как над лесом за Вятой, там, где были пещеры, медленно скользит над самыми вершинами деревьев черный шар.

Он проклинал себя за то, что так послушно, как теленок, пошел за псевдобабушкой. Как он мог, увидев ее, тем более с поварешкой, в десяти километрах от дома, забыть о способностях роботов? Конечно, ему стало стыдно, что бабушка поднимет скандал и над ним будут смеяться – никому не хочется казаться малышом. Сколько бед происходит оттого, что люди боятся показаться смешными. Нет, только последний дурак мог ни о чем не догадаться, увидев в горящем лесу бабушку с поварешкой.

Когда бабушка рванула его вперед, спасаясь от преследователей, у Олега даже помутилось в голове. Ему почудилось, что он проваливается в черную пропасть. И казалось, что прошло одно мгновение – и вот они уже перед черным шаром кренгов, спрятанным среди молодых сосенок.

Перед открытым люком прямо, как палка, стоял кренг в темном комбинезоне. Он сделал шаг вперед и подхватил Олега. Олег смог обернуться – бабушки уже не было. На поляне, за его спиной, распрямлялся второй кренг, в комбинезоне, но в бабушкином платочке и с поварешкой в руке. И на глазах, за секунду, поварешка и платочек растворились, словно были плодом воображения Олега.

– Иди, – сказал кренг – бывшая бабушка. – Иди, мой мальчик. Нельзя не слушаться старших.

И голос его был издевающимся, тонким, он передразнивал бабушку.

Кренг протянул вперед очень длинную сильную руку и легонько толкнул Олега в спину, так что тот отлетел к люку, где его подхватил первый кренг и бросил внутрь разведкатера.

Внутри катера кренгов было пусто. Даже странно. Разумеется, Олег привык воспринимать космические корабли по картинкам и фильмам земными, обыкновенными. Конечно, никто из тех, кто делал эти фильмы, с кораблями кренгов знаком не был... и все равно ощущение было странным, словно попал он на корабль, сделанный не по правилам.

Ни стульев, ни кресел, ни иллюминаторов, ни приборных панелей. И главное, ни звука. На космическом корабле должны быть звуки. Может быть, роботам не нужно сидеть, а все приборы у них находятся внутри? И Олег взглянул на ближнего к нему кренга и встретился с пустым холодным взглядом светлых глаз. И вдруг лицо кренга исказилось улыбкой, которая растянула до ушей тонкие губы, но глаза остались холодными и равнодушными, иголочки черных зрачков буравили Олега.

– Внучек, куда ты бежишь от меня? – сказал кренг. Видно, ему понравилось, как смешно все получилось, и он обернулся ко второму кренгу и быстро засвистел, защелкал языком...

А Олег понял, что по правилам он должен сейчас смертельно испугаться, задрожать, но громадным усилием воли держать себя в руках. А страха не было. Было любопытно, и было обидно, как все получилось. В общем, совсем не так плохо, что удалось побывать на корабле кренгов – никто из его знакомых здесь не бывал, – но лучше не попадаться на удочку. Теперь кренги потеряют к нему уважение.

Первый кренг, все еще продолжая улыбаться, подошел к гладкой, круглящейся кверху серой стене и провел вдоль нее рукой, отчего на стене образовался круглый экран без рамки. Как будто работавший за спинами проектор начал показывать кино. По экрану побежали зеленые и белые знаки и геометрические фигуры, и оттуда доносилось тонкое верещание. «Наверно, вышел на связь с большим кораблем, – подумал Олег. – Сообщают, что меня задержали. Спрашивают, что со мной делать. Кстати, а что они собираются со мной делать? Ведь они не на экскурсию меня привели».

И вот тут стало страшно.

Не для туристской прогулки они превращались в бабушку и тащили его из леса, не ради игрушек поджигали лес. Им нужен Дэ. И они как-то догадались, что Олег с Дэ связан.

Второй кренг наклонился над Олегом, протянул руку и рванул за воротник рубашки, больно, резко, сразу распорол ее вдоль рукава. Дотронулся пальцем до плеча.

– Вы чего? – спросил Олег. – Больно же.

Кренг не ответил. Он провел пальцем по пластырю, наклеенному Мариной, сорвал его. Больно нажал на то место, где был еще утром передатчик.

– Где? – спросил он.

– Что? – удивился Олег.

– Знаешь, – сказал кренг и как-то лениво, спокойно, без всякой злости ударил Олега по щеке, а когда Олег инстинктивно – он был драчуном и никогда не спускал никому обид – замахнулся в ответ, кренг схватил железными тисками своих кистей руки Олега и толкнул его назад. Олег

думал, что упадет, но в этот момент навстречу ему из пола выдвинулось кресло, похожее на зубоврачебное. В него Олег и упал.

И тут же из кресла, из его подлокотников, из спинки, словно живые существа, выскочили провода и ремни, щупальцами захватили пленника, притянули руки к подлокотникам, туго оттянули назад голову. Это было не так больно, как стыдно – даже с зубоврачебного кресла человек может при большом желании соскочить и убежать, а тут не убежишь, в таком положении нельзя бороться, нельзя сопротивляться – и если кто-то захочет дернуть тебя за нос, можно как угодно кричать и дергаться, но нос не спрячешь...

Олег тут же подумал, что мысль о носе не очень умна и совершенно не ко времени, никто шутить не собирается.

– Прошу, – сказал первый кренг, зайдя сбоку, так что Олегу были видны только его плечо и рука, – сообщить нам местонахождение вашего друга.

Второго кренга не было видно – наверно, зашел сзади, и это было неприятно: когда ты бессилен и беспомощен, противно думать, что за твоей спиной стоит невидимый враг.

– Какого друга? – Удивление Олега было искренним. И понятно: он никогда не называл пришельца другом. Друзья – это те, с кем ты живешь рядом.

– Друга, прилетевшего с другой планеты, – раздался голос сзади, и Олег инстинктивно постарался обернуться, но щупальца упруго держали его голову.

– Преступника, которого вы скрываете, – сказал сбоку второй кренг.

– Вы сами откуда-то прилетели, наверное, с другой планеты, – сказал Олег. – Вы и ищите своих друзей. А мне домой пора. Волноваться будут. Бабушка...

Лицо кренга приблизилось к Олегу, рот улыбается, и на мгновение оно превратилось в лицо бабушки, потом изменилось, стало знакомым, но Олег никак не мог понять – чьим же. И вдруг сообразил: это же лицо Севы, только увеличенное.

– Никто не будет беспокоиться, – сказало лицо Севы знакомым мальчишеским голосом. – Ты сидишь сейчас дома. Пьешь чай. Никто не ищет. Не беспокойся, не спеши, дружок.

– Вы сами откуда-то прилетели, наверное,
с другой планеты, – сказал Олег.

Лицо вновь изменилось, и Олег понял, чьим голосом заговорил кренг – его голосом, Олега. И на Олега смотрит холодными пустыми глазами его собственное лицо.

– Я ничего не знаю! – испугался Олег и попытался изобразить возмущение. – Это ошибка... – Голос его сорвался.

Лицо Олега исчезло, снова появилось гладкое, словно маска, лицо кренга, тот протянул руку к спинке кресла, и щупальца крепче сдавили голову.

– Бессмысленно тратить время на пустяки, – размеренно произнес кренг. – Сиди спокойно, отвечай на вопросы, будет хорошо. Зачем всегда держать у тебя дома одного из нас? Ты скорей идешь домой, мы скорей летим домой, хорошо?

– Я с вами не буду разговаривать, – ответил Олег.

Он лихорадочно старался вспомнить, что в таких случаях положено говорить героям-разведчикам, которые попадали в плен к эсэсовцам.

– Можете меня пытать! – воскликнул он. – Ничего не узнаете!

– Очень глупые слова, – сказал кренг и, словно зная, чем легче всего доказать Олегу его беззащитность, захватил нос его между сухими длинными пальцами и, сжав, повернул так, что из глаз буквально брызнули слезы.

Второй кренг прощелкал что-то коротко, и в ответ раздалось громкое щелканье с круглого экрана. Кренг отпустил нос Олега и спросил, не улыбаясь:

– Смешно?

Олег не ответил. Вытереть бы слезы. Ведь если кто увидит, решит, что Олег ревел. Но кто теперь его увидит? И увидит ли когда-нибудь?

Второй кренг включил на стене еще один экран, такой же круглый, тоже без рамки. Ничего на нем не было, только поблескивал зелеными летящими искорками фон.

– Ты видел преступника Дэ? – спросил кренг, отступая в сторону. – Какой он? Как ты его впервые увидел?

– Я ничего не видел, ничего и никого!

И в то же мгновение перед глазами Олега на пустом экране возникла поляна в вечереющем лесу, разбитый корабль пришельца, а рядом стояли он сам и Марина с Севой.

– Все правильно, – сказал кренг. – Так мы и предположили. Вы случайно нашли его катер, и он заставил вас поверить, что ему надо помочь.

– Я ничего не видел, – сказал Олег, и это было даже смешно, потому что никуда не скроешься от собственных мыслей, и если их можно улавливать, то твоя песенка спета, отважный разведчик.

Щебетал, вспыхивал треугольниками и кружками первый экран, – видно, на корабле кренгов радовались, как удачно все получилось.

Нет, подумал Олег, еще не все погибло. Надо думать о чем-то другом, и тогда в голове не будет нужных кренгам мыслей. Надо думать о чем-то другом, и в этом единственное спасение. Но о чем? Ведь сейчас они будут спрашивать дальше. Им же хочется узнать... Нет, не надо думать о том, что они хотят узнать, надо думать... о мотоциклах. Ну, как он учился ездить в прошлом году на мотоцикле. Главное было удержать вначале равновесие – в первые секунды, пока мотоцикл не набрал скорость...

И, к великой радости Олега, на экране возник мотоцикл, который зашатался и медленно упал набок.

– Спасибо, – раздался голос кренга, – это очень интересно.

– Ты стараешься отвести свои мысли от главного, и это очень похвально. Значит, ты такой же преступник, как и твои друзья. И очень хитрый преступник.

– Но потом я научился ездить на мотоцикле, – сказал тихо Олег, – и мы поехали с горы...

Гора не успела толком появиться на экране, как Олега оглушил сильный удар по лицу.

– Главное – вытерпеть, – бормотал Олег, – главное – не слезать с мотоцикла.

В руке кренга появился прозрачный, наполненный жидкостью шарик. Это еще что? Шарик приблизился к руке Олега, притянутой к подлокотнику, и из него выскочила тонкая игла. И вонзилась в руку.

– Не надо! – закричал Олег. – Я все равно ничего не знаю... – И тут ему стало совсем скучно, и волна вялости, сонливости, но не настоящей сонливости, а отнимающей желание сопротивляться, действовать, спорить, навалилась на него, и все вокруг стало раскачиваться, и он никак уже не мог вспомнить, как же называется эта штука на двух колесах, о которой надо было думать, а добрый голос у самого уха настойчиво и тихо говорил:

– Я подскажу тебе, о чем думать. Ты должен вспомнить, где пришелец и где твой друг, потому что им грозит опасность и ты должен им помочь. Подумай, где они, и мы им поможем...

– Нет! – Олегу казалось, что он кричит так, что дрожат стены разведкатера, но в самом деле его губы лишь беззвучно шевелились, а на экране сквозь туман и волны последних остатков Олегова упрямства начал проявляться берег Вяты и пещеры на этом берегу...

– Не-е-т...

И в этот момент Олегу показалось, что через воздух, раздирая расстояние, откуда-то издалека пробивается голос Дэ:

– Остановитесь... прекратите...

Но, может быть, ему это казалось.

* * *

Марина торопила лошадь, уговаривала ее, зная, что та все понимает:

– Тамарочка, милая, нам же надо раньше них туда успеть!

Она скакала к пещере коротким путем, к мосту, через который вчера переходили мальчишки – сейчас не было времени скакать вокруг всего леса. И Марина физически ощущала, как из космоса, из черной глубины его, чуткие приборы смотрят на нее, на маленькую точку, ползущую по дороге, и кренги, пощелкивая, рассуждают у экранов, задерживать ее или дать возможность вывести их к жертве.

Доски моста отскрипели, отстучали под копытами Тамары, вот и подъем, тропинка к пещерам... Марина завела Тамару в кусты, а сама, пригибаясь, надеясь, что ее нельзя увидеть сверху, побежала к обрыву над рекой.

К самому входу в пещеру она подползла, потому что кусты там были низкими. Только тогда она вспомнила, что с Дэ можно говорить на расстоянии.

– Это я, не волнуйтесь, – сказала она мысленно.

Никто ей не ответил.

Нет, подумала Марина, они просто спят, они не услышали меня. Здесь толстый слой камня, мысли не проникают... и, думая так, она не верила

сама себе настолько, что поднялась во весь рост, не обращая внимания на то, заметят ее сверху или нет. Потому что она уже знала, что пещера пуста.

Марина нагнулась, входя в пещеру.

Выпрямилась. Внутри никого не было.

В углу валялся старый плащ лесничего и подушка, которые она еще ночью принесла из дома, кружка лежала на боку, и вода еще не успела впитаться в песок. Потом она увидела тапочки Севы. И разбросанные по полу лекарства.

Вот и все.

Ни записки, ни следа, ничего...

И вот тогда Марина забыла об осторожности, обо всем.

Она выбежала на обрыв и закричала:

– Сева, Дэ! Где вы? Откликнитесь!

Лес на том берегу был тих и мрачен, из-за него выползала громадная сизая туча, словно нужен был сильный дождь, чтобы смыть запах пожара.

Марина сбежала вниз, к реке. Там закричала снова. И снова никто не отозвался. Она прошла вдоль воды, почему-то надеясь, что сейчас увидит следы. Но и следов на берегу не оказалось.

Марина медленно взобралась на откос, выше пещеры, вышла на плоскую вершину обрыва, поросшую березами и молодыми елями. Ветерок шевелил листвой, и оттого казалось, что кто-то шепотом все время зовет ее. Но она понимала, что это не так.

Где же дядя Сергей? Марина остановилась, прислушиваясь – если бы он был близко, она наверняка услышала бы треск мотоцикла. Что делать? Ждать его или скакать обратно в лесничество, поднимать людей, звонить в Москву?

Размышляя так, Марина спустилась к тропинке, бежавшей вдоль берега, и пошла к дороге, где оставила Тамару.

Но Тамары тоже не было. Наверное, она плохо привязала лошадь, и та ушла.

И тут на Марину навалилась смертельная усталость. Она медленно опустилась на траву и тихо заплакала. Надо было подняться, дойти до дороги, встретить дядю... А Марина сидела, словно во сне...

Вдруг кто-то дотронулся до ее плеча.

– Дядя Сережа, – сказала Марина, не поднимая головы, – они все исчезли. Наверное, их всех захватили кренги. И я не знаю, что теперь делать.

Дядя Сережа не ответил. Только фыркнул.

Марина оглянулась. Над ней стояла Тамара, наклонив большую умную голову, и ее карие глаза были совсем близко, так что можно было разглядеть жилки в белках.

– Ты где была? – спросила Марина укоризненно. – Если бы ты не ушла, мы бы уже были в лесничестве. Разве ты не понимаешь, как плохо?

Тамара еще ближе склонила голову, схватила мягкими губами ковбойку на плече девочки и мягко потянула вверх. Потом отошла на шаг и обернулась, как собака, которая зовет хозяина за собой.

Марина поднялась на ноги.

Тамара только этого и ждала. И сразу пошла в чащу.

Лошадь точно что-то знала, или ей казалось, что она знает.

Идти пришлось недалеко. Шагов через сто, в орешнике, Тамара остановилась, поджидая девочку.

Она стояла возле полузасыпанной землянки.

Землянка осталась со времен войны, когда здесь в лесах были партизаны, а потом проходила линия фронта.

Марина присела на корточки и заглянула туда.

В землянке был Сева. Он лежал у самого входа, локоть под голову, будто решил сладко выспаться в прохладе.

– Сева! – окликнула его Марина.

Тот не пошевельнулся, только пробормотал что-то во сне.

Марина нагнулась, чтобы получше ухватиться и вытащить Севу наружу, и тут заметила: в глубине землянки лежит кто-то еще. Она присмотрелась. Нет, это не Дэ. Там, прислонившись головой к влажной стенке, спал Олег.

– Олег?

Олег, не открывая глаз, быстро заговорил:

– Я ничего не скажу. Я ничего не знаю, я ничего не видел... Только не бейте!

И в этот момент со стороны дороги послышался треск мотоцикла.

Марина замерла. Треск мотора оборвался внизу.

Почему-то крикнув Тамаре: «Оставайся здесь!» – Марина кинулась к дороге.

– Дядя Сергей! – крикнула она, перепрыгивая через поваленные стволы. – Мы здесь! Скорее!

Еще через минуту она уже прижалась носом к его пропотевшему, пропахшему дымом кителю.

– Не беспокойся, ребенок, – сказал лесничий, осмотрев ребят. – Они спят, как сурки. Нормально спят. Только глубоко.

– Но их надо срочно разбудить! Может, это летаргический сон!

– Разбудим, что за спешка.

– Но ведь Дэ нет! Его нет нигде! А почему Олег здесь? Он же попался кренгам...

Дядя Сергей огляделся. Поляна у землянки гудела шмелями, пчелами, прыгали кузнечики, на них пикировали птицы, и над поляной стоял добрый медовый запах.

– Ты уверена? – спросил, наконец, лесничий. – Может, тебе что-нибудь показалось?

– Но ты же сам видел космический корабль! Ты видел кренга!

– Кренга?

– Ну, под видом бабушки.

– Да, конечно, под видом бабушки. – И сомнение в голосе лесничего все крепло. – Хотя, конечно...

– Ну, что? Ты мне уже не веришь?

– Я не о том. Я думаю. Ведь Олег мог вырваться от бабушки и прибежать сюда...

– Так разбуди его, спроси!

Лесник выпрямился. Из-за реки ветер принес запах гари.

– Трудно поверить...

И в Марине вновь поднялась волна отчаяния. Если Дэ попал к кренгам, если они улетели – кто, когда, как поверит ребятам? Ведь единственные люди во всей вселенной, кто знает о трагедии планеты-рудника, – это они.

– Как доказать?.. – произнесла тихо Марина. – Ну, как доказать?

И в этот момент, словно подслушав отчаянные мысли Марины, над самыми головами, вынырнув из-за вершин берез, низко, беззвучно проплыл над ними черный шар кренгов, и до сознания Марины донесся тихий, прерывающийся голос Дэ:

– Прощайте, друзья. Простите меня... Прощайте.

Лесничий вскинул голову, глядя вслед шару.

– Ты слышал? – спросила Марина.

– Я слышал.

– Ты веришь мне?

– Верю.

Лесничий подхватил Севу под мышки и ловко, одним движением вытянул его из землянки и положил на траву. Сева спал как ни в чем не бывало, лишь прикрывал ладонью глаза от света, чтобы ему не мешало солнце.

Затем лесничий залез в землянку и выволок оттуда Олега.

– Принеси воды, – сказал дядя Сергей Марине. – Странный сон. Такой глубокий.

Лишь минут через пятнадцать им удалось привести Олега в себя. Он не сразу узнал Марину и дядю Сергея, а потом, узнав, долго не мог сообразить, почему лежит на траве в лесу.

– Ну, вспомни! – настаивала Марина. – Ты должен вспомнить. Твоя бабушка волокла тебя в лес. Это была не бабушка, а кренг, помнишь?

– Кренг... Но ведь я им ничего не хотел говорить... Я был на катере, и они меня засунули в кресло, а потом на экране мотоцикл, а я ничего... – Олег путался в словах, запинался.

Дядя Сергей сел рядом с ним на траву, обнял за плечи, чтобы успокоить, и постепенно им удалось узнать, что Олег помнит все до того момента, как попал в черный шар. Затем его воспоминания становятся путаными и отрывочными, а чем кончилось его пребывание в плену, он не представляет. Но чем больше он вспоминал деталей своего плена на катере кренгов, тем более его охватывало раскаяние и боль оттого, что он выдал кренгам убежище Дэ.

– Ну, поймите же, – повторял он, – они ко мне в мысли залезли, как руками, и все передавали на экран. Если бы просто били, никогда бы я не сдался, хоть руку отрежь, а они на экран все мысли, я стараюсь о мотоцикле думать, а они все равно видят... Я виноват, да?

– Не расстраивайся, – сказал дядя Сергей. – Ты вел себя молодцом. Ты сделал все, что мог. Может быть, Сева нам расскажет больше.

А Севу разбудили с трудом, он долго хлопал глазами, не в силах сообразить, почему он здесь и почему рядом Марина с Олегом и дядей Сергеем.

– Вы же поехали пожар тушить... А это кто?

– Ну, вспомни! – настаивала Марина. – Ты должен вспомнить.

– Не бойся, это не кренг. Это мой дядя Сергей, лесничий.

– Никому не верю, – мрачно сказал Сева. – Воды нету?

Он напился, с трудом поднялся с травы, огляделся и потер лоб.

– А где Дэ? – спросил он.

– Ты не знаешь? Мы у тебя хотели спросить.

– У меня?

Сева сделал несколько шагов по поляне, остановился.

– Нет, – сказал он, – ничего не помню... Ты уехала, мы остались с Дэ. Лес горел. Мы с Дэ обо всем говорили, что делать дальше, и даже пришли к решению... к решению... какому решению? И что дальше было... хоть убейте... Может, вы подскажете? У меня как будто все вертится в голове, близко, а не могу ухватить.

– Олег был в плену у кренгов, – сказала Марина. – Они его заманили.

– И убежал? Молодец.

– Нет, я не убежал, но они почему-то меня отпустили.

– У меня есть предложение, – сказала Марина. – Попробуем вернуться в пещеру. Как в «Лунном камне».

– Где?

– Это роман такой был, Уилки Коллинза, там один человек алмаз украл, и они его заставили вернуться и все воссоздать. И оказалось, что он украл, чтобы не красть, понятно?

– Ничего не понятно, – сказал Олег мрачно. – Мне вообще ничего не понятно. И при чем здесь алмазы, тем более непонятно.

Олег с трудом поднялся, опираясь на руку лесничего. Марина только тут заметила на щеке у него большой кровоподтек.

– Пустяки, – сказал Олег, – это мне один из них врезал. Для порядка. Они все делают для порядка. Организованные твари.

Сева долго стоял у входа в пещеру, морщил лоб, стараясь вспомнить. В пещере было сумрачно и слишком тихо.

– Вот здесь, – наконец сказал Сева, – лежал Дэ. Я стоял у входа, смотрел на горящий лес. Мы как раз придумали, как выйти на связь с Галактическим центром, а потом...

Сева молчал, и пауза стала невыносимой.

– Да говори же! – почти закричал Олег. – Может, мы еще сможем ему помочь!

– Сейчас... Дэ сказал, что ощущает тревогу, что-то случилось. Что-то случилось с Олегом. И еще через некоторое время он сказал, что Олег попал в плен к кренгам. И потом он сказал, что Олег обязательно расскажет, где мы скрываемся. Ну, я ему, разумеется, не поверил. Я сказал, что знаю Олега с первого класса, и он всегда был хорошим товарищем, и его можно пытать абсолютно любыми пытками, и он никогда ни слова не скажет...

– Я сказал... – перебил его Олег. – Я не хотел, но так получилось.

– Знаю, – ответил Сева. – Я вспомнил. Дэ сказал, что от Олега это не зависит. Кренги имеют аппаратуру, которая снимает биотоки мозга. Они не будут ждать его ответов, они их прочтут... И тогда я поверил Дэ и понял, что мы должны спрятаться с ним в другом месте. Я вытащил его наверх и думал, где спрятаться, а потом вспомнил, что видел вчера там, в чаще, землянку, которая осталась со времен войны. И как раз думал обследовать, но не получилось. Вот мы туда и перебрались...

– А потом? – спросила Марина.

– Потом над нами пролетел разведкатер кренгов, высоко, словно высматривал. Он спустился к пещерам, поднялся вновь... Дэ сказал: «Все, больше нельзя молчать». Я спросил, что случилось. И Дэ сказал, что они замучают Олега, они его могут убить.

«Но ведь они нас не нашли», – сказал я. «Вот именно поэтому, – сказал Дэ. – Они знают, что я слежу за тем, что происходит... Олег сейчас потерял сознание от боли...» А в это время черный шар висел буквально над нами...

– Я его видела, – сказала Марина. – Я поэтому сюда и поскакала, что его увидела.

– Он кружился над землянкой, совсем низко, и оказывается, Дэ все время знал, что там происходит с Олегом.

– Нет, ничего страшного, – сказал Олег. – Терпеть можно было...

Теперь, когда все осталось позади, он уже расхрабрился.

Сева продолжал:

– «Нет, – повторил еще раз Дэ. – Они сейчас мысленно передали мне ультиматум. Или я сдаюсь им, или они убьют Олега». Я сказал пришельцу, что это чепуха и нельзя убивать школьников просто так, за здорово живешь, я говорил и понимал уже, что говорю чепуху – не все ли им равно, школьник или пенсионер. Им что ребенок...

– Я не ребенок, – сказал Олег.

– Не важно. Все равно Олег вел себя как ребенок и попался на такую дешевую удочку, как бабушка, – вмешалась Марина.

– Ты тоже сначала попалась.

– Я тебя пыталась спасти.

Олег насупился и замолчал.

– Дэ сказал мне, – продолжал Сева, – что он вынужден признать поражение и он им скажет сейчас, чтобы они отпустили Олега и взяли его. Конечно, я не соглашался, но ведь я за Олега тоже беспокоился, понимаете, как тут станешь вмешиваться...

– Лучше бы меня убили, – сказал Олег. – Зато бы целую планету спасли. Разве я не понимаю?

– Теперь тебе легко, – безжалостно произнесла Марина. – За твою свободу заплатил Дэ.

– Мне не было легко.

– Ну ладно, чего уж, – сказал Сева. – Дэ рассуждал иначе. И, с его точки зрения, он рассуждал правильно...

Сева замолчал.

– И все? – спросил лесничий, раскуривая трубку.

– Почти все. Потом черный шар опустился рядом с землянкой, оттуда вышел Олег, он был как будто невменяемый, оттолкнул меня и спрятался в землянку, а я смотрел на него, и вдруг все стало мутиться, и я даже не видел, как исчез Дэ и как поднялся черный шар... потом я проснулся, а вы здесь...

– Грустная история, – нарушил молчание лесничий. – Наверное, лучше было бы с самого начала обратиться ко мне. И лес был бы цел, и пришелец...

– Не знаю, – сказала Марина. – Тебе легко рассуждать. А мы спешили его укрыть от кренгов.

Они спустились к дороге. Олег сел в коляску мотоцикла, а Сева – за спиной лесничего. Марина держала Тамару за повод.

Вдруг дядя Сергей спросил:

– А ты говорил, что вы придумали, как связаться с Галактическим центром?

– Точно помню, что мы говорили... это у меня в голове... а потом кренги были уже близко, и он сказал мне... Я, наверное, вспомню. Ведь я же вспомнил, как его увезли...

Когда вечером ребята сидели в доме лесничего, поджидая дядю Сергея, ушедшего с лесниками и пожарными в лес проверять, не осталось ли очагов пожара, и выяснить, какой ущерб причинили поджигатели, Сева был молчалив и задумчив. Закусив губу, он бродил по комнате, подходил к окну, смотрел на закат, он старался вспомнить, что же за важное поручение оставил Дэ, и никак не мог вспомнить.

Марина и Олег к нему не приставали. Они разговаривали о школе, о лошадях, о космических путешествиях – но ни словом не упоминали о Дэ и о неудавшейся попытке спасти его. Но хоть и говорили они о другом, перед их глазами все равно стояла порабощенная планета, и они видели, как далеко среди звезд несется космический корабль кренгов, увозящий Дэ, который так и не смог помочь своим друзьям. А они, Марина и Олег, не смогли помочь пришельцу. Они ведь старались как лучше, но оказалось, что их ошибки могут стать причиной гибели мирных существ. Пускай очень далеких, пускай они их никогда не видели и не увидят... все равно у тебя болит сердце.

Уже почти стемнело, когда вернулся испачканный сажей, измученный дядя Сергей. Он долго мылся, потом молча пил крепкий чай – лес был его детищем, и ему было жалко каждое погибшее дерево.

Наконец дядя Сергей отодвинул чашку.

– Сейчас заведу мотоцикл, отвезу рябят в город. Пора.

– Да, бабушка ждет, – сказал Олег и осекся.

– Ничего, – как бы очнулся от грустных мыслей Сева. – По крайней мере, теперь ты знаешь, что бабушка настоящая. Мои тоже, наверное, волнуются. Они ведь знают, что в лесу был пожар.

– Только бы его не встретить, – сказал Олег. – Я же его убить могу.

– Кого? – удивилась Марина.

– Они мне там, в шаре, сказали, что вместо меня домой кренга отправили. Он меня изображает.

– И твой обед съел и ужин. Ты этого боишься? – улыбнулся Сева.

– Не бойся, – сказала Марина. – Они его наверняка захватили. Не забыли.

– А вдруг забыли?

– Тогда скажешь в школе, что у тебя близнец родился. А раньше жил в Тьмутаракани, – сказал Сева. – Я подтвержу.

Но никто не засмеялся.

Марина вышла проводить ребят. Дядя Сергей залил в мотоцикл бензин из канистры.

– Я разговаривал с вертолетчиками, – сказал он. – Один из них видел черный шар, но решил, что это – клуб дыма. А радары на аэродроме их не засекли.

– Интересно, а заметил ли кто-нибудь их большой корабль? – спросил Олег.

– Он оставался на орбите, – сказала Марина. – Его могли заметить только астрономы.

– На той неделе буду в Луговой, – произнес дядя Сергей, относя канистру к сараю. – Обязательно зайду на обсерваторию. Там у меня старый приятель... на радиотелескопе работает. Помнишь, Маришка, мы в прошлом году туда ездили? Его Суреном зовут.

– Никогда бы не подумала, что это радиотелескоп, – сказала Марина, – стоят металлические конструкции. Я раньше думала, что телескоп – это как большая подзорная труба.

– Радиотелескоп, – задумчиво произнес Сева, разминая в руках лист подорожника. – Правильно.

– Что правильно? – спросил Олег.

– Мы так и решили, – сказал Сева, как во сне. – Мы так и договорились... стойте! Вспомнил!

Вдруг Сева бросился обратно в дом. Остальные за ним.

Сева стоял у письменного стола, вглядываясь, ища что-то.

– Тебе чего надо? – спросила Марина.

– Лист бумаги! Скорей же, и карандаш!

Пока дядя Сергей доставал бумагу и ручку, Сева продолжал, не останавливаясь, говорить:

– Кренги были уже близко, он знал уже, что Олег там... мы знали, что нас сможет спасти только радиотелескоп, мощный радиотелескоп. Он может послать сигнал космическому патрулю. В нашем секторе дежурит патрульный корабль. Как и в любом секторе... По космическим масштабам...

– Вот карандаш, – сказал лесничий.

– Да, – согласился Сева. – Правильно... – Он сел за стол, пододвинул к себе лист бумаги, и карандаш повис в воздухе над белым полем.

Остальные стояли за спиной Севы, глядя на его руку, словно он мог выстрелить из карандаша или, как фокусник, выпустить из него стаю голубей.

Рука Севы опустилась, и он начал быстро писать на листе единицы и нули. Он исписал несколько строк совершенно бессмысленными, с точки зрения Олега, цифрами, потом устало откинулся, выронил карандаш и сказал, сам с удивлением глядя на написанное:

– Все. Здесь позывные и послание.

– Кто это поймет? – удивился Олег. – Это на каком языке?

– Он спросил меня, какой код используется в наших компьютерах, а я ответил – двоичный. Он сказал, что тогда сможет закодировать послание.

– Да, Сева прав, – подтвердил лесничий. – Это двоичный код. И придумать его Сева не мог.

– Я и не придумывал! – возмутился Сева. – Я ничего не знал. Это у меня в голове застряло, а когда вы сказали о радиотелескопе, то вылезло.

– Надо скорей туда! – сказала Марина.

– На мотоцикл – и помчались, – поддержал ее Олег.

Но дядя Сергей не согласился.

– Мы это сделаем с утра. Сурена Геворкяна может там и не быть. Он живет не в обсерватории. Потом, как сами понимаете, он не сможет ничего сделать в тайне. У него есть начальники. Нет, придется потерпеть до утра. Тем более, вас очень ждут дома...

* * *

На следующий день утром они сидели в маленькой, заваленной книгами и таблицами комнате Сурена Геворкяна, радиоастронома, старого приятеля лесничего. Сурен выслушал всю историю, длинную, потому что рассказывали все трое, а иногда кое-что разъяснял или уточнял дядя Сергей, неправдоподобную и даже невероятную. Но слушал Сурен очень

внимательно, кое-что даже записывал и ничем не показал, что ставит под сомнение слова гостей.

Когда рассказ кончился, Сурен покачал черной курчавой головой и сказал:

– Совершенно точно знаю, как это называется. Это называется: сумасшедший дом. И в это нельзя поверить, правда?

– Но это же было! – воскликнул Сева.

– Правильно. Это меня и тревожит. Совершенно одинаковое заболевание у четверых на первый взгляд таких разных и совершенно здоровых людей. И все-таки я бы вам не поверил...

– Тогда планета Дэ наверняка погибла, – сказала Марина. – Вы понимаете, что целая планета погибнет только из-за того, что мы вам кажемся сумасшедшими.

Дядя Сергей ничего не сказал. Он раскурил трубку, поглядел в окно, словно все это его не касалось.

– А у меня, поглядите, – сказал Олег, – эта рана на щеке – вы что думаете, не болит? Мне на улице стыдно показываться, все думают, что снова подрался.

– Да, – согласился Сурен, – следовало бы сходить к врачу.

– При чем тут врач, когда меня допрашивали кренги!

Только дядя Сергей молчал. Он не спеша раскурил трубку, глядя в окно, за которым поднимались ажурные конструкции радиотелескопа.

– А теперь, – сказал Сурен, вдруг широко улыбнувшись, – вам придется подождать меня ровно три минуты. Потом продолжим разговор.

Он быстро вышел из комнаты.

Марина сказала:

– Он пошел за санитарами.

– Может быть, – согласился Сева. – Хотя это неумно.

– Нет, – сказал лесничий. – У него что-то другое на уме. Кроме того, он нам поверил.

– Вот уж непохоже, – буркнул Олег. – Он над моей раной смеялся.

– Над синяком, – уточнила Марина.

Открылась дверь. Сурен пропустил в комнату маленькую тонкую женщину в очень больших очках, которые чудом держались на остреньком

Женщина положила на стол пачку фотографий. На всех было звездное небо. Фотографии рассыпались по гладкому столу.

носике. Женщина положила на стол пачку фотографий. На всех было звездное небо. Фотографии рассыпались по гладкому столу.

– Вот, – сказал Сурен, – познакомьтесь, Лена.

– Очень приятно, – сказала женщина. – Сурен сказал, что вы нам можете помочь.

– Как? – удивился Сева.

– Объясняю! – Голос Сурена звучал торжественно. – Из-за этих снимков мы не спим вторые сутки. Глядите внимательно.

Но даже если глядеть внимательно, ничего сразу не разглядишь. Дядя Сергей первым увидел на одном из снимков небольшое округлое черное пятно, которое можно было угадать только потому, что оно закрывало часть звезд. Он показал на пятно трубкой, и Марина тут же нашла такое же на другой фотографии.

– Что это такое? – строго спросил Сурен.

И Марина так же спокойно ответила:

– Это корабль кренгов.

– Корабль кренгов! – закричал Олег, вскакивая на ноги. – Конечно. Вы его должны были увидеть! Он на орбите.

– А где он сейчас? – спросил дядя Сергей.

– Этой ночью он исчез.

– Вы уверены? – спросил Сева. – Вы понимаете, как нам важно?

– Тело находилось на постоянной орбите, на высоте шесть тысяч километров.

– Они улетели на планету-рудник, – сказала Марина.

– И Дэ с ними, – добавил Олег.

– Если его уже не убили, – сказал Сева.

Лена смотрела на них широко открытыми глазами.

– Не волнуйтесь, Леночка, – успокоил Сурен, – мои друзья сошли с ума на почве космических пришельцев. В остальном они вполне нормальные люди.

Но глаза его смеялись.

Он подобрал со стола листок с цифрами, оставленный Севой, и показал Лене.

– Вот это нам надо будет передать.

– Куда? Как?

– Первая строчка – волна и координаты. Остальные – закодированное послание галактическому патрулю. Очень важно.

– Ну ладно, кончайте шутить, – сказала Лена. – Что все это значит?

– Сергей, – сказал Сурен, – ты сможешь рассказать Лене все вкратце?

– Постараюсь.

И он рассказал Лене о прилете Дэ и кренгов, причем звучало это так трезво и буднично, будто космические корабли прилетают в Крутояр каждый день.

Потом Лена сказала:

– Надо сообщить в Москву.

– Зачем? Некогда сообщать, – возразил Сева. – Мы уже день потеряли.

– Обсудим, – сказала Лена строго, она была такой маленькой и молоденькой, что ей ничего не оставалось, как разговаривать со всеми серьезным учительским голосом. – Приедут специалисты.

– И сколько же это займет времени? – спросил дядя Сергей.

– Несколько дней.

– Не возмущайся, Сергей, – сказал Сурен, – пойми Лену правильно. У нас утвержденная программа исследований, у нас свои планы. Как я объясню директору обсерватории, всем остальным, что мы прерываем все работы для того, чтобы направить в космос сигнал на волне, которую мы раньше не использовали, содержание которого нам непонятно?..

– Кто нам позволит? – спросила Лена.

– Но ведь у вас есть фотографии, – сказала Марина.

– Только вы считаете, что это корабль... этих... кренгов. Для другого наблюдателя это может быть что угодно.

– Что же вам угодно? – спросил ехидно Сева. – Что же это такое, что висит два дня на высоте шесть тысяч километров, а потом исчезает?

– Ну, хоть какое-нибудь доказательство! – просто взмолился Сурен.

– Наше слово, – сказала Марина. – И то, что от этого сигнала зависит жизнь многих существ и даже целой планеты.

– И еще, – улыбнулся вдруг дядя Сергей. – Вы с Леной можете потерять реальный шанс стать первыми на Земле астрономами, которые вышли на связь с галактическим патрулем.

– Нет, все это чепуха, – сказал Сурен. – Абсолютная чепуха!

– Погоди, надо подумать, – перебила его Лена.

– Да что думать! – вспылил вдруг Сурен. – Каждая минута на счету, а ты предлагаешь мне думать!

Он взял телефонную трубку и, набрав номер, сказал:

– Профессор Семенов у себя?

Когда ему что-то ответили, Сурен быстро и деловито произнес:

– Иван Сергеевич, мне нужно с вами срочно переговорить. По очень важному делу.

В тот же день, к вечеру, сигнал, оставленный пришельцем, был послан радиоастрономами из Луговой и умчался в глубины космоса.

В тот же день, на два часа позже – мы уж не знаем, как Сурену удалось убедить профессора Семенова, а профессору Семенову президента Академии наук, – этот сигнал повторили все самые мощные радиотелескопы нашей страны.

И не получили никакого ответа.

Никакого подтверждения.

С тех пор прошло два месяца.

Или чуть больше.

Марина уехала в Москву. Сева с Олегом ходят в школу.

Олег, несмотря на договоренность молчать, конечно, пытался рассказать ребятам в классе, что встречался с настоящими пришельцами и даже был в плену на корабле роботов, но, разумеется, никто ему не поверил. А умный Сева, заранее зная, что рассчитывать не на что, не стал никому рассказывать, Олега не поддерживал, а продолжал собирать палеонтологическую коллекцию и нашел немало интересного, включая два белемнита и осколок от каменного топора.

И жизнь продолжается. Как раньше.

Сегодня с утра математика, сдвоенный урок, Олег и Сева сидят на третьей парте в правом ряду и пишут контрольную. Они не подозревают, что именно в эту минуту лесничему дозвонился его старый приятель Сурен Геворкян и буквально закричал в трубку:

– Слушай, старик, ты мне не поверишь!

– Теперь я готов во все поверить, – ответил дядя Сергей. – Даже в космических пришельцев.

– Да ты не перебивай меня! Сегодня в семь двадцать нами получен сигнал из космоса. Мы его уже расшифровали. Текст русский. Прочесть?

– Не может быть!

– Ну, то-то, а то ты не веришь. Прочесть?

– Не томи.

– Слушай: «Спасибо за помощь. Планета-рудник спасена. Надеюсь на встречу. Привет всем, особенно Тамаре. Дэ».

– Ты все понял? – спросил Сурен.

– Все.

– Тогда скажи, кто такая Тамара. Почему она в тот раз не приезжала?

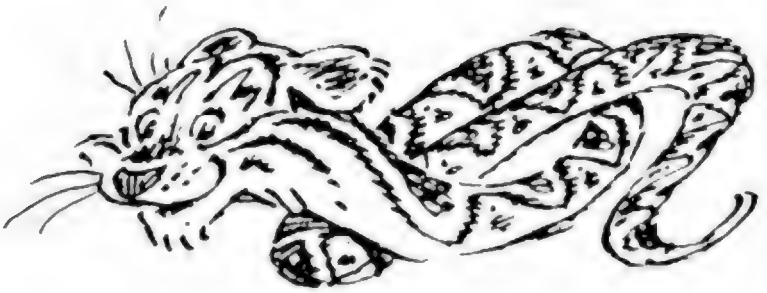
– Она была занята, – сказал лесничий. – Но я обязательно передам ей привет. Обещаю.

И засмеялся.

– Может, это ошибка? – спросил Сурен.

– Нет, не ошибка.

Потом лесничий вышел из дома, заглянул на конюшню, дал сразу три куска сахара стоявшей там гнедой кобыле, сел на мотоцикл и поехал в город Крутояр, к двум своим знакомым школьникам, вместе с которыми он напишет письмо одной молодой особе в Москву.



Два билета в Индию

Глава первая
ТИГРЫ ХОДЯТ ПО НОЧАМ

Чрезвычайное происшествие случилось в летнем лагере «Огонек» за четыре дня до конца смены, когда все думали, что смена обойдется без чрезвычайных происшествий.

Юля Грибкова из третьего отряда увидела на поляне за кухней, как Юра Семенов и Олег Розов по прозвищу Розочка издеваются над кошкой Ларисой. А издевались они так: Семенов привязал к хвосту кошки консервную банку, в которую насыпал гвоздей, и собирался выпустить кошку в таком виде на эстраду, где самодеятельный коллектив репетировал народные танцы Сейшельских островов. Розочка помогал Семенову советами.

Услышав вопли кошки, Юля Грибкова, как пантера, выскочила из кустов, где читала книгу Даррелла «Зоопарк в моем багаже», и принялась молотить этой книжкой по голове Семенова. Потом она отбросила книжку и исцарапала Семенову щеки. Семенов, как только опомнился, стал сопротивляться, подбил Грибковой глаз, а также нанес, по словам лагерной врачихи, множественные, хотя и несущественные телесные повреждения. Розочка был свидетелем и подавал Семенову советы, поэтому тоже получил свою долю синяков...

Вечером Юля Грибкова сидела у эстрады со своим приятелем и одноклассником Фимой Королевым. Ужинать она не пошла, не хотелось. Она ждала, когда после кино соберутся вожатые и выгонят ее из лагеря. Мимо

Услышав вопли кошки, Юля Грибкова, как пантера, выскочила из кустов.

проходили знакомые, выражали сочувствие, девочки ругали Семенова, а ребята шутили. Потом приходила повариха Верочка и принесла котлету и стакан компота. Верочка любила кошку Ларису. Юля отдала котлету и компот Фиме – он такой толстый, что никогда не может толком наесться, а дома его держат на диете.

– Твоя бабушка не переживет, – сказал Фима. – Она очень нервная.

Юля вздохнула и ничего не ответила.

– Придется тебя спрятать у меня дома, – решил Фима. – Мои все равно в отпуске. Кончится смена, придешь домой как ни в чем не бывало.

– Разумно, – сказала с иронией Юля. – А из лагеря потом придет письмо, что меня выгнали за драку.

– И чего тебя увлекло в бой? – спросил Фима, допивая компот. – Ничего кошке от этого бы не случилось...

– А нервы? – возразила Юля. – А унижение? Ведь нервные клетки не восстанавливаются.

– У кошек, может, и восстанавливаются, – сказал Фима. – Это еще не доказано.

– Нет. – Юля была непреклонна. – Если звери не могут сказать, то наш долг их защитить. И так многих истребили. Морской коровы уже не осталось. И страус моа вымер.

– Кошкам это не грозит, – сказал Фима.

– Тут дело в принципе.

– Могла бы и словами обойтись. А то Семенову чуть глаз не выцарапала. Он старшему вожатому жаловался.

– Вот видишь! А Лариска никому не может пожаловаться. Ушла к себе под дом и переживает.

– Странная ты, Юлька, – сказал Фима. – Иногда мне кажется, что ты любишь животных больше, чем людей. Ты бы и тигра пригрела. И скорпиона.

– Плохих зверей не бывает. Как плохих младенцев. Люди потом постепенно перевоспитываются и превращаются кто в отличника, а кто в урода. А звери остаются младенцами.

– Опасное заблуждение, – не согласился с Юлей Королев. – Ты на той неделе змею из леса притащила. Говорила, что уж, а оказалось – гадюка. Младенцы не бывают ядовитые...

– Во-первых, гадюка никого не укусила, и я ее обратно в лес унесла. Во-вторых, от гадюк польза...

Фима отмахнулся от этих слов и опрокинул стакан, чтобы вишенки, которые остались на дне, скользнули ему в рот. Юля задумалась. Положение у нее и в самом деле было трудным, родителей в Москве нет, бабушка еле ходит... как ей скажешь, что тебя выгнали из лагеря за драку?

– Змеи, скорпионы и всякие гады... – задумчиво произнес Фима. На дне стакана оставалась еще одна вишенка. – Я предпочитаю иметь дело с автобусами.

Он снова запрокинул голову, взор его скользнул к небу, и в поле зрения попала вершина большого дуба, что рос у самого забора. Там в листве было что-то большое, серое и непонятное. Вроде толстого кабеля с головой и черными глазами.

Фима так удивился, что не заметил, как проглотил вишенку.

– Ты что? – удивилась Юля. – Подавился?

– Э... – сказал Фима. И показал дрожащей рукой на дерево.

Что-то зашуршало, и кабель исчез.

– Ничего не вижу, – сказала Юля.

– И не надо видеть, – ответил Фима. – Это, наверное, от твоих разговоров у меня в глазах галлюцинации.

Начало смеркаться. Появились первые комары, намечали себе боевые цели. Из леса тянуло слабым запахом грибов и прели. Лето кончалось. По дорожке шла кошка Лариска, верно, хотела поблагодарить Юльку, но не дошла, выгнула спину – шерсть торчком, зашипела и умчалась.

– У забора кто-то есть, – сказал Фима. – Кошки чуют.

– Пойду посмотрю, – сказала Юлька.

– Погоди!

Но Юлька уже поднялась. Ей тоже показалось, что в кустах у забора что-то таится. Кусты густой стеной прикрывали забор, и потому вожатые не догадывались, что в заборе есть удобная дырка, сквозь которую можно после отбоя убегать к реке.

Стоило Юльке сделать два шага к забору, как кусты покачнулись и замерли. Тихо.

– Не ходи, а? – сказал Фима. – Ничего там интересного. Мало тебе своих ран?

– Что же там было?

– Волк, – сказал Фима. – Или медведь. Мало ли что бывает в кустах. – Он попытался засмеяться собственной шутке, но не смог.

Тут сзади раздались голоса – кино кончилось. Фима подхватил тарелку и стакан – побежал на кухню.

Юлька осталась одна и мужественно вынесла все смешки и шутки. Вожатые и прочие лагерные взрослые пошли в домик директора, где должны были обсуждать чрезвычайное происшествие. Юлька постояла немножко, потом отправилась в свой корпус – одноэтажный деревянный голубой дом, села на кровать и стала ждать, как решится ее судьба.

Она даже не знала, сколько времени прошло, – стемнело. С площадки неслась музыка, там танцевали. Кто-то забегал в палату, что-то спрашивал. Юлька пыталась было читать Даррелла, но ничего не получилось. Да и свет зажигать не хотелось.

Потом к окну простучали мелкие шаги, Юлька догадалась – Фима.

– Юлька, ты здесь? – сказал он. – Обсудили.

– Меня обсудили?

– Я под окном подслушивал. Окно открыто, все слышно.

Юлька высунулась в окно – оно было низким, голова Фимы как раз поднималась над подоконником.

– Ну и что? – спросила Юлька, стараясь не выдать волнения.

– Они смеялись, – сказал Фима.

– Почему?

– Они сначала старались серьезно обсуждать, а потом смеялись. А Степаныч, физкультурник, все требовал, чтобы кошку привели как свидетеля. Понимаешь?

– Ничего не понимаю.

– Они решили тебя не выгонять. И Семенова тоже. И наша вожатая Рита очень ругала Семенова, а потом Семенов, который под окном со мной вместе стоял, крикнул, что он в порядке самообороны. А ты как дикая кошка.

– Ну, если он мне попадется... – начала Юлька.

– Тогда второй раз тебя не простят. Только они потом нас отогнали от окна, и я не знаю, чем кончилось.

– Что-нибудь обязательно придумают, – сказала Юлька.

Тут вошли девочки с танцплощадки и начали громко разговаривать на глупые темы. Фима убежал, чтобы его не увидели. А потом Юля легла в постель, чтобы больше ни с кем не разговаривать. И притворилась, что спит.

На самом деле она не спала. Ей совершенно не хотелось спать. Постепенно угомонились соседки по палате, заснул весь лагерь, поднялась луна и осветила кровати. Зажужжал комар. Далеко-далеко загудел на реке пароход. Синяк на щеке разболелся, как зуб. «Все равно, – подумала Юлька, – если бы я сейчас его увидела, я бы снова на него напала».

– Юля, – раздался голос под окном. Тихий, как комариный звон.

Юля подумала было, что вернулся Фима, хотя это было невероятно, потому что Фима обожает спать. Может быть, Семенов решил свести счеты? Юля решила подождать.

– Юля, – снова послышался голос. – Выйди к нам. Надо поговорить.

Юля вскочила с кровати, хорошо, что та стояла у окна, и высунулась наружу. Никого на улице не было. Дорожки казались светлыми, почти белыми от лунного света, по небу бежали тонкие рваные облака, и вокруг стояла пустынная тишина.

– Кто здесь? – спросила Юля.

– Не бойся, Юля, – послышался голос из большого розового куста, который рос на перекрестке дорожек. – Мы не шутим. Нам надо поговорить с тобой, чтобы никто не видел.

– Это ты, Семенов? – спросила Юля.

– Ты нас не знаешь, – сказал голос. – Нам не к кому обратиться, кроме тебя. Ты нас поймешь.

– Покажись, – произнесла Юля, – если ты не Семенов.

– Ты испугаешься, – сказал голос.

– Меня уже ничем не испугаешь, – ответила Юля искренне. – Я боялась только, что меня из лагеря выгонят.

– Спасибо тебе, – ответил голос. – Тогда мне ничего не остается, как перед тобой появиться. И постарайся не падать в обморок от страха.

В обморок от страха Юля еще никогда не падала, но такое предупреждение может кого угодно испугать. Ведь Юля почти не сомневалась, что все это – месть презренного Семенова.

И потому, когда куст начал раскачиваться и из-под него на серебряную дорожку стал вытягиваться длинный толстый шланг, Юлька даже почувствовала некоторое облегчение. Что угодно, но это был не Семенов.

По дорожке полз удав метров в пять длиной, в Юлькину ногу толщиной. Шея его сужалась к плоской широкой голове, длинный раздвоенный язык быстро высовывался изо рта и прятался вновь, неподвижные черные глаза смотрели в упор, как будто гипнотизировали. Удав прополз по дорожке несколько метров и свернулся кольцами под самым окном.

– С ума сойти, – прошептала Юлька, которая знала зоологию и угадала при свете луны сетчатого питона, обитателя тропических стран. Странно, но ее в тот момент не столько удивило, что змея разговаривает, как чисто зоологическая неправильность. – Сетчатые питоны у нас не водятся, – сказала она.

– И не говорите, – согласилась громадная змея. – Это совершенно исключено.

Рот змеи открывался в такт словам, но глаза оставались неподвижны, будто говорила не змея, а какая-то машинка внутри нее.

За Юлькиной спиной кто-то сказал сонным голосом:

– Ну, скоро ты угомонишься, Грибкова?

Юлька не ответила, а перемахнула через подоконник. Мокрая от росы трава была холодной.

– Куда идти? – спросила она шепотом.

– За кухню, – ответил питон. – В кусты.

– Тогда быстрее, – сказала Юлька. – В любой момент может проснуться собака или сторож.

– А вы не простудитесь без обуви? – спросил питон.

Юлька не ответила, на цыпочках побежала по дорожке, а питон пополз за ней, пришептывая на ходу:

– Вы не боитесь? Совсем не боитесь?

Юлька выбежала на поляну. Удивительно, но она и в самом деле не боялась. Ведь куда лучше говорящий питон, чем мстительный Семенов, которого уже из двух школ исключили.

Неподалеку залаяла собака сторожа. Питон прибавил ходу, скользнул вперед и исчез в кустах.

– Сюда, – сказал он. – За мной, отважное существо.

«Отважное существо», конечно же, относилось к Юльке. Она раздвинула кусты – впереди был лаз в заборе, за ним сразу начинался лес. В лесу было темно и сыро – Юлька пожалела, что не оделась толком.

Змея исчезла.

– Где вы? – спросила Юлька.

Никакого ответа.

– Вы же сами просили, – сказала Юлька, и тут ей стало страшно.

В гробовой тишине спящего леса откуда-то справа послышалось зловещее бормотание, цоканье, словно проскакала лошадь. Потом знакомый голос питона произнес:

– Говори по-русски. Не пугай человека.

– Ты проверил? – раздался второй голос. – Она одна? Это не ловушка?

– Глупости, – сказал питон. – Нам сказочно повезло.

– Не уверен, не уверен, – ответил второй голос. – Я уже разуверился в людях.

– Где вы, в конце концов? – сказала Юля. – Я скоро замерзну, а вы выясняете свои отношения.

– Сделайте шаг вправо, – сказал питон. – Здесь светлее. Я хочу познакомить вас с моим другом.

Юля послушно шагнула в сторону и оказалась на маленькой прогалине. Позади нее лежал огромный тигр, и он был бы очень страшен, если бы ухо у него не было перевязано так, будто у него болел зуб.

Глава вторая
РОКОВАЯ ОШИБКА

– Еще чего не хватало, – сказала Юлька, увидев тигра. – А если вас кто-нибудь увидит? Вы же можете кого угодно до смерти перепугать.

– Пока что все случается наоборот, – мрачно сказал тигр. Говорил он медленно, с акцентом, из-за чего не все его слова можно было разобрать.

– Садитесь, Юля, – предложил питон.

Юля обернулась и увидела, что питон сложился тугими кольцами, получилась высокая круглая подушка.

– Садитесь, не стесняйтесь, – сказал питон. – Земля сырая, а вы совсем раздеты.

Юлька послушалась и села на упругую прохладную подушку. Голова питона покачивалась у самого ее уха.

Наступила пауза.

Юлька смотрела на тигра, тигр лежал, положив голову на тяжелые лапы, и сердито смотрел на нее. Юльке даже стало не по себе. Нет, она не подумала, что ее заманили, чтобы съесть, об этом она совсем не думала. Она тихонько ущипнула себя за локоть, потому что поняла, что, вернее всего, это сон. Во-первых, удавы и тигры не говорят, а во-вторых, они не водятся под Москвой. Если, правда, не сбежали из зоопарка. Но тогда они тоже не говорят. Так как пауза затянулась, Юлька решила, что пора кому-то продолжить разговор.

– Простите, – сказала она, обращаясь к тигру. – Вы бенгальский или уссурийский? Вообще-то вы производите впечатление бенгальского тигра, но сейчас плохое освещение...

– Я произвожу впечатление драной кошки, – сказал тигр.

– Что есть, то есть, – согласился питон. – Но нашей гостье хочется узнать о нас побольше, не так ли?

Тут тигр закрыл глаза и сделал вид, что спит.

– Очень хочется, – сказала Юлька. – Ведь все это так необычно...

– Куда уж, – сказал питон. – На вашем месте я бы решил, что сплю.

– Я уже себя щипала, – сообщила Юлька.

– И правильно сделали, – сказал питон. – В общем, у нас случилось несчастье, и нам нужна помощь.

– Вы из зоопарка и потерялись? – предположила Юлька.

– Ни то ни другое. Жизнь, как всегда, куда более драматична, – сказал питон, наклоняя голову так, чтобы заглянуть Юльке в глаза.

Юлька поджала ноги, чтобы не мерзли. Сидеть на свернутом питоне было удобно. Если бы еще ее накрыть тигром вместо одеяла, то можно было бы заснуть.

– Мы прилетели на Землю позавчера, – сказал питон.

– Прилетели? – спросил тигр, не раскрывая глаз. – Мы есть грохнулись, дрябнулись, фолились, дропнулись...

– Мой друг еще не совсем освоил ваш язык, – сказал питон. – И он несколько поврежден в голове.

– Мягко сказано, – заметил тигр. – Данке шен.

– Я продолжу? – спросил питон.

Юлька послушалась и села на упругую прохладную подушку. Голова питона покачивалась у самого ее уха.

– Значит, вы из космоса? – удивилась Юлька. – И у вас все такие?

– Где у нас? – спросил питон.

– На вашей планете.

– Она сошла с ума, – сказал тигр. – Она крейзи рехнулась.

– Предположение самое логичное, – сказал питон. – Но ложное.

– А почему же вы такие?

– Потому что нас отправили в образе самых обыкновенных существ, чтобы не привлекать внимания, – сказал питон.

– Не привлекать внимания? Да это самый лучший способ привлечь внимание. И даже посеять панику.

– Вот именно. – Тигр потянулся, сел и широко зевнул, показав, какие у него страшные клыки.

– Я же говорю, что мы упали, – сказал питон. – Мы летели совсем не к вам. Мы летели туда, где наш вид не вызовет никакого подозрения. А именно в штат Майсор в Южной Индии, в сердце индийских джунглей.

– И не долетели?

– Ошибки случаются даже в такой развитой цивилизации, как наша, – печально произнес питон. – Нас специально готовили для этой экспедиции. Тщательно изучили все особенности Южной Индии, наши тела три года перестраивали. Мы должны были, с одной стороны, быть самыми обыкновенными, с другой – достаточно сильными, чтобы на нас нельзя было невзначай наступить...

– Но если вас можно было переделать, то переделали бы в индусов. Их в Индии полмиллиарда.

– Люди! – сказал тигр. – Люди! Пиипл! А документы? А вопросы? А проникновение в государственный заповедник? Не есть хорошо!

– В самом деле, в глубине джунглей куда лучше быть тигром, чем человеком, – сказал питон. – Мы должны были выполнить нашу задачу, а через месяц за нами должен прилететь корабль, который дежурит сейчас за планетой... как же ее зовут?

– Платон, – сказал тигр. – Сколько раз тебя учить?

– За Плутоном, – поправила Юлька. – Это очень далеко. Значит, вам месяц прятаться надо?

– Нам надо в Индию, – сказал тигр. – В джунгли. Вы есть глупая и не понимаешь.

– С вами поглупеешь, – проговорила Юлька. – Вы думаете, мне раньше приходилось на питонах сидеть или с тиграми разговаривать?

– О, не сердитесь, добрая девочка, – сказал питон. – Поймите моего друга. Он вчера заходил в один одинокий домик попросить помощи, а пожилая женщина, которая там живет, стала бить его по голове кочергой. Вы знаете такой прибор?

– Ой, извините! – сказала Юлька. – Я и не знала. Но вы ее очень испугали.

– Я три раза попросил прощения, – возразил тигр. – Я сказал, что не причиню никакого вреда, а эта женщина била меня по голове очень... очень... забыл слово на вашем варварском языке...

– Больно? – спросила Юлька.

– Нет.

– Жестоко, – сказал питон.

– Ну, пускай будет жестоко, – согласился ворчливо тигр.

– Я вас перевяжу, – предложила Юлька.

– Еще не хватало! – сказал тигр. – Я боюсь щекотки.

– Представляете весь ужас, – продолжал питон. – Наша капсула разбита, мы чудом уцелели. Наш корабль придет за нами через месяц, и совсем в другую страну, показаться на улице мы не смеем, потому что люди немного боятся и немного сердятся, а мы должны выполнить наш долг в джунглях Майсора.

– Какой долг? – спросила Юлька.

– Сто лет назад без вести пропал корабль, который перевозил в соседнюю звездную систему коллекцию национальных драгоценностей на галактическую выставку. Все эти сто лет наши ученые высчитывали его траекторию, и только лет пять назад удалось точно установить, что обломки корабля лежат в самом центре государственного Майсорского заповедника в Индии. И если мы не выполним наш долг, то пойдут прахом надежды и труд тысяч наших соотечественников. – Питон тихо вздохнул и опустил плоскую голову.

– Тут я вам помочь не смогу, – сказала Юлька. – Индия далеко, и билеты для тигров туда не продают.

– Я же говорил, – отозвался тигр. – Надежды нет. Я повешусь.

– Погодите, – сказала Юлька. – Мы с вами еще не начали думать.

– Вот именно, – сказал питон. – Будем думать.

– Вы голодные? – спросила Юлька.

– Не беспокойтесь, – ответил питон. – В этом нет проблемы.

– Когда подохнем с голоду, то будет проблема, как снять с нас шкуры, – сказал тигр.

Питон снова вздохнул. Ему было неловко за своего несдержанного друга.

– Уважаемая Юля, – произнес он. – Я должен сказать, что мой друг лишь кажется сварливым и сердитым. В действительности он знаменитый профессор и отважный исследователь.

– Ах, оставь, – возразил тигр. – Какое это имеет мнение?

– Уж прямо не знаю, – сказала Юлька, – как вас накормить? Сколько вам мяса нужно!

– Она есть сумасшедший, – проворчал тигр. – Она думает, что я ем мясо. Может, я кусаю людей? Может, мой друг глотает корову?

– Мы не едим мяса, – мягко сказал питон. – Мы вообще очень сдержанны в своих потребностях. В этом отношении мы не будем вам обузой. Нам нужен кров и дружба.

Юлька почувствовала, что замерзает. Но прежде чем уйти, она задала еще один вопрос:

– А почему вы позвали именно меня?

– Странно, – ответил тигр. – Кого еще? Молодого человека по имени Семенов, который мучает мелкого хищника?

– Мы просидели весь день в этих кустах, – сказал питон. – Мы наблюдали ваш лагерь, отыскивая именно такое, как вы, существо. Доверчивое, широкое, смелое, гордое, отзывчивое, энергичное...

Юлька почувствовала, что ей уже не так холодно. Но тигр все испортил. Он сказал:

– И такое глупое, что пойдет ночью за незнакомой змеей в лес.

– Ах, Транкверри-Транковерри, – грустно произнес питон. – Неудачная посадка лишила тебя твоих лучших качеств.

– Я всегда говорил правду, – ответил тигр. – А ты, Юля, обещала поправить мне повязку. Чего ж ты, забыла?

Повязку оказалось поправить очень трудно, потому что она была сделана из наволочки, которую пришельцы сняли с чужой веревки, к тому же тигр все время ворчал и мешал работать. А кстати, вам когда-нибудь

приходилось перевязывать бенгальского тигра в ночном лесу? Причем тигра, крайне разочарованного в жизни?

Поэтому Юлька вернулась в свой домик только через час. Правда, заснула как убитая.

Глава третья
ХИЩНИКИ СРЕДИ НАС!

Утром Юльку разбудил горн. Она никак не могла прогнать остатки сна – там все перепуталось: джунгли, драка с пиратами, стая тигров и говорящий слон. Так и не проснувшись еще, Юлька выбежала на зарядку. Снаружи было прохладно, низкие облака неслись, задевая за мачту с флагом. Юлька взглянула на лес, подступавший к лагерю, и поняла, что все прошедшее – не сон. Там, в лесу, может, даже выглядывая оттуда в нетерпении, ее ждут инопланетные пришельцы.

После завтрака Юлька отозвала в сторону Фиму Королева.

– Что мы еще придумали? – спросил Фима. – С кем будем драться?

– Не знаю, – ответила Юлька. – Но я хочу познакомить тебя с моими новыми друзьями.

– Все ясно, – сказал Фима. – Ты нашла головастика и пригрела скорпиона.

– Ты почти угадал, – ответила Юлька.

Но докончить она не успела, потому что на дорожке показалась докторша, которая позвала Юльку на проверку ее синяков и царапин. Фима Королев хотел было подождать Юльку, потому что был заинтригован, но потом вспомнил, что хотел сделать лук и еще вчера присмотрел для этого как раз за забором ровный и длинный ствол орешника. Однако вчера у Фимы не было ножа, а сегодня он одолжил большой перочинный нож у одного парня из первого отряда, но обещал вернуть его как можно скорее. Так что Фима не стал тратить времени даром и побежал к дыре в заборе, пролез в нее и быстро пошел по лесу. Вот тут должен быть нужный ореховый куст... Фима вынул из кармана нож, раскрыл его и сделал шаг вперед, оглядываясь, чтобы не пропустить куст. «Ага, – сказал он себе. – Вот ты мне где попался!»

Он схватил ствол орешника и потянул к себе.

И в этот момент прямо из-под ног у него вылетело что-то желтое, полосатое, огромное и с криком: «Этого еще не хватало!» – пропало в чаще.

Трудно сказать, кто испугался больше – Фима Королев или переделанный в бенгальского тигра пришелец с трудным именем Транкверри-Транковерри. Тигр, который решил, что Фима на него охотится, добежал до реки и там спрятался в камышах, а Фима перелетел через забор, пробежал, размахивая ножом, до столовой, вылетел на линейку и тут столкнулся с Юлькой, которая как раз вышла из медпункта.

– Ты куда бежал? – спросила Юлька.

– Я? – Фима обернулся, но его никто не преследовал.

– Можно подумать, – сказала Юлька, – что за тобой тигр гнался...

И она осеклась – шутка получилась слишком похожей на правду.

Фима посмотрел на нее странными, совершенно круглыми вишневыми глазами, которые особенно выделялись на побелевшем лице, потом еще раз нервно оглянулся и сказал тихо:

– Тигр... ты думаешь, тигр?

– Ты где был? – спросила Юлька. – Пока меня не было, ты где был?

– Нигде, то есть я был в лесу... там, совсем рядом... а тигр прыгнул, чтобы растерзать... ты не понимаешь.

– Не понимаю? А питон тебе не встретился?

– Кто?

– Питон. Метров шесть длиной.

Юлька говорила совершенно серьезно, и Фима понял, что она над ним издевается, презирает его, потому что ни один нормальный человек не будет говорить, что в окрестностях пионерского лагеря бродят тигры и бросаются на людей.

– Все ясно, – сказал Фима, спрятал нож в карман и повернулся, чтобы уйти навсегда. Он кипел от негодования и обиды. Вчера он еще был верным другом и ничем, понимаете, ничем не заслужил такой обиды. – Все ясно, – повторил Фима. – Там еще был слон и два крокодила.

И очень удивился, потому что вслед ему донеслись спокойные слова Юли:

– Слона и крокодилов там быть не может. Их всего двое. Тигр и питон.

– Ага, – произнес Фима. Потом прошел еще два шага. Потом остановился, посмотрел на Юльку и спросил: – Ты шутишь, что ли?

– Шучу? Я сейчас к ним пойду. Поговорить надо, – ответила Юля.

– С кем?

– С тигром. И с питоном.

Вообще-то раньше Фима считал Юлю Грибкову, в принципе, нормальным человеком. Но все может случиться. Особенно если Семенов что-нибудь повредил Юльке в голове. Но с другой стороны – с кем столкнулся Фима в орешнике? Или ни с кем не сталкивался?

Облака рассеялись, выглянуло не очень жаркое солнце, будто устало за лето жечь и теперь отдыхало. На деревянной эстраде недружно стучали ногами танцоры, разучивали народный танец Сейшельских островов к торжественному закрытию лагеря. Из кухни тянуло жареной рыбой: там начали готовить обед. Кошка Лариска сидела на крыльце у кухни и с отвращением глядела на судачью голову: это была восьмая голова за утро – поварихи старались развлечь животное после вчерашних переживаний.

Юля Грибкова пошла к поляне, словно была уверена, что Королев пойдет за ней. Но он не шел, он стоял, крутил головой и никак не мог объединить в голове обыкновенность лагерной жизни и странные события и странные слова, которые ему пришлось услышать.

– Ты, надеюсь, не боишься? – спросила Юлька, подойдя к кустам у забора.

– Я? – ответил Фима, не двигаясь с места. – Кого?

– Тигров.

– Нет, – сказал Фима. Он очень боялся тигров.

– Тогда пошли, – позвала Юлька. И, не оглядываясь больше, исчезла в кустах.

А Фима не двинулся с места.

Он хотел бы двинуться, он считал своим долгом двинуться, чтобы остановить Юльку, отговорить от безумного похода в лес, где на людей нападают тигры, но ноги отказались идти в лес, а голос отказался крикнуть вслед Юльке.

Юлька-то думала, что Фима все-таки пойдет за ней, потому что при всех своих недостатках, к которым относились обжорство и трусость, он все равно ей друг и в беде не оставит. Поэтому она сделала несколько шагов вперед, пролезла сквозь дыру в заборе и тихо позвала своих новых знакомых. Но никто не ответил ей. Что ж, решила Юлька, пройдем еще немного, ведь они недавно были здесь.

Деревья и кусты сомкнулись вокруг Юльки, и потому она не могла услышать, что происходило за забором в лагере и как нерешительность Фимы Королева повлекла за собой другие события.

Пока Фима стоял и боролся со своими ногами, чтобы оторвать их от земли, сзади к нему подошли Семенов и его закадычный дружок Розочка. Вид у Семенова был сердитый, пластырь пересекал лицо, как шрам у гвардейца кардинала после поединка с Д'Артаньяном. Семенов жаждал мести. Семенову надоело, что второй день все, включая малышей, над ним смеются. Но не бить же Грибкову! И тут, когда Семенов во власти грозных дум шел по дорожке, он увидел трусливого толстяка Фиму Королева, Юлькиного друга.

– Где твоя Юлька? – спросил Семенов грозным голосом.

– А тебе чего? – спросил Фима и почувствовал, что его ноги уже могут двигаться и, скорее всего, в ту сторону, которая подальше от Семенова и Розочки.

– Хочу с ней поговорить, – сказал Семенов. – Давай выкладывай правду.

Фима в самом деле подумал, что Семенов хочет отомстить Юльке, и ему в голову не пришло, что жертвой нападения станет он. Хотя, конечно, от Семенова можно было всего ожидать.

– Да что с ним разговаривать, – сказал Розочка, снимая очки и протирая их. Розочка был маленьким хрупким математиком, тихоней и большим пакостником. Он был из тех мальчиков, которых обожают бабушки, а мамы говорят: «Дружи с ним, он такой культурный и занял второе место на районной математической олимпиаде». И учителя любят Розочку – пока не разберутся, в чем дело. – Я тебе советую, Юра, как следует нажать на этого шпиона и предателя.

– А он предатель? – спросил Семенов, которого уже исключали из двух школ, и ясно, что он отличался силой, но не умом. Даже банку к кошкиному хвосту он не догадался бы привязать, если бы Розочка не рассказал ему, как это будет смешно.

– Разумеется, – сказал Розочка и снова надел очки. – Если он друг Грибковой, значит, он тебя предал.

Розочка знал, что надо сказать слово, к которому можно придраться. Теперь оно западет Семенову в голову.

– Ну, предатель! – зарычал Семенов и двинулся на Фиму.

Фима понял, что Семенов его за что-то собирается побить, – и бросился бежать к лесу, но не прямо к тому месту, куда пошла Юлька, а в сторону. Потому что даже в тяжелые моменты он помнил, что предавать друзей нельзя.

Семенов побежал за ним, а Розочка остался на месте, так как увидел, что по дорожке идет физкультурник Степаныч. Розочка сразу присел на корточки и принялся нюхать незабудку.

– Куда это твой друг побежал? – спросил физкультурник, который еще вчера требовал, чтобы Семенова выгнали из лагеря за то, что он поднял руку на женщину, хоть и в порядке самообороны.

Невинное, украшенное большими очками худенькое личико Розочки обратилось к физкультурнику.

– Биология, – сказал он тихо и вежливо. – Мы решили написать доклад о флоре и фауне нашего края. К началу учебного года. Вот я и изучаю растения.

– Ага, – сказал физкультурник. – А Семенов-то чего изучает с такой скоростью?

– Бабочек, – ответил Розочка. – Семенов побежал за капустницей редчайшей раскраски...

Если бы кто другой рассказал эту историю физкультурнику, Степаныч никогда бы не поверил, что Семенов будет носиться за капустницами, а потом писать доклад. Но Розочке он, разумеется, поверил, очень удивился, пожал плечами и пошел дальше. Когда он скрылся за углом здания, Розочка осторожно поднялся на ноги и, сжимая в кулаке незабудку, не спеша пошел в лес.

Тем временем Юлька все-таки разыскала питона. Питон выполз из-за поваленного ствола, наклонил плоскую голову и поздоровался с Юлькой.

– Что вы прячетесь? – спросила Юлька.

– Нас преследуют, – ответил питон. – Только что неизвестное лицо напало на нашего тигра с ножом в руке, и тот еле успел скрыться в камышах.

– Знаю уже, – сказала Юлька. – Это недоразумение. Фима хотел срезать ствол орешника. Он сам испугался.

– Вы убеждены в этом? – спросил питон.

– Абсолютно. Скоро он придет, и я его с вами познакомлю. Он мой друг.

– Не знаю, не знаю, – вздохнул питон. – Транкверри-Транковерри так травмирован...

– Как же вы собирались в Индии жить? – спросила питона Юлька. – А если там настоящие охотники вас бы нашли?

– Там заповедник, – серьезно ответил питон. – А здесь мы не под охраной закона.

– Может, сходим с вами в милицию? – спросила Юлька. – Расскажем все и попросим их помощи?

– Ни в коем случае, – возразил питон. – Во-первых, никто не должен знать, что мы на Земле, – это нарушит основной Закон невмешательства. И второе – представьте, как мы подойдем к милиции и что они скажут...

Юлька не стала спорить. Ее больше беспокоило, куда делся Фима. Может, что-нибудь случилось? Может, он снова встретил тигра и теперь сам побежал в милицию?

И только успела Юлька обеспокоиться, куда делся Фима, как со стороны реки послышался страшный треск – будто сквозь лес проламывалось стадо взбесившихся буйволов. Юлька вскочила и метнулась к стволу – питон стрелой взлетел на дерево, которое наклонилось под его тяжестью.

На полянку вылетел Фима Королев. Ничего не видя перед собой, он бросился прямо к дереву, где стояла Юлька, врезался в нее, и тут же, не удержавшись, на голову Фиме рухнул пятиметровый питон, взвизгнув при этом на инопланетном языке.

Все трое упали на землю и целую минуту лежали неподвижно, пока не пришли в себя. Первой очнулась Юлька, поднялась и попыталась стащить с оглушенного Фимы оглушенного питона. Питон был вялым, податливым и тяжелым, как бесконечный диванный валик, а Фима вроде бы лишился чувств. По крайней мере, Юльке пришлось его как следует хлопнуть по щеке, чтобы он открыл глаза.

– Опять, – сказал он.

– Тебе плохо?

– Опять тигры.

– Вставай и рассказывай.

– Я не могу встать. У меня нервы не в порядке. На меня дерево упало.

– Это не дерево, а мой новый знакомый, – сказала Юля. – И я хочу, чтобы вы тоже познакомились.

Фима осторожно скосил глаза в ту сторону, куда показывала Юлька, зажмурился и постарался встать, чтобы тихо уйти.

– И это мужчина конца двадцатого века, – сказала Юлька. – Пришелец, скажите что-нибудь, чтобы успокоить Фимку.

– Здравствуйте, – сказал питон. – Можете называть меня Кеном. На самом деле я только кажусь пресмыкающимся, а обычно преподаю исторические науки в высшем учебном заведении на моей далекой планете.

Глава четвертая
КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Фима пришел в себя минут через десять. Так как он не любил биологию, ему оказалось труднее привыкнуть к странному виду пришельца. Зато Фима всегда интересовался проблемами космонавтики и надеялся со временем похудеть и самому отправиться в космос. Поэтому когда он понял и поверил питону, то очень обрадовался.

– Контакт, – говорил он, расхаживая по полянке, – это вековая мечта человечества. Вместе с вами мы полетим в космические дали. Скажите, на каком принципе работает ваш двигатель?

– Какой? – спросил вежливо питон.

– На котором вы спустились?

– Он, к сожалению, уже не работает. Он сломался.

– Починим, – решил Фима. – Мобилизуемся и починим.

– А мы его распылили, чтобы он случайно не попал к кому-нибудь в руки.

– Глупо, – сказал Фима. – Теперь будет трудно доказать, что вы настоящие пришельцы. Люди скорее поверят в говорящих удавов, чем в пришельца. Мы так давно ждем, чтобы вы прилетели, что уже разуверились.

– Мы не собираемся доказывать, – в который раз повторил питон. – Нам надо в Индию, а потом обратно.

– Исключено, – сказал Фима. – Сначала вы встретитесь с нашими пионерами, расскажете о своих успехах, потом мы поедем в Академию наук и в Звездный городок...

Питон вздохнул, и Юлька понимала его – у зверей дело, задание. А Фимка требует совсем другого. Она хотела остановить излияния друга, но тут издалека донесся отчаянный крик.

– Что случилось? – испугался питон. – Неужели кто-то опять напал на моего друга? До него добрались в камышах?

– Тигра нашел Семенов! – понял Фима. – А я так старался сбить его со следа!

Юлька сразу побежала к реке. За ней, стараясь не отставать, Фима. Сзади скользил питон.

Но до реки им добежать не удалось.

На полдороге они встретили космонавта Транквери-Транковерри в прискорбном виде. Повязка съехала на шею и болталась, как шарф у человека, бегущего за автобусом, к шерсти прилипли камышины и бороды водорослей, а на ухе почему-то болтались очки Розочки. И это больше всего напугало Юльку. Хотя она знала, что космонавты не едят людей, но почему от Розочки остались только очки?

– Я устал, – сказал тигр, раздраженно глядя на Фиму, который пытался укрыться за спиной у Юльки. – Я устал от нападений, преследований и непониманий. Я устал от необходимости бродить по дикой планете, где дикое население готово меня сожрать. Я прошу разрешения принять ампулу с ядом, которая спрятана в дупле моего коренного зуба.

– Отказываю, – сказал питон. – Отвага исследователя заключается в умении терпеть и приспосабливаться. Уйти из жизни может каждый дурак.

– Сил нет терпеть! – взвыл тигр. – И этот человек уже готовит на меня новое нападение. У него в кармане нож.

– Честное слово! – сказал Фима. – Если бы не ваш хищный вид, мы бы давно подружились.

– Значит, вид? – спросил тигр. – А если я сделан как паук? Или сороконожка? Значит, вам все равно, какой у меня высокий разум, сколько я окончил университетов и написал научных статей, да? Значит, только по одежде происходит встреча? Это недостойно. Я сушу на берегу свою шкуру, а из леса выходят два молодых туземца, один кричит и кидает в меня камень, второй кидает даже свои очки. А если бы у них был с собой бластер или лазерная пушка? Тоже бы кинули?

– Выстрелили бы, – сказал осмелевший Фима. – И среди наших людей встречаются еще некоторые печальные исключения. Они вчера кошку мучили.

– Честное слово! – сказал Фима. – Если бы не ваш хищный вид, мы бы давно подружились.

– Я им не кошка, – сказал мрачно тигр.

– Ты очень большая кошка, – сказал питон. – Но у тебя расшатались нервы. Виновата авария. И чем скорее мы переедем в Индию, где никто не будет обращать на нас внимания, тем лучше.

Юлька сильно сомневалась, что на них не будут обращать внимания в Индии, но спорить не стала. Только она все еще не представляла, как переправить космонавтов в Индию, если о них нельзя никому рассказывать.

– Мы придумаем, – сказал Фима. Он уже осмелел.

В этот момент в лагере заиграл горн. Горн играл сбор.

– Странно, – удивилась Юлька. – С чего бы это?

Над поляной, нагретой солнцем, кружились стрекозы, прыгали кузнечики, не боясь тигров. А горн тревожно звал, подгонял, нарушал тишину.

– Возможно, это тревога из-за нас, – сказал питон.

– Еще чего не хватало, – возмутился тигр. – Тогда я буду раскусать ампулу с ядом.

– Оставайтесь здесь, – сказала Юлька. – Мы побежим в лагерь. Если в самом деле есть опасность, кто-нибудь из нас предупредит вас. С нами, с людьми, можно договориться, если нам все объяснить.

– Вот мы и пытаемся, – сказал тигр. – Возьми с собой очки. Мне они не требуются.

Юлька сняла с уха тигра очки, и они с Фимой побежали в лагерь.

Со всех сторон к линейке сбегались пионеры. Спешили вожатые, даже поварихи столпились на пороге кухни – никто не понимал, что случилось.

Посреди линейки рядом с горнистом стоял очень серьезный директор лагеря Чуфринский, рядом физкультурник Степаныч. За их спинами Юлька сразу угадала Семенова и Розочку, который часто моргал близорукими глазами отличника.

– Все ли здесь? – громко спросил директор лагеря. – Вожатые, проверьте отряды.

Юлька и Фима подбежали к своему отряду и смешались с толпой. Была неразбериха, потому что никто так ничего и не понял, а по лагерю покатились дикие слухи. Одни говорили, что кто-то из первого отряда утонул, другие – что началась эпидемия, а одна девочка из младшего отряда уверяла, что привезли бананы и будут всем давать.

Наконец на линейке наступило некоторое подобие порядка, и оказалось, что все пионеры лагеря на месте. Директор с облегчением вздохнул и вытер платком пот со лба.

– Всем пионерам, – сказал он, – разойтись по домикам, вожатым быть с ними. Без моего разрешения ни одного человека с территории лагеря не выпускать.

– А что случилось? – начали спрашивать со всех сторон.

Директор заколебался. Он не знал, говорить или нет. И тогда в гнетущей тишине раздался тонкий детский голосок:

– А бананов всем хватит?

– Каких бананов? – спросил директор, почесал лысину, вздохнул и добавил: – Бананов пока не будет.

Директор посмотрел на Степаныча, и Степаныч решил, что пора брать инициативу в свои руки.

– Слушай меня! – сказал он своим зычным физкультурным голосом. – В окрестностях лагеря наблюдаются дикие хищники. В виде... в общем, неважно.

– Очень важно! – закричал тут Семенов. – Там тигр! Он на нас напал. Даже очки с Розочки сорвал.

Семенов показал рукой на Розочку, который покраснел, потому что не выносил, когда вслух произносили его прозвище.

Все заволновались, те, что не поняли, начали переспрашивать, поднялся страшный шум, а в отряде малышей кто-то заплакал. Может быть, от страха, а может быть, потому, что не будет бананов.

Директор поморщился, Степаныч поднял сильную руку десятиборца и призвал к тишине.

– Эти сведения, – сказал он, – мы должны проверить. Допускаем, что имеет место ошибка.

– Нет, не ошибка! – сказал Розочка. – Где мои очки?

И тут из рядов третьего отряда раздался голос Юльки Грибковой:

– Держи свои очки, Розов. И не надо их терять, когда купаешься в реке без разрешения.

Юлька вышла из строя и прошла по пустой, обширной площадке до Розочки. Стояла тишина. Юлька протянула Розочке очки. Она, разу-

меется, сказала неправду, но сейчас самое главное было, чтобы Розочке и Семенову не поверили.

– Врет она, – сказал Семенов. – Мы не купались. Можете проверить. Я весь сухой.

– А что вы делали у реки? – крикнул Фима.

– Мы за тобой бегали, – сказал Семенов. – А тут тигр на нас выскочил.

– И зачем это вы за ним бегали? – спросила Юлька. Главное – отвести разговор в сторону.

– Зачем, зачем... чтобы накостылять...

Тут Семенов сообразил, что говорит лишнее, и замолк.

– Я не понимаю, откуда у Грибковой мои очки, – сказал Розочка твердым голосом отличника. – Очки я метнул в морду тигра, чтобы его остановить.

– А тигр их отдал Грибковой, – подсказал кто-то.

И весь лагерь захохотал. Даже директор с облегчением улыбнулся. Любому директору лагеря куда спокойней узнать, что два пионера купались без разрешения, чем допустить, что рядом ходят тигры.

– Вы вот не верите, а будут жертвы! – крикнул Розочка, когда все отсмеялись, но никто его уже не слушал, да тут еще Фима Королев, которому не откажешь в сообразительности, крикнул:

– Это кошка Лариска им отомстила. Позвала своего дядю, чтобы он Семенова пугнул.

После этого Розочку с Семеновым уже никто всерьез не воспринимал.

– Давай вернемся в лес, – шепнула Юлька Фиме. – Вроде обошлось.

– Погоди, – сказал Фима. – Ты недооцениваешь директора. У него ответственность.

Он показал ей на директора и Степаныча, которые о чем-то тихо переговаривались. Потом директор кивнул и быстро пошел к себе в домик, а Степаныч физкультурным голосом объявил:

– Приказ директора остается в силе. До отмены его никто из лагеря не выходит.

И, не слушая возражений, Степаныч поспешил за директором.

Юльке с Фимой удалось незамеченными отбежать в сторону и добраться кустами до директорского домика. Заднее окно было открыто. Они прижались к стене и услышали, как директор говорит с кем-то по телефону.

– Конечно, – говорил директор. – Слух может быть ложным. Но я прошу проверить, нет ли случаев побега тигров из зоопарков или из цирка. У меня двести детей, и я не могу рисковать... Да, никого в лес не выпускаем... Да. Буду ждать.

Потом слышно было, как звякнула телефонная трубка, и директор сказал физкультурнику:

– Они сказали не волноваться, проверят. Если будут сомнения, пришлют работников с собакой. Осмотрят лес.

– Может, я схожу проверю? – сказал физкультурник.

– А если там тигр? Он с тобой разговаривать не будет.

– Еще как поговорил бы, – прошептала Юлька, но Фима даже не улыбнулся.

Пригнувшись, они побежали в лес.

Глава пятая
ВЕЧЕРНЕЕ БЕГСТВО

Пришельцы послушно ждали, где договорились. Тигр бродил по полянке, за ним волочился шарф-повязка, питон Кен обвил сосновый ствол, перекинул голову через нижний сук и раскачивал ею в глубокой думе.

– Вы уверены, что не хотите встречаться с милицией? – спросила Юлька, вбегая на полянку.

– Абсолют, – ответил тигр. – А что, она приближается?

– Скоро приблизится, – сказал Фима Королев.

От его прежней робости не осталось и следа – люди быстро ко всему привыкают. Фима подошел к тигру, стащил с него шарф-повязку и даже посмотрел вблизи на ухо – зажило ли.

– Надо было вас сделать обезьяной, – сказала Юлька. – Как же про руки забыли?

Тигр, не говоря ни слова, поднял переднюю лапу и протянул Юле. Громадные загнутые когти приподнялись, и под ними обнаружились пальцы.

– Что же случилось? – спросил питон, покачивая над ними плоской треугольной головой.

– Эти мучители кошек, – сказал Фима, – прибежали в лагерь и подняли тревогу. Мы с большим трудом убедили всех, что тигр им только померещился.

– Тогда зачем сюда придет милиция?

– Потому что директор лагеря беспокоится о пионерах. Он не знает, что бывают тигры, которые пионеров не едят.

– Какая гадость, – сказал тигр, – поедать себе подобных.

– Обычные тигры не считают пионеров себе подобными, – пояснил Фима.

Транкверри-Транковерри грустно покачал головой.

– И во что это выльется? – спросил питон.

– Вернее всего, милиция решит проверить, – сказала Юлька. – И сюда приедут милиционеры с собакой.

– Зачем?

– Чтобы найти вас по следам. По запаху.

– Отвратительно, – сказал тигр.

– Мы не можем встречаться с вашей уважаемой милицией, – сказал питон. – Этим мы нарушим законы Галактики и сорвем порученное нам дело.

– Не это главное, – сказал Фима. – Главное, что, когда милиция найдет в лесу тигра и удава, она очень испугается за судьбу детей. У милиции тоже есть нервы.

– Нервы, нервы... – проворчал тигр, и всем стало ясно, что у него тоже есть нервы.

– К тому же, – сказал совсем осмелевший Фима, – у милиции нет гарантий, что вы не шпионы, засланные на нашу планету, чтобы выведать наши тайны.

И Фима в упор посмотрел на тигра. Тигр не отвел взгляда. Королев покраснел, потому что понял, что ведет себя не очень вежливо.

– Конечно, самое разумное, – сказала Юлька, погрозив Фиме кулаком, – это заслать к нам шпионов под видом тигров.

– Если бы мои коллеги по университету услышали, в чем меня обвиняют... – Из глаз тигра покатились крупные слезы.

Все замолчали.

Питон посмотрел сквозь листву в небо.

– Собаки летают? – спросил он задумчиво.

– Нет, – сказал Фима, – собаки бегают.

– Надо вас эвакуировать, – сказала Юлька. – В надежное место.

– Нам надо в Индию, – сказал тигр. – Это самое надежное.

– Но сначала придется вас отсюда эвакуировать. У меня идея. Сарай!

– Чего? – удивился Фима.

– Сарай. На острове. Где раньше было сено.

Юлька имела в виду остров на реке, длинный и низкий, поросший травой. Там, посередине, на небольшом холмике стоял полуразрушенный сарай, кое-как скрытый кустарником. Со стороны лагеря остров отделялся от берега неширокой протокой – основное русло реки было с той стороны.

– Вода, – спросил питон, – преграда для собаки?

– Правильно! – воскликнул Фима. – На воде собака след ваш не возьмет. Так партизаны в войну делали. От эсэсовцев спасались.

К реке надо было выйти в километре ниже лагеря. Они спешили, но шли осторожно: впереди Юлька, у нее хорошие глаза и быстрая реакция. В середине Фима с тигром, а питон, у которого крепкие нервы, полз в арьергарде.

Юлька надеялась, что старая лодка с одним веслом, на которой ездили на остров, окажется у этого берега. Конечно, переплыть протоку легко и без лодки, но лодка – это дополнительное приключение.

Как назло, лодка стояла, приткнувшись к траве по ту сторону.

– Придется плыть, – сказала Юлька.

– Я не уверен, что смогу это сделать, – отозвался питон. – Я никогда не пробовал. Ведь я не водяная змея.

– Что касается меня, – сказал тигр, – то все понятно. Вы хотите меня утопить.

Фима промолчал – он плохо плавал, но не любил в этом признаваться.

Юлька окинула взглядом эту странную сухопутную компанию. Времени терять было нельзя. Юлька скинула тапочки и блузку и, разбежавшись, прыгнула в воду; протока была глубокой и быстрой, со дна били ключи, и Юльке даже некогда было оглядываться – а то пронесет мимо острова. Она выбралась из воды на самой косе, побежала обратно, к лодке. Осока резала ноги, мягкий ил чавкал под ногами и затягивал. Добежав до лодки, Юлька запыхалась. Теперь надо было вычерпать из лодки воду. Вычерпывая воду, Юлька посмотрела на тот берег. Питон лежал, свернувшись кольцами и высоко подняв голову, – сторожил. Фима зашел в воду по ко-

лени, ему хотелось давать Юльке советы, но он боялся громко говорить. Тигр нервно ходил по берегу.

Весло оказалось тяжелым, грести было трудно, лодка вертелась и не слушалась, но больше всего Юлька устала от того, что надо было спешить. Совсем обессилев, она бросила весло на дно. Фима подхватил лодку за нос и удерживал ее. Потом, пока в нее переползал бесконечный питон, он поднял весло и сказал Юльке: «Оставайся здесь. Я их перевезу!» Юлька было кивнула, соглашаясь, и стала помогать тигру перелезть через борт, но, оттолкнув лодку от берега, передумала и поплыла вслед, подталкивая ее. Лодка под грузом пришельцев опустилась настолько, что ее борта чуть было не сровнялись с водой. Фима греб неровно и раскачивал лодку, тигр дрожал от страха так, что лодка тоже дрожала, а Юлька все время боялась, что лодка черпнет воды и опрокинется.

К счастью, этого не случилось.

Только у того берега Фима заметил, что Юлька приплыла тоже.

– Ты чего? – спросил он, придерживая лодку, чтобы тигр мог выскочить на берег, – тот вылетел, громадным прыжком покрыв половину расстояния до сарая, и через мгновение скрылся из глаз.

– Лодку оставим на острове, – сказала Юлька. – Так спокойнее. И нам и пришельцам. Только перетащим ее на ту сторону острова, чтобы с нашего берега ее не увидели.

– Понимаю, – печально произнес ее друг, глядя на быструю протоку. – Значит, плыть придется?

– Я буду рядом, – сказала Юлька. – И ботинки твои возьму. Ты что, испугался?

Фима присел на корточки и принялся расшнуровывать ботинки. Юлька сбегала в сарай, который пропах пылью, сенной трухой и птичьим пометом. Пришельцы закопались в сено, только головы наружу. Они волновались.

– Не беспокойтесь, – сказала Юлька. – Как стемнеет, мы вернемся и что-нибудь придумаем.

С помощью Фимы Юлька перетащила лодку вдоль берега на дальнюю сторону островка. Потом они переплыли протоку и побежали к лагерю.

Обед уже кончался, ребята поднимались из-за столов, было шумно, и никто, кроме вожатой Лены, не заметил, что Юлька с Фимой прибежали

Фима греб неровно и раскачивал лодку.

позже всех. А Леночка – удивительно мягкий человек, даже когда делает тебе замечание, кажется, что просит прощения. Она подошла к Юльке, которая усаживалась за стол, и сказала шепотом:

– Ну, зачем же вы меня подводите. Я так волновалась...

– Простите, – ответила шепотом Юлька, – это больше не повторится.

И Юлька густо покраснела, потому что она уже знала, что это повторится. Космическая дружба требует жертв.

Когда они выходили из столовой, Юлька поймала чей-то внимательный взгляд. В стороне стоял Розочка и глядел ей на ноги.

Юлька тоже посмотрела на свои ноги и поняла, что они по колено измазаны засохшим илом.

Юлька на всякий случай показала Розочке кулак, а Розочка загадочно улыбнулся. Опасность Розочки в том, что он очень сообразительный и скрытный. Что-то он понял, что-то заподозрил. Но попробуй догадаться – что.

Глава шестая
ВЕЧЕРНИЕ СОБЫТИЯ

Юлька всей кожей чувствовала, что у лагеря пришельцам оставаться нельзя. Ее последние сомнения рассеялись, когда она сразу после обеда увидела, как низко над лесом, над самыми вершинами кружится желтый милицейский вертолет. А еще через час в лагерь въехал милицейский «газик», в котором сидели молодой лейтенант и пожилой сержант с овчаркой.

Фима сумел опять подобраться к директорскому окну и услышать, как лейтенант рассказывал, как сначала они приняли звонок, простите, с сомнением. Но потом к ним позвонил еще один человек, который живет у самого шоссе. И уверял, что видел тигра вчера вечером. А третий сигнал поступил от женщины, которая уверяла, что тигр вторгся к ней в дом и пришлось его выгонять ухватом. Так что проверка будет самая настоящая, а пионерам ни в коем случае нельзя покидать территорию.

Когда лейтенант с директором вышли из домика, собаку и ее проводника тесным кольцом окружили ребята. Лейтенант спросил у ребят, не видели ли они чего подозрительного, а потом отдельно поговорил с Розоч-

кой и Семеновым. Розочка и Семенов были страшно горды тем, что дают настоящие показания настоящему лейтенанту, и пыжились, как жабы. Юлька с Фимой стояли в стороне. Юлька сказала Фиме:

– Теперь ты понимаешь, что пришельцев обязательно найдут.

– Ну что мы можем сделать!

Юлька смерила Фиму презрительным взглядом и спросила:

– Разве мы не обещали помочь?

Юлька отвернулась от него, но уйти не успела, потому что к ней шли директор, лейтенант милиции, а рядом с ними улыбающийся Розочка. Заходящее солнце отражалось в его очках.

– Ты будешь Юля Грибкова? – спросил лейтенант. – Вот тут твой товарищ, который в очках, утверждает, что ты видела хищника, знаешь, где он скрывается, но по причинам необъяснимым не хочешь об этом сказать.

Юля высоко подняла брови.

– Почему? – спросила она.

– А в самом деле – почему? – обратился лейтенант к Розочке.

– У них свои дела, – сказал Розочка.

– Она психованная по части зверей, – поддержал Розочку Семенов. – Она на меня вчера из-за кошки напала, даже увечья нанесла.

– Увечья? – Лейтенант посмотрел на Семенова, но, кроме царапины на щеке, заклеенной пластырем, других увечий не нашел.

– Что же она, сумасшедшая, что ли? – громко спросил Фима Королев. – Я с ней в одном классе учусь, но не видел, чтобы она дружила с крокодилами.

– Речь идет о тигре, – сказал лейтенант и тут, видно, подумал, что особой разницы нет. Уж если ты намерен дружить с тигром, то подружишься и с крокодилом.

Лейтенант вдруг улыбнулся – в конце концов, он глядел на беленькую девчонку лет десяти-двенадцати и подозревать ее в укрытии тигров не мог.

– Отлично, – сказал лейтенант. – Спасибо за помощь. Семенихин, бери Акбара, пошли. А ты, – он показал на Розочку, – если не боишься, пойдешь с нами, покажешь точно место, где видел зверя.

– Я тоже видел, – сказал быстро Семенов.

– Одного нам хватит, – сказал лейтенант. – Чем меньше народу будет по лесу ходить, тем лучше.

– Правильно, – сказал директор. – Я с вами пойду. Я не имею права отпускать своего пионера.

Лейтенант кивнул. Он понимал директора. И чтобы директор не беспокоился, он похлопал ладонью по кобуре нагана.

– Я согласен, – сказал тихий Розочка, – чтобы вместо меня пошел Семенов. Он лучше знает те места. Я был без очков.

– Спасибо, ты настоящий друг, – сказал храбрый, но глупый Семенов, который решил, что Розочка отказывается от похода ради него.

Розочка скромно наклонил голову. Фима фыркнул: он-то все понял.

Розочка услышал и со злостью поглядел на Фиму и Юльку. И тут, видно, вспомнил. Глядя на ноги Юльке, он сказал тихо, но так, чтобы слышал лейтенант:

– Я вам советую посмотреть на острове, где стоит старый сарай.

– Почему? – спросил лейтенант.

– Там... – Розочка на секунду задумался и продолжал как ни в чем не бывало: – Там вокруг острова особенная черная грязь. Я видел следы тигра, и в них была такая грязь.

Юлька поняла, что наблюдательный Розочка не зря смотрел на ее ноги, когда она вернулась с реки. У нее упало сердце.

– Поглядим, – сказал лейтенант. – Пошли, а то времени до темноты почти не осталось.

Розочка проводил их до ворот лагеря и тут же исчез – не хотел встречаться с Юлькой. Он свое дело сделал.

– Что теперь? – спросил Фима, который понял, что положение осложнилось.

– Надо их предупредить, – сказала Юлька. – Оставайся здесь, я побежала. Задержи Степаныча. Видишь, как он глазами водит, чтобы никто не сбежал.

И Юлька побежала к кухне. Оттуда – к дыре в заборе.

Но, к сожалению, Розочку она недооценила.

Она уже готова была скрыться в кустах, как услышала сзади голос вожатой Лены:

– Грибкова! Юля! Остановись.

Юлька обернулась. Лена бежала к ней, а за ее спиной стоял, улыбаясь, Розочка. Выследил. Догадался.

Если убежать, физкультурник догонит. Это точно. Вот он уже выбегает на шум. За ним растерянный Фима. И еще какие-то ребята.

– Я забыла в лесу тапочки, у самого забора, – сказала Юля. – И хотела их взять.

– Но ты же знаешь, – воскликнула Лена, – что там тигры!

– Неужели вы, взрослый человек, – сказала Юлька, глядя Лене в глаза, – всерьез верите в то, что у нас тут водятся тигры?

– Но ведь не в этом дело... – смутилась Лена.

– А Грибкова хотела тигра предупредить, – сказал Розочка. – У них заговор.

– Ах, Розов, ну что за чепуху вы несете, – возмутилась Лена, но крепко взяла Юльку за руку и повлекла обратно к домику.

Степаныч наблюдал за этой сценой и не ушел, пока вожатая с непослушной девочкой не отошла от опасной зоны.

То, что всеобщее внимание было отвлечено на Юльку, дало возможность Фиме совершить отважный поступок. Он воспользовался моментом, когда все скрылись за углом кухни, и, пригибаясь, бросился к забору. Пролетел сквозь кусты, проскочил в лес – даже Розочка не заметил, как толстяк ломился сквозь орешник. Больше всего Фима боялся, что его почует разыскная собака и примет за тигра. К счастью, этого не случилось.

И когда он через час благополучно вернулся в лагерь, он отыскал за эстрадой мрачную, готовую разреветься Юльку.

– Ты где был? – спросила Юлька. – Все погибло. А ты в такой момент где-то прячешься. Наверное, обжирался на кухне?

В другой ситуации Фима бы смертельно обиделся. Но тут он был таким героем, что только улыбнулся, как улыбается охотник, убивший медведя, при виде мальчишки с рогаткой.

– Я был там, – сказал он.

– Как? Ты смог?!

– Кто-то должен был это сделать.

– Тогда рассказывай скорее! Их поймали?

– Я вышел к берегу. Я всех обогнал. Они еще то место осматривали, где Семенов тигра спугнул. Я выбежал к реке и закричал, чтобы пришельцы прятались.

– А они?

– Они молчали.

– А потом? Может, они тебя не слышали?

– Наверное, услышали. Пока я бегал и кричал, слышу, идут с собакой. Я повыше забрался, наблюдал.

– Ну и что?

– Они берег осмотрели. Собака волновалась, даже хвост поджимала. Наше счастье, что собаки говорить не умеют.

– Хоть кто-нибудь из зверей должен не говорить, – заметила Юлька.

– В общем, они заподозрили. Но лодки у них не было.

– И вернулись обратно?

– Нет. Они оказались похитрее. Лейтенант вертолет вызвал. Я сам видел. Вертолет минут через пятнадцать прилетел, спустился у сарая, тут, я тебе скажу, я так переживал, что у меня чуть сердце из груди не выскочило.

– Дальше, дальше...

– Из вертолета вышли двое и побежали к сараю. Потом вышли и прокричали: «Там никого нет!»

Фима вдруг ринулся к углу эстрады и выглянул оттуда.

– Мне показалось, что этот Розочка опять подслушивает.

Юлька нахмурилась.

– Куда же они могли деться?

– Я думаю, – сказал Фима, – что они улетели. Их нашли, подобрали, и они улетели. Так что мы можем спать спокойно... – Он подумал немного, вдруг опечалился и добавил: – А жаль, что никому не расскажешь. Ну, кто нам поверит?

По ту сторону эстрады послышался шум. Голоса. Юлька с Фимой поднялись. Оказалось, что вернулась экспедиция. Когда они подошли поближе, то услышали только последние слова лейтенанта:

– Завтра с утра продолжим. Так что предупреждаю: осторожность и осторожность. Семенихин с Акбаром остаются у вас. Ужином накормите?

– Накормим, – сказал директор. – А следы на берегу были тигриные?

– Трудно утверждать, – ответил лейтенант. – Следы не свежие. Мало ли какие шутники бывают...

Тогда Юлька обернулась к Фиме и сказала ему тихо, но твердо:

Вертолет прилетел минут через пятнадцать.

– Готовься.

– К чему? – спросил Фима.

– К побегу.

– Из лагеря? Зачем?

Юлька потянула Фиму за рукав подальше от людей. Уже темнело, пионеры, оживленно обсуждая события и поглядывая на Семенова как на героя – все-таки побывал в лесу, где водятся тигры, – начали тянуться к столовой, на ужин.

– Пойми, – сказала Юлька. – Им некуда деваться. Здесь даже настоящего леса нет. Мы должны их немедленно эвакуировать.

– Если они не улетели.

– Не на чем им улететь! Не найдем – вернемся в лагерь.

– Но куда мы их денем, если найдем?

– Отвезем в Москву.

– А там?

– Спрячем в зоопарк.

– Ты с ума сошла.

– Тигром больше, тигром меньше – кто заметит? К тому же оставаться здесь – значит ничего не делать. Билетов в Индию здесь не продают. В крайнем случае, спрячем их у нас на чердаке.

– Юлька, – сказал Фима. – Ты совершенно не думаешь о последствиях. Ты подумала о наших родителях, о школе, обо всем?..

– Мы позвоним из Москвы в лагерь, чтобы они не волновались.

– Нет, я на эту авантюру не пойду, – твердо произнес Фима.

Твердо он это произнес, потому что не был уверен. Просто мужчины, вопреки распространенному мнению, куда менее решительны, чем женщины. Достаточно сказать, что ни из одного мужчины не получилась Жанна д'Арк.

– Сначала ты ужинаешь, – продолжала Юлька, – потом берешь куртку, потом ждешь отбоя, потом складываешь свою постель так, чтобы казалось, что ты спишь, потом выходишь к дыре в заборе. И там мы встречаемся.

Сказав так, Юлька пошла в столовую и спокойно поужинала. Фима был буквально потрясен. У него, несмотря на любовь поесть, кусок в рот не шел. А Юля ела. Потом встала из-за стола, собрала за собой посуду

и вышла из столовой, ни на кого не глядя. Даже Розочка не смог заподозрить, будто она что-то задумала.

А Фима остаток вечера метался по лагерю, несколько раз встречал Розочку и старался его обойти подальше, заглянул в кино, выскочил оттуда, потом страшно проголодался, потом на него напала сонливость, потом он решил ни в коем случае не убегать из лагеря. Потом понял, что не может не убежать, потому что он первый мужчина на Земле, который встретился с настоящими пришельцами. В конце концов, в половине одиннадцатого, после того, как сам директор заглянул в спальню и проверил, все ли пионеры спят, Фима поднялся, накинул куртку, посмотрел, есть ли в кармане деньги, которые ему на всякий случай дала с собой мать и которые пока не понадобились, схватился за живот на случай, если кто-нибудь за ним следит, добежал до уборной, а оттуда, поглядев, не следят ли за ним, ползком и на четвереньках – потому что предательски светила луна – добрался до дыры в заборе. Юлька уже ждала его там. Из темноты донесся ее шепот:

– Я в тебе почти не сомневалась.

Глава седьмая
ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ

Надвигался дождь. Даже воздух отсырел, и ночные запахи в лесу стали сильными и пряными. Лес ночью казался куда больше и гуще, чем при свете, и идти пришлось медленнее, чем днем, чтобы не напороться на сук и не споткнуться о корень.

Когда они вышли к реке, луна еще светила, но облака неслись совсем близко от нее, иногда прикрывая ее кисеей, будто желая сожрать, но луне удавалось вырваться на открытое небо.

– Эй! – крикнула Юлька, подойдя к воде. – Это я, выходите!

– Ты что думаешь, они под землю от милиционеров спрятались?

– Придется плыть, – сказала Юлька. Она разулась, попробовала воду. Вода была теплая, парная, так бывает перед дождем. – Жди здесь, – добавила она.

Хоть Фима с ней и не спорил.

Юлька надеялась, что пришельцы, если им удалось убежать с острова, оставили там какой-нибудь знак. Но в сарае она ничего не нашла. Там

было пусто, темно, кто-то маленький шуршал в сене. Тишина была такая, что Юлька услышала, как ворчит себе под нос Фима, как далеко-далеко плеснула рыба. Юлька обошла остров – лодки нигде не было.

– Фима, – сказала она негромко, вернувшись к протоке. – Их нет.

– А я что говорил?

– Не кричи. Тебя в лагере услышат. Лодки тоже нет.

– Ты что думаешь, твой питон грести научился?

– Но как-то они с острова ушли. Может, их похитили?

– Давай вернемся в лагерь, а? – сказал Фима жалким голосом. – Если они не улетели, то завтра мы их обязательно найдем.

– Завтра их найдут без нас, – сказала Юлька.

Ей не хотелось уходить с острова, хотя она понимала, что делать там нечего. Фима переминался с ноги на ногу.

И вдруг Юлька услышала, как плещет весло.

Она посмотрела вверх по течению и увидела странную картину.

В дорожке лунного света плыла лодка. На корме ее сидел, свернувшись, огромный питон, а греб тигр, сидя по-человечески, хоть и было ему это делать неудобно. И пусть Юлька отлично знала, что тигр – это не тигр, хоть она и очень обрадовалась, что видит вновь пришельцев, все равно от такого дикого зрелища Юлька рассмеялась и долго не могла остановиться.

Транкверри-Транковерри лихо врезался носом лодки в берег, питон радостно покачал треугольной головой.

– Мы уж не надеялись вас еще раз увидеть! – сообщил он.

– Мы тоже, – сказал Фима с того берега.

Юлька оттолкнула лодку, прыгнула в нее, чтобы вернуться к Фиме – там ведь осталась ее одежда, – и спросила:

– Может, вас сменить на веслах?

– Я привык, – скромно ответил тигр. – В этом даже есть некоторое удовольствие.

– Как же вы смогли спрятаться? – спросила Юлька.

– Спасибо нашему другу, – ответил питон. – Он своими предупредительными криками насторожил нас, и мы ушли с острова на лодке, так как остров стал для нас как тюрьма. Мы прятались на том берегу.

– Да, – сказал Фима, польщенный тем, что именно он спас пришельцев, – лучше бы вас сделали муравьями. Или кротами.

– И нас бы съел любой, кто хочет, – проворчал тигр. – Или наступил на голова.

– На голову, – поправила его автоматически Юлька.

Тигр громко фыркнул:

– Меня не готовили для беседы с русским туземцами. Вот приедем в Индию, увидишь, как мы умеет знать язык хинди.

Юлька вышла из лодки и сказала, одеваясь:

– Сначала пускай Фима перевезет на дальний берег тигра. А мы подождем здесь. Только скорее.

– Что вы придумали? – с надеждой спросил питон. – Есть надежда?

– Фима, каждая минута на счету. Ты понимаешь?

– Слушаюсь, капитан, – ответил Фима, который понял, что в лагерь вернуться не удастся.

Когда лодка с тигром и Фимой отплыла, Юлька сказала питону:

– Мы убежали из лагеря для того, чтобы перевезти вас в Москву.

– Убежали? – не понял питон. – Зачем?

– Как вам объяснить? Летний лагерь – это место, куда собирают детей, чтобы они отдыхали на свежем воздухе. Но взрослые люди, которые их кормят и развлекают, отвечают за то, чтобы дети вернулись обратно в назначенный срок, когда их ждут родители. И если кто-то из детей убежит раньше времени, все будут беспокоиться и сердиться.

– Ясно, – сказал питон. – Особенно если в лесу завелись тигры.

Юльке казалось, что время тянется страшно медленно. Уже глубокая ночь, а Фима все не возвращается. Она ходила по берегу, а питон медленно поворачивал голову ей вслед.

– Мы благодарны вам, – сказал он наконец. – Вы не знали нас, вы изъявили чувство помощи. Я понятно говорю?

– Не обращайте внимания, – ответила Юлька.

– Я буду рад, если вы приедете к нам в гости, – сказал питон.

– Спасибо.

Юлька прислушалась. Вроде бы лодка возвращается.

– Вы куда хотите нас спрятать? – спросил питон.

– Мы хотим вернуться в Москву.

– В большой город?

– В большом городе иногда легче спрятаться, чем в лесу.

Сзади зашуршали листья. Юлька обернулась и сказала:

– Попался, Розочка! Ты нас хотел выследить!

Она кинулась в кусты. Тяжелая ночная птица, хлопая крыльями, поднялась в небо.

– У вас тоже расшатались нервы, – сообщил Юльке питон. – Простите, что я вмешиваюсь.

– Вы не представляете, какой Розочка коварный, – сказала Юлька. – А вот и Фима. Скорее!

На том берегу они оставили лодку и прошли узкой дорожкой до шоссе. Было уже совсем поздно, редкие машины появлялись из-за дальнего поворота, слепили фарами и пролетали мимо. Тигр ежился, ему было холодно. Поднялся ветер.

– Останавливать будем грузовик, – сказала Юлька.

– Ясно, что не «жигуленок», – съехидничал Фима.

Начал накрапывать дождь.

– Мы вам доверяем, – сказал питон, словно хотел убедить себя в этом.

– Нам нечего терять, – ответил тигр, который сидел в кювете, чтобы его случайно не осветило фарами.

При виде машины, идущей в сторону Москвы, Юлька поднимала руку, Фима стоял рядом и чуть сзади.

И бывает же такое невезение: первым остановился «жигуленок». И не просто «жигуленок», а милицейский патрульный автомобиль. Юлька сообразила, что это самый нежелательный из всех возможных вариантов, только когда, резко затормозив, «жигуленок» встал возле нее и оттуда высунулся лейтенант, именно тот, который приезжал в лагерь. Юлька не знала, что лейтенант спешил в Москву, чтобы согласовать операцию по поимке тигра, которую начинали с утра. Он должен был взять в Москве одного профессора, специалиста по тигриным повадкам, который только что вернулся из Индии и даже не успел распаковать чемоданы.

– Вы что здесь делаете, ребята? – спросил лейтенант. – А ну-ка быстро в машину! В этом лесу находиться опасно. – И он, откинувшись назад, открыл заднюю дверцу, чтобы ребятам было удобнее забраться в машину.

Момент был критический. Юлька даже сделала шаг к машине, потому что люди всегда слушаются лейтенантов милиции, которые хотят их за-

щитить от диких зверей или еще каких опасностей. Спас всех Фима – иногда в ответственные моменты его голова начинала работать, как вычислительная машина.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – сказал он веселым голосом. – Произошла ошибка. Мы думали, что это наша машина.

– Какая ваша машина? – спросил лейтенант.

Юлька молчала, отвернувшись. Сейчас лейтенант присмотрится и узнает ее. Хоть бы луна спряталась.

– Папа, – объяснил Фима, – поехал в Стуково запаску поменять в машине. А мы, все остальные – мама, сестра, дядя, старший брат и дедушка, – ждем, когда он вернется.

– А где они – мама, дедушка?..

– Они в лесу.

– А ну, зови их всех из леса! И побыстрее. В лесу сегодня нельзя оставаться. А я подожду.

– А почему нельзя в лесу? – невинно спросил Фима.

– Нельзя, и все тут, – ответил лейтенант, который совсем не хотел поднимать панику. – На змею наступить можно.

– Ага, понимаю, – сказал Фима. – На змею.

Он кинул незаметно взгляд назад – но змея надежно пряталась в кювете. А вот спину тигра, если вылезти из машины, лейтенант обязательно увидит. Но тут сзади показались огни еще одной машины. С криком:

– Папа! Папа едет! – Фима побежал по шоссе навстречу машине.

К счастью, машина остановилась. И достаточно далеко от лейтенанта.

Юлька видела, как Фима подбежал к машине, сунул голову в окно, потом выпрямился, обернулся к лейтенанту, который все еще не уезжал, и крикнул:

– Все в порядке! Спасибо!

– Ну ладно, – сказал лейтенант и кивнул шоферу.

Милицейский «жигуленок» рванул с места и умчался. Потом Фима помахал рукой второй остановившейся машине, и она поехала вслед за лейтенантом.

У Юльки коленки ослабли. Она опустилась на траву. Фима вернулся к ней. Даже в темноте было видно, как он сияет, гордый своей хитростью.

– Ты что тому шоферу сказал? – спросила Юлька.

– Ничего особенного. Я спросил его, эта дорога на Москву или нет. И сколько до поворота на Стуково. Вот он мне и стал объяснять.

Из кювета послышался горький и тяжелый вздох.

– Что случилось? – спросила Юлька.

– Ничего, – ответил тигр. – Я думаю, что нам лучше отказаться от нашей цели и сдаться властям.

– А закон Галактики? – спросила Юлька.

– Кому нужен закон, из-за которого хорошие, расположенные к нам люди должны лгать? Ложь – самое ужасное преступление в Галактике. Я представляю, какие муки приходится терпеть Фиме, когда он лжет ради нас. Нет, я этого не вынесу!

Юлька почувствовала, что Фима уже открывает рот, чтобы ответить, и со всей силы наступила ему на ногу.

– Ты чего? – удивился Фима.

– Если ты им скажешь, что ложь не самое страшное преступление и что ты это делаешь даже по пустякам, они потеряют к нам всякое уважение. И к Земле в целом, – прошептала Юлька.

– Ага, – ответил Фима. – Понимаю. Но ведь здорово у меня получилось?

Юлька не ответила. Она увидела, что по шоссе на них несутся два больших, широко расставленных глаза. Это шел грузовик.

Грузовик остановился. Фургон. И пустой. И согласился довезти до Москвы. И согласился, чтобы Юлька ехала в кабине, а Фима в кузове. И даже сам не стал вылезать из кабины, пока Фима и звери устраивались под брезентом, и всю дорогу до Москвы пел песни, и подвез их к самому дому, и даже денег не взял – бывает такое везение!

Глава восьмая
БАБУШКА, Я НЕ ОДНА!

Грузовик остановился у арки, ведущей во двор Юлькиного дома.

Юлька не спешила выйти. Она так долго благодарила шофера, что тот растрогался и подарил на прощание Юльке календарик с олимпийским Мишкой. Но вот машина вздрогнула, освобождаясь от веса, – это выпрыгнули звери и Фима. Грузовик уехал.

Фима пожал лапу тигру, поклонился питону.

– Ни пуха ни пера, – сказал он. – Может, мне с тобой подняться?

– Нет уж, я сама.

Звери шли по лестнице тихо, стеснялись, понимали, что момент наступает ответственный. Их тоже мучила неизвестность.

Юлька позвонила в квартиру, сделав знак пришельцам, чтобы стояли в стороне, не совались раньше времени.

Бабушка долго не открывала. Бабушка сломала зимой ногу и с тех пор ходила с палкой.

– Кто там? – раздался наконец голос за дверью.

– Это я, Юля.

– Юля? – Бабушка начала возиться с замком. – Ты почему так поздно?

Дверь приоткрылась.

Бабушка вгляделась – и вправду Юля.

– Заходи. Я тебя так рано не ждала. Ты должна была послезавтра приехать. Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось, бабушка, – сказала Юлька. – Я вернулась.

– Ничего не понимаю, – сказала бабушка. – А я была уверена, что ты в лагере. Чего стоишь?.. Заходи, заходи.

– Бабушка, пожалуйста, не пугайся и не сердись. Со мной мои друзья. Им нужно переночевать.

– Приезжие? – спросила бабушка. Она так соскучилась одна в квартире, что готова была принять любых гостей.

– Бабушка, обещай мне не пугаться, – попросила Юлька.

– Меня трудно испугать, – сообщила бабушка. – Зови гостей.

– А ты не выгонишь их из дома?

– Если они не очень пьяные, то обещаю, – сказала бабушка. – Вы что, сбежали из лагеря?

– Похоже?

– Очень похоже. Веди гостей. Хватит стоять у двери.

– Заходите, – сказала Юлька пришельцам.

Она отступила в сторону, чтобы пришельцам было легче войти в дверь.

Сначала вошел тигр. Он задержался в дверях, поклонился бабушке и сказал:

– Добрый вечер, извините за беспокойство.

Звери шли по лестнице тихо, стеснялись, понимали,
что момент наступает ответственный.

Бабушка заметно побледнела. Она оторвала палку от пола, словно хотела отогнать ею тигра, и тигр тут же поджал хвост, сделал шаг назад и печально произнес уже с лестничной площадки:

– Ну вот, опять! То кочерга, то палка! Что за манеры...

Юлька попыталась прикрыть собой тигра и быстро сказала:

– Бабушка, профессор Транкверри-Транковерри совсем не тот, кем он тебе кажется. Он прилетел к нам на Землю в экспедицию и только похож на тигра.

– Похож? – спросила бабушка. – А тебе обязательно его домой приводить?

– Совершенно обязательно. И ты должна нам помочь – скажи на милость, где мне спрятать человека, похожего на тигра, если каждая бабушка вроде тебя сразу бросается на него с палкой?

– Юля, я ни на кого не кидаюсь, – ответила бабушка. – Но мне странно, куда ты катишься. Сегодня ты приведешь домой тигра, а завтра притащишь удава? Анаконду? Чего мне ждать?

– Ты же сама учила меня любить животных. К тому же они не животные. Тебе когда-нибудь раньше приходилось разговаривать с тигром? Тигры у тебя раньше просили прощения?

– Я вообще с тиграми предпочитаю не разговаривать! – сказала бабушка. – У меня есть с кем поговорить!

– А зря! – сказал тигр из-за двери. – У меня есть что рассказать! И на нескольких языках. Же конпран па? Ду ю андерстенд ми? Яволь.

– С ума сойти, – сказала бабушка, и в этот момент сверху послышался страшный, нечеловеческий визг.

Юлька метнулась было на лестницу, но ее сшиб с ног перепуганный тигр, который кинулся в квартиру и умудрился одним прыжком взлететь на шкаф в прихожей, а между ее ног в коридор проскользнул питон, к счастью, не сваливший бабушку. Падая, Юлька успела увидеть, что на лестнице, пролетом выше, стоит, прижав к животу портфель, общественник Крамаренко и кричит:

– Зарезали! Убили!

– Стыдно! – сказала Юлька, поднявшись на ноги и закрывая дверь. – Кто вас зарезал? Кто вас убил? Вы совершенно здоровый, только трусливый человек.

С этими словами Юлька захлопнула дверь и услышала с лестницы приглушенный крик:

– Я так не оставлю! Я буду жаловаться!

Юлька обернулась.

Бабушка уже прошла в комнату, тигр мягко спрыгнул со шкафа и прижался к стене небольшой прихожей, заполнив собой все свободное пространство, а питон спокойно дополз вслед за бабушкой до двери в комнату, постучал треугольной головой о раму двери и сказал своим воспитанным мягким голосом:

– Вы не правы, Мария Михайловна. Если наш облик наводит вас на атавистические аналогии, винить следует не нас, а ваше воспитание.

– Еще чего не хватало! – отозвалась бабушка из своей комнаты. – Он меня будет учить в моем доме! Разве я не видела, как ты на шкаф прыгнул? Стыдно подумать!

– Я не прыгал на шкаф, – возразил питон. – Прыгнул мой коллега, который находился в стрессе. Он не любит, когда на него машут кочергой. Он выдающийся мыслитель нашей планеты.

При этих словах бабушка соблаговолила повернуться к питону, и ей стоило большого труда не упасть в обморок.

– Раньше Юля таскала домой лягушек, – с тоской сказала она.

– Только большая нужда, – ответил питон, – заставила нас обратиться к вашей великодушной помощи. Вы разрешите войти в комнату, чтобы объяснить вам ситуацию?

– А Юля где? – вместо ответа спросила бабушка. – Вы ее там не съели?

– Нет, – ответила Юля. – Мои друзья – вегетарианцы.

В этот момент в дверь позвонили.

– Это, наверное, Фимка вернулся, – сказала Юля.

– Погоди, – ответила бабушка. – Я не хочу попадать в нелепое положение. Я сама открою.

Бабушка смело проковыляла мимо питона, который прижал шею к стене, чтобы не коснуться бабушки, кинула взгляд на тигра, пятившегося в ванную, и медленно прошествовала к двери.

– Кто там? – спросила она.

– Извините, – раздался из-за двери незнакомый голос. – Нам сказали... нам сообщили...

– Тигры! – донесся голос общественника Крамаренко. – Тигры. Чуть меня не съели.

Бабушка спокойно открыла дверь.

Там стояли две девушки с красными повязками дружинниц и за ними, отступя, общественник Крамаренко.

– Простите, пожалуйста, – сказала одна из девушек, ростом чуть повыше Юли. – Этот человек нас остановил... Он сказал, что в дом ворвался тигр. Извините, если мы ошиблись.

– Ничего, – сказала бабушка. – Как вы видите, тигр здесь бы не поместился. Квартира у нас небольшая, даже собаки не держим.

– Значит, вам не угрожали? – спросила вторая дружинница.

– Кто мне будет угрожать! – сказала бабушка. – К тому же ко мне приехали гости издалека, и они не пропустят ко мне никаких тигров. Но если вы хотите убедиться, заходите, только вытрите ноги.

– Ну что вы, – совсем уж смутились дружинницы. – Мы за вас беспокоились...

Юлька обернулась и увидела, что из дверей ванной торчит конец тигриного хвоста. Она отступила так, чтобы закрыть собой эту улику, но дружинницы уже исчезли.

– Ой, спасибо, бабушка! – сказала Юлька, когда дверь закрылась. – Ты нас буквально спасла.

– А теперь, – сказала бабушка, – пошли ко мне в комнату и постарайтесь рассказать мне все по порядку, только не пугайте. Я пожилой человек, и нервы у меня далеко не такие, как прежде.

Это удалось сделать не сразу, потому что тигр прятался в ванне, а там лежало мокрое белье, и, прежде чем начался разговор, тигру от бабушки сильно влетело, хоть он был и профессор с другой планеты.

Потом бабушка сама позвонила в лагерь, чтобы там не волновались, куда делись ребята, велела Юльке приготовить чай, и пришельцы из вежливости выпили с бабушкой чаю и послушали некоторые из ее рассказов о прошлом. Все было хорошо, только когда пошли спать, бабушка попросила гостей закрыться в комнате Юлькиных родителей, потому что ей не хотелось бы проснуться ночью и увидеть в темноте глаза или хвост уважаемого Транквери-Транковери.

Уходя спать, питон сказал Юльке шепотом:

– Твоя бабушка – достойный представитель космического братства.

– По крайней мере, она могла вести себя хуже, много хуже, – почти согласился с питоном тигр. – Хотя я не представляю, как мы доберемся до Индии.

– Бабушка придумает, – сказала Юлька. – У нее богатый жизненный опыт. Вы зубы чистить перед сном будете?

Глава девятая
СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО

Утром Юлька бессовестно проспала. Когда вскочила, подумала, что пропустила зарядку, потом увидела напротив знакомую картинку на стене и сразу все вспомнила. Прислушалась. Из бабушкиной комнаты доносились тихие голоса. Юлька вскочила, на цыпочках добежала до двери и выглянула. В коридоре пусто. Дверь к бабушке приоткрыта. Что там?

Юлька еле сдержала крик ужаса.

Она увидела, как пришельцы пожирают бабушку.

Юлька распахнула дверь. И только тогда сообразила, что бабушку никто не пожирает. Тигр, сидя на полу, осторожно трогает своими лапищами бабушкино больное колено, а питон склонил к бабушке плоскую голову и что-то бормочет на своем языке. А бабушка – надо же! – покорно полулежит на диване и совершенно не возражает против такого с ней обращения.

– Юля, – сказала бабушка, увидев, что ее внучка вбежала в комнату. – Не беспокойся, лишняя консультация не помешает. Ты же знаешь, что я совершенно разуверилась в нашей районной поликлинике. Пойди пока приготовь завтрак.

Юля поставила чайник и тут же вернулась в комнату. Скорость, с которой бабушка привыкла к тому, что у нее в доме живут пришельцы, была удивительной. Все-таки Юлька бабушку недооценивала.

– Можно, – сказал тигр в тот момент, когда Юлька вернулась в комнату. – Я убежден, что наше средство вам не повредит. Если вы, конечно, не возражаете.

– А что вы хотите ей дать? – спросила Юлька.

Пришельцы из вежливости выпили с бабушкой чаю и послушали некоторые из ее рассказов о прошлом.

– Когда нам сделали эти земные тела, – сказал питон, – то выдали с собой аптечку. Мало ли что может случиться. И аптечка эта рассчитана именно на земных жителей. В том числе в ней есть средства от ожогов, от переломов и от насморка...

– А что это за средство?

Тигр провел лапой себе по животу, и обнаружилось, что на животе у него есть карман, как у кенгуру, только закрытый на «молнию». Тигр запустил в карман лапу, достал оттуда нечто похожее на тюбик, выжал немного желтого снадобья себе на ладонь и начал растирать бабушке колено.

– Горячо, – сказала бабушка.

– Это хорошо, – сказал питон. – Это великолепно. А теперь вам надо будет полежать.

Тигр кончил массаж, прикрыл бабушку пледом и, как будто всю жизнь прожил в доме Грибковых, отправился в ванную мыть лапы. При своих размерах он все же был ловок и ничего не разбил.

– Юля! – раздался бабушкин голос из комнаты. – Что ты намерена делать сегодня?

– Еще не придумала, – сказала Юля.

– Тогда дай мне телефон и записную книжку.

Юля принесла все, даже не забыла про очки.

– Спасибо, – сказала бабушка, – теперь возьми деньги в шкатулке и отправляйся в магазин. Молока купишь четыре литра, пять десятков яиц, хлеба – восемь батонов...

– Бабушка!

– Мы не одни. У нас гости. И я сегодня с утра уже выяснила их вкусы. При всей их скромности они должны питаться... Иди!

На обратном пути из магазина, с трудом волоча сумки, Юлька встретила Фиму, который ошивался возле ее дома, но не решался войти в подъезд, не зная, как прошла встреча бабушки с пришельцами. Он помог Юльке втащить сумки наверх, а потом уселся завтракать вместе с пришельцами и съел ровно столько, сколько и питон. Питон ограничивал себя в еде, а Фима – нет.

А тигр только пил молоко.

Бабушка все не вставала, Юлька принесла ей кофе на диван и спросила:

– Ты ничего не придумала?

– Мне должны позвонить, – ответила бабушка. – И, может быть, тебе придется съездить в одно место.

– Ой, скажи, куда?

– Подожди, не торопись. А знаешь, нога совсем не ноет, может, мне встать? Где палка?

– Подождите. – Питон вполз в комнату и, сворачиваясь кольцами, взобрался в кресло, которое просело под его весом. – Куда вам спешить?

Зазвонил телефон. Бабушка подняла трубку.

– Это ты, Николай? – сказала она. – Ну, и что ты узнал? Так. Ясновы? Отлично. Ты уверен?.. А где можно точнее узнать? Они в Москве?.. Ты уверен, что не в Хабаровске?.. Спасибо, Коля. Привет внукам. – Бабушка положила трубку на рычаг.

– Тебе из зоопарка звонили? – спросила Юлька.

– В зоопарке нет билетов в Индию, – ответила бабушка. – Мне звонили из Министерства культуры. Теперь слушай внимательно, раз в жизни постарайся сделать так, как тебе говорят старшие.

– Я всегда стараюсь, – сказала Юлька.

– Что-то не видно. В общем, сейчас ты едешь на Цветной бульвар. Там ты находишь Ясновых. У них сейчас репетиция. Ты смотришь репетицию и принимаешь решение.

Бабушка говорила военным голосом – она редко его употребляла. Но дело в том, что во время войны бабушка была десантницей и ее три раза забрасывали в тыл врага.

– Какую репетицию? – спросил Фима. – В цирке?

Бабушка кивнула.

– Я сразу догадался, – сказал Фима. – Эта мысль пришла ко мне еще ночью. «Где бывают тигры?» – подумал я. И ответил сам себе: «В цирке».

– И что? – спросила Юлька, которая еще ничего не поняла.

– Мы отдаем пришельцев в цирк. Они там живут спокойно, работают как дрессированные звери – где-то им жить надо! А в зоопарке, я вам скажу, просто унизительно.

– Как там работать? – крикнул из кухни тигр, который мыл там посуду.

– Представлять, – ответил Фима. – Ходить на задних лапах. Брать в зубы голову дрессировщика...

– Никогда, – сказал тигр. – Лучше смерть!

– По-моему, можно будет обойтись без этого, – сказала бабушка. – Но многое будет зависеть от Юли. Попробуй сначала поговорить с кем-нибудь из молодых Ясновых – там целая семья дрессировщиков. Я на тебя надеюсь.

Через полчаса Юлька в сопровождении Фимы, от которого избавиться не удалось, уже была у Старого цирка. Оказалось, что Фиму она взяла не зря, потому что именно он отыскал служебный вход, который никто не охранял, и они оказались в пропахших звериным и особым цирковым запахом коридорах и пробрались к странно выглядевшей утренней рабочей арене в тот момент, когда рабочие ставили там металлические загородки. И тот же Фима обыкновенным голосом спросил у одного из рабочих: «Ясновы здесь работают?» – и тот ничуть не удивился присутствию за кулисами чужого мальчика и ответил: «Видишь же, для них ставим».

Задние ряды зала скрывались в полумраке, Юлька с Фимой поднялись туда и стали смотреть сверху, как репетируют дрессировщики.

Сначала на арену вышел пожилой мужчина в обычном тренировочном костюме и подал сигнал. По крытому проходу на арену вышли звери. Шли они не спеша, словно знали, что предстоит не представление, а репетиция.

Фима считал зверей:

– Львов три, не так много... ага, тигр и пантера... вот с пантерой я бы работать не хотел, у них очень злобный характер. Да, жаль, что у них уже есть тигр.

В круглую клетку, где звери лениво рассаживались по тумбам, вошла молодая женщина, круглолицая и курносая. Она подходила к зверям и что-то им говорила. Мужчина внимательно следил за ней.

– Ты знаешь, я сейчас больше волнуюсь, – сказала Юлька, – чем на представлении.

– А ты не волнуйся, – услышала она голос сзади.

Юлька обернулась. В следующем ряду сидел парень лет двенадцати с таким же круглым и курносым лицом, как у девушки на арене.

– Почему? – спросила Юлька осторожно.

– Она зверей чувствует, – сказал парень. – Седьмым чувством. Отец говорит, что со временем сдаст ей номер. Тогда и я буду там работать.

– А ты Яснов? – спросила Юлька.

– Вот именно. А ты чего сюда пришла? Директорская знакомая?

– Ничего подобного, – вмешался Фима. – У нас есть тигр, и мы хотим его сюда отдать.

– Помолчи! – огрызнулась Юлька.

Но было уже поздно.

– Тигр? – улыбнулся парнишка. – И где же он, в кармане у тебя?

– Что я, вру, да? – Фима повысил голос и поднялся.

– Врешь, – спокойно сказал парнишка.

– Это я вру? – закричал Фима.

Старший Яснов сказал одному из ассистентов, который стоял снаружи, держа наготове шланг:

– Валерий, выгони детей из зала. Звери нервничают.

– Фима! – почти заплакала Юлька.

– Он меня назвал вруном! – Фима совершенно потерял рассудок и пытался наброситься на младшего Яснова.

Так что Валерию с помощью Юльки пришлось буквально выносить Фиму из зала.

И когда изгнанные из цирка друзья оказались на залитой солнцем оживленной улице возле Центрального рынка, Фима наконец опомнился, но продолжал ворчать:

– Он сам на меня напал! Он меня вывел из себя...

– Знаешь что, – сказала Юлька. – Пойди куда-нибудь пообедай, отдохни. Видеть тебя не хочу.

– Я же как лучше...

– Уходи. Эгоист. Для тебя важнее собственные переживания, а ради чего мы сюда пришли, ты забыл.

– Я ему правду сказал. Я хотел ему нашего тигра отдать...

– Уходи, – повторила Юлька, повернулась и пошла в другую сторону. Потом оглянулась.

Фима раздумывал, потом достал из кармана свою заветную денежку и, видно, решил последовать Юлькиному совету.

Когда Фима скрылся из глаз, Юлька вернулась к цирку.

Ждать пришлось долго. Два с лишним часа. Но Юлька – человек упрямый. Она не отходила даже попить воды.

Наконец из служебной двери выбежал младший Яснов, Юлька догнала его у киоска с мороженым на бульваре. Она подождала, пока он купил

мороженое, сама она, к сожалению, позволить себе этого не могла, потому что не взяла из дома денег. Яснов отошел к скамейке, сел, вытянул ноги и развернул обертку. Юлька сглотнула слюну, слюна была густая, словно Юлька целый день шла через пустыню.

– Яснов, – сказала она. – Не обижайся на моего друга. Он сказал правду. Только очень глупо сказал.

– При-вет! – удивился Яснов-младший. – Явление новое. А ты чего за мной ходишь?

– Хочу поговорить с тобой серьезно.

– Любопытно, – сказал Яснов. – Валяй.

– Я тебе кажусь сумасшедшей? – спросила Юлька.

– Я не врач, откуда мне знать?

– Ты фантастику любишь?

– Люблю. Ты только побыстрее говори, а то мне на репетицию возвращаться пора.

– Пять минут, и я все расскажу.

– Ни минуты больше.

И Юлька все рассказала будущему дрессировщику.

И дрессировщик Яснов Семен Семенович решил поверить Юльке, потому что ему было очень интересно.

И еще через час они вошли в Юлькину квартиру.

Дверь им открыл тигр.

За спиной тигра стояла бабушка без палки и держала в обеих руках по тарелке.

Бабушка не удивилась гостям, а сказала, улыбаясь:

– Все-таки посуду он моет неудовлетворительно.

Яснов в квартиру не входил. Он смотрел на тигра. Тигр смотрел на него. Юлька смотрела на бабушку. Первой заговорила Юлька.

– Где твоя палка? – спросила она.

– Зачем мне палка? – удивилась бабушка. Потом она посмотрела на удивленное курносое лицо Яснова и добавила: – Вы, очевидно, из цирка? Заходите. Мы не кусаемся.

Тигр тоже изобразил на морде что-то вроде улыбки и сказал:

– Не кусаемся.

Тигр тоже изобразил на морде что-то вроде улыбки и сказал:
– Не кусаемся.

Тогда Яснов окончательно поверил в то, что бывают чудеса и пришельцы, и сказал тигру:

– Здравствуйте.

Всю его цирковую самоуверенность как рукой сняло.

И тем более он стал скромным, когда из ванной высунулась голова громадного питона и питон сказал:

– К сожалению, не могу подать вам руки за неимением таковой.

Глава десятая
ИСПЫТАНИЕ

– Верочка, ты сошла с ума, – уверенно заявил Семен Семенович Яснов-старший. – Я тебя не хочу слушать. Мы уезжаем на заграничные гастроли, а ты предлагаешь взять в номер непроверенного зверя.

– Он работал. Я же тебе говорю, что он работал, – настаивала Верочка Яснова.

– Он работает изумительно, – сказал Семен Яснов-младший. – Я беру его под свою ответственность.

– Это удивительно умный зверь, – подтвердила бабушка. – Я его рекомендую.

– Нет, – сказал Яснов окончательно.

И вышел из комнаты.

– Жаль, если все сорвется на этом этапе, – вздохнула бабушка, подходя к окну. Ходила она легко, сама не уставала удивляться. – Меня так и подмывало ему сказать, что тигр разбирается в медицине лучше, чем наши врачи.

– Тогда бы он вызвал «Скорую помощь», – сказала Верочка. – Наш папа – консерватор. Он не верит в медицинские познания тигров.

– Может, подменим? – спросила Юлька.

– Отец узнает, – сказал Яснов-младший. – Он всех зверей в лицо знает. Скандал получится – весь цирк разлетится.

Этот разговор происходил в комнате цирковой гостиницы. Казалось бы, все наладилось. Бабушкина информация была правильной – Ясновы уезжали на гастроли в Индию, Вера и Сема Ясновы, познакомившись с пришельцами, стали их горячими сторонниками, даже уважаемый Транквверри-

Транковерри после часового спора и скандала согласился выступить на арене, изображая самого обыкновенного талантливого дрессированного зверя. И вдруг неодолимое препятствие со стороны Яснова-старшего.

– Ну что же, – сказал тогда Яснов-младший. – Я пойду на преступление.

– На какое? – спросила Вера.

– Я дам Акбару слабительное.

– Чепуха, – возразила Вера, но не очень уверенно. – Чепуха...

– У нас есть другой выход? – спросил Сема.

– Надо подумать.

– Вы хотите прямо сегодня? – спросила бабушка.

– Завтра будет поздно. Через два дня гастроли кончаются, – ответила Верочка. – Мы выезжаем в Одессу, к пароходу. Если сегодня отец не примет нашего тигра, другого шанса не будет.

– Понимаю, – сказала Юлька. – Я читала об этом в биографии какого-то артиста. Ему все не давали роли, не давали, пока не заболел самый главный артист. Тогда режиссер спросил: «Кто знает роль?» И наш герой ответил: «Я знаю!» И прославился в один день.

– А как же с питоном? – спросила бабушка.

– Я с ним говорила, – ответила Верочка. – Он согласен ехать в Индию в ящике. В багаже. Вместо витаминов. В случае чего скажем, что это – реквизит.

– Значит, начинаем операцию «Тигр», – подвела итог Юлька. – Кто что в ней будет делать?

– Я устраиваю Акбару выходной день, – произнес Сема.

– Я достаю в цирке клетку и фургон, чтобы привезти вашего тигра, – сказала Вера.

– Я беру на себя директора цирка, – решила бабушка. – Он когда-то был женихом моей покойной сестры.

– А я буду уговаривать Транкверри-Транковерри, – сказала Юлька. – Я представляю, как он оскорбится, если узнает, что ему придется проехать через весь город в клетке.

– И как он испугается, когда узнает, что ему придется провести столько времени среди хищников. Ведь он не отличается храбростью, – сказала бабушка.

На этом военный совет закончился, и его участники разъехались.

К началу вечернего представления сделано было вот что.

Сема Яснов дал тигру Акбару слабительного, и тот занемог животом, лег на пол клетки и отказался от всякого общения с человечеством.

Верочка Яснова не только приехала за пришельцем с фургоном, но и успела по дороге в цирк провести с Транкверри-Транковерри воспитательную беседу и объяснить ему, что надо будет делать на арене.

Юлька ехала в фургоне вместе с ними и все время напоминала взволнованному пришельцу, что от его поведения зависит судьба межзвездной экспедиции.

Бабушка приехала в цирк заранее и уселась в директорской ложе, чтобы подбодрить пришельца, если будет нужно.

Один Яснов-старший ничего не знал. Он допоздна оформлял документы на выезд своей группы и потому приехал перед самым началом представления, чтобы успеть переодеться. Он не очень беспокоился, потому что привык доверять своей старшей дочери.

И вот началось второе отделение.

Заиграл оркестр, за круглую решетку, которой была окружена арена, упали лучи прожектора, и зрители захлопали в ладоши. Юлька сидела во втором ряду, рядом с Фимой, которого она простила.

Затем в освещенный круг вышел Яснов-старший в черном костюме, и рядом с ним возникла тоненькая курносая Верочка в сверкающем платье.

Сема был там, за кулисами. Он вместе с ассистентами выпускал животных.

Оркестр замолк. Стало так тихо, что заложило уши.

И в этой тишине по крытому проходу из-за кулис на арену выбежали один за другим четыре льва, потом черная пантера, а потом, после короткой паузы, вышел тигр.

Вдруг все звери насторожились.

Они почувствовали чужака.

Пантера даже прижалась к полу и начала бить по земле кончиком хвоста.

И тут Транкверри-Транковерри, вспомнив инструкции Верочки, разинул свою огромную пасть, показал пантере клыки и так шумно и страшно зевнул, что пантера сама бросилась на тумбу, как побитая кошка.

Тигр посмотрел, склонив голову, на Яснова.

Яснов на тигра.

Юлька отлично видела, как дрогнули губы дрессировщика. Он еще не понял, в чем дело, но уже сообразил, что происходит что-то неладное.

– Папа, – услышала тут Юлька тихий голос Верочки. – Все в порядке.

– Только бы он не отменил номер! – шептала Юлька. – Только бы не взбунтовался. Он сейчас куда страшнее всех зверей вместе взятых.

А что будет делать пришелец? Не испугается ли? Не возмутится?

Но тигр закрыл пасть, вежливо наклонил голову, здороваясь с Ясновым, и прошел на свободную тумбу. Прыгнул на нее и сел, поглядывая на Верочку.

– Молодец! – воскликнула молодая дрессировщица. Не сдержалась.

И при этом развела руки в стороны, как бы представляя зверей зрителям. Грянули аплодисменты. Хмурый Яснов тоже поклонился – он был на работе. И Юлька поняла, что номер уже не будет отменен. Теперь все будет зависеть от того, как пришелец справится со своей ролью. Юлька поглядела в сторону директорской ложи. Там сидел седой директор, рядом с ним бабушка, которая напряженно улыбалась.

Верочка взяла в руку большой обруч и подняла его. Старший Яснов не отрывал взгляда от подложного тигра. Он и сердился на дочь, потому что понял, как его провели, и, разумеется, боялся за нее. Хоть его и уверяли все битый час, что новый тигр опытный, мирный и разумный, все равно любой дрессировщик знает, что дикий зверь остается диким зверем и никогда нельзя ему до конца доверять.

Звери, как и положено, один за другим прыгнули через обруч.

Последним должен был прыгать Транквери-Транковерри. Он спрыгнул с тумбы, подошел к обручу и остановился. Отрицательно покачал головой. Видно, ему это занятие не понравилось.

– Ну, пожалуйста, – сказала Верочка. – Я вас прошу.

В зале некоторые услышали эти слова и засмеялись. Другие спрашивали соседей: «Что она сказала?»

Тигр неохотно прыгнул, задел ногами обруч и вышиб его из руки Верочки. В зале ахнули. Тигр оглянулся, увидел, в чем дело, и тут, к изумлению всех, включая львов, легко изогнувшись, дотянулся мордой до лежавшего на земле обруча и, подняв, подал Верочке.

Зал разразился аплодисментами, так как зрители поняли, что это – отработанный трюк.

Яснов покачал головой. И он такого еще никогда не видел. Даже директор цирка – Юлька это заметила – хлопал в ладоши.

Но со следующим трюком вышла неувязка. Львы должны были по команде ложиться рядом, как бы ковром, чтобы Верочка могла лечь поверх ковра. Львы-то легли, а вот тигр, который тоже должен был в этом участвовать, отрицательно покачал головой. Не хотел он лежать со львами.

– Иди, – сказал ему строго Яснов, которого очень заинтересовал необыкновенный зверь.

Тигр снова покачал головой.

В зале смеялись. Тигр всем нравился. Он был комиком. Только старые знакомые пришельца знали, что он не шутит.

– Не хочу, – вдруг сказал тигр Верочке. – От них пахнет.

– Ладно, не ходи, – согласилась быстро Верочка.

Разговор этот был негромким, но Яснов его услышал, хотя, к счастью, не поверил собственным ушам, как не поверили те зрители в первых рядах, которым на мгновение показалось, что тигр беседует с дрессировщицей.

Тигр остался на тумбе, но явно задумался. Тем более что старший Яснов больше не звал его совершать трюки, а остальные звери честно работали, искоса поглядывая на новенького и явно его не одобряя.

Юлька поняла, что Транкверри-Транковерри волнуется, боится за судьбу экспедиции и теперь лихорадочно соображает, что бы такое сделать, чтобы склонить на свою сторону холодное сердце Яснова.

Аттракцион уже подходил к концу, и зрители тоже ждали, что же еще сделает этот великолепный тигр. И вот когда остальные хищники расселись вновь по тумбам, чтобы выслушать заслуженные аплодисменты и разойтись, тигр вдруг большим прыжком взлетел над тумбой, так высоко, что все ахнули, и опустился посреди манежа. Даже Яснов отпрянул в сторону. Но тигр не дал никому опомниться. Он еще раз подпрыгнул и сделал в воздухе сальто.

– Молодец! – крикнул от прохода Сема Яснов.

Тогда тигр встал на передние лапы и, как умеют это делать дрессированные кошки, прошелся на передних по кругу. Когда он проходил

Тигр остался на тумбе, но явно задумался.

мимо Яснова-старшего, он задержался и подмигнул дрессировщику. Яснов не удержался – подмигнул в ответ, хотя потом никак не мог понять, зачем он это сделал.

Потом тигр опустился на четыре лапы и направился к Верочке, и она протянула ему навстречу руки. Юлька поняла, что они об этом договорились заранее.

Верочка прыгнула вперед, встала на руках на спину тигра, и тот пронес ее так вокруг арены. Затем Верочка на руках перешла тигру на голову, и он встал на задние лапы. Всем казалось, что губы тигра двигаются и он что-то говорит. Но если он даже и говорил, то ничего не было слышно за громкими овациями.

Остальные звери уже давно ушли с арены, понурив головы, потому что даже дикие цирковые звери знают, что такое актерский успех, и не любят, когда аплодисменты достаются другому. А зал все еще аплодировал пришельцу, который так разошелся, что «на бис» стоял на голове, хлопал лапами в такт оркестру, кувыркался, пока Верочка не уговорила его не перебарщивать.

– Талантливый зверь, – сказал директор цирка бабушке.

Та кивнула.

Глава одиннадцатая
ПИСЬМА ИЗ ИНДИИ

Первое письмо от Семы Яснова Юлька получила на второй день занятий в школе и принесла в класс, чтобы его мог прочесть Фима.

«Дорогая Юля!

– писал будущий дрессировщик. –

Мы благополучно доехали до Одессы. Пароход большой, хороший. Тигр очень волнуется, не скучно ли питону в ящике. Я за питоном ухаживал, хотя он может не есть хоть три месяца. Я иногда устраивал им свидания, и они обсуждали научные проблемы на своем языке. А Вера следила, чтобы их никто не увидел. Тигр Акбар выздоровел, но они с пришельцем не дружат. Отец все еще не доверяет нам с Верой, ждет какого-нибудь подвоха. Но мы не можем ему все рассказать, пока не доедем до Индии. А так как

мы раньше всегда все отцу рассказывали, то ситуация неприятная. Транковерри часто ворчит, что не хочет выступать, и все рвется поговорить с отцом, чтобы он обращался с ним как с профессором, а не как с тигром. Но я надеюсь, что он не проговорится. Сейчас спешу, скоро отплываем. Привет бабушке.

Твой Семен Яснов».

– А мне привета нет? – спросил Фима.

– Забыл, – сказала Юлька.

– А я вчера Розочку встретил, – сказал Фима. – Он говорит, что в лагере большая суматоха была, когда мы пропали. Хорошо, что бабушка твоя сразу позвонила. А потом весь следующий день тигров искали.

– И не нашли?

– Но ведь тигра не было.

– Если очень хочешь найти, то найдешь, – сказала Юлька. – А знаешь, как мы с бабушкой скучаем без них? Хорошо бы у них все получилось.

– Иначе наши жертвы будут напрасны, – торжественно сказал Фима. – Будешь писать в Индию, передавай привет.

Следующее письмо пришло уже из города Бомбея. Через месяц.

Там было написано, что они выступают каждый день и Транки ведет себя достойно, уже привык выступать и ему даже нравится, хоть он это и скрывает. Он прирожденный актер, отец к нему привык, и жаль будет расставаться. Скоро они едут в Мадрас, там тоже гастроли, и там пришельцы от них уйдут.

Потом прошло еще десять дней. Ожидание было невыносимым. Даже бабушка стала плохо спать. К счастью, Вера Яснова догадалась прислать в Москву телеграмму:

«РАССТАЛИСЬ С ДРУЗЬЯМИ ВСЕ В ПОРЯДКЕ
ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ ВЕРА».

С этой телеграммой Юлька помчалась вечером к Фиме, и Фимины родители никак не могли понять, почему Юля с их сыном пляшут и кричат «Урра!».

А потом пришло сразу два письма.

Первое от Семы.

«Дорогая Юля! Спешу тебе рассказать, как все было. Мы приехали в штат Майсор и выступали в городе того же названия. Это было самым близким местом к тому заповеднику – ты понимаешь. Выступали мы в шапито, звери жили в фургонах, а мы в гостинице. Хорошо, что цирк был на окраине города. Операцию мы провели ночью. Перед этим Транковерри выступал так, что жители того города на всю жизнь запомнят это представление. Мы тоже. Он даже переборщил, потому что в конце спел песню на языке хинди. Мы выпустили друзей, и они побежали в лес, чтобы добраться до безопасных мест до рассвета. На прощание тигр плакал. Очень просил передать тебе привет. Больше мы их не видели. Отец был расстроен. Но мы ему все рассказали. Не знаю, поверил он нам или нет, хотя объявление о пропаже тигра сделал. Но что ему оставалось? Еще вчера у нас было два тигра, а стал один. Сама понимаешь, тигра не нашли. Они обещали нам как-нибудь сообщить о себе. Но не сказали как. Будем ждать. Скоро приедем. Вера грустит.

Семен».

Сообщение от пришельцев пришло в тот же день.

В дверь позвонил почтальон и попросил расписаться за заказную бандероль. Без обратного адреса. Когда бандероль развернули, в ней оказались фотографии – тигра и питона. На оборотных сторонах было написано: на одной фотографии – *«Дорогой Юле с благодарностью от ее назойливых гостей»*; на другой – *«Дорогому Фиме...»*; на третьей – *«Дорогой Марии Михайловне...»* и так далее – там были фотографии и для всей семьи Ясновых. И еще – тюбик с растиранием для бабушкиной ноги.

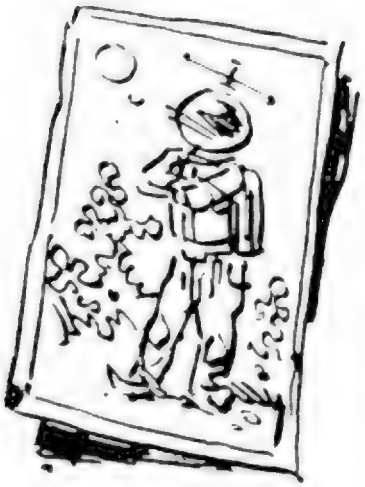
Бабушка, которая отлично умеет разузнавать все, что ей нужно, с помощью телефона, по штампу на обертке бандероли узнала номер почтового отделения, из которого бандероль была отправлена, почтовое отделение находилось в одной небольшой деревне в Костромской области. Бабушка дозвонилась туда по междугородному телефону и спросила, кто посылал бандероль. Какая-то женщина ответила, что это загадочная история. В ту ночь над деревней пролетал метеор, и кто-то оставил бандероль на пороге почтового отделения, положил сверху деньги и прижал камнем. Так что на почте наклеили марки и отослали пакет в Москву. На почте осталась сдача, и там очень хотели узнать, что с этими деньгами делать.

Бабушка не ответила, что делать, зато спросила, что за метеор пролетал над деревней. Очень яркий, ответили ей, и даже сделал круг над деревней. Только это было ночью, и почти никто не видел, а кто видел, тому не поверили. Бабушка поблагодарила почтальоншу и повесила трубку.

Юлька окантовала портреты своих друзей и поместила их над кроватью. Бабушка положила фотографии в свой альбом, а Фима до сих пор таскает их с собой, скоро они у него совсем изомнутся.

И все они верят, что как-нибудь гости прилетят снова, уже в более обыкновенном облике. Ну, хотя бы в виде кошки и верблюда.

Все бывает...



Фотография пришельца

Глава первая

Даша старше меня на десять лет.

Еще пять лет назад разница в возрасте была катастрофической. По дороге в институт сестра заводила меня в школу, помогала снять сапожки и разматывала шарф. Некоторые принимали Дашу за мою маму, бывают же очень молодые мамы. Я ее тоже воспринимала как младшую маму.

Незаметно я подросла, а Даша не изменилась. Теперь все понимают, что мы сестры, не больше. Тем более что ростом я ее почти догнала. Дошло до того, что я стала ее подругой. И даже доверенным лицом. Именно я отметаю назойливых поклонников.

После института Дарья стала работать у нас в ЖЭКе, инженером по благоустройству. У нее был выбор, а так как сильно заболела мама и ее нельзя было оставлять одну, Даша попросилась на работу поближе к дому.

Наверное, нас сблизила мамина болезнь. Еще год назад мы жили под маминым крылышком. Мама была в командировке, попала в автомо-

бильную аварию, и у нее сломан позвоночник. Притом очень неудачно, так что у мамы отнялись ноги, и когда она придет в норму, неизвестно.

Только, пожалуйста, не думайте, что я – серьезное деловитое создание, вся в заботах, никогда не улыбнется. Жизнь продолжается. Мы уже купили маме кресло на колесиках. Даша окончила курсы лечебной физкультуры, а я умею делать массаж. А если вы видели бы мою маму, то поняли бы, что все обязательно обойдется – никого более очаровательного, чем моя мама, на свете нет, особенно если она улыбается.

На втором месте стоит моя Дарья. К сожалению, Дарья отлично знает силу своего обаяния и им легкомысленно пользуется. Вернее, пользовалась до того момента, когда возник мой любимый Петечка.

Считается, что младшие сестры ревнивы, но я убеждена, что с Петечкой нам повезло.

В отличие от других поклонников, которые возникают в городском транспорте, на улицах, в кино и всяких других общественных местах, Петечка материализовался прямо у нас в прихожей.

Я готовила уроки, мама смотрела телевизор, когда раздался звонок, и, открыв дверь, я увидела странное сооружение – худого человека без головы. Петечка стоял близко к двери, и голова его скрывалась за косяком. Для того чтобы войти в прихожую, ему пришлось нагнуться. И тогда я увидела, что у него есть самая настоящая голова, рыжая и добродушная. Рыжими были тугие курчавые волосы, брови, ресницы и веснушки. Все остальное было ярко-розовым, а глаза оказались зелеными.

– Здравствуйте, – сказал он, выпрямляясь и почти утыкаясь макушкой в потолок. – Я хочу видеть Дарью Александровну.

Мне бы поздороваться как положено и ответить, что Дарья Александровна еще не приходила, но вместо этого я непроизвольно спросила:

– Какой у вас рост?

– Вы же видите, – сказал рыжий человек, приставил к затылку большой палец и, растопырив пальцы, достал указательным до потолка.

– Два двадцать пять? – сказала я.

– Два двадцать три, – ответил молодой человек.

– Вы баскетболист? – спросила я.

– К сожалению, – ответил молодой человек, – я не могу играть в баскетбол, потому что все кричат на трибунах: «Рыжий, давай!» А когда я промахиваюсь, все кричат: «Рыжего с поля!»

...рыжий человек, приставил к затылку большой палец и, растопырив пальцы, достал указательным до потолка.

– Вы заходите, – сказала я, потому что очень захотела показать такого странного человека маме. Хотя не знала, как это сделать, потому что тогда мама еще не вставала, а лежала во второй, маленькой комнате.

– Спасибо, – ответил Петечка, – я зайду попозже.

И тут он представился как Петр Говоров, корреспондент нашей областной молодежной газеты. И никуда не ушел.

Мы с ним разговаривали в прихожей минут десять, потому что он в комнату заходить не хотел, а я не хотела его отпускать, так как боялась, что он потеряется. За эти десять минут я узнала, что он в самом деле играл в баскетбол, но ему было интереснее учиться в университете и писать детские стихи, что он из маленького городка в сорока километрах от нас и потому живет в общежитии, а я ему рассказала про нашу семью, про несчастье с мамой, про то, что я победила на районной исторической олимпиаде, и даже не удержалась и сообщила, что наша Дарья очень красивая. Прислали к нам Петечку из газеты, чтобы написать информацию про детскую площадку, которую придумала Даша... Тут она и вошла.

Дарья была злая, усталая после какого-то неприятного совещания.

– Чего же вы тут стоите? – спросила Даша, входя в прихожую. – Или Мария вас уже заговорила?

А Петечка ничего не ответил. Он смотрел, склонив голову, на Дашу, и я поняла, что у него отсох язык. И это меня обрадовало, потому что я мысленно уже поселила Петечку в нашем доме и даже придумала, как приставить к дивану журнальный столик, чтобы у него не свисали ноги.

Поэтому, когда вечером, после того как Петечка, спросив все, что надо, о детской площадке, удалился, а Даша сказала: «Это какой-то монстр», я сразу заявила: «Как только мне исполнится восемнадцать лет, я выхожу за него замуж». Даша принялась хохотать, мама, которой мы показали Петечку, тоже начала хохотать, а я сделала вид, что обижена, и пошла мыть посуду. Они ничего не поняли. Меньше всего я думала о замужестве – эти проблемы меня, к счастью, не волнуют. Мне нужно было создать стрессовую ситуацию, шокировать окружающих. Потому что от удивления до интереса один шаг. Если кто-то претендует на человека, который показался тебе монстром, значит, в нем есть что-то, чего ты не увидела. А это заставит Дарью задуматься.

Как я была права! Не прошло и месяца, как Петечка стал у нас дома своим человеком, отпугнул других поклонников Дарьи. Это не значит, что он был агрессивным. По характеру Петечка – щенок, притом застенчивый.

Я не могу назвать отношения Дарьи с Петечкой романом. Это было бы преувеличением. Дарья иногда шутит, что замещает меня до моего совершеннолетия. Но по крайней мере она уже не считает Петечку монстром и не стесняется ходить с ним по улице, хотя сначала стеснялась. А мы с мамой от Петечки без ума. Потому что он, в первую очередь, хороший человек.

Оппозиция существует в лице Аллочки, Дашкиной подруги. Я сама слышала, как она говорит: «Ты с ума сошла, связать свою жизнь с этим бесперспективным уродом! Твоя красота – явление уникальное! Ну, я понимаю, если бы он играл за сборную Союза, это еще куда ни шло. Но он пишет детские стишки, которые никто не печатает». На что я ответила: «Его стихи – завтрашний день детской поэзии. – И процитировала: – «В июне, в самую жару, в вагоне пропыленном в Москву приехал кенгуру работать почтальоном». «Вот именно», – сказала тогда Аллочка, и я поняла, что первый раунд я проиграла. Но впереди еще немало раундов.

Так что идею с космическим кораблем первой поддержала я и сыграла в ее реализации немалую роль. Мне она была нужна для того, чтобы помочь Петечке.

Во-первых, это значило, что у Петечки с Дашей будет общее дело. А общее дело всегда сближает. Во-вторых, это даст возможность Петечке напечатать в газете большой очерк о ценном начинании – пора Петечке подрастать как журналисту. А в-третьих, это полезно детям нашего двора.

Мне иногда кажется, что взрослые совершенно не в состоянии понять, насколько мы в конце двадцатого века быстрее растем, чем они сами росли лет тридцать-сорок назад. Мы же раньше узнаем слова «телевизор» и «космос», чем «Баба-яга» или «соска». Я в седьмом классе интересуюсь проблемами, которые моей бабушке и даже маме просто не снились. Может быть, я не самая типичная в классе, и потому у меня почти нет подруг. Но ребята меня отлично понимают, и им со мной интересно. Еще в прошлом году в классе некоторые посмеивались над моей дружбой

с Димой Петровым. Но нам друг с другом интересно, понимаете? Причем мы с Димой совершенно разные люди – он весь в технике, для него в слове «транзистор» буквально звучат трубы, как в оркестре. Я устроена иначе. Я люблю историю, я считаю, что если знать и понимать, как люди жили раньше, то можно лучше понять, что будет завтра, по крайней мере не повторять старых ошибок.

Когда у меня возникла идея с детской площадкой, я обсудила ее с Димой, а потом мы оба принесли ее Петечке. Я сейчас уже точно не помню, что я говорила, но примерно так:

– Погляди, Петечка, на нашу детскую площадку. За что мою дорогую сестренку хвалит общественность и ты в том числе? За то, что посреди нашего двора поставлены качели, какое-то глупое сооружение, по которому надо лазить, теремок и пять гномов, вырезанных из бревен, не считая медведя, который непохож на медведя. Что в этой площадке от нашего века?

– Но что ты предлагаешь? – спросил Петечка, который знал, что со мной шутки плохи.

– Я предлагаю сделать детскую площадку такой, чтобы на ней могли играть и воспитываться будущие обитатели двадцать первого века.

– А чем они будут отличаться от вас? – спросил Петечка. – Они уже совсем перестанут верить в сказки?

Нет смысла передавать все разговоры и споры, которые мы вели. Главное, мы с Димкой их убедили. И убедили настолько, что Петечка сам загорелся этой идеей. Он даже придумал очередное стихотворение, в котором в туманной форме отразил наши споры: «Почему нет городов у слонов? Потому что для печей им не хватит кирпичей».

Глобус Луны мы решили сделать из гипса диаметром в три метра, марсоход – на основе разбитого и разоренного «жигуленка», который уже третий год стоял у соседнего дома, теремок мы договорились перестроить в диспетчерскую космодрома. Остановка была только за кораблем.

Дарья предложила сделать его из фанеры. Я не успела возмутиться, как Петечка меня опередил.

– Как можно ближе к действительности, – сказал он.

– А может, в Звездном городке есть какой-нибудь списанный корабль? – сказала тогда мама, которая за нас переживала. – Детям они его отдадут.

– Нет, – сказала тогда я. – Списанные корабли – это вчерашний день космонавтики. Нам нужна перспективная модель.

– Я тебя даже музыке не учила, – сказала на это мама. – Я хотела, чтобы у тебя было нормальное детство. А ты сама себя засушила. Ты не девочка, а какой-то робот.

– Мама, ты не права, – ответила я. – Ты видишь меня не такой, какая я есть, а какой ты боишься меня увидеть.

Мама была так потрясена моим силлогизмом, что надолго выключилась из дискуссии.

Глава третья

Строительство площадки заняло больше месяца. Где-то к октябрю достали у строителей гипс и начали делать глобус Луны, теремок удалось разобрать только после отчаянной войны с дворовыми бабушками. В теремке пока поместили робота, подаренного нам ребятами из кружка изобретателей Дома пионеров, вездеход помог соорудить Сергей – он шофер такси – с помощью замкнутого человека, который приехал из Норильска и жил временно в квартире Синицыных, которых командировали на два года в Алжир. Замкнутого человека звали Ричардом. Я думаю, что он был армянином, потому что у армян часто бывают странные имена: Гамлет, Роберт... Он был похож на армянина, у него были тугие черные волосы, резкие черты лица и легкий акцент. Такой легкий, что его сразу не уловишь. И иногда, говоря, он вдруг делал паузу, словно искал нужное слово.

И, главное, нам повезло с космическим кораблем.

Вспомнил о нем Петечка.

Он сказал, что основа для космического корабля стоит в лесу, возле городка, в котором он родился. Еще когда он был мальчишкой, они нашли эту конструкцию в овраге, который проходил по лесу, но тогда они думали, что это остатки самолета, который упал там во время войны. Петечка объяснил нам, что «самолет» представлял собой остов какого-то сооружения немалых размеров, вроде бы основа конструкции сохранилась хорошо, почти не проржавела, так что если обшить ее листами алюминия или пластиком, то получится именно то, что надо.

Главная задача заключалась в том, как эту железяку выволочь из леса и привезти к нам.

Формальности я опускаю, хотя в то время они доставили нам массу хлопот. Под формальностями я понимаю раздобывание автокрана, мобилизацию добровольцев.

Решительный момент наступил в субботу, часа в три.

Петечка с добровольцами и моей сестрой уехали в лес, во дворе дома царило необычное оживление, и бабушки, которые садятся на лавочки обычно после обеда, на этот раз сидели с семи утра, и места для всех не хватало. Поэтому я погнала Димку с его ребятами за стульями в красный уголок.

Конечно, я переживала. Конечно, мне казалось, что наш космический корабль рассыпался, когда его стали поднимать, или ГАИ не пустила его в Москву, чтобы не засорять город. Мало ли что может случиться? Даже авария.

Я так нервничала, что Димка принес мне стул и сказал, чтобы я сидела, а то у меня стресс.

Я села. Рядом сидел Ричард.

Я обратила внимание на то, что он тоже нервничает. Он держал в руке свернутую трубкой газету и обмахивался ею, хотя в октябре достаточно прохладно, к тому же дул ветер и собирался дождь.

Вообще-то он мне казался странным человеком. Если бы не мои переживания из-за Петечки, Дарьи, мамы, космического корабля, я бы более внимательно к нему пригляделась. Он жил в нашем дворе уже второй месяц, вроде бы нигде не работал, по крайней мере появлялся и исчезал в самое неожиданное время дня и ночи, был очень вежлив, его любили дворовые бабушки, со всеми он раскланивался и в то же время ни с кем не был знаком. И никто никогда не бывал в квартире, которую он снимал. У меня создавалось впечатление, что он даже не стал ее обставлять. Квартира была на первом этаже, и если очень постараться, можно было бы его увидеть или под каким-нибудь предлогом – мало ли предлогов у школьника – заглянуть к нему. Но я повторяю: тогда меня это не интересовало. И если бы не эта сложенная газета именно в тот день, когда должны были привезти корабль, я бы так ничего и не заподозрила.

Значит, я сижу на складном стуле и переживаю. Рядом сидит Ричард и тоже переживает. Трейлер все не едет. Собирается дождь.

Димка подходит ко мне и говорит шепотом:

– Обрати внимание на этого Ричарда.

– А что?

– Во дворе только молодежь и бабушки, не считая мамаш с колясками, которые и так бы гуляли. И один мужчина.

– Может, он любит детей? – спросила я не думая.

– Раньше я что-то не замечал.

Ричард не слышал нашего разговора. Он положил газету на колени и что-то стал писать на ее полях.

В этот момент с шумом во двор въехал трейлер, на котором возвышалась конструкция очень грустного вида. Ни на что не похожая, тем более не похожая на космический корабль. Только бурное воображение Петечки могло в ней увидеть будущие законченные формы. Я даже разочаровалась и чуть было не закричала: «Вы ошиблись! Вы притащили не ту железку!» Но сто детей нашего и соседних дворов подняли такой восторженный крик, что я промолчала.

Потом приехал автокран, и после долгих совещаний и споров развалину поместили рядом с бывшим теремком.

Теперь я вспоминаю, хоть тогда совсем об этом не думала, что Ричард, как только развалюха появилась во дворе, вскочил, словно ужаленный гремучей змеей, и кинулся к трейлеру. Он все время был в первых рядах зевак, давал советы, и от его обычной задумчивости и следа не осталось.

Дождь пошел, как раз когда основные события завершились. Уже под дождем сестрица поблагодарила помощников, и они с Петечкой побежали домой. Мы с Димкой хотели бежать следом, но тут вспомнили, что складные стулья взяты из красного уголка и надо их вернуть на место. Мы подбежали к стульям и понесли их. А когда мы их поднимали, с одного из стульев упала сложенная в трубочку газета, та самая, которую держал Ричард.

Как известно, все шпионы попадаются на мелочах. Я об этом где-то читала.

Ричард совершил непростительную ошибку, и, может быть, этого никто бы не заметил, если бы не моя наблюдательность.

И эта ошибка ему дорого обошлась.

Я потащила стулья к красному уголку, а газета упала на землю. И тут я вспомнила, что Ричард что-то писал на полях газеты. И эти записи могут ему понадобиться. Поэтому только я взяла газету и сунула ее в карман куртки.

Когда мы отволокли стулья в красный уголок, дождь разошелся вовсю. И мы решили его переждать.

Мы обсуждали с Димкой, как сделать корабль похожим на настоящий. Тем временем у меня прорезался насморк. У меня насморк возникает очень быстро – стоит мне попасть под сквозняк или дождик. Я полезла за носовым платком в карман и вытащила газету.

– Надо отдать, – сказала я Димке. – Напомнишь?

– Кому?

– Ричарду. Он ее оставил.

Мы в это время стояли у двери на улицу. Красный уголок у нас в полуподвале, не в нашем корпусе, а в третьем. Нас не было видно. По крайней мере Ричард, когда выскочил из своего подъезда и побежал под дождем, нас не заметил. Он добежал до того места, где недавно стояли складные стулья. Я поняла, что он ищет газету, и хотела ему крикнуть, но дождь хлынул так сильно, что не перекричать. Чтобы не забыть газету, я вынула ее из кармана и развернула. Я не хотела читать его записи – это неприлично, просто газета немного подмокла, и я хотела ее просушить.

И в этот момент мое внимание приковал заголовок:

«Для строителей будущего».

Странное совпадение, подумала я. Только позавчера мы придумали с Петечкой такой заголовок для его статьи. Надо ему сказать, что нас опередили.

Я машинально начала читать статью под этим заголовком.

Статья начиналась так:

«Тем, кому сегодня двенадцать или четырнадцать лет, молодыми людьми вступят в век двадцать первый».

Это было еще более удивительное совпадение, потому что точно так же начиналась наша с Петечкой статья. И, как вы уже догадываетесь, все, что в ней было написано дальше, тоже было придумано нами. И еще удивительнее было то, что и подписана статья была Петечкиной фамилией.

Произошла ошибка. Статья была напечатана раньше, чем закончена детская площадка! А ведь мы с Петечкой решили, что сначала все сделаем, а уж потом будем рассказывать о наших достижениях. Видно, сегодня утром, когда я перепечатала статью и отдала Петечке, он отнес ее в газету и там, не договорившись с ним, ее напечатали... И тут же я сообразила: так быть не может. Если я сегодня утром перепечатала, значит, раньше чем завтра статья появиться не может.

Тогда я сделала то, что надо было сделать с самого начала: я посмотрела на число, когда вышла газета. И число было даже не сегодняшнее и не завтрашнее, а послезавтрашнее – 14 октября. Мне показалось, что я сошла с ума, Я зажмурилась, потом открыла глаза и прочла снова:

«14 октября».

– Дим, – сказала я. – Прочти.

И показала пальцем на дату.

– Четырнадцатого октября, – сказал он.

Дождь молотил по навесу над дверью, Ричард, отчаявшись, видно, отыскать газету, побежал к подъезду.

– Бред какой-то, – сказал Димка.

Дождь ослаб, будто кончилась вода в лейке.

– Пошли домой, там все обсудим, – сказала я, и мы побежали через двор к нашему подъезду.

Мы пробежали совсем рядом с развалюхой. Дождь промыл ее округлые балки и стержни – как будто шпангоут у лодки или скелет у рыбы. Чем-то мне этот «корабль» не понравился. Во мне была тревога. Я еще не могла сказать, что происходит, но происходило что-то неправильное.

Я постаралась вглядеться в сплетение железных полос и щитков, чтобы понять, что там, внутри. Но внутри развалюхи было темно.

– Ты что? – спросил Димка.

– А почему, – сказала я, – никто из нас не подумал, чем это было раньше?

– Ну, может быть, когда-то строили подстанцию или трансформатор, – сказал Димка.

– В лесу?

Объяснение мне могли дать два человека. Петечка или Ричард. Последний из них встретился мне буквально через минуту. Он, оказывается, стоял прямо за дверью подъезда. Никуда не уходил.

Мы замерли. И молчали несколько секунд. Вообще-то мне показалось, что мы молчим целую вечность.

Потом я спросила почему-то очень тонким голоском:

– Это вы забыли газету?

– Мы ее нашли на стуле, – быстро добавил Димка.

– Газету? – Я убеждена, что он еле сдержал свою руку, которая дернулась к газете. Но мой голос и все мое поведение меня выдали. Он понял, что я видела статью в газете. И подозреваю его. – Нет, ребята, – сказал он, напряженно улыбаясь. – Газеты я нигде не забывал.

– А вы знаете, за какое число эта газета? – спросил Димка.

– Нет, а что?

Ричард как-то ловко взял у меня эту газету, я даже отвести руку не успела. И сделал это так естественно – как человек, который узнал что-то интересное, а теперь хочет убедиться.

Он развернул газету, поглядел на дату и сказал:

– Очень любопытно.

Лицо его было совершенно спокойно. Но тут же его исказила гримаса. Ему захотелось чихнуть.

Ричард полез в карман, достал большой носовой платок. И чихнул. И еще раз. На мгновение его лицо скрылось за носовым платком.

– Простите, – сказал он потом.

Но насморк его окончательно одолел. Он чихал и чихал – и никак не мог остановиться. Он был вынужден даже вернуть нам газету и уйти к себе. В жизни не видала человека, который бы так часто и оглушительно чихал.

– Вам нельзя под дождь вылезать, – сказал ему вслед Димка.

Дверь за Ричардом закрылась, а тут как раз подошел лифт, и мы, выпустив бабушку с собачкой и зонтиком, вошли в него.

Лифт приехал на наш этаж, и мы позвонили в дверь.

– Петечка, – сказала я, – ты знаешь, что твоя статья о детской площадке уже напечатана?

– Почему? – удивился Петечка. – Я ее только сегодня утром сдал.

– Можешь убедиться, – сказала я и протянула Петечке газету. – На третьей странице.

Петечка раскрыл третью страницу, проглядел ее и сообщил мне:

– Моей статьи еще нет. Все правильно.

– Ты совершенно слепой, – сказала я и отобрала у него газету.

Я проглядела всю третью страницу, потом на всякий случай и четвертую. На месте Петечкиной статьи был очерк о передовом токаре, победившем в соревновании.

Я поглядела на первую страницу. Газета была от сегодняшнего числа.

– Это не та газета, – сказала я Петечке.

– А какая та?

– Та была от четырнадцатого октября, – сказал Димка. – Я тоже видел.

– Ну что ж, – сказал Петечка, улыбаясь, потому что решил, что мы его разыгрываем. – Показывайте мне другую газету.

– Он ее подменил, – сказала я. – Когда чихал, подменил.

– Но я на него смотрел, – сказал Димка.

Дарья позвала Петечку на кухню, и, продолжая улыбаться, он нас покинул. А мы остались с самой обыкновенной сегодняшней газетой в руках и понимали, что никого и никогда не убедим, что только что видели совсем другую газету.

Глава пятая

За обедом Петечка рассказывал, как мы хотели его разыграть и как он не попался на наш розыгрыш. А мы не спорили. Никому не хочется казаться дураком. Только в одном я была убеждена: теперь этот Ричард будет под нашим постоянным наблюдением.

Наблюдать можно было прямо из моего окна. Мой стол стоит возле него боком, так что мне достаточно обернуться, чтобы держать под прицелом весь двор. Конечно, Ричард мог выйти из подъезда и проскользнуть, прижимаясь к стене дома. Тогда бы я его не заметила. Но вернее всего, он не будет считать меня за настоящего противника.

После обеда Димка ушел к себе домой, а я уселась за стол, чтобы подготовиться к контрольной по химии в понедельник. Разумеется, химия интересовала меня постольку-поскольку.

Начало темнеть. Я слушала, как в маминой комнате Петечка вежливо спорит с моими женщинами о творчестве поэта Хармса. Окно было приоткрыто, чтобы не пропустить пушечный выстрел. Дело в том, что у входной двери есть пружина, и потому дверь хлопает, как пушка.

Раз пять мне пришлось вскакивать и высовываться в окно, но это была ложная тревога. И все же я не сдавалась. И дождалась.

Снова бухнула входная дверь. Ричард вышел во двор и не спеша, словно просто дышал свежим воздухом, направился к центру двора, к детской площадке.

Я потушила свет и стала за ним наблюдать.

Ричард остановился возле наших космических сооружений и вдруг оглянулся – быстро и для постороннего человека незаметно.

И тут же он буквально переродился.

Движения его из ленивых и неспешных стали точными и быстрыми. Наверное, так ведет себя взломщик сейфов. Он сделал два шага, остановился перед «космическим кораблем», подтянулся и попытался зачем-то проникнуть внутрь этой конструкции. Железяки мешали ему, и когда не удалось это сделать сразу, он начал отгибать один из погнутых металлических стержней.

И тут я решила, что пора действовать.

Я громко сказала:

– Петечка, погляди, там какой-то хулиган в нашем корабле возится. Выгони его.

Говорила я, зная, что в вечернем воздухе звук моего голоса наверняка донесется до «корабля». В то же время не хотела, чтобы Ричард понял, что его узнали.

Как я и ожидала, Ричард тут же отскочил от «корабля» и метнулся за него, затаился.

Я молчала, прислушалась.

И услышала, как по ту сторону «корабля», застучали шаги, плеснула вода в луже. Потом зашуршали кусты у забора.

Теперь мне надо было что-то предпринять.

В самом деле позвать Петечку?

Нет, он слишком серьезен. Он может написать фантастические стихи, но в жизни не поверит в завтрашнюю газету.

Я подождала у окна еще минут пять. И не зря. Через пять минут громко бухнула дверь. А так как никто не входил и не выходил из подъезда, то нетрудно было догадаться, что Ричард прокрался обратно, прижимаясь к стене дома.

Тогда я решила, что в ближайший час-два он на улицу не высунет носа. А так как окна его квартиры выходили на другую сторону, то ему не видно будет, что происходит во дворе.

Тогда я позвонила Димке и сказала:

– Привет, ты мне нужен. Через пятнадцать минут у подъезда.

Мужчинам нельзя давать времени на размышление. Иначе они придумают предлог, чтобы не действовать.

Потом я пошла в чулан и начала там шуровать. Взяла с собой фонарик, веревку, плоскогубцы и отвертку. Я подумала, что сейчас этот самый Ричард, может, тоже мечется по своей пустой квартире, разыскивая плоскогубцы.

Но мы его опередим.

Глава шестая

Димка покорно ждал меня у подъезда.

– Что случилось? – спросил он.

– Ричард выходил во двор, ходил вокруг «корабля» и даже начал в него лезть.

– И что?

– А ничего. Я его отпугнула. Думаю, что теперь он будет ждать ночи.

– Мало ли зачем он ходил к «кораблю».

– Он ходил таинственно. И очень испугался, когда я его заметила. И убегал от «корабля» скрываясь.

– А что это значит?

– Не старайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле, – сказала я. – Мы знаем, что он не тот, за кого себя выдает. Достаточно вспомнить о газете...

– Ну, может, это нам с тобой показалось?

Я просто диву далась, насколько человек может сам себя убедить, чтобы не видеть очевидного, если это очевидное ему непонятно.

– Двоим показалось? – спросила я.

Димка решил со мной не спорить. Он спросил:

– И что ты решила?

– Тайна Ричарда каким-то образом связана с «кораблем».

– С каким «кораблем»?

– С тем самым, который сегодня притащили из леса.

– И что мы должны делать? Лезть туда в темноте?

– Не совсем в темноте, – сказала я. – Я взяла с собой фонарь и плоскогубцы.

– Ты хочешь туда лезть?

– Не бойся, полезу я одна. Ты останешься внизу и будешь меня страховать.

– Слушай, – сказал Димка, – давай завтра. Когда светло будет.

– Завтра будет поздно, – сказала я. – Эту вещь он вытащит сегодня ночью. Я уверена. А мы с тобой не можем всю ночь сидеть возле «корабля» и стеречь его.

– А если он сейчас выйдет?

– Мы не в лесу, – сказала я. – Мы с тобой у себя во дворе. Стоит крикнуть – полдома сбежится.

– Это так... – Последний мой аргумент его сразил. И в самом деле, приключение было не очень опасное. Петечка наверняка услышит, если что. Я специально окно не закрыла.

– Пошли, – сказала я. – Покажу тебе, как он туда лез.

Мы подошли к «кораблю». Было совсем тихо.

В темноте корабль выглядел совершенно не так, как днем. Днем он был скучным и ржавым. Ночью – загадочным и почти живым.

– Вот тут он лез, – сказала я, зажигая фонарь. Луч фонаря сразу провалился в темноту, отразившись от погнутой балки.

Димка подсадил меня, я схватилась за стержни и подтянулась. Физически я развита хорошо, не жалуюсь. Правда, художественную гимнастику пришлось бросить, времени не хватает, а быть средней или даже второй я не люблю. Или первой, или никакой.

Я понимала, что надо попасть внутрь, в сплетение конструкций и щитов, непроницаемое глазу даже днем. И уж, наверное, Ричард шел по самому верному пути – он-то заранее все высмотрел.

Но это было нелегко даже для меня. Уж очень узко и как-то неловко проходил тот лаз. Фонарик мало чем помогал – его лучу все еще не во что было толком упереться.

Мне казалось, что я уже целую вечность ползу между железных конструкций, и тут еще, как только я остановилась, чтобы передохнуть, сзади, совсем близко, раздался громкий шепот Димки:

– Опасность!

Я потушила фонарик и сказала:

– Отойди от «корабля», мне сразу не вылезти.

И замерла.

Потом я услышала, как приближаются быстрые шаги.

Буханья двери я не услышала, значит, тот человек вышел не из нашего подъезда. Ничего, подумала я, Димка с тем, неизвестным мне человеком, если нужно, поговорит, отведет его. Меня же снаружи без прожектора не увидеть.

И вы представляете, как я удивилась, когда услышала голос Ричарда:

– Дима? Ты что здесь делаешь?

Я думаю, что Димка тоже очень растерялся, потому что в нормальном состоянии он никогда бы не спросил:

– А вы почему не через дверь вышли?

– А я еще не вошел. – Ричард коротко засмеялся. – Из гостей возвращаюсь, вдруг вижу – ты стоишь.

Лжет, сказала я себе, он вылез через окно и обошел вокруг дома. И сделал это по одной простой причине: не хотел, чтобы я услышала, как стреляет дверь. Значит, он очень спешит. Теперь все зависит от Димки. Только бы он меня не выдал.

– А я хотел проверить, – послышался голос Димки. – Мне показалось, что кто-то там ходил.

– И проверил? – Мне показалось, что в голосе Ричарда слышно раздражение. Я бы тоже на его месте раздражилась. Все время срывается его неизвестная операция.

– Да, – сказал Димка.

– Тогда иди домой, спать пора, завтра в школу.

– Завтра воскресенье, – сказал Димка.

– Все равно у детей и подростков должен быть режим. Непонятно, о чем думают твои родители.

– Они хотят, чтобы я дышал свежим воздухом, – сказал Димка. – Вот я и дышу.

Они помолчали. Вдруг мне стало так смешно, что я еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. Я вспомнила, как однажды к нам пришли сразу два поклонника Дарьи. Они оба согласились пить чай, я им все поставила на стол. И они натужно молчали, стараясь пересидеть друг друга.

– Ну ладно, – сказал наконец Ричард. – Пойду, поздно уже.

– Идите, – сказал Димка, – а я еще погуляю.

Потом снова послышались шаги, на этот раз куда более медленные. Бухнула дверь.

Я снова включила фонарик.

И увидела впереди как бы стенку. Но не стенку, как в комнате, а стенку большого ящика. Погнутую с моей стороны. Я поднесла фонарик поближе и поняла, что посреди этой стенки есть тонкий, будто волосяной, круг. Очень точно в нее был врезан люк. Диаметром с голову.

Я толкнула его. Ничего не произошло. Я стала нажимать с разных сторон, потом постаралась подцепить отверткой. Ничего не вышло. Потом я пыталась заглянуть по ту сторону ящика, но там было такое сплетение металлических стержней и проводов, что от этой мысли пришлось отказаться.

Но у меня появилась идея. Я приложила ладонь к холодному металлу и стала медленно двигать круг. Сначала по часовой стрелке, а когда из этого ничего не вышло, то против часовой. И вдруг круг послушался меня. Это было потрясающее чувство – чувство победы! Круг начал двигаться, словно смазанный, и с каждым поворотом он выдвигался из стенки все больше и больше. И потом начал отваливаться так, что мне пришлось вжаться в железки, чтобы дать ему место рядом со мной.

За кругом была темнота. Я посветила туда фонарем.

Внутри была ниша, как будто сейф. В ней лежал небольшой плоский ящичек.

Я взяла его. Ящичек был прохладным и довольно тяжелым. Больше там ничего не было.

Глава седьмая

Ящичек я спрятала у себя под кроватью, а сама вымылась, переоделась и даже напилась чаю. Все приключение начало мне самой казаться забавным и совсем нестрашным.

Но этим вечер не кончился.

Сказав всем, что пошла спать, я вернулась к себе в комнату, но спать, конечно, не могла. Я вытащила ящичек, осмотрела его, поняла, что сейчас мне его не открыть, потом потушила свет, но спать ложиться не стала, а подошла к окну. Мне казалось, что все еще не кончилось.

Я снова включила фонарик.
И увидела впереди как бы стенку. Но не стенку,
как в комнате, а стенку большого ящика.

И я не ошиблась. Я стояла у окна минут двадцать, не больше, когда возле «корабля» снова появилась темная фигура. Ричард. Он был на этот раз куда решительнее, чем раньше. Видно, уже отчаялся.

И тоже принес с собой фонарик, которого не было в прошлый раз. Или в прошлый раз он не успел его зажечь.

Лучик фонарика обскакал «корабль», вспыхивая на металлических частях. Потом Ричард подтянулся, именно там, где влезала я, и ловко забрался внутрь. Свет фонарика вспыхивал, как будто там, внутри, летал светлячок.

Что он делал, мне было не разглядеть, но должна признаться, хоть это и нехорошо, что у меня возникло злорадное чувство – карабкайся, говорила я себе, ты уже опоздал, голубчик.

Ричард сидел внутри «корабля» минут десять. Я даже возвратилась к столу, посмотрела еще раз на ящичек. Было тихо, и мне было слышно, как поскрипывают конструкции, и на фоне темного облачного неба можно было угадать, как железки покачиваются, вздрагивают от движений внутри. Ричард был как муха, попавшая в паутину.

Мне была видна черная тень Ричарда, которая появилась рядом с «кораблем». Вылез, несчастненький. Не нашел ничего. Вот он даже обходит «корабль», глядит на землю, думает – а вдруг его черный ящичек выпал нечаянно. Так он мог выпасть где угодно по дороге. Он мог даже в лесу остаться. Я, как умный человек, могу предположить, что завтра нам надо ждать гостя. Придет Ричард и начнет выяснять, где был «корабль» первоначально. Чтобы поехать туда и перерыть все вокруг. Ладно, думала я, глядя, как Ричард понуро бредет к подъезду. Подождем до завтра.

Я еще раз взвесила на руке ящичек. Он был тяжелым.

Бухнула дверь. Потом ко мне заглянул Петечка, чтобы попрощаться.

– Когда статья будет? – спросила я.

– Разве это от меня зависит? – Петечка развел руками и чуть не сшиб горшок с цветком, который стоял в двух метрах от него.

Я стояла у окна минут двадцать, не больше, когда возле «корабля» снова появилась темная фигура. Ричард.

Глава восьмая

Наступило воскресное утро. В обычный день я бы спала часов до десяти. Я обожаю спать. Но тут меня в семь часов подкинуло как по будильнику. Я нащупала под подушкой таинственный ящичек. Вытащила его. Он был матовый, чуть скругленный по углам, и тонкая нитяная полоска показывала, как его можно открыть. Чем мы сейчас и займемся.

Я вскочила, быстренько вымылась, позавтракала и позвонила Димке.

Он, конечно, еще спал, как будто ничего особенного в жизни не произошло. И при всей моей настойчивости поднять я его сразу не смогла.

Заявился он ко мне только в десять. И притом был недоволен.

Он поворачивал в руках ящичек, словно это была мина, а потом спросил:

– Что будем делать?

– Будем открывать, – сказала я.

Димка положил коробочку на стол и вдруг родил ценную мысль. Он спросил:

– А вдруг там пленка? Может быть, какой-нибудь микрофильм?

– И что?

– Тогда надо открывать в темноте.

– Молодец, – сказала я. – Пошли к тебе.

Димка фотограф, и не без способностей. Дома у него мы пошли в чулан, где у него фотолаборатория.

Димка устроился поудобнее и принялся открывать ящичек так, как открывают ракушку. Но нож никак не входил в узкую щель. Тогда я взяла ящичек у Димки и стала открывать его с помощью рассуждений. Так как никакого отверстия для ключа в нем нет, то, значит, ящик не заперт. Конечно, бывают всякие там магнитные или электронные ключи, но вспомним, что люк в «корабле» я открыла тоже без всяких ключей. Поэтому я начала нажимать на ящичек с разных сторон, стараясь в то же время повернуть его или сдвинуть. Димка смотрел на меня со скукой во взоре, она была очевидной.

Все эти попытки заняли у меня минут двадцать, не меньше.

И наверное, я бы плюнула, выбросила этот ящичек или отдала его кому-нибудь, хотя бы Петечке, но рядом стоял Димка и тосковал.

Мне удалось сделать так, что верхняя половинка ящичка повернулась на сорок пять градусов и тут же отъехала в сторону.

И я должна была ему доказать, что в конце двадцатого века женщины не только добились равноправия, но и завоевали его, сравнявшись с мужчинами интеллектом. Вот это соревнование мужчин и женщин кончилось, разумеется, моей победой. Мне удалось сделать так, что верхняя половинка ящичка повернулась на сорок пять градусов и тут же отъехала в сторону.

Я сделала вид, что ничего особенного не произошло. Как говорится, это у нас может сделать каждый. Я положила ящичек на лабораторный стол и сказала:

– Можешь заглянуть.

Глава девятая

В ящичке не оказалось ничего интересного.

Там умещалось несколько дисков. Каждый диск чуть побольше пятака и чуть потоньше. Даже при тусклом свете можно было разглядеть, что диски не сплошные, а свернутые из очень тонкой проволочки. Я поддела внешний виток ногтем, и он чуть-чуть подался. Все диски были одинаковыми, и всего их там оказалось шесть.

– Все? – спросил Димка разочарованно, словно в ящичке должно было быть сто золотых дублонов и скелет мертвеца.

– Все, – сказала я. – Можно зажигать свет.

Я взяла в руки крышку ящика и хотела его закрыть, и в этот момент дверь в чулан неожиданно начала открываться.

Почему-то я вскочила и прижала к груди ящичек. Мне показалось, что это Ричард, который нас все-таки выследил.

Димка тоже вскочил и налетел на меня, потому что ему наверняка пришла в голову та же мысль.

Но это была его мать.

Она спросила, разглядев нас:

– Вы что здесь делаете?

– Что за шум? – спросил Димкин отец, тоже появляясь в дверях чулана.

В чулане и так тесно, только-только два человека помещаются – теперь же там было как в автобусе в час пик.

– Вот, – сказала Димкина мать, – не завтракал, а уже заперлись в темноте – фотографы!

– И в самом деле, – сказал Димкин отец голосом хорошо выспавшегося человека. – Не гуляешь, спортом не занимаешься – черт знает что! А ну вылезайте из вашего подвала, пошли гулять. Раз-два-три-четыре.

И он принялся хохотать, а я старалась спрятать ящичек.

И через пять минут, несмотря на Димкино сопротивление, мы были отправлены сначала за стол завтракать, а потом на улицу.

Глава десятая

Великое открытие я сделала уже во дворе. Мы вышли с Димкой на улицу, погода была пасмурная, но без дождя, кое-кто из мам и бабушек уже гулял с детьми. Наш «космический корабль» казался при утреннем свете консервной банкой, которой играли в футбол лет пять подряд. Мы сели на скамеечку, спрятанную в кустах, и я снова достала из кармана ящичек. Я хотела посмотреть, нет ли чего в нем под дисками, и случайно взглянула на внутренность крышки.

И обнаружила на ней картинку. Цветную фотографию.

Картинка изображала пейзаж: лес из невысоких растений. На фоне этих растений стоял человек.

Все было бы хорошо, если бы растения и человек были нормальными.

Но растения были фиолетовыми и похожими на бутылки с колючками, а человек был в синем костюме, обтягивающем тело, с крылышками на плечах и в черном шаре на голове – скафандровом шлеме.

Я ничего не сказала. Я просто протянула Димке крышку фотографией вверх и ждала, что он скажет.

Димка смотрел долго, переваривал информацию. Потом сказал очень правильно, сказал то, что я уже продумала.

– Пейзаж, – сказал он, – не наш. Не земной. Скафандр не наш, не земной. И ботинки зеленые.

Ботинки я не сразу заметила. Они были не только зеленые. У них были вытянутые вперед, уродливые носки, которые загибались кверху.

– Так, – сказал Димка. – Лучше всего осторожненько положить эту коробку на место. Пускай берет и улетает к себе.

Все-таки Димка не дурак. Все правильно сформулировал.

Лучше, если Ричард оказался бы шпионом или каким-нибудь преступником. Со шпионами и преступниками ясно как поступать. И есть специальные люди, которые ими занимаются. А кто занимается пришельцами с другой планеты?

Значит, когда-то у нас на Земле потерпел крушение корабль. Вот они и ищут. Чтобы взять с него бортовой журнал или какие-нибудь еще секретные данные. И не дай бог кому-нибудь оказаться на их пути.

А мы оказались.

Представляете, мы прибегаем в милицию и говорим: имеем в руках секретные сведения с другой планеты. Кому сдавать? А нам отвечают: дети, перестаньте играть в фантастику.

– Возможно, он здесь не один, – сказал Димка.

– У них есть все возможности, – сказала я. – И документы достают. И маскируются.

– Понял, – сказал Димка, – самое главное, чтобы ящичек не попал в лапы Ричарда.

– И судьба всей Земли теперь зависит от нас.

– Пошли к Петечке, – сказал Димка.

– Только Петечка сейчас в редакции. Он придет к нам обедать.

– Будем ждать до обеда?

– Ты с ума сошел! Едем к нему немедленно.

– А разве по воскресеньям газеты работают?

– Ты еще спроси, ходят ли по воскресеньям поезда, – сказала я с сарказмом. – Петечка сегодня дежурит по редакции. Новости не знают воскресений.

И мы пошли к автобусной остановке, чтобы поехать к Петечке в редакцию.

Мы уже вышли со двора и повернули к автобусной остановке. Нам оставалось несколько шагов до улицы. Но сделать их мы не успели. На нашем пути стоял Ричард. Он был серьезен и бледен. Он не улыбался. Но по его глазам я поняла, что нам не уйти.

Димка пошатнулся, как пошатывается бегун, который должен начинать дистанцию с высокого старта. Но его остановило то, что я никуда не побежала. Я понимала, что бежать бессмысленно. В руке Ричарда было

что-то темное и небольшое, похожее на курительную трубку. Мне достаточно было мимолетного взгляда, чтобы понять, что это не курительная трубка. Это бластер, да, тот самый бластер, которым в романах обычно вооружены пришельцы и космические пираты.

– Мне надо с вами поговорить, – сказал Ричард.

– Я это поняла, как только вас увидела, – сказала я.

– Давайте отойдем. Куда-нибудь в тихое место.

– Нет, – сказала я. – Тихое место нас не устраивает.

– А какое вас устраивает?

– Вон тот сквер.

Сквер находился посреди небольшой площади. Он проглядывался со всех сторон, и по ту его сторону, где проходила магистраль, был виден милиционер. Я понимала, что милиционер не успеет прийти к нам на помощь, если Ричард примется нас расстреливать, но все же и пришелец трижды подумает, прежде чем начинать стрельбу. Ему, наверное, приказано не рисковать.

Ричард сделал вид, что ничуть не удивился. Он первым пошел через переход к скверику, будто не сомневался, что мы не убежим. Я поняла, что гордость заставляет меня идти следом и никуда не бежать. И даже не дать убежать Димке, у которого чувство гордости развито слабее.

Ричард подошел к скамейке и сел. Я села рядом и посмотрела на его бластер, похожий на курительную трубку. Он проследил за моим взглядом, покрутил бластер в руке, потом сунул его в рот, и я поняла, что это все-таки просто трубка. Ричард достал из кармана пиджака кисет и набил трубку табаком, потом раскурил. Я смотрела на улицу, как бегут мимо машины, как милиционер регулирует движение. То, что бластер оказался все-таки трубкой, меня ни в чем не убедило. Настоящий бластер мог таиться у него в кармане.

– Лазили? – спросил Ричард.

– Куда? – спросила я.

– В ту развалину, которую ваша сестра привезла из леса.

– А вы лазили? – спросила я.

– Мне надо было, – сказал Ричард.

– Знаем, – сказал Димка.

– Я был неосторожен, – сказал Ричард. – А куда вы дели контейнер?

– Какой контейнер? – удивился Димка.

– Контейнер с пленками, – сказал Ричард.

Я принюхалась. Я думала, что его табак пахнет как-то особенно, но он пахнул медом.

– Коробочку? – спросил Димка, прежде чем я успела его остановить.

– От перемены названия суть дела не меняется, – вдруг улыбнулся Ричард. – Вы уже наигрались?

– Мы вас не понимаем, – сказала я твердо.

– Чего уж там, – сказал Ричард. – Давайте не будем играть в прятки. Отдайте мне контейнер. Вам он совершенно не нужен.

– А вам зачем нужен? – спросила я.

– Мне он очень нужен, – сказал Ричард. – Я за ним специально приехал.

– Мы знаем, зачем он вам нужен, – вмешался Димка. – Мы догадались.

– Вернее всего, вы догадались неправильно, – сказал Ричард. – Я работаю в институте, мы производили запуск метеорологической ракеты, и неудачно. Она упала в лес, и мы ее потеряли...

– Сколько же лет назад это было? – спросил Димка.

Я решила подождать, не вмешиваться в их разговор. Ричард неумело лгал, и я ждала, пока он запутается посильнее.

– Несколько лет, – сказал Ричард.

– А почему же, – спросил Димка, – вы искали ее, эту ракету, не в лесу, а на нашем дворе? Странно, правда?

– Случайность, – сказал Ричард. – Если вы хотите, я могу вам заплатить за этот ящик.

– А нам ваши деньги не нужны, – сказал Димка.

И разговор зашел в тупик.

– Но, может, не деньги? – голос Ричарда звучал неуверенно.

Вторжение на Землю явно срывалось ввиду упрямства двух молодых землян, которых нельзя подкупить или запугать. Я подумала, что это неплохо звучит.

– А что? – спросил Димка.

– Какие-нибудь ценности... Например, велосипед или моторную лодку.

– Ого, – сказал Димка, – по велосипеду или один на двоих?

– Я был неосторожен, – сказал Ричард. – А куда вы дели контейнер?
– Какой контейнер? – удивился Димка.

– Даже по моторной лодке каждому.

А так как мы молчали, переваривали информацию, Ричард спросил:

– А что вы собираетесь делать с контейнером?

– Отдать его в милицию, – сказал Димка.

– Жалко, – сказал Ричард.

И тут я не выдержала. Уж очень мирный шел разговор, как на базаре к вечеру, когда покупателей уже немного и можно поторговаться не спеша.

– А вам нас не жалко? – спросила я. – Нет, не улыбайтесь, мы вас раскусили. И не подумайте сейчас стрелять или нас похищать. Контейнер спрятан в надежном месте.

– А почему я должен вас жалеть?

– А потому, что вы готовите вторжение на Землю, – сказала я. – Мы видели портрет вашего сообщника. Лучше скажите, с какой вы планеты? А потом улетайте.

– Любопытно, – сказал Ричард. – Кого вы имеете в виду под моим сообщником?

– Того, зеленого, – сказал Димка.

– Честное слово, не понимаю, – сказал Ричард. – Какого еще зеленого? Покажите мне, что вы имеете в виду?

– Показать не можем, – сказала я. – Контейнер спрятан. Вам его не найти.

– Почему не найти? – спросил Ричард. – Он же у вас в кармане. Еле поместился.

Я непроизвольно схватилась за карман, а Ричард снова принялся раскуривать свою трубку-бластер.

– Не дергайтесь, – сказал он. – Я не готовлю вторжения. Я всю жизнь прожил в Москве. На Волхонке.

– И завтрашнюю газету там купили?

– Нет, – сказал Ричард, – я ее в архиве взял.

– В архиве? – Я вложила в это слово весь свой сарказм.

– Ладно, – сказал Ричард, – чтобы вы не наделали глупостей, я должен буду вам все рассказать. Вы производите впечатление неглупых людей, хотя и склонных к авантюрам и поспешным обобщениям.

Не верю ему, уговаривала я себя. Сейчас он придумает новую ложь, чтобы выманить контейнер.

– К вам случайно попал в руки бортовой журнал автоматического катера с корабля «Эверест», который стартовал с Земли к звезде Барнарда в две тысячи сто тридцать четвертом году.

– Ага, – сказала я, потому что была готова, что он соврет. Но нужно признаться, что эта фраза прозвучала очень внушительно.

– Корабль не вернулся в назначенный срок, – продолжал Ричард обыкновенным голосом. – Однако направил к Земле, как и принято в таких случаях, автоматический катер с бортовым журналом. И катер пропал тоже. И если я не получу бортового журнала, мы не сможем найти «Эверест» и помочь нашим товарищам.

– И мы должны вам поверить? – перебила я его, потому что мне очень хотелось поверить в такую романтическую и невероятную ложь. И мой верный Димка, который никогда не смеет мне перечить, вдруг грубо сказал:

– Помолчи, Машка! Не мешай.

И я поняла, что ему тоже хочется в это поверить.

– И случилось то, что теоретически предсказано, но в самом деле еще не случалось. Во время прыжка через гиперпространство автоматический катер сместился во временном потоке и исчез в прошлом. В далеком прошлом.

– Это мы-то далекое прошлое? – не выдержала я.

– Нет, он попал на Землю за тысячу лет до ваших дней, – сказал спокойно Ричард. – Мы смогли примерно вычислить время и место его падения, но в той точке катер не нашли. Тогда мы стали искать какие-нибудь сведения о нем в книгах, архивах, в газетах... Ведь бесследно катер исчезнуть не мог. Была, конечно, опасность, что он попался кому-то на глаза в ваше время или сто лет назад, и тогда его попросту разобрали на металлолом. К счастью, библиотеки в наше время оборудованы очень совершенными компьютерами, и когда мы подняли индексы всех статей, опубликованных во всех газетах мира, то, на наше счастье, нам попалась статья вашего друга Петечки о том, как создавалась детская площадка. По описанию обстоятельств находки «корабля» мы поняли, что это, скорее всего, то, что нам нужно. И вот я прилетел к вам...

– Так вы уже месяц здесь живете!

– Правильно, – сказал Ричард. – Мы же не знали, какого числа и откуда привезут наш катер. Значит, надо было поселиться здесь заранее и ждать.

И изъять бортовой журнал. Первыми. Потому что, когда «корабль» будут переоборудовать, обязательно кто-нибудь найдет контейнер, и тогда следы его исчезнут. Если контейнер попадет в руки к ребятишкам, они, не зная, что это такое, могут разорвать записи.

– Дарья, – сказал Димка, – отдай Ричарду контейнер.

– Погоди, – сказала я. – А почему там картинка инопланетянина?

– Понятно почему! – сказал Димка. – Они его там сфотографировали!

Я была в меньшинстве. И никому не хочется прослыть ретроградом, то есть человеком, который ни во что не хочет верить.

Я достала контейнер. Я видела, как Ричарду хочется его у меня отобрать, но он сдержал себя, что говорило в его пользу.

Я открыла коробочку и показала Ричарду картинку. Он всмотрелся в нее и сказал:

– Это такой же инопланетянин, как и мы с вами. Это мой брат. Только в скафандре.

– А туфли! – сказала я. – Какой космонавт будет ходить в таких туфлях?

– Мне ваши моды тоже кажутся странными, – ответил тихо Ричард.

Димка протянул руку и достал из контейнера один из маленьких дисков.

– А это записи? – спросил он.

– Это то, что нам очень нужно, – сказал Ричард. – И я могу вам это доказать, чтобы вы не думали ни о каких вторжениях.

Он достал из верхнего кармана пиджака небольшую плоскую коробочку, как из-под пудры, взял двумя пальцами диск и поставил его внутрь.

И тут же мы услышали тихий, но внятный голос:

– Внимание, говорит «Эверест». Привет вам, наши друзья и родные. Мы достигли системы звезды Барнарда, но возвращение невозможно. Нам нужна помощь. Сообщаем обстоятельства...

Ричард выключил диск.

– А дальше? – спросил Димка. – Нам же тоже интересно.

– Простите, – сказал Ричард. – Я очень благодарен вам за помощь и за доверие. Но поймите же, я не могу вам много рассказать. Ведь это случится через сто пятьдесят лет.

– Понятно, – сразу согласился Димка. – И разумно. Только очень жаль.

– Мне бы тоже на вашем месте было жаль. Дай-ка сюда.

Я послушно отдала ему контейнер. Ричард осторожно подцепил ногтем тонкую фотографию на крышке контейнера. И протянул ее мне.

– Разумеется, я нарушаю правила, – сказал он. – Но мне хочется, чтобы у вас осталась память... – Он перевернул фотографию «инопланетянина», посмотрел и добавил: – Ведь это принадлежит мне... лично.

Я взяла фотографию и на другой стороне увидела аккуратную надпись:

«Дорогой Ричард! Надеюсь, что мы скоро увидимся. Привет от нас с Ниной.

Твой брат Василий».

– Спасибо, – сказала я. – Вы простите, что мы вам не поверили.

– А поверить трудно, – сказал Ричард. – Я благодарен вам от своего имени и от имени тех космонавтов, к которым мы завтра же пошлем помощь...

– Через сто пятьдесят лет, – поправила его я.

Ричард выбил трубку, поднялся, мы поднялись тоже. Он попрощался с нами. Потом сказал:

– Я очень прошу оставить все между нами.

– Нам бы никто не поверил, – сказал Димка.

Ричард повернулся и пошел прочь.

Он перешел улицу на зеленый свет, свернул за угол. Он не обернулся.

Мы смотрели ему вслед.

Больше мы его, разумеется, никогда не видели.

Когда мы пошли обратно, Димка сказал:

– Фотография будет храниться у нас с тобой по очереди. Всю жизнь. И у наших детей. Чтобы можно было ее вернуть Ричарду через сто пятьдесят лет.

И я согласилась с Димкой. Фотографию надо будет возвратить. Второй у Ричарда нет.

Глава одиннадцатая

Когда я вернулась домой, Петечка уже пришел к нам.

– Мария, – сказал он мне, – завтра моя статья будет в газете. Главный обещал.

– Я знаю, – сказала я. – Я ее видела.

Петечка не понял, что я имею в виду.

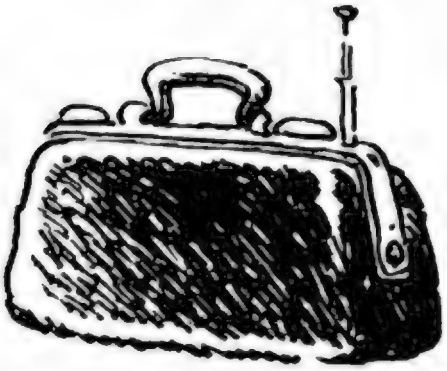
– Там справа от твоей статьи, – не удержалась я, – будет еще фотография прядильщицы Сидоровой. Очень красивая женщина.

– Угадала, – засмеялся Петечка. – Как странно! Сегодня как раз наш фотограф вернулся с прядильной фабрики и привез оттуда снимки. А я написал новые стихи. Хочешь послушать?

– Читай, – сказала я, подходя к окну.

Корабль стоял посреди двора, и требовалось немало воображения, чтобы представить себе, каким он был тысячу лет назад, то есть каким он должен быть через сто с лишним лет.

«И еще, – подумала я, – только мы с Димкой знаем, что вот те железки видели просторы далекой-далекой планеты у звезды Барнарда. А мои правнуки полетят на звезду Барнарда».



Черный саквояж

Глава первая

Я сначала увидел саквояж, а потом человека. Саквояж – это древний гибрид сумки, чемодана и портфеля, такие носят доктора в исторических фильмах. Теперь их, по-моему, не делают.

Вроде бы саквояж должен быть добрым, толстым и надежным.

Приходил чеховский доктор, велел открыть рот, давал капли или микстуру – тогда даже еще уколов не умели делать.

А этот саквояж мне не понравился.

Саквояж спускался в подземный переход. Его нес небольшой человек, совершенно непохожий на доктора. Ни на кого не похожий человек, потому что он был похож на всех сразу.

А сзади, шагах в двух, брел плотный сутулый мужчина в маленьких толстых очках.

Я смотрел на саквояж и почти догнал их.

Спина сутулого мужчины дергалась передо мной, потому что он все время сбивался на бег, а потом тормозил, стараясь забежать вперед владельца саквояжа.

Неожиданно тот, кто нес саквояж, прибавил шагу, его преследователь тоже прибавил шагу, а я не стал спешить. Мало ли какие бывают у людей проблемы.

А сзади, шагах в двух, брел плотный сутулый мужчина в маленьких толстых очках.

Но получилось так, что из подземного перехода мы не вышли.

Погода была ветреная, солнечная, но ненадежная. Фиолетовые тучи выскакивали, как из засады, и плевались короткими ливнями. Очередная туча таилась за крышей высокого дома и выскочила, как раз когда я выглянул из перехода. С неба упала стена ливня.

Я отступил на несколько шагов в глубь перехода и услышал злой громкий шепот:

– Верните немедленно.

Я оглянулся. Те же двое. Мужчина в маленьких очках теснил того, что с саквояжем, к стене. Незаметный человек елозил спиной по тусклому кафелю стены и повторял со злостью:

– У вас нет доказательств. Вы никогда не докажете...

– Отдайте саквояж. Я все понял.

Этот странный разговор тянулся, как затертая пластинка, которая застряла на одной фразе: «Степь да степь кругом... степь да степь кругом...»

Вдруг они прервали разговор и как по команде посмотрели на меня.

Я увидел очень холодные, светлые глаза незаметного человека и растерянные добрые, окруженные оправой очков глаза плотного. Я невольно отвел взгляд. Получилось, что я подслушиваю.

И тут же ливень оборвался, так же незаметно, как начался. Толпа бросилась наверх, разъединила меня со спорщиками, и я потерял тех людей из виду.

Я не думал, что когда-нибудь их еще увижу. Но увидел.

Сначала я увидел незаметного человека с черным саквояжем.

Примерно через полтора часа.

Я заскочил домой, пообедал, потом побежал в кружок.

Надо сказать, что я всегда бегаю. Во-первых, это очень помогает поддерживать тонус – ведь проводим в классе полдня в сидячем положении. А потом собираемся еще всю жизнь сидеть – в институте, на работе, на пенсии... Так что единственное спасение от ранней старости, от ожирения и лени – это бег. Я не признаю бег трусцой по утрам. Лишняя потеря времени. Да и неудобно как-то в трусах носиться по улицам. Из автобусов на тебя смотрят как на сумасшедшего. Бежать надо по делу. В булочную послали – беги, в школу – беги, из школы – беги. Экономия на времени, на транспорте и бодрость духа.

Я примчался в Дом пионеров в половине четвертого. У меня было полтора часа времени до встречи с Сорокалетом. Сорокалет, если вы случайно не слышали, великий изобретатель. У самого сорок авторских свидетельств, а у его учеников – более трехсот. Я считаю, что это очень достойная пропорция. Встречу с ним мне устроил наш руководитель, Стасик. Он сам занимается у Сорокалета на семинаре изобретателей и считает его гением. А я единственный из наших кружковцев, насчет которого он попросил Сорокалета, чтобы он со мной поговорил.

Я не хочу хвастаться, это не в моих принципах, но я согласен со Стасиком. Наверное, это вызвано тем, что мои работы отличаются от работ других ребят. Я всегда иду от того, что нужно человечеству. Вы можете возразить: разве не нужна человечеству машина времени или вечный двигатель? Но разумный человек ответит: подобные забавы антинаучны и, хоть даже у нас в кружке есть братья Симоны, которые строят уже восьмую модель вечного двигателя, это означает лишь, что они хотят выделиться и плохо знают теорию. Есть другая категория юных изобретателей – те, кто изобретает всем известное, потому что это легче сделать. Например, три года у нас делали робота. Робот ходит, мигает лампочками, двигает руками, но все равно это игрушка, хоть его всегда показывают на вечерах и все хлопают в ладоши и кричат: ах, какие умные подростки!

Я уже сейчас занимаюсь проблемами окружающей среды. Я придумал проект судна, которое может очистить от нефти и других отходов большую акваторию, и действует это судно по принципу промокашки. Или, может, тех машин, которые подметают улицы. Представляете круглую щетку, которая вертится, собирая грязь с мостовой и загоняя ее внутрь кузова? Такого рода пластиковым пористым валом я снабжаю мои суда. Грязь с поверхности воды впитывается в вал и подается в цистерну. Над цистерной вал прижимается, отдает содержимое и вновь готов к употреблению.

В тот день я должен был встретиться с самим Сорокалетом и потому, сами понимаете, волновался больше, чем перед экзаменом. У меня была робкая надежда, что Сорокалет согласится взять меня в свой семинар. Правда, там занимаются как минимум студенты и семиклассников он, конечно, не брал. Но я хотел доказать Сорокалету, что возраст таланту не помеха. Известно, что Моцарт уже в три года играл на скрипке.

Поэтому неудивительно, что весь день у меня пошел наперекосяк. Я умудрился получить двойку по истории, чего со мной не случалось уже полгода, хотя я историю не люблю и считаю ее пустой наукой – часы, которые мы тратим на нее, можно было употребить с пользой – учить побольше математики.

Дома я тоже вел себя не лучшим образом. Во-первых, забыл заплатить за квартиру, потом сжег яичницу, наконец, когда позвонил Артем, я забыл передать ему, что Настасья будет ждать его у кино в половине седьмого. Правда, этот мой грех был самым незначительным, так как они все равно друг друга отыщут, даже если во всем городе перегорит свет или сломаются все троллейбусы. У этих влюбленных какое-то шестое чувство. Мне иногда просто смешно на них смотреть. Настасья совершенно забросила учебу в техникуме. Артем бросил заниматься боксом, потому что у них не хватает времени на свидания. Я считаю, что любовь такая же вредная штука, как история. Она отвлекает от производительного труда и увеличивает энтропию. Я уверен, что оптимальное состояние моей сестрицы и Артема – оцепенение. Они бы рады просиживать друг перед дружкой целыми сутками, пожирая партнера пламенными взорами. Но повторяю: это мое личное мнение, и я его никому не навязываю. Но я убежден, что Руслан разделяет эту точку зрения.

В общем, весь день я находился под ощущением великого перелома в моей жизни и не обращал внимания на обыденные мелочи. Даже удивительно, что я заметил ту парочку – плотного мужчину в очках и незаметного человека с черным саквояжем.

В кружке я провел около часа. Все равно надо было убить время. Я пообщался с братьями Симонами, которые как раз разбирали очередную модель вечного двигателя, убедившись в его нецелесообразности, и собирались использовать некоторые его части для новой, такой же бессмысленной модели. Я знал, что ничего им не докажу, и поэтому не доказывал. Все это время думал. Ведь мне нужно было доказать Сорокалету, что я как изобретатель чего-то стою. Я мысленно повторял обоснования некоторых моих работ и даже придумывал за Сорокалета возражения.

Все кружковцы знали, что мне сегодня идти к Сорокалету, и очень сочувствовали. Я пришел в мой уголок, где на стенах висели рисунки,

схемы и две грамоты, которые я получил в этом году. Вообще-то грамот я не храню – не в грамотах дело.

Из моего уголка, от рабочего стола, видна дверь, которая ведет в коридор. Это маленький коридор к мастерской. Мастерская у нас двенадцать квадратных метров, но в ней умещается токарный станок и верстак. В тот день в мастерской никого не было.

Коридор был слабо освещен, одной лампочкой. Под лампочкой стоял стул. На стуле сидел незаметный человек с черным саквояжем. Он держал саквояж на коленях и возился с его застежкой.

И вдруг я испугался. Даже не знаю почему. Вообще-то я не очень трусливый, но очень уж странным мне показалось это совпадение. К тому же в коридор можно было пройти только через нашу комнату, а через нее за последний час никто не проходил.

Наконец незаметный человек справился с застежками, саквояж распахнулся. Внутри что-то блестело. Потом послышалось тихое жужжание, которое странным образом отразилось в моей голове. У каждого человека есть свой невыносимый звук. Я, например, не выношу, когда ладонью сметают крошки со скатерти, а Настасья буквально умирает, если кто-то скребет вилкой по тарелке. Так вот это жужжание было невыносимым.

Я боролся с желанием убежать, потому что надо было подойти к незаметному человеку и спросить, что он здесь делает.

Я даже поднялся из-за стола, но потом застыл.

Человек совершенно не обращал на меня внимания. Он что-то подкручивал в своем саквояже, и руки его, утопленные в пасти саквояжа, шевелились, будто он чистил там апельсин.

Наконец я решился. Я сделал шаг к двери и тут услышал голос Женьки Симона:

– Что вам здесь нужно? – Оказывается, Симон тоже заметил этого человека, но так как раньше он его не встречал, то он не испугался.

– Одну минутку, – ответил человек, не отводя взгляда от саквояжа.

– В самом деле! – услышал я собственный голос. – Что вам тут нужно?

– Все, – сказал человек и захлопнул саквояж. – Я закончил, не беспокойтесь, все в порядке.

Он говорил как зубной врач, который уже поставил пломбу и обещает, что больше больно не будет.

На стуле сидел незаметный человек с черным саквояжем. Он держал саквояж на коленях и возился с его застежкой.

Человек поднялся и пошел от нас к двери в мастерскую.

– А я все-таки спрашиваю, что вы здесь делаете? – вспылил Симон. – Туда нельзя!

Но человек уже открыл дверь в мастерскую.

Потом дверь закрылась. Мы были так удивлены, что потеряли, наверное, целую минуту, прежде чем побежали за ним.

Мастерская была пуста. Все там стояло на своих местах, но ни одной живой души.

Окно было открыто. Оно выходило во двор. Первый этаж, но довольно высокий.

Я выглянул в окно. Внизу какие-то малыши возились в песочнице.

– Ребята! – крикнул я. – Из нашего окна кто-нибудь прыгал?

– Куда прыгал? – спросил один из малышей.

– Вниз.

Но я уже понял, что от них никакого толку не добьешься.

Женька Симон возился за моей спиной.

– Ты чего? – спросил я, обернувшись.

– Проверяю, чего он похитил.

Разумеется, ничего тот человек не похитил. Он приходил за другим. Но в тот момент я еще не понимал, зачем он приходил.

Глава вторая

Я бы глубже задумался о том, что же делал незаметный человек в нашем Доме пионеров, но в тот момент я очень спешил – Сорокалет, наверное, уже ждал меня.

Я поспешил к автобусу.

У меня было странное, какое-то опустошенное состояние. Вроде бы все в порядке, я еду к самому Сорокалету, сбывается моя мечта. Но почему-то мне было куда приятнее думать о том, что установилась хорошая погода и облака текут по небу, как льдины по реке весной, что скоро я поеду в Сызрань, к тетке, на каникулы, что Артем собирается жениться на Настасье, как только им исполнится по восемнадцать лет, а я не знаю, хочу ли я, чтобы моя сестра выходила замуж, или нет. И вот от этих мыслей

моя встреча с Сорокалетом уже не казалась мне такой важной, и даже приятнее было думать о том, как я буду рыбачить, чем...

Тут автобус остановился, и я оказался перед пятиэтажным скучным зданием института, в котором работал Сорокалет.

В вестибюле сидел за столиком вахтер, который сразу углядел меня среди прочих людей. Ни у кого этот вахтер не спрашивал пропуска, я даже думаю, что и не нужен пропуск в этот мирный институт, но на меня он сразу сделал стойку. Сейчас закричит: «Мальчик, ты куда?» И чтобы не подвергаться унижениям, я сам к нему подошел деловым шагом и сказал почти сурово:

– Мне к товарищу Сорокалету.

Вахтер, конечно, не ожидал такого тонкого хода с моей стороны и послушно принялся водить пальцем по списку телефонов, соображая, видно, кто такой Сорокалет, хотя ему следовало бы знать наизусть это великое имя. Потому что знаменитый изобретатель сделал бы честь любому институту...

Вахтер не успел мне ничего ответить, потому что мое внимание отвлек человек, спускавшийся по лестнице. Он был склонен к полноте, сутулился, маленькие толстые очки сползли на кончик носа. Человек был невероятно печален, можно сказать, убит горем. Это был тот самый мужчина, которого я видел в подземном переходе, когда он преследовал незаметного человека с саквояжем.

Тогда, под землей, я был ни при чем и не вмешивался в чужие дела. Но тот, с саквояжем, побывал в нашем кружке, и теперь я имел полное право спросить плотного человека, что за тайна связана с черным саквояжем.

И в этот момент вахтер, завершив мыслительную работу, вдруг громко сказал:

– Сорокалета спрашивал? Павла Никитича? Так вот он идет собственной персоной.

И показал на плотного человека в маленьких толстых очках.

Вот это совпадение было выше моего понимания. Я буквально остолбенел.

Полагаю, что на моем месте вы бы тоже остолбенели.

Сорокалет прошел мимо меня, ничего не замечая, и вышел на улицу.

– Переживает, – сказал вахтер сочувственно. – Как не переживать, если на ученом совете, при всем народе, солидный человек, а провалился.

Мне бы, конечно, спросить, почему такой великий человек, как Павел Никитич Сорокалет, гений изобретательства, мог провалиться на ученом совете, но вахтер перестал для меня существовать. Я уже несся за Сорокалетом.

Я догнал Сорокалета в сквере. Он остановился, как человек, не знающий, куда идти дальше, потом направился к скамеечке. Я глядел, как он постоял возле скамейки, потом почему-то нагнулся, смахнул с нее пыль, осторожно сел и уставился перед собой пустым взором. К такому человеку даже подходить неловко. Но я все же подошел. Ведь он сам назначил мне встречу.

– Павел Никитич, – сказал я, – моя фамилия Бабкин.

Сорокалет очень удивился.

– А почему Бабкин? – спросил он серьезно. – Рано еще.

– Что рано?

– Бабкин. Ты пока Деткин. Или даже Внучкин.

Если бы так пошутил кто-то другой, я бы возмутился и ушел. Но я знал, что у Сорокалета несчастье. И притом я даже догадывался, кто причина этого несчастья. Поэтому я ответил:

– Простите, Павел Никитич. Вы меня пригласили, чтобы поговорить о моих изобретениях. Но я понимаю, что вы находитесь в подавленном состоянии. Поэтому я могу уйти.

Я, конечно, никуда не ушел.

Мои слова не сразу дошли до Сорокалета.

– О чем говорить? – спросил он после паузы.

– О моих изобретениях. Я из Дома пионеров. Занимаюсь изобретениями в области практической экологии.

Я назвал свою фамилию. Она у меня редкая.

И тогда Сорокалет засмеялся.

– Я же говорил, что ты Деткин!

Я понял, что слишком волнуюсь. Перепутать собственную фамилию! Я даже забыл на минутку о человеке с саквояжем. Мне так не хотелось казаться растерянным ребенком.

– Я – изобретатель! – воскликнул я. – Уже третий год я отдаю все силы этому делу. Я не хочу хвастаться, но все говорят, что у меня есть талант. И он не зависит от того, Деткин я или Бабкин!

Нечаянно я раскричался, и люди, проходившие через садик, с удивлением смотрели на мальчика, который машет руками, подпрыгивает перед самим Сорокалетом.

– Прости, – сказал Сорокалет. – Я расстроен. Но если ты изобретатель, расскажи мне, что ты изобрел... Хотя я тебе ничем не смогу помочь.

– Как же так, – сказал я. – Я ждал встречи с вами давно. Моя мечта работать в вашем семинаре.

– Так что же об изобретениях?

– Я хотел познакомить вас с тремя из моих работ, – начал я. Этот текст был подготовлен мной заранее. – Первая моя работа касается очистки водоемов от загрязнения и построена на таком принципе...

И тут вдруг я понял, что не имею представления о том, на каком принципе строится моя работа.

Сорокалет ждал. Он смотрел мимо меня, вдаль, глаза его были задумчивы и печальны. А я в этот момент увидел птицу на ветке, может быть, воробья, я еще не занимался всерьез орнитологией, и я стал смотреть на птицу и ждать, когда она улетит. А птица не улетала. И больше ни одной мысли в голове не было.

– Ну что же? – спросил Сорокалет. Я не знаю, сколько он ждал.

– Я забыл, – признался я.

– Забыл, расскажи о втором изобретении.

Это была великолепная мысль. Конечно же, мне надо было догадаться самому. Я с облегчением вздохнул и сказал:

– Второе мое изобретение...

Птица, как назло, не улетала с ветки. Ну что, привязали ее, что ли? Я не сомневался в том, что я что-то изобрел. Наверняка изобрел, но в том месте мозга, где должно было лежать изобретение, была громадная гулкая пустота. И неожиданно для себя самого я спросил:

– А этот человек, который с черным саквояжем, он что у вас отнял?

Я спросил это, потому что хотел отвлечь Сорокалета от моих несчастных изобретений, которых на самом деле не было.

Сорокалет сразу ожил.

Он даже вскочил со скамейки. Словно его включили в сеть.

– Ты что об этом знаешь? Говори!

– Я видел вас днем. Вы шли за ним и о чем-то просили.

– Поздно, – сказал Сорокалет. – Я его упустил. Я думал, что ты еще что-нибудь знаешь... Впрочем, откуда тебе знать?

– Я его видел потом, – сказал я. – Он приходил к нам в Дом пионеров. Сидел...

– И что делал? Что он еще делал?

– Сидел и ничего не делал. Открыл свой саквояж, копался в нем, а потом, когда мы его спросили, что он делает, повернулся и ушел. Через мастерскую, через окно.

– Открывал? А близко он был от тебя?

– Ну как вы.

– Стой, Деткин, повтори: ты зачем хотел меня видеть?

– Моя фамилия Бабкин, – сказал я. – Мне сказали, что вы можете со мной поговорить, потому что мои изобретения представляют интерес для науки.

– И ты можешь мне изложить суть изобретений?

– Я же говорил... – И тут меня снова застопорило. И я стал глядеть на птицу.

Сорокалет очень мною заинтересовался. Он приблизил свои очки ко мне, наклонился и понизил голос, задавая следующий вопрос:

– А сегодня утром, даже днем, ты знал, что изобрел?

– Я и сейчас знаю... нет, не знаю.

И вдруг я понял, что в самом деле забыл, полностью. Начисто забыл, что же изобрел.

– Я забыл? Этого не может быть!

Я боялся, что Сорокалет сейчас рассмеется, в самом деле можно рассмеяться – приходит к тебе мальчик, фактически ребенок, который говорит, что хочет заниматься в твоем семинаре, а ничего не знает. И изобретений у него никаких нет.

Сорокалет не смеялся. Он смотрел на меня серьезно, с сочувствием, но мне все равно хотелось ему доказать, оправдаться.

– Если вы не верите, – сказал я, – то можно позвонить к нам в кружок. Там вам любой скажет, что я получил премию. Про меня заметка была в «Юном технике»...

– Я тебе верю, – сказал он. – Больше того, я верю, что у тебя были очень хорошие изобретения, настолько хорошие, что их надо было украсть.

– Кому надо было украсть?

– Тому человеку, с черным саквояжем.

– Как можно украсть? Я же их не патентовал. Я только думал о них.

– Я тоже думал, – сказал Сорокалет. – И когда это случилось, я не сразу сообразил. Но потом все же додумался. Правда, какие-то сомнения у меня оставались до сих пор. И ты их рассеял. Теперь все ясно – надо действовать.

– Пал Никитич! – взмолился я. – Расскажите мне, пожалуйста, в чем дело. Я же ничего не понимаю.

– Садись. – Он сел на скамейку, и я понял, насколько он изменился за последние минуты. Глазки за толстыми стеклами очков буквально пылали, щеки покраснели, и уголки губ приподнялись, отчего его лицо потеряло обиженное и растерянное выражение. Стало обыкновенным и добрым, и даже очень приятным лицом.

Я послушно сел рядом с ним.

– Это случилось сегодня днем, – сказал Сорокалет. – Я как раз собирался обедать, когда он пришел. Он сказал, что должен мне передать привет от моего знакомого, но никакого знакомого в городе Брянске у меня нет. В общем, ему было все равно, верю я ему или нет. Ему нужно было потянуть время. Он сел, раскрыл свой саквояж и сделал вид, что ищет письмо. А я как-то не обратил на него должного внимания. Я собирался обедать, а он мне очень мешал. Я сказал ему, что, пока он будет искать письмо, я буду собираться. И он был рад. Он возился в своем саквояже. Потом закрыл его и сказал, что письмо он забыл в гостинице. Мы вышли с ним вместе, он молчал. Он мне показался странным. Ты знаешь, что такое интуиция?

– Знаю, – сказал я.

– Так вот, интуитивно я ощутил в нем что-то чужое. Словно рядом со мной идет не человек, а какой-то... какое-то существо. И, может быть, я бы ничего не понял, если бы вдруг, еще на лестнице, не решил мыс-

Он сел на скамейку, и я понял, насколько он изменился за последние минуты.

ленно повторить ход моих аргументов. Мне сегодня надо было выступать на ученом совете и защищать одну идею... впрочем, я тебе не смогу сказать, какую идею, потому что ее не помню. Я спускался по лестнице, почти не замечая этого человека, и старался восстановить ход моих аргументов. И тут я понял, что не имею никакого представления о моем собственном изобретении. Я очень удивился и, чтобы проверить, нет ли у меня провала в памяти, переключился на другую мою идею, о которой думал ночью. И оказалось, что и этой идеи во мне нет. Я не знаю, что меня заставило поглядеть на этого человека с саквояжем. Он к тому времени обогнал меня и уже выходил на улицу. У меня не было никаких доказательств, что он имеет отношение к моей забывчивости. Я только поглядел ему вслед. И вдруг он обернулся и улыбнулся мне. Как улыбаются механические куклы. И похлопал ладонью в черной перчатке по саквояжу. И тогда меня озарило: мои мысли в этом саквояже. Я ему крикнул: «Постойте!» Он прибавил шагу. Я побежал за ним. Я уже не сомневался, что меня обокрали. Если бы я остановился и задумался, я бы понял, что такого быть не может. Нельзя украсть у человека мысли, причем не все, а только некоторые мысли. До этого земная наука не дошла, это я гарантирую. Но я об этом не думал. Я бежал за ним, я просил его вернуть мне мысли, я умолял, я грозил... А он только улыбался.

– Тогда я вас и увидел, – сказал я.

– Вот именно. В подземном переходе? Не помню, может, это было и в подземном переходе. А потом он исчез... сбежал. А я решил, что мне все это померещилось. Я начал рассуждать. Я уговорил себя, что такого не может быть. Я провел целый час над моими записками, и оказалось, что я ничего не понимаю в чертежах. Как будто они написаны каким-то другим человеком. Я торжественно провалился на ученом совете. Я стоял как столб. От моего выступления зависела судьба не только моего изобретения, но и многих людей, которые должны были его воплощать в жизнь и пользоваться его плодами. Я сказался больным... Бедный мальчик!

Последние его слова относились ко мне.

Но я не был так расстроен, как должен был быть расстроен.

Сейчас объясню почему.

Еще несколько минут назад я был совершенно одинок в этом мире. Ограбленный, ничтожный человек. Никто меня не мог бы понять. В луч-

шем случае бы отмахнулись от моих жалоб, в худшем – отвезли бы в сумасшедший дом. Особенно если бы я стал рассказывать о человеке с саквояжем.

И вдруг оказывается, что я не один. Что у меня есть союзник. Да еще какой! И не только он мне нужен, но и я ему необходим. И мы должны вдвоем разрешить неразрешимую загадку.

– А может, он шпион? – спросил я.

– Не похоже, – серьезно ответил Сорокалет. – То, что он делает, у нас еще никто делать не умеет. И ни к чему. Наши с тобой изобретения не представляют никакого секрета. Через несколько месяцев или лет о них можно будет прочитать в любом журнале или увидеть их на практике. У меня другая версия...

– Инопланетяне! – сказал я. – Летающая тарелочка.

– Упрощенно говоря, так.

– А я еще вчера с ребятами спорил, – сказал я. – Потому что я противник летающих тарелочек. Я думаю, что это миф двадцатого века.

– Для меня это сейчас не миф, а рабочая гипотеза, – сказал Сорокалет. – Я основываю ее на том, что если нигде на Земле люди не могут красть мысли, то, значит, это делают люди, которые живут не на Земле.

– Тогда пошли, – сказал я.

– Куда?

– В милицию. Поднимем милицию на ноги. Опасный пришелец в Москве! Ворует мысли.

– И знаешь, что они тебе ответят, Бабкин?

Я немного подумал и, как здравомыслящий человек, вынужден был признать:

– Они вызовут врача. Но если я буду не один...

– Тогда они вызовут двух врачей.

Я задумался. Сорокалет был прав. Я бы на месте милиции не поверил бы и десяти свидетелям, если они говорят, что у них украли мысли. Может, мыслей и не было? Я даже попытался еще раз вспомнить, что же такое я изобрел. Оказалось, ничего не изобрел. Птичка наконец улетела.

– Выход один, – сказал Сорокалет. – Найти его и упросить...

– Упросить – из этого ничего не получится, – сказал я. – С ворами так не разговаривают. Он у нас украл. Мы у него – отнимем!

– Что ты! – Сорокалет смутился. – Это же опасно.

– А вы подумали, что он сейчас ходит по Москве и продолжает свое черное дело? Каждая минута опасна. Если так будет продолжаться, то через неделю мы все останемся без мыслей. А вдруг он не один?

– Но как мы отнимем?

– Еще не знаю. – Я понял, что практически я куда лучше приспособлен к жизни, чем великий изобретатель Сорокалет. Он, наверное, и не дрался никогда.

– Сначала его надо отыскать. А потом будем действовать.

Сорокалет печально вздохнул.

– Ты представляешь себе масштабы Москвы? И один человек... всего один. Ничем не выделяется.

– Ничего подобного. Выделяется, – сказал я. – У него черный саквояж. Давайте рассуждать.

– О чем?

– Мы же с вами изобретатели. Мыслители.

– Бывшие.

– Отнимем саквояж, отнимем и мысли. Чудес не бывает. Этот пришелец – вполне реальный. И он не каждую мысль тянет, а только ту, что ему нужна.

– Почему ты так думаешь?

– А скажите, кто-нибудь еще из ваших коллег жаловался?

– Нет, никто... насколько я знаю.

– А я сейчас проверю. У вас двушка есть?

Сорокалет смотрел на меня с уважением. Нет, он не организатор, он только мыслитель.

Я взял у него двушку, и мы пошли звонить. Мы позвонили к нам в Дом пионеров. К телефону подошел Женька Симон.

– Симон, – спросил я. – С тобой ничего не случилось?

– В каком смысле?

– Как твой вечный двигатель работает, ты помнишь?

– Конечно, – сказал Симон. – Мы делаем бесконечную цепь и в ее звенья вставляем полушария, наполненные водой...

– Хватит, – сказал я и повесил трубку.

Потом я обернулся к Сорокалету, который переминался с ноги на ногу, и сказал:

– Моя версия была правильной. Им нужны не все мысли.

– Да, разумеется, – сразу согласился Сорокалет. А я подумал, как мне его жалко. Вот мне куда легче. Пройдет какое-то время, даже если мы и не поймаем этого похитителя, и я снова что-нибудь изобрету. Ведь у меня вся жизнь впереди. А ему трудно. Он уже пожилой, ему под сорок. У него положение, ученики, семинар, на него люди смотрят, а он им ничего ответить не сможет. Нет, решил я, так я этого не оставлю. Расшибусь, а верну доброе имя и великие мысли знаменитому изобретателю.

– Поехали ко мне домой, – сказал я.

– К тебе? Зачем? Я лучше к себе пойду.

– Мы возьмем Руслана. Он нам поможет.

– А кто такой Руслан?

– Мой лучший друг.

Глава третья

Сорокалет отказался подняться ко мне. Я не возражал. У меня, как всегда, беспорядок, который создаю не только я, но и Настасья. Моя старшая сестра так глубоко влюблена, что забыла, как моют посуду и подметают пол. Приходится мне самому, чтобы не было лишних семейных сцен, брать на себя ее обязанности.

Руслан обрадовался мне, соскучился. Мы все в доме очень заняты. Мать на работе, Настасья любовью, а я изобретательством, и ему достается мало ласки. Раньше, когда Руслан был щенком, я его обучал, надеялся, что он научится считать и, может, немного говорить, но все это окончилось неудачей, и потому я занялся другими проблемами.

– Руслан, – сказал я, – ты уже большой и умный пес. Твои сопородники плавают у берегов Ньюфаундленда и спасают рыбаков. Ты же зазря жуешь кости. Теперь от тебя зависит судьба человечества.

Руслан склонил большую черную печальную голову, обидевшись на мой упрек. Но перспектива помочь человечеству его утешила, и он побежал к двери.

Сорокалет маялся у подъезда и при виде Руслана отпрянул, чуть не упал.

– Не бойтесь! – сказал я. – Руслан не кусается.

Сама мысль о том, что можно кусать другое живое существо, была для Руслана настолько же отвратительна, как для меня. Руслан даже ахнул.

– Руслан, – объяснил я, – это товарищ Сорокалет. Он знаменитый изобретатель. Его ограбили. Кстати, и меня тоже. Ограбил нас один человек, который прилетел с отдаленной звезды. Зачем ему это нужно, мы еще не знаем, но он крадет выдающиеся мысли.

– А-ф, – негромко ответил Руслан. Этот сдержанный звук означает, что Руслан в целом проблему осознал.

– У нас, возможно, есть след этого негодяя, – сказал я.

Сорокалет смотрел на меня как на сумасшедшего, потому что раньше он, наверное, не встречал такого понимания между человеком и собакой. А Руслан, он ведь большой хитрец, так смотрел на него, будто умеет говорить и мыслить.

Я отвел Руслана к Дому пионеров, но заходить внутрь не стал, а прошел прямо во двор, под окно, из которого выбрался человек с саквояжем. Окно было на первом этаже, но этаж высокий, я доставал до подоконника, только встав на цыпочки. Руслан, хоть и умный пес, долго не понимал, что ему надо встать на задние лапы. А Сорокалет, хоть за последние минуты и привык к Руслану, помочь ему боялся. С громадным трудом я заставил все же Руслана поднять к подоконнику свою тяжелую морду, и тут же Руслан от подоконника отпрыгнул и начал обнюхивать землю. Он учуял что-то очень для него неприятное.

В тот же момент из окна высунулся Женька Симон, которого привлек шум, поднятый нами.

– Вы что? – спросил он.

Но я не смотрел на Симона, только отмахнулся. Шерсть на загривке моего пса поднялась дыбом, верхняя губа изогнулась, открыв клыки. Таким злым я Руслана давно не видел.

– Старик, – сказал я ему, – не волнуйся. Возьми себя в лапы. Нам нужно его найти.

Руслан и смотреть на следы не хотел. Как будто они были смазаны нашатырем. Мне пришлось его уламывать как маленького, а это было нелегко, потому что Женька Симон вылез из окна и вмешался в разговор,

ничего не понимая. Сорокалет, который вдруг поверил в способности Руслана, тоже начал уговаривать пса, а ребятишки, которые играли во дворе, прибежали и шумели вокруг.

Наконец Руслан сделал мне одолжение и, не скрывая отвращения, пошел по следу. Я не сомневался, что он правильно взял след, потому что он никогда бы не стал кривляться, если бы это был обыкновенный след. Он шел к проходу в соседний двор, и это было хорошо, потому что на улице следы исчезают под ногами других людей, и тут даже Руслановых способностей не хватило бы.

У прохода в соседний двор я придержал Руслана и твердо сказал всем любопытным, включая Женьку Симона, чтобы они исчезли. Эти уговоры заняли еще минут пять. Но в конце концов мы остались втроем.

Мы пересекли двор, и следы привели нас к небольшой двери в желтом старом доме. Дом был велик, и я никак не мог сообразить, что это такое. Дверь была приоткрыта, и мы вошли в нее. За ней был полутемный коридор. Руслан заволновался, и я понял почему: в коридоре царили различные съестные запахи. Даже мне они напомнили о том, что я забыл пообедать, а представьте себе положение голодного Руслана с его чувствительным нюхательным аппаратом. Но мы преодолели эти соблазны и пошли дальше.

Руслан потянул меня вверх по небольшой лестнице, освещенной маленькой лампочкой без абажура. В этот момент с дальнего конца коридора показался человек в голубом халате, который нес, прижав к животу, ящик с редиской.

– Эй! – крикнул он. – Вы что здесь делаете? Сюда нельзя.

– Скорей, – шепнул я Сорокалету, который хотел было начать объяснения с тем человеком. Я надеялся, что ящик помешает ему преследовать нас.

И в самом деле, обернувшись с лестницы, я услышал, как шаги преследователя остановились. Сейчас он думает, понял я, поставить ящик или забыть о нас.

Дальше я не слушал. Руслан, рыча, как отдаленный гром, тащил меня вверх. Потом мы промчались каким-то коридором, проскочили еще один пролет лестницы. Я всей спиной ощущал тяжелое дыхание Сорокалета, который не привык бегать по лестницам. Затем была еще одна дверь, которая, распахнувшись, вывела нас в куда более широкий и хорошо

освещенный коридор, с ковровой дорожкой на полу. По обе стороны шли одинаковые двери с номерами на них. А в дальнем конце коридора, удивленно подняв голову, сидела за небольшим столом полная женщина.

Именно к ней нас и волок неудержимый Руслан.

Женщина грозно поднялась нам навстречу.

– Что-то будет, – сказал я.

Женщина, судя по ее виду, ничего и никогда не боялась, так что перед Русланом она не отступит.

Но я не мог ничего поделать. Ни остановить Руслана, ни остановить женщину.

И только буквально натолкнувшись на нее, Руслан затормозил.

– Так, – сказала женщина. – Значит, бегаем?

– Простите, – сказал я. – Мы только на минутку. Нам надо найти одного человека. Мы найдем и уйдем.

– Проживание с животными, – сказала женщина, – строго запрещается.

– Но мы не проживаем. Мы не собираемся проживать, – сказал я и обернулся к Сорокалету за поддержкой. Хотя уже понимал, что в житейских ситуациях Сорокалет – плохая опора.

– Мы сейчас, – завякал мой великий коллега. – Мы только одну минутку, мы не знали.

Прозвучали эти слова так неубедительно, что я бы на месте той женщины решил, что мы собираемся украсть у нее шариковую ручку. Даже мой неустрашимый Руслан оробел. Он мог бы встретить грудью пятерых бандитов, но, когда женщины разговаривали с ним таким тоном, моему псу хотелось поджать хвост и уйти под диван.

– И вообще, – голос женщины катался по коридору, как паровоз, – как вы сюда проникли?

– Снизу, – сказал я покорно. – Через кухню.

Я первым из всех догадался, что мы попали в гостиницу «Мечта» через задний ход. Я часто проходил мимо этой гостиницы, но как-то не задумывался, что сзади она выходит прямо к нашему Дому пионеров.

– Если вы сейчас же не покинете помещение, – сказала женщина...

Но завершить свою фразу она не успела, потому что Руслан нас всех перехитрил. Оказывается, он только притворялся, что перепугался. В са-

Женщина грозно поднялась нам навстречу.

мом деле он вертел носом и обдумывал следующий ход. Неожиданно он рванул так, что я выпустил поводок, на полусогнутых лапах проскользнул мимо дежурной и подбежал к двери номер 26. Перед дверью он сделал стойку и два раза гавкнул так, что даже женщина оробела.

– Вот видите, – сказал я, воспользовавшись паузой. – Собака служебная, знает, кого искать. Вы мне лучше ответьте, куда делся тот подозрительный гражданин с черным саквояжем?

Я понимаю, что ростом я не вышел и голос у меня тонкий, но ситуация была такая необычная, что дежурная тоже растерялась. Представьте себе – прибегают два странных человека с громадным водолазом, и громадный водолаз делает стойку именно у того номера, где живет человек с саквояжем.

– Вы имеете в виду Григорянца? – спросила женщина.

– Именно его, – ответил я.

– Так он выписался.

– Давно? – У меня как оборвалось все. Неужели после такого замечательного подвига Руслана мы окажемся ни с чем?

– Да только что. Вы его, наверное, внизу догоните. Только попрошу мне сначала показать документы. По какому такому праву вы меня спрашиваете?

Дежурная опомнилась, и, если продолжать с ней разговор, она, конечно, снова перейдет в наступление. Так что планомерное отступление было единственным выходом.

Теперь у нас было еще одно звено в цепочке тайн – имя, под которым владелец саквояжа находился в Москве.

Но имя само по себе мало что значило. Если человек умеет воровать мысли, то уж, наверное, он умеет и подделать паспорт.

Мы сбежали вниз, в холл гостиницы. Там дремали в креслах командированные в ожидании места. Они поглядели на нас с любопытством. Но куда больше удивился швейцар в синем мундире.

– Как так? – спросил он. – Вы же не входили.

– Неважно, – сказал Сорокалет, который постепенно осмелел. – Мы здесь по делу.

– Скажите, пожалуйста, – сказал я, удерживая Руслана, который вновь взял след и тянул меня к двери. – Такой незаметный человек с черным

саквояжем не выходил только что? Он у вас прописан под кличкой Григорянц.

– Григорянц? – Наше появление было таким неожиданным, что швейцар не стал выяснять, как мы сюда попали. Он послушно начал перебирать пропуска, которые выдают тем, кто уезжает из гостиницы, чтобы они не захватили с собой случайно полотенце или ночной столик. Бумажка с фамилией Григорянц была с самого верха.

– Только что покинул, – сказал швейцар.

– Куда он пошел?

– Да только что, – сказал швейцар. – Еще такси не успел поймать.

Руслан тянул меня изо всех сил, и я не успел дослушать швейцара до конца, как оказался на улице.

И увидел, как к тротуару подъехала зеленая «Волга» и незаметный человек с черным саквояжем сделал шаг к ней, потому что машина приехала за ним.

– Стойте! – крикнул Сорокалет, узнавший грабителя. – Никуда вы не уедете!

Как только он увидел похитителя, он сразу изменился. Куда-то делись его робость и неуклюжесть. Он даже обогнал Руслана и первым настиг владельца саквояжа.

Тот резким движением спрятал саквояж за спину и совершенно неожиданно для меня завопил:

– Милиция!

Вы можете вообразить любую сцену, но чтобы пришелец, похититель мыслей, звал на помощь милицию – это выше понимания. Можно было бы рассмеяться, но никому смеяться не хотелось. Меньше всех – мне, потому что я увидел то, что другие не заметили: шофер машины, чем-то очень похожий на похитителя мыслей, поднял руку, и в руке его было черное. Блестящее. Это был пистолет.

Честно говоря, я только потом сообразил, что это пистолет. Но я вцепился в поводок Руслана и закричал Сорокалету:

– Обратно! Ложись!

Но, конечно, Сорокалет меня не понял. Он настиг похитителя в тот момент, когда похититель вваливался спиной в открывшуюся дверь машины. Но тогда же к машине прибежал и милиционер.

Он настиг похитителя в тот момент, когда похититель вваливался спиной в открывшуюся дверь машины.

Не знаю, откуда он прибежал. Это был молодой, серьезный милиционер, но я ему не обрадовался. Мне почему-то показалось, что милиционер из их компании, тоже перевертыш.

Милиционер профессионально оценил обстановку. Он сразу сказал мне:

– Убрать собаку!

А сам уже подхватил за плечи Сорокалета и оттащил его от машины.

– Что происходит?

Я сразу ответил:

– У него пистолет, – и показал на шофера.

Милиционер не то чтобы вздрогнул, но насторожился, подобрался как перед прыжком. Все его внимание переключилось на шофера.

А тот спокойно открыл дверь машины с правой стороны – он сидел у самой двери, как бы скользнул в нашу сторону от руля, – и, вылезая, протянул милиционеру пистолет рукояткой вперед. А другой рукой полез к себе во внутренний карман.

Милиционер сразу успокоился. Ясно было, что это не преступники. Зачем преступникам так быстро и спокойно отдавать пистолет?

Сорокалет смотрел на пистолет с удивлением мальчишки.

Милиционер взял пистолет и протянул другую руку вперед. Шофер вложил в нее удостоверение. И вся эта сцена была такой спокойной, даже солидной, что меня вдруг посетила странная мысль: а вдруг мне только показалось, что у меня украли изобретение? И в самом деле всю эту дикую историю придумал Сорокалет? Вдруг он не очень нормальный?

Пока милиционер читал удостоверение, кося глазом на машину, второй человек, тот самый, с саквояжем, тоже достал удостоверение и тянул его, не вылезая из машины.

Милиционер заметил его движение и взял удостоверение той рукой, в которой был пистолет. Я понял, что в удостоверении написано что-то такое, что успокоило милиционера.

И эту тайну разрешил похититель, который неожиданно тонким и даже дрожащим, как от обиды, голосом сказал:

– Работать не дают. Инкассаторы мы, выручку принимаем. А тут хулиганы. Может, грабители. Вот, посмотрите.

Похититель щелкнул замками саквояжа, и тот приоткрылся. И я увидел, что в нем аккуратными пачками лежат деньги. Похититель тут же захлопнул саквояж. Милиционер кивнул, возвратил ему удостоверение, отдал честь, потом вернул второму удостоверение и пистолет.

– Ясно, – сказал. – Продолжайте работать. А этими товарищами мы займемся.

Эти товарищи – это мы с Сорокалетом, понял я. И наше дело плохо. Мы не только родных мыслей лишились, но сейчас нас арестуют за нападение на инкассаторов.

Надо было взять себя в руки и быстро думать. И при этом держать как следует Руслана, который просто с ума сходил от негодования – так ему не нравился похититель мыслей.

Только бы мне все не испортил Сорокалет, который не умеет решать житейские проблемы.

Милиционер смотрел уже на меня. В глазах у него отражалась моя печальная судьба.

Я кинул взгляд по сторонам. Сорокалета нигде не было.

Вы не представляете, какое счастье охватило меня. Сорокалет висел на мне мертвым грузом. А если он догадался в суматохе скрыться, считайте, я спасен, уж с милиционером я справлюсь.

– Этот где? – спросил милиционер. – Сообщник где?

– Ну мы поехали, – сказал весело шофер. – Вы уж разбирайтесь, сержант.

– Поезжайте, – сказал милиционер. Сейчас его интересовали только преступники. – Куда второй делся?

К счастью, дело клонилось к вечеру, улица эта не самая людная, да и борьба с похитителями мыслей заняла слишком мало времени, чтобы успела собраться толпа. Так что немногочисленные прохожие, задержавшиеся неподалеку, ничем помочь милиционеру не смогли – и понятно, – они все смотрели на машину, а не на Сорокалета.

– Дяденька! – завопил я жалобно. – Я-то при чем?

– Это мы не здесь будем разбирать. – Милиционер оглядывал улицу, соображая, куда мог деться Сорокалет.

– Дяденька! – Это слово «дяденька» употребляют беспризорники в кинофильмах, и я полагал, что оно – самое жалкое из возможных обра-

щений к официальному лицу при исполнении обязанностей. Я даже постарался стать меньше ростом, подогнул колени и сгорбил плечи. – Я же с собачкой гулял, а они как побегут! А Руслан испугался, вырывался, а он служебный, он не понял. Он думал, что преступники, а может, думал, что играют... я здесь живу, я с собакой погулять пошел...

Ныл я так жалобно и вид у меня был такой инфантильный, что в сердце милиционера начали зарождаться сомнения. Но все же он должен был принимать меры, а я был единственным возможным объектом этих мер.

И тут мне сказочно повезло. Неподалеку возникла Анна Дмитриевна, наша соседка по этажу. Она меня не очень любила, потому что боялась, что в своей изобретательской деятельности я обязательно спалю весь дом и ее драгоценную рухлядь в первую очередь.

– Коля! – воскликнула она трагическим голосом. – Что ты еще наделал? Вы с Русланом кого-то искусали?

Руслан даже ахнул от негодования.

Появление Анны Дмитриевны было счастливым выходом и для милиционера.

– Вы знаете этого мальчика? – спросил он.

– Этот мальчик сведет меня с ума, – заявила Анна Дмитриевна. – Сплошные опыты. Сплошные взрывы. Я совершенно не представляю, чему их учат в школе! Хорошая семья, все работают, учатся, но никакой организованности. А что случилось?

Милиционер не стал рассказывать ей, что случилось. Я думаю, к этому времени он и сам уже не очень представлял, что случилось. Но в присутствии Анны Дмитриевны он записал мои данные, адрес и телефон. А затем отпустил, сказав строго, что за собакой надо следить и вообще для прогулок с собаками есть специально отведенные постановлением Мосгорисполкома места.

Я был со всем согласен и даже согласился пойти домой вместе с Анной Дмитриевной, чтобы милиционер видел, какой послушный и тихий мальчик ему попался.

Так что домой мы возвратились без приключений.

Дома мной овладели тревожные мысли. Если тот человек был в самом деле инкассатором, то что он делал в нашем Доме пионеров? Это не банк. К тому же разве инкассаторы выходят через окно? Нет, наша версия остается верной. Инкассатору ни к чему жить в гостинице под фамилией Григорянц. И уж если я мог ошибиться, то Руслан никогда бы не ошибся.

– Русланчик, – спросил я, – тот человек с саквояжем, он обыкновенный инкассатор?

Руслан ответил таким рыком, что любой лев бы ему позавидовал.

Нет, он тоже не верил.

И запах у него был неземной. Я уж отлично знаю, как Руслан идет по следу. Бывает, ему след нравится, бывает – неприятен. Но чтобы след вызвал у него такое отвращение, этого еще никогда не было.

Размышляя так, я прошел на кухню, накормил Руслана, сам поел.

Я был в полном тупике. Сорокалет пропал, похититель пропал. К тому же он оказался не один. А сколько их всего? Может, Земле угрожает страшная опасность? Может быть, скоро у всех нас украдут мысли и будем мы ходить как идиоты? Может, пойти в Академию наук? И искать там человека, который согласится меня выслушать? Какой бы дикой ни казалась моя версия, возможно, мой случай не первый? Не исключено, что по Москве ходят и другие ограбленные люди.

Матери дома не было, она в вечернюю смену. Настасья, судя по всему, забегала и потом убежала куда-нибудь с Артемом. Может, в кино, может, просто совершать бесконечные переходы по набережным.

И тут зазвонил телефон. Вообще-то ничего удивительного. И у меня, и у других членов нашей семьи есть немало знакомых. Но в вечерней тишине звон его показался мне зловещим. Я даже не сразу взял трубку.

– Я слушаю.

– Коля? – Голос показался мне незнакомым. И понятно – я ведь раньше никогда не говорил с Сорокалетом по телефону.

– Я вас слушаю.

– Неужели не узнаешь? Это я, Павел Никитич Сорокалет! Я их нашел!

Почему-то я задал самый не подходящий к случаю вопрос:

– А откуда вы телефон мой узнали?

– В справочной, – совсем не удивился Сорокалет. – К счастью, ты назвал мне фамилию, а она очень редкая.

– А вы где?

– У парка культуры. ЦПКО. У входа.

– А они где?

– Они в парке.

– А как же вы догадались? – Видно, в моем голосе прозвучало недоверие к способностям Сорокалета.

– Если бы я остался ждать, чем все закончится, я бы уже сидел в тюрьме за нападение на инкассаторов. Я рассудил, что ты что-нибудь придумаешь.

– Я его уговорил.

– А я побежал за такси. И успел. Выезжай. Нам надо его ловить.

– Без пистолета трудно.

– Нет у них пистолета.

– Почему?

– Жду у центрального входа.

И Сорокалет повесил трубку.

Он был прав. Ответить на все мои вопросы – на это и часа не хватит. А надо было действовать.

Я задумался на минуту – брать ли Руслана. Потом решил, что надо брать. Без него мы их следы наверняка потеряем.

– Пошли, Руслан. Нам предстоят великие дела.

Руслан отвернулся.

– Ты что, струсил?

Руслан вздохнул. Если бы он умел говорить, он, наверное, бы мне все высказал. Бывают ситуации, неприятные для любой собаки. Тем более для такой чувствительной, как Руслан.

– Руслан, – сказал я тогда. – Я все понимаю. Но дело важное. Если ты мне друг, то ты пойдешь.

Руслан лег на пол и сделал вид, что меня не слышит.

– Ну что ж, – сказал я. – Прощай, мой бывший друг. Не знаю уж, как они там вооружены и сколько их. Но боюсь, что живым я не вернусь.

И с этими печальными словами я пошел к двери. Не оборачиваясь.

И тут черная молния пронеслась к двери и легла поперек. Руслан только производит впечатление медленного животного. Когда нужно, он движется быстрее тигра.

– Нет, – сказал я Руслану. – Спасибо тебе за заботу о моей жизни, но она не нужна. Я не могу покинуть в беде другого человека, тем более когда от наших поступков, может, зависит будущее Земли. Оставайся. Кто решил ползать, летать не сможет.

Я перешагнул через пса и вышел на лестницу.

Пес поднялся и исчез внутри квартиры.

Признаюсь, это было для меня разочарованием. Я не ожидал предательства со стороны Руслана. Я протянул руку, чтобы захлопнуть дверь, но в этот момент увидел, что по коридору бежит, возвращается Руслан.

Все объяснилось просто – он увидел, что я забыл взять поводок и ошейник. И принес их мне.

– Спасибо, – сказал я ему, и мы поспешили на улицу.

К счастью, у меня было два рубля, и мы доехали до парка на такси.

Глава пятая

Сорокалета я увидел издали у высоких колонн входа. При виде нас он снял очки, протер их, надел снова, словно и не надеялся нас увидеть.

Уже начинало темнеть. Тени исчезли, солнце село, по небу бежали серые и сизые облака, дул ветер. Хотелось домой. И не только мне.

– Ну где же ты был! – с укором, почти материнским, воскликнул Сорокалет. – Я уж отчаялся.

– Мы даже на такси ехали, – сказал я. – Где они?

– Хорошо, что ты Руслана взял. Без него нам было бы трудно.

Эти слова Руслану понравились, и он ткнулся тяжелой мордой в бедро Сорокалету, отчего тот покачнулся, но удержался на ногах и даже осмелился положить ладонь на затылок Руслану.

– Может, они просто прошли парком и вышли повыше?

– Все может быть. Но думаю, что они остались в парке и здесь у них рандеву.

– Какое рандеву?

– Встреча. Может, с их кораблем, может, с другими.

– Почему вы так думаете?

– Они оставили здесь машину. И все лишнее. И скорее всего не собираются возвращаться.

Он показал на зеленую «Волгу», стоявшую у обочины.

Я подбежал к ней. Заглянул внутрь. И понял, почему он сказал, что пистолета у них нет. Пистолет лежал на сиденье. Там же плащ похитителя, какие-то пакеты... Руслан зарычал. Их запах был для него невыносим.

– Может, они должны сделать что-то в парке и потом вернуться?

– Не думаю. Я не могу сказать точно, почему я уверен, что они не вернутся сюда. Но я это почувствовал по тому, как они уходили. И если бы

им надо было пройти в другое место – удобнее на машине. Ведь никто за ними не следил.

– След, – сказал я Руслану.

Чего уж терять время на разговоры.

Руслан тянул меня вперед, но я не спускал его с поводка, потому что боялся, что он увлечется и убежит вперед. А у них, может быть, не только пистолет, а есть какое-нибудь космическое оружие. Лазерный бластер, например.

Мы пробежали сквозь всю обжитую часть парка, мимо аттракционов, мимо библиотеки и эстрады, мимо пруда, мимо летнего театра. Даже я запыхался. О Сорокалете и говорить не приходится.

Редкие посетители парка глядели на нас с опаской и отходили в сторону. Наверное, казалось им, что мы гонимся за диким кабаном.

Наконец культурная часть парка кончилась, и началось то место, где положено отдыхать.

Мы бежали в гору. Нам уже никто не встречался. Сумерки набирали силу, и все вокруг синело, серело и теряло краски.

И тут я увидел впереди фигуру. В голубом платье. Фигура стояла очень странно – уткнувшись лицом в ствол старого дуба. Плечи ее тряслись.

Мы бежали как раз к ней, а казалось, будто это она к нам приближается, как в кино, когда камера наезжает на героиню.

Фигура мне была очень знакома, и в этом была неправильность. Почему мне должна быть знакома фигура в Нескучном саду, в холодную вечернюю погоду, когда вот-вот пойдет дождь?

Фигура была так занята своими переживаниями, что не обратила на нас никакого внимания. Зато обратил на нее внимание Руслан. Он вдруг остановился так резко, будто налетел на стенку, и я чуть было не кувырнулся через него.

Хвост Руслана поднялся и совершил два неуверенных взмаха, как флажок в руке сигнальщика.

И потом он взвизгнул, словно перед ним поставили блюдо с костями, и бросился к фигурке в голубом платье со всех ног, забыв о следах и своем долге перед человечеством. Но уже в следующую минуту я его понял.

Уткнувшись носом в дерево и рыдая, стояла моя собственная старшая сестра Настасья.

Только Сорокалет ничего не понял, а крикнул мне сзади:

– Это не он!

Я отлично знал, что это не он, но очень испугался за Артема.

При их безумной любви Настасья без Артема никуда ни шагу. И если Артема нет, а Настасья рыдает, значит, случилось что-то ужасное. Вернее всего, на них напали хулиганы и убили Артема.

Поэтому я и закричал:

– Что с Артемом?

Настасья сначала узнала Руслана, потому что он встал на задние лапы и старался лизнуть ее в щеку, а только потом уже поняла, что по другую сторону поводка стою я.

– Вы чего? – спросила она, размазывая слезы. И мне показалось, что она очень рада нас видеть. – Вы меня искали?

– Нет, – сказал я. – Мы тебя случайно увидели. Ты чего ревешь?

– Глупо все, – сказала Настасья. – Вот и реву.

– Простите, – сказал Сорокалет. – Может быть, ваша знакомая нас отпустит? У нас неотложное дело. Каждая минута на счету.

– Это моя сестра, а не знакомая, – сказал я. – А где Артем?

– Что ты ко мне привязался со своим Артемом? – искренне удивилась Настасья. – Я его и знать не хочу.

– Кого? – Тут я даже забыл о своих делах. Такое заявление в устах моей сестры было совершенно невероятно. – Артема знать не хочешь? С ним в самом деле ничего не случилось?

– Если и случилось, мне все равно.

– Настасья, – сказал я, – опомнись. Наверно, он тебя обидел? Но это недоразумение. Он тебя обожает. Я это точно знаю.

– Чепуха какая-то, – сказала Настасья.

– А тогда чего ревешь?

– Грустно. И страшно немного. Зачем только я сюда пошла?

– Ты, наверно, с Артемом гуляла, да?

– И очень жалею, – сказала Настасья. – А может, и хорошо, что все кончилось?

– Слушай, не сходи с ума, – сказал я. – Конечно, любовь – это твое личное дело и мне ваш роман даже немного надоел, но не бывает же, чтобы утром человек сгорал от любви, а вечером от нее начисто отказался.

– А я утром сгорала от любви? – Настасья даже улыбнулась. Печально, будто и в самом деле старалась вспомнить, было это или нет. В сумерках казалось, что ее зубы светятся.

Она пожала плечами.

– Хорошо, что вы с Русланом пришли. А то неизвестно, как отсюда выбираться.

– Что произошло? – потребовал я. – Отвечай немедленно.

– Ничего не произошло. Мы гуляли. Сидели на лавочке, говорили.

– О чем?

– Не помню. О всякой чепухе. Даже жениться собирались. А потом он мне говорит, что ему домой пора. Что ему скучно со мной.

– Артем? Так сказал?

– А чего удивительного? Я была с ним совершенно согласна. Смотрю и думаю – и зачем мне тратить время на этого акселерата? Надо учиться, думать о будущем.

– А потом?

– Потом он ушел. Я посидела еще и решила домой идти. А потом вдруг стало страшно одной. И зло взяло на этого Артема. Вот я и заплакала. И ничем он меня не обижал. И хорошо, что он сказал мне, что не любит меня. Я то же самое хотела сказать.

– Девушка, – вдруг спросил Сорокалет, – а это далеко отсюда было?

Настасья только сейчас его заметила. Но она была так подавлена, что даже не удивилась.

– Метров сто отсюда, не больше. Мы на лавочке сидели, над рекой.

– А кто-нибудь к вам подходил? – спросил Сорокалет.

– Не знаю, мы целовались... – И Настасья вдруг осеклась, будто сама удивилась своему ответу. – Целовались... Странно, зачем? Там проходил один человек. Я даже застеснялась. Он остановился рядом...

Тут я понял, куда клонит Сорокалет, и спросил раньше, чем он успел задать этот вопрос:

– У него был черный саквояж?

– Саквояж? Не знаю. Какой-то чемодан был. Или портфель. Он еще открыл его...

– Руслан! – приказал я. – Оставайся здесь и береги Настасью. Чтобы от нее ни шагу!

И я побежал вперед. Потому что Сорокалет побежал первым и я не хотел оставлять его одного.

Глава шестая

Шагов через сто мы выбежали на небольшую площадку над рекой. Там стояла скамейка. Пустая. И никого рядом.

Но уйти они далеко не могли.

Сорокалет крутил головой, как будто разыскивал следы. Конечно, я поступил неправильно. Надо было взять Руслана с собой. Настасью и Руслана.

Сорокалет нагнулся и поднял с травы что-то светлое.

Я подбежал к нему.

Сорокалет держал в руке толстую пачку сторублевок. Я оглянулся. Как грибник, который увидел, что его товарищ нашел великолепный гриб и смотрит, нет ли других по соседству. Еще одна пачка лежала в кустах.

– Все ясно, – сказал Сорокалет. – Он выкидывал их, чтобы добраться до приборов. Ему захотелось отнять у них чувства.

– А деньги как же? – спросил я.

Сорокалет вытащил одну из бумажек и посмотрел сквозь нее на свет только что загоревшегося фонаря.

– Никаких водяных знаков, – сказал он. – Типичная липа.

– Значит, они не только мысли...

– Значит, они могут воровать и чувства. Сильные чувства.

– Тем более, – начал я. – Я лучше погибну, но мою сестру обижать не дам.

Сорокалет поднял руку, чтобы я замолчал.

Было очень тихо. Так тихо, что было слышно, как за рекой, очень далеко, гуднула машина.

Потом я тоже услышал шорох в кустах.

Сорокалет пошел туда осторожно. Как будто подкрадывался к бабочке.

Я за ним.

За купой деревьев была еще одна поляна. Там стояли два человека. Было почти темно, и я не сразу догадался, что они делают.

Человек пониже ростом, тот, возле которого на траве стоял черный саквояж, снимал с другого одежду. И это было невероятное зрелище. Настолько невероятное, что мы замерли. Тот, которого раздевали, стоял неподвижно и не возражал. Я вдруг понял, что это шофер инкассаторской машины. Потом он поднял руки, чтобы удобнее было снять с него рубашку.

Его тело странно поблескивало под отсветом далекого фонаря.

Похититель бросил рубашку на траву. Там уже лежали брюки. Стояли рядышком ботинки.

Потом он нажал своему напарнику на затылок, и тот вдруг сложился. Как карточный домик. Раз – и на земле лежит лишь плоская пластина.

Человек поднял пластину, сложил ее вчетверо, открыл саквояж и положил пластину внутрь.

Затем вышел на середину поляны и поднял вверх палец.

И тонкий луч света вылетел из пальца и протянулся вверх.

В тот же момент Сорокалет смело вышел из кустов и в два прыжка добежал до похитителя.

Похититель почувствовал опасность и обернулся, одновременно наклоняясь, чтобы схватить саквояж.

Но тут в схватку вступил и я.

Я знал, что меня сейчас ничем не испугаешь – ни пистолетами, ни космическими бластерами. Мне удалось во вратарском прыжке дотянуться до саквояжа и вырвать его.

– Вы с ума сошли! – закричал тонким голосом похититель. – Сейчас же отдайте! Я позову милицию!

Он потянулся к саквояжу, но Сорокалет встал на его пути.

И тут все вокруг потемнело, потому что сверху совершенно беззвучно начало спускаться что-то черное. Оно закрывало синее, в низких облаках небо. Оно было похожим на шар, точнее я не разобрал.

Внизу открылся круглый люк, и из него выкатилась, разворачиваясь, лестница. Похититель бросился было к ней, потом обратно к саквояжу.

– Отдайте! – кричал он. – Это мое! Я не могу без этого возвращаться!

Он рвался ко мне, и я отступил на несколько шагов. Сорокалет старался остановить его.

Похититель наставил палец на Сорокалета, и тонкий луч света ударил изобретателю в лицо. Тот зажмурился.

Мне удалось во вратарском прыжке дотянуться до саквояжа и вырвать его.

– Я знаю тебя! – сказал тогда похититель. – Я понял. Отдайте мой накопитель, и я верну вам ваши мысли.

– Нет, – сказал Сорокалет. – Нам нужно все.

– Я убью вас!

Но тут из черного круга раздался тревожный звонок. Короткий и требовательный.

И я увидел, как люк начал медленно закрываться.

– Отдайте! – крикнул похититель. – Я вам заплачу! Я не могу вернуться без добычи! Меня ликвидируют!

– Вы не только вернетесь без добычи, – сказал Сорокалет, и я даже удивился, потому что никогда не слышал у него такого твердого голоса. – Вы еще скажете тем, другим, которые хотят поживиться у нас, чтобы Землю они облетали стороной. В следующий раз мы не только отнимем украденное. Мы еще...

Договорить Сорокалет не успел, потому что звонки с «корабля» стали звучать все чаще, короче и настойчивей.

– Спешите, – сказал тогда Сорокалет, видя, как похититель мечется между люком и нами. – Если не хотите остаться здесь и ответить за все, что вы натворили...

Похититель как-то странно пискнул и буквально взлетел в воздух.

Он успел втиснуться в люк в самый последний момент. И тут же черная громада космического корабля начала медленно подниматься к облакам, затем все скорее, скорее и исчезла в них.

Я только тогда понял, что стою с задранной головой.

– Вот и все, – сказал Сорокалет. – Один-ноль в нашу пользу. Но игра еще не окончена.

Он первым пошел обратно.

Я за ним.

Он обернулся.

– Не тяжело? – спросил он.

– Нет, – сказал я.

Мы молчали. Мы оба очень устали. И я не знал, что делать дальше.

Мы спустились мимо скамейки, где нашли сестру, затем прошли еще ниже, к дереву, где должны были ждать нас Настасья с Русланом. Но их не было. Они уже ушли. Я не беспокоился. Когда рядом Руслан, ей никто не страшен.

Сорокалет прошел еще несколько шагов, до скамейки под фонарем.

И сел.

– Как будто весь день дрова колол, – сказал он. – Давай сюда саквояж, поглядим.

Мне и самому уже не терпелось открыть саквояж. Но я понимал, что Сорокалет больше меня разбирается в таких вещах. Хотя в таких вещах не разбирался ни один человек на Земле.

Сорокалет открыл саквояж, вытащил сверху тугую пластину и положил рядом с собой на сиденье.

– Очень любопытный тип робота, – сказал он. – Этим мы еще займемся.

Его пальцы легко, словно ощупывая, бегали по кнопкам на панели внутри саквояжа.

– Может, отнесем завтра в институт кибернетики? – спросил я. – А то как бы не сломать.

– Я осторожно, – сказал Сорокалет.

Я вспомнил, что он тоже многое забыл за сегодняшний день. Может, вчера он, как великий изобретатель, разобрался бы во всем, но сегодня он неполноценный гений. Как и я. Смешно даже, шел к изобретателю, как коллега к коллеге, чтобы рассказать ему о моей системе экологической гигиены, о корабле, который собирает грязь, об очистителе воздуха... и тут я представил этот очиститель воздуха с такой ясностью, будто изобрел его только пять минут назад.

Я не сообразил, что же произошло. Но не удержался и сказал:

– Кстати, я вам сегодня хотел рассказать о моей системе...

И я увидел, что Сорокалет смеется.

– Вы чего?

– А система будет работать?

– А почему нет? – спросил я. – Ее принцип прост и надежен...

– Значит, все в порядке, – сказал Сорокалет и еще сильнее повернул рычажок.

И в этот момент я вспомнил все и даже представил себе то, о чем думал последние дни и не мог решить.

– Вот так, – сказал Сорокалет. – Завтра я настою, чтобы вновь собрали ученый совет. И покажу им, скептикам, где раки зимуют!

– Ура! – сказал я негромко. – Мы победили.

– Не обольщайся, – сказал Сорокалет. – Нам еще предстоит трудная работа, чтобы убедить скептиков в опасности, которая совсем не исчезла. Мы не знаем, может, на Земле орудуют сейчас и другие ловцы мыслей и чувств. И наше счастье, что у нас есть этот саквояж. Это называется вещественное доказательство.

– Правильно! – сказал я. – Без него нам никто бы не поверил. А с ним – куда денешься! Вы только не забудьте этого складного инкассатора. Он нам тоже пригодится.

– Любопытно, – сказал Сорокалет, будто и не слушая меня. – Я все ломал себе голову, как они решают, какие мысли им нужны, а какие нет. Какие чувства стоит украсть, а какие можно игнорировать.

– И что же?

– Тут есть индикатор интенсивности. Чувств и мыслей. Если содержание мысли выше определенного уровня, она уже представляет интерес. То же касается и чувств...

– А они нас не завоюют? – спросил я.

– Ого, – сказал Сорокалет, – интенсивность твоих чувств выше нормы.

– А вдруг они будут мстить?

– Судя по всему, не завоюют. Они избрали, с их точки зрения, самый рациональный путь. Мысли и чувства – самое ценное в Галактике. Эта добыча получше всего золота мира.

Он поднялся и сказал:

– Пора, коллега. Поздно. Парк уже, наверное, закрыли. Придется перелезать через забор. Пошли.

Мы быстро шли по парку. Мы были совершенно одни. Мы все время говорили, потому что нам было о чем поговорить, несмотря на разницу в возрасте и образовании. В одном мы только не сошлись. Я был уверен, что с этими пришельцами надо бороться, как с самыми страшными преступниками. А Сорокалет начал доказывать мне, что, как только они поймут, что нас голыми руками не возьмешь, мы можем достичь понимания и даже сотрудничать. Мы сможем добровольно делиться с ними мыслями и взамен тоже многое узнаем.

– Нет, – сказал я, когда мы уже подходили к выходу из парка, – это вампиры. И не нужны мне их достижения. Мы сами все придумаем. Только не надо нас грабить.

К счастью, ворота парка еще были открыты.

Мы вышли на площадь. Впереди была видна одинокая машина, оставленная пришельцем. Наверное, ее хозяин с ума сошел, разыскивая ее. Найдет, ничего. И я представил, как сейчас украденные мысли летят над городом, возвращаясь к владельцам, и люди, которых ограбили и которые не подозревают, что их ограбили, вдруг вспомнили забытую формулу или редкий язык, конструкцию станка или план дома. Или смотрят на свою жену и думают – как я мог не любить такую замечательную женщину?

И тут я увидел наших глупых влюбленных.

Они сидели неподалеку, сбоку, на ступеньках, и не заметили нас.

Руслан тоже не заметил. Он спал, вытянувшись во весь рост на асфальте.

Они сидели, обнявшись, прижавшись друг к другу, и тихо ворковали.

Будто расставались на пять лет и случайно встретились вновь.

И мне, хотя я и не одобряю этих нежностей, было приятно на них смотреть.

Руслан почуял нас, проснулся, медленно поднялся и радостно рявкнул. Так, что листья с деревьев полетели. И самое удивительное – Настасья с Артемом этого не услышали.

Геркулес и гидра

Глава первая

На южном берегу Азовского моря воды мало и удобств для отдыхающих нет. Иначе бы давно застроили эти места пансионатами и санаториями. Может быть, кому-то это бы понравилось, а я рад, что наши места довольно пустынны. Если мне очень захочется цивилизованной жизни, я всегда смогу сесть в автобус и доехать до Керчи или до Симферополя. Это не значит, что я нелюдимый анахорет, прячусь от человечества. Просто не люблю толкотни. После десятилетки я пойду в мореходку. А может быть, в университет, на исторический. То есть еще в прошлом году я был убежден, что пойду в мореходку, а этой весной к нам, на мыс Диамант, в километре от поселка, приехала экспедиция профессора Манина и круто изменила мою жизнь. Кстати, это относится не только ко мне, но и к Макару Семенцову из моего класса. Он вообще не хотел идти в институт. У него масса концепций. Одна из концепций относится к паразитизму. И звучит так: если ты имеешь возможность отрабатывать долг обществу, начинай это делать как можно скорей. Впрочем, у Макара есть жизненные обстоятельства. Если у меня мать бухгалтер в совхозе, сестра

уже работает телефонисткой и отец присылает деньги, то у него только отец-инвалид – почти слепой. Отец-одиночка, редкий случай. И лет с десяти Макар тянет на себе все хозяйство.

Я рад, что у нас здесь вольно. Можно пройти десять километров по степи и не встретить ни одной души. За соленым озером подняться на высокий пологий холм, где остались каменные плиты древнего татарского кладбища, потом узкой лощиной, где растет несколько старых тополей, добраться до заброшенной армянской часовни, за которой кусок обвалившейся стены. Наши археологи ездили к этой часовне и так и не столковались, кто строил стену. Манин думает, что она осталась от генуэзцев, а Борис уверен, что ее построили готы. Удивительный у нас край. Кто только здесь не жил. Наш поселок Ключи тоже старый. Говорят, что его основали при Екатерине, то есть в восемнадцатом веке, когда Крым присоединили к России и поселили тут солдат-инвалидов. Солдаты научились ловить рыбу, ее тогда в Азовском море было много, стали разводить виноград и давить вино. А Ключами поселок назвали из-за источника. Он испокон века бьет из-под скалы. Это место обложено хорошо отесанными плитами. Лет пять назад неподалеку пробили артезианскую скважину. Только ошиблись. Скважина работает неравномерно, а в источнике воды убавилось. Типичный случай нарушения баланса в природе. Так что у нашего поселка так и не появилось возможностей вырасти и обзавестись санаторием или заводом. Зато тихо, свободно.

А вот Томат недоволен. Я еще вчера, во время очередного спора, сказал своей сестре Люсе: если не нравится, чего приезжает третий год подряд? Разумеется, Люся отвечать мне не стала. Соврет – я начну смеяться, скажет правду – умрет от стыда. Дело в том, что Люся до сих пор надеется, что этот Томат на ней женится. Честное слово! Ну хоть бы он дал ей понять, насколько пусты ее глупые надежды. А он хитрит. Ему куда выгоднее жить у нас под видом почти жениха. И мать покормит, и Люся бельишко постирает. Только я никогда и ничего для него делать не буду. Это вопрос жизненных принципов, потому что Томат – дутая величина, а я не выношу лжи. Простите, но это так.

Разумеется, в свете истории, которая произошла в последние дни, мои слова могут показаться кокетливым бредом, притворством и лицемерием. Я выступал в ней последним лжецом и подонком. Но разве не бывает

так, что человек, который не выносит кипяченого молока, вынужден глотать его, чтобы не расстраивать любимую бабушку? Со мной такое было, в детстве.

Я не знаю, с какого момента вести отсчет этой истории. Может быть, с весны. Может, с приезда Томата. Так как весна была раньше, я начну с нее.

Манин приезжал сюда прошлым летом, но меня в то время в поселке не было. Я устроился в строительный отряд и уехал на два месяца в Таганрог. Мне было четырнадцать лет, но выгляжу я на все шестнадцать из-за акселерации. Так вот, Манин приезжал на разведку и решил, что они будут копать городище на мысе Диамант, возле которого, спускаясь к морю, и разместился наш поселок. Мыс Диамант вдается довольно далеко в море и обрывается к нему почти стометровым обрывом. Из травы там высовываются углы каменных плит, а внизу под обрывом, который море понемножку размывает, иногда можно найти обломок кувшина или даже монеты. У меня долго лежал довольно красивый обломок амфоры – размером с две ладони. На нем был нарисован почти белый сатир с копытами, он гнался за нимфой; к сожалению, ее голова была за пределами обломка. Люся подарила этот обломок Томату еще в прошлый приезд и мне ничего не сказала. Я, может, и забыл бы о нем, если бы не Манин. Когда весной появилась экспедиция, Манин спрашивал, нет ли у кого в поселке вещей с мыса Диамант. Некоторые принесли. Я тоже хотел принести, но обломка не было. И тогда Люся сказала, что подарила его Томату. Думала, что мне не нужно. Можете представить, какую сцену я ей устроил.

Наверное, было бы романтичней, если бы экспедиция жила в палатках над морем. Но они предпочли снять здание нашей восьмилетки. Там поставили раскладушки.

Разумеется, мне хотелось поработать на раскопках. Я люблю читать исторические книги и всегда интересуюсь нашим прошлым. Так что для меня приезд экспедиции был везением. А то, что Манин набирал рабочих, стало везением номер два. Ну из кого ему было набирать рабочих в нашем не очень многолюдном поселке? Разумеется, из старшеклассников. Так мы и попали на раскопки Тавманта. Правда, я вам должен сказать, что даже Манин не уверен, Тавмант мы копаем или нет. В Крыму еще много загадок, особенно когда это касается античных времен. Ка-

кой-нибудь Херсонес или Пантикапей известны на весь мир, да и тогда тоже были известны. А вот небольшие городки, разбросанные по берегам Черного и Азовского морей, порой не попадали в исторические труды. Или если попали в Перипл, это что-то вроде лоции, их не так уж легко определить. Тем более мы уже в первые недели обнаружили, что верхние слои городка относятся к периоду Хазарского каганата, а люди ушли оттуда только к концу десятого века. В общем, сказочно интересная работа. И люди мне понравились. Мне с ними было хорошо.

Я понимаю, приезжает на новое место коллектив. В нем старые знакомые, ученые, много студентов-историков. У них общие интересы, они и в Москве знакомы. Поэтому рабочие, такие, как мы, обычно остаются в стороне. Например, Солодко, из соседнего дома, она отработала свои часы и спешит на огород или по дому заниматься. Для нее это только приработок. Но что касается нас с Макаром, получилось иначе. Сначала я сблизился с Борисом, потому что мы друг другу понравились. Хотя он и кандидат наук, но в нем есть молодость души, если вы меня понимаете. Макар не так быстро сходится с людьми, как я. Может, это из-за разного физического развития. Я играю за район в баскет и стометровку проплываю со скоростью вельбота дяди Христо. В общем, у меня нет комплексов. А Макар держится только на чувстве собственного достоинства. Он толстый и мягкий. И близорукий. Ну прямо чудак-ученый из романа. Что ему помогает жить на свете – это его талантливость. Он удивительно талантливый человек, иногда наши преподаватели просто разводят руками. Но притом он невероятно стеснительный и поэтому бывает очень грубым. Понимаете? Так вот, я через две недели стал в экспедиции своим человеком. Костя, где ты? Костя, сгоняй за пивом на «рафике» (у меня юношеские права). Костя, достань лодку, вечером в море пойдем... Костя

здесь, Костя там, но я не обижаюсь, потому что ничего обидного в этом нет. Я сам себя так поставил. Да они и не обижают. В конце концов, я могу большинство студентов положить на лопатки в сорок секунд. Это ничего, что я такой худой. Возрастное. Когда мне не хочется возвращаться домой и глядеть на Томата и слушать его банальные речи, я остаюсь в школьном здании ужинать, потому что вечером начинается самое интересное. И песни под гитару, и споры, и даже танцы. И еще лучше, если разговорится Манин. Совсем необязательно он говорит об археологии. Знаете, он из тех людей, которых все волнует. Он и о летающих тарелочках будет рассуждать, и об охране природы, и о литературе. Его выдвинули в члены-корреспонденты и, может быть, изберут. Я бы его давно избрал, хоть он и сравнительно молодой.

Макар поначалу в экспедиции не задерживался. Прямо с раскопа, не заходя в школу, шагал домой клепать свой телевизор. Он вроде бы придумал принципиально новую схему, какой еще нет ни на одном заводе. Не знаю, что у него выйдет, но времени он потерял на это месяцев семь. Если настойчивость – свойство таланта, то Макар – самый талантливый человек на Азовском море. И самое любопытное то, что это не только мое мнение. Его разделяет со мной Игорь Маркович. Игорь Маркович Донин – это новое лицо в нашей экспедиции, и личность таинственная. То есть он таким мне показался сначала. Представляете, недели через две после начала работы, когда мы только-только сняли хазарский слой и пошли на антику, приезжает крытый фургон. День был жаркий, парило, море казалось свинцовым, а небо словно выцвело. Работать не хотелось, в раскопе было душно и пыльно. Поэтому, когда приехала машина, мы все полезли наружу.

Из кабины вылез очень высокий изможденный человек в темном костюме и при галстуке – самое нелепое сочетание, какое только можно приду-

мать. Этот человек постоял под раскаленным солнцем, всматриваясь в пыль. И тут из раскопа вылетел наш круглый, маленький, крепкий Манин, в майке и шортах, понесся по солнцу к машине с диким воплем:

– Игоречек! Игореночек, Игорюшка, ты мой спаситель, я тебя люблю!

Изможденный человек сделал два больших шага вперед и принял нашего профессора в объятия. Голова Манина утыкалась в живот Игоречку, и тело сотрясалось, словно от рыданий. Потом из раскопа вышел сутулый Борис, поправил указательным пальцем очки на переносице и спросил:

– А как же ты нас нашел?

– Ах, не говори, – сказал Игоречек печальным голосом.

Так в нашей экспедиции и появился Донин с его машиной. Машина занимала весь фургон, ее разместили в пустом школьном гараже. Отец дяди Христо, Константин, стал сторожем при гараже, а монтировали ее сам Игоречек и его техник по прозвищу Кролик, тяжелоатлет с красными глазами и всегдашним желанием улечься в теньке и заснуть минут на шестьсот.

С приезда машины жизнь моего Макара изменилась. На второй день он заглянул в гараж, потому что у него нюх по части всякой техники, и там остался. Я теперь даже не знаю, спит он когда-нибудь, ходит ли домой – он превратился в придаток той машины. Но не в бесполезный придаток, а в самого главного человека. Кролик теперь может спать спокойно – машина в надежных руках. Сам Игоречек говорит, что ему сказочно повезло. Найти пятнадцатилетнего технического гения в деревне Ключи – это и есть сказочное везение.

Макар – человек немногословный, сам о себе ничего не рассказывает. Но если бы у меня были комплексы, я бы убил его из ревности. После

Манина Макар стал самым популярным человеком в экспедиции. Тут у нас в прошлую пятницу приезжала корреспондентка из Симферополя написать о перспективах раскопок, что мы найдем в этом сезоне. Сама задача нелепая – если бы мы знали, то не искали бы. Манин ее уверил, что надо писать не о раскопках, а о Макаре. Только корреспондентка не оценила хитрости нашего профессора, который боится корреспондентов, и всерьез написала целый очерк о Макаре, начиная с его успехов в первом классе. Правда, она больше домыслила, так как от Макара монологов не добьешься.

Поэтому в событиях прошлой пятницы Макар сыграл очень важную роль. Тем более что Кролик, извините за выражение, запил и из фургона не вылезал. И основная тяжесть подготовки нашей установки выпала на Игоречка с Макаром.

Следовательно, мы имеем деревенского гения Макара, меня в роли всеобщего друга и прислуги за всех, Игоречка, Манина, двадцать студентов и столько же рабочих из нашего поселка. И имеем Томата. Тут Томат и выходит на сцену.

Томат появился в нашем доме в позапрошлом году.

Появился он в своих «Жигулях» второй модели, подтянутый и страшно скучный. Он умудрился с первых же слов внушить полное доверие моей матери, трепетание чувств в Люсе и неприязнь во мне.

Все в нем нормально. Бывает же такой нормальный человек. И зубы у него целы, и глаза не косят, и печень не беспокоит. Он сразу сообщил моей матери, что родом он из Подмосковья, по профессии экономист с заграничными перспективами, машину купил на собственные сэкономленные деньги и намерен отдыхать в нашем поселке, так как слышал от надежных людей о нашем целебном воздухе и море, а также узнал о нашей здесь дешевизне на фрукты и овощи. К нам его направили из крайнего дома, так как у нас пустует комната, а мы нуждаемся

в деньгах. Он же нуждается в приведении своего тела в бодрое и загорелое состояние (без излишеств, ни боже мой!), отличается добрым нравом, тихим характером, не употребляет спиртных напитков, притом холост и ищет жену из хорошей семьи и с положительными душевными данными. Моя мать была сражена этими сведениями, будто ей предложили сдать комнату ангелу небесному.

Самое обидное, что при всей моей ненависти к этому человеку, я ничего не могу сказать о нем плохого. Томат гладок, ему лет тридцать, он спокоен, в самом деле не пьет и не курит и не терпит, когда в его присутствии это делают другие, он обожает эстрадную музыку, но не современную, а с опозданием лет на десять-тридцать, ночью не храпит, ловит рыбу на удочку и отдыхает изо всей силы. Отбыв у нас месяц, он уехал обратно на своем сверкающем «жигуленке» с тремя запасными колесами, прислал нам поздравления к седьмому ноября и Новому году, а потом заявился вновь, на следующее лето. И в третий раз – на той неделе.

Больше всего на свете я боюсь, что он в конце концов женится на Люсе и будет жить в нашем доме, или увезет Люсю в свое Подмосковье. Люся не красавица, но привлекательней ее я девушки не знаю. Даже студенты из экспедиции со мной совершенно согласны, а они в Москве видели всяких девушек.

Люся неглупый человек, все понимает и сомневается, но общественное мнение поселка ее уже выдало замуж за Томата, и она тоже с этим смирилась. Жалко мне ее смертельно, но поймите – в нашем поселке с женихами просто катастрофа, не ехать же ей в Симферополь в поисках семейного счастья, если она любит Ключи и хочет здесь жить, а в то же время ей уже двадцать два года, критический возраст, почти старая дева. Томатом я его зову по простой причине. У него фамилия – Пасленов, а помидоры относятся к этому семейству. И щечки у него красные, вот-вот лопнут. Видите, как я его не выношу. И, наверное, прав Макар, который утверждает, что я не люблю его не за объективные отрицательные качества, а потому, что на каждую мою отрицательную черту у Томата есть положительная.

Все мои минусы в сумме не дают плюса, а все его плюсы превращаются в такой огромный плюс, что он для меня как флюс (каламбур – игра слов).

Но есть у Томата одно отрицательное качество, я его именую вещизмом. Он обожает вещи. Разные. Особенно свои. Он обожает свою машину,

она у него лучшая в мире, он обожает денежки, он обожает наш поселок, потому что он в нем отдыхает, и очень дешево, он, боюсь, обожает и мою сестру. Только решить вопрос о женитьбе он не может так вот сразу, за три года. Я думаю, он еще лет пять у нас постолуется, а потом или женится, или найдет себе другое тихое недорогое место.

У него, как у человека бережливого, скажем даже, жадного, есть удивительное умение хвалить свои вещи. Вот он привез с собой пластинку ансамбля «Абба». Большой диск. Дефицитный. Говорит, что купил его в Орле и переплатил три рубля. Все может быть. Он привез эту пластинку в подарок Люсе, но, как и все свои подарки (а их накопилось уже штук пять), бережет так, будто от их порчи с ним случится инфаркт. В прошлом году привез банку французского крема, самого лучшего, по его словам. А сейчас приехал и спрашивает: «Как мой крем, пользуешься?» Люся покраснела и отвечает, что крем весь кончился. Вы бы видели его физиономию. Он, наверное, думал, что Люсенька будет всю зиму этот крем нюхать – и только. Люся так смутилась, что принесла ему пустую баночку. Он долго вертел ее в руках, будто удивлялся, какая Люся транжирка, она чувствовала себя преступницей, но молчала. А он ничего больше не сказал, только взял пустую баночку с собой на море, там ее тщательно вымыл и чистенькую поставил на полку в своей комнате.

Раз вы теперь понимаете, какой человек Томат, то тогда понятней будет мое смертельное легкомыслие.

В общем, в четверг вечером, как раз перед тем, как проводить испытание установки Игоря, был день рождения у Шурочки Андреевой. Она аспирантка у Бориса, милое создание, только мне совсем не нравится, потому что шумна и жутко разговорчива. Мы в экспедиции решили, что устроим большой праздник. Манин не возражал, а я думал, что бы такое сделать для ребят, и потом притащил им целое ведро черешни, а когда уходил из дома, увидел, что пластинка лежит прямо на столе – наверное, Томат любовался ею перед уходом с Люсей в кино. И я решил ее прихватить. Все равно будут танцы, а пластинок всего пять штук и все надоели.

Вечер прошел неплохо. Тем более что была очень хорошая погода, а назавтра предстояло испытание машины Игоречка, и Макар с утра не вылезал из гаража, его даже на праздник еле приволокли. Так что настроение у нас было приподнятое, как перед запуском в космос. Это не значит, что

все мы в тот момент представляли, как работает машина, – Манин и Игоречек люди, как ни странно, суеверные, и оба, как оказалось, боялись, что опыт провалится, хотя в Москве его уже ставили много раз.

Шурочка танцевала со мной и уговаривала меня поступать в Москву на истфак. Она, как всегда, говорила без умолку, черные, завитые химией волосы падали ей на лицо, и она все время надувала щеки, чтобы отдуть локоны в сторону. Вообще-то она была очень милой. Это вопрос не личной моей привязанности. Хоть я и акселерат, мне еще только пятнадцать лет и женский вопрос меня практически не волнует.

Потом Манин, Игоречек и, конечно же, Макар скрылись в гараже и там колдовали, но меня это мало интересовало. Мне было хорошо. И было бы еще лучше, если бы не эта пластинка. Я вдруг представил, что Томат вернулся из кино и сразу бросился искать пластинку, а ее нет. Представляете, что тогда поднимется за скандал! Тихий такой скандал, вежливый, лучше утопиться! Я сидел и смотрел, как неосторожно эту пластинку ставят на проигрыватель, но взять ее и унести было неловко. Не могу же я показать, что боюсь какого-то Томата.

Но все на этом этапе обошлось.

Часов в одиннадцать Манин, вернувшись из гаража, приказал нам расходиться, потому что подъем в семь, а в половине восьмого всем приказано быть готовыми к эксперименту.

Я с облегчением забрал пластинку, сунул ее в конверт и, позвав Макара, пошел домой. Мы с Макаром живем недалеко друг от друга, на другом от школы конце улицы. Светила луна, было тихо, даже собаки не брехали.

Макар молчал, был погружен в мысли. Я спросил его, нравится ли ему Шурочка, он даже не понял моего вопроса.

– Игорь Маркович обещал меня взять к себе в институт, – сказал он, и я понял, что любые разговоры с этим чудаком обречены на провал.

Сами понимаете, я свою улицу знаю как свои пять пальцев. Я могу пройти по ней с завязанными глазами в любое время года. И знаю на ней каждую рытвину.

– Ну ладно, – сказал я, – с тобой каши не сваришь.

– И вообще, – ответил Макар, который, оказывается, запомнил мой вопрос о Шурочке, – как ты можешь задавать вопросы о Шурочке, если завтра ты умрешь?

Если бы он при этом улыбнулся или еще что, я бы так не удивился. Но он сказал это неожиданно и так серьезно, что я споткнулся о колоду, лежащую у ворот дяди Христо, и полетел вперед, приземлившись точно на пластинку, и в ночной тишине поселка услышал, как она раскололась. Я лежал в ужасе. А он остановился надо мной и смотрел на меня сверху. И я глупо спросил:

– Почему умру?

– Потому что, – ответил он спокойно. Как будто и не заметил, что я лежу на земле. – Ничего подобного ни ты, ни археология еще не видели.

И с этими словами он повернулся и пошел через дорогу к своему дому.

А я, про себя проклиная его последними словами, встал, поднял превратившуюся в кучку осколков пластинку и побрел домой, моля бога, чтобы Томат еще не вернулся из кино.

Из кино он вернулся, но уже лег спать и вежливо, аккуратно посапывал в своей комнатке.

Я прошел к себе, спрятал разбитую пластинку под кровать и лег спать. И даже, несмотря на мое расстройство, сразу заснул.

Глава вторая

Утром Томат встал затемно и отправился с Христо ловить рыбу. Так что пропажи пластинки он не заметил. Я вздохнул с облегчением, потому что умею забывать о неприятностях, если они случаются не немедленно, и пошел к школе.

Хоть было лишь начало восьмого, все уже поднялись. Все были возбуждены, как будто нашли на раскопке статую Венеры. Двери в гараж были широко открыты, там суетились Макар с Кроликом, Игоречек разговаривал с Маниным.

Потом Манин обратился к нам.

– Коллеги, – сказал он. – У нас есть еще несколько минут, и я сейчас хочу сделать вам сообщение. Давайте пойдем в столовую.

Мы пошли за ним в школьную столовую и расселись на небольших стульях у покрытых пластиком столов. Манин встал у раздачи, где стояли горой еще не мытые тарелки, закурил, потом сказал:

– Не обижайтесь, что я раньше вам обо всем не рассказал. Хотя многие уже слышали об опытах нашего гостя. Но все еще было покрыто туманом неизвестности. Сегодня же он должен рассеяться.

Туман неизвестности – это Манин хорошо сказал. Я люблю таинственные слова. Меня и археология привлекает своей таинственностью. Ты никогда не знаешь, что тебе откроется за поворотом. Сами понимаете, нам всем хочется открыть какой-нибудь храм или богатое захоронение. Все археологи любят посетовать: ах, не дай бог нам богатое захоронение. Мы ненавидим эти золотые украшения и бриллиантовые короны. Сразу приедет фининспектор, надо охрану ставить, и это проклятое золото затмевает чисто научное значение наших раскопок. Одна надпись, даже неполная, дороже всего золота мира. Но я думаю, что они лицемерят. В самом деле, тому же великому Манину всегда приятно, когда про него говорят: это тот человек, который откопал волшебный клад в кургане Седая Могила. Там было восемь ваз и так далее... А кто читает археологические отчеты? Только такие любители, как я. Кстати, Манин обещал мне осенью прислать свои статьи за последние годы. Думаю, не обманет.

Ну вот я и отвлекся. Я и на уроках отвлекаюсь. Я как-то плыл на МРТ в Таганрог, стоял на палубе, задумался, и мне показалось, что я на берегу. Я сделал шаг вперед и нырнул в воду. Хорошо еще, что плаваю как рыба.

– Принцип изобретения нашего дорогого гостя, – продолжал между тем Манин, – заключается в том, что при изготовлении любого предмета нарушается не только форма исходного сырья, но и неуловимые обычными приборами связи в самих молекулах. Вот эта амфора, которую вчера отыскал наш Костя, – тут я немного покраснел, потому что приятно, когда Манин помнит о твоих скромных заслугах, – когда-то была куском глины. Потом ее замесили, положили на гончарный круг, вылепили, затем сунули в печку, обожгли, раскрасили. В принципе, это все тот же кусок глины. Но в ином облике. По химическому составу амфора не отличается от глины, из которой она сделана. Но эта глина помнит, какой она была когда-то.

С философской точки зрения тут что-то было. Я так и сказал, хоть не к лицу простому рабочему, не достигшему совершеннолетия, перебивать профессора. Но у нас демократия.

– Давайте не будем углубляться в философию, – сказал Манин, выслушав меня. Шурочка почему-то хихикнула, можно подумать, что вчера вечером она со мной вовсе не танцевала. Ну я и закрылся в себе.

– Мне важен принцип, – сказал Манин. – Я хочу, чтобы вы его поняли так, как его понял я. Технических деталей процесса мы не поймем.

Это вы не поймете, хотел было я добавить, но, разумеется, промолчал. Хватит с меня Шурочкиных улыбок. Но ведь Макар-то понял лучше любого профессора. Иначе бы эту установку готовил к работе Манин, а не Макар.

– Каждая вещь, – сказал Манин, – имеет память. Это не память в понимании живых существ, а память молекулярная. Моя рубашка помнит, что была когда-то коробочкой хлопка, этот стол помнит, что рос в лесу, даже песчинка на берегу помнит о том, что была частью расплавленной магмы.

Эта идея всем понравилась, и некоторые студенты начали шутить, потому что люди такого склада всегда стараются шуткой скрыть свою растерянность перед сложностью мира. Я замечал это и раньше. Я же становлюсь совершенно серьезен. И сразу перехожу к сути дела.

– Если бы предметы помнили о своем прошлом, то теоретически можно их заставить это прошлое нам показать, – сказал я.

Некоторые засмеялись вслух, а Манин сказал:

– Костя, от того, что Макар тебе рассказал все раньше, не исходит, что ты можешь демонстрировать так называемое знание.

– Чего! – я даже возмутился. – Макар мне ни слова не сказал. Я сам догадался.

Тут все на меня зашикали. В человеческом обществе все теоретически равны, но попробуй только оказаться умнее окружающих. Сожрут. Так что я окончательно и бесповоротно замолчал и даже хотел уйти, но пересилил себя. И остался.

– Ладно, – сказал Манин, – пошли в гараж.

Шурочка подошла ко мне, потому что я отстал. И сказала:

– Скажи, вы, акселераты, обязательно должны свой нос всюду совать?

– Я думал, – ответил я с достоинством, – что нахожусь в демократическом коллективе, и получил по носу. Заслуженно.

– Демократия не означает неуважения, – заметила Шурочка. – Мальчикам не следует стараться быть умнее, чем академики. Всему свое время. Тебе надо еще учиться, учиться и учиться...

– Ладно, шутки в сторону, – сказал я, потому что не умею долго обижаться.

В самом деле, мне было очень интересно узнать, какое можно придумать практическое приложение идее о том, что все вещи мира имеют память.

Как вы знаете, у меня пятерки по истории, геометрию я тоже люблю, но в математике и предметах, где надо иметь дело с голыми цифрами, я профан. Свет я, конечно, в доме починить могу, но уже приемник для меня всегдашняя загадка. Мне проще прожить без приемника, чем копаться в безымянных проводах и схемах. Так что описание их установки было бы, наверно, смешным, если бы я за это взялся. Они перетащили сюда все, что уместилось в фургоне, и в расположении приборов, ящиков и панелей не было никакой логики. К тому же все было смонтировано неаккуратно. Провода провисали, под один из контейнеров был положен кирпич, а в другом была вмятина. Разумеется, этого никто, кроме меня, не заметил. Все стояли открыв рты. Гуманитарии, но далекие от искусства.

Манин уже снова забрался на трибуну. В переносном смысле. Он взял в руки нечто вроде подноса, на котором лежал наш Геракл.

– Вот, – сказал он.

Надо снова отвлечься, вы уж меня простите. Геракла нашли при мне. Правда, без моего участия. Шурочка тогда подошла к одной нашей девочке, что обскребывала ножом угол каменной плиты, и вдруг закричала ей: «Стоп!».

Все, разумеется, прекратили работу. Такой крик мог означать лишь одно – бесценный клад!

Но это был не клад. Просто зоркий взгляд Шурочки уловил в желтой породе инородное вкрапление. Это большое искусство. В первые дни мне могла попасться какая-нибудь ценная керамика, и я бы ни за что не догадался, что это не обычная порода. У тех, кто ездит в экспедицию не первый год, вырабатывается буквально чутье на такое. Чуть потемнее или чуть посветлее. Чуть другая фактура, какая-то полоска, которую вряд ли могла прочертить природа...

Оказалось – голова небольшой статуэтки. Вернее, половина головы – кто-то ударил по ней молотком. Потом показалась рука. Шурочка работала щетками и кистью, а прибежавший Манин почему-то велел собирать на поднос всю пыль, ни крошки не выбрасывать. Тогда я еще не знал, что Манин предусмотрел сегодняшний день. Свойство большого ученого – предусматривать.

И вот сейчас на столе перед машиной лежал поднос. На подносе осколки статуэтки, которую мы отыскали в тот день, и еще кучка породы – крошек мрамора и песка, что лежали на той же плите, что и статуэтка. Состояние ее было настолько прискорбное, что даже такой знаток античности, как Борис, сказал: «Вернее всего, Геракл. Но не гарантирую. Может быть, и Дионис». Представляете, какой разброс? Воинственный герой или бог виноделия.

– Сейчас, – сказал Игорек, который, почесывая седую бородку, возился в панели. – Одну минутку.

– На что мы надеемся? – Манин воспользовался паузой. – Мы надеемся, что вот эти мраморные крошки и осколки хранят память о своем прошлом...

– О куске мрамора? – спросил кто-то из ребят.

– А почему должна быть только одна память? – ответил вопросом Манин. – Вот вы, например, неужели вы помните только тот день, когда

Оказалось – голова небольшой статуэтки. Вернее, половина головы – кто-то ударил по ней молотком.

пошли в школу? А первый урок по алгебре, поездку в пионерский лагерь, первый поцелуй под тополем...

Кто-то засмеялся. Умеют у нас ценить профессорские шутки.

– И каждый предмет может помнить несколько стадий своего существования. Серебряная ложка могла раньше быть монетой или несколькими монетами, из которых ее переплавили. А еще раньше она могла быть серебряным кубком... и лишь в самом начале своего существования на поверхности земли она была самородком серебра. Понятно?

Всем было понятно.

– Значит, если у нас появилась возможность, – Манин широким жестом сеятеля показал на машину, – восстановить память предмета и попытаться ее активизировать, то есть вернуть ему ту форму, которую он имел когда-то, то мы должны научиться варьировать эти слои памяти...

Тут машина зажужжала, включилась, Игоречек сказал Манину, что можно переходить к практической демонстрации, Макар был серьезен, словно запускал спутник номер один с любимой девушкой на борту, даже Кролик проснулся.

Игоречек вставил поднос с осколками Геркулеса в печку. То есть это была не печка, но у меня возникло ощущение, что я смотрю на русскую печь. Жужжание усилилось, и Игоречек с Кроликом уселись за пульт и начали колдовать.

Вообще-то времени прошло немного. Наверное, минут десять. Мне они казались бесконечностью. Ведь когда человеку показывают фокус, ему обычно не дают опомниться. Чтобы не увидел ниточек или запасной колоды. Здесь нам ничего не показывали, но и не спешили. Мне все хотелось пошутить, сказать, что у них там лежит запасной Геркулес. Я понимал, что это недозволительная шутка. Еще Борису так можно пошутить, а мне не простят. Поэтому я молчал. Мать вечером мне рассказала, что напряжение в сети село, видно, Игоречек не учел возможностей нашей станции. Но в основном все прошло незамеченным. У нас происходило событие космического значения, а они, видите ли, ничего не заметили. Хотя, наверное, до сих пор где-нибудь в Новой Гвинее есть племена, которые не подозревают, что люди уже побывали на Луне. Ведь может так быть?

– И каждый предмет может помнить несколько стадий своего существования.

В гараже было жарко, воздух снаружи был неподвижен. Восемь часов, а жарко, как в обед. Я подумал, что завтра-послезавтра погода должна испортиться. У меня на этот счет предчувствия.

Игоречек встал со стула, притащенного из школы, и сказал:

– Вот вроде и все.

Манин погасил папиросу в банку из-под сардин, но остался стоять. Я понял, что он трусит. Для него это открытие важнее, чем для многих других людей.

– Ну, – сказал он наконец. Как будто был обижен на Игоречка.

А Игоречек сказал:

– Макар.

И только Макар вел себя так, словно ничего не произошло. Он спокойно поднялся, подошел к русской печке, подобрал свой живот, вздохнул и достал поднос. И поставил его на стол.

На подносе лежал на боку Геракл с поднятой дубиной. Он, видно, хотел пришибить этой дубинкой животное на львиных ногах с девятью головами, из которых три головы валялись у его ног на подставочке. Вся эта скульптура была ростом сантиметров тридцать. А чудовище на львиных ногах, как я потом узнал, называлось гидрой. Отсюда и пошла «гидра контрреволюции».

Макар глядел на Геракла, почесывая ухо. Все остальные оставались на своих местах, потому что не знали, что делать.

И, наверное, прошла минута, не меньше, прежде чем начался шум. Он поднимался по кривой, становясь все сильнее, потом уже все кричали «ура!» и, выбежав на улицу, вытащили Игоречка, качали его и уронили в пыль. А Манину и Макару с Кроликом удалось убежать.

На свету мы рассмотрели Геракла получше. Он, к сожалению, оказался не идеальным. Видно, каких-то крошек и кусочков не хватало. Дубинка была обломана, на одной руке не было пальцев, и коленки не хватало. И у гидры не было ноги. Но, сами понимаете, разве это так важно?

Манин объявил, что работы сегодня не будет.

Вы бы послушали, как все возмутились и добились все же от профессора разрешения работать после обеда. И я понял почему. Потому что я и сам требовал, чтобы работать. Каждый из нас надеялся, что именно

сегодня он отыщет разбитую чернолаковую вазу или килик, а может, статую Венеры или раздавленный камнем золотой клад.

А пока суд да дело, Манин взял плавки и отправился купаться.

Надо знать Манина. Когда у него неприятности или какой-нибудь скандал, он всегда таким образом себя успокаивает. Берет плавки и идет купаться. Психотерапия.

Разумеется, сегодня никаких неприятностей не было. Но нервное потрясение такое, что стоило десяти неприятностей.

Я убедился в этом, когда вылез из моря и улегся на песке, раздумывая о последствиях нашего изобретения для науки. Но раздумывать было трудно, потому что неподалеку, вылезши из моря, разговаривали Манин с Игоречком. Они не таились, больше того, двое или трое археологов даже подползли к ним поближе, чтобы лучше слышать. Но я не подползал. Мне и так было слышно.

– Я тоже переживал, – говорил Донин. В его седой бородке набился песок, и он выскребывал его тонкими сухими пальцами. Совсем не похож на научного гения. – Одно дело – испытания в институте. Мы могли их вести еще месяцами. И директор категорически запретил нам вывозить установку на юг.

– Значит, ослушался? – спросил Манин лениво. Он лежал животом кверху, закрыв глаза.

– А твоя телеграмма? – спросил Игоречек. – А твои звонки в президиум? А твои пробивные способности?

Манин ничего не ответил, и тогда Игоречек заговорил снова:

– В институте можно умом все понимать, а вот почувствовал я только здесь. Знаешь, я смертельно боялся, что сорвется. Мне было бы стыдно. Понимаешь?

– Угу.

– Ничего ты не понимаешь, самодовольный индюк!

– Угу.

– С сегодняшнего дня твоя наука станет иной.

– Сколько же вы делали опытный образец? – Манин вдруг сел и открыл глаза.

– Ну, несколько лет...

– Вот именно, – сказал Манин. – Значит, дождемся мы таких установок дай бог через десять лет. Правда?

– Но ты – раньше.

– Не знаю. Пока наступит то светлое время, когда твои восстановители будут продаваться по безналичному расчету, миллион организаций и десять тысяч ученых прослышат про эти возможности.

– Ну и что?

– А то, что археологов оттеснят на одно из последних мест. Склеивайте древним способом, скажут нам.

– Преувеличиваешь, Валентин, – сказал Игоречек.

– Не настолько, чтобы отступить от правды.

– А я думаю, что это не так важно. Важны перспективы, – сказал Борис. – Как-нибудь поделимся и с реставраторами.

– Если бы реставраторы только...

– Ты уже завидуешь, – сказал Игоречек.

– Еще бы не завидовать! Как профессионал, я вижу принципиально новое будущее археологии. За исключением редчайших везений, нам попадаются осколки, ошметки прошлого, и мы занимаемся тем, что складываем загадочные картинки по крохам. И потом еще спорим, туда ли положили песчинку.

– Сколько будет целых сосудов и статуй! – сказала Шурочка.

– Узко мыслишь, – сказал Манин. – А текст, смытый тысячу лет назад, чтобы снова использовать лист пергамента? А запись, затертая врагами? А спекшиеся куски ржавчины? А картины, записанные новым слоем краски? А иконы, которые приходится месяцами расчищать? А окислившиеся безнадежно монеты? Я могу продолжать этот перечень до вечера. Понимаете, наша наука может завтра стать точной наукой, как математика... и теперь мы должны ждать, пока твою установку выведут из бесконечной стадии экспериментов, утвердят, одобрят, пустят в производство, а потом она археологам не достанется.

Манин был разумным пессимистом. Он сам так всегда говорил.

А Игоречек был оптимистом. Поэтому он ответил:

– Паровозов сначала тоже было один-два, и пассажиры на них не ездили. К ним не подпускали.

После обеда мы все-таки пошли на раскоп, но никто ничего стоящего не нашел. Так, наверное, и должно было быть.

Потом мы все вернулись в школу и еще минут десять любовались Гераклом, который поражал Гидру Лернейскую. И придумывали, что еще можно сделать с помощью машины. Правда, Игоречек сказал, что после испытания установку надо проверить и снова мы займемся восстановлением вещей только послезавтра.

Я пошел домой один, потому что мой друг Макар, разумеется, остался в гараже – его от установки трактором не оттащишь. Сначала я думал о великом прогрессе науки и о том, что стану археологом, но чем ближе подходил к дому, тем больше у меня портилось настроение. Сначала я даже не мог догадаться, почему оно портится, но потом вспомнил о пластинке и стал уже думать, как бы мне незаметно съездить в Симферополь и поискать ее там в магазине. Но откуда у меня целый день на это? Может, лучше сознаться?

Мои самые плохие предчувствия оправдались.

Томат был дома. Чистенький, гладкий, в джинсах и безрукавке с Микки Маусом на груди. Просто не человек, а мечта о положительном человеке.

Люся еще не возвратилась с телефонной подстанции, а мать возилась в огороде. Мне показалось, что он меня давно ждет. Уж очень у него загорелись глазки, когда я вошел в большую комнату. Он в тот же момент возник на пороге.

– Здравствуй, Костя, – сказал он ласково. – А я тебя жду. Что, трудный день выпал?

– Обыкновенный день.

Не будь его дома, я бы матери и сестре весь вечер рассказывал о Геракле. Но при нем у меня буквально рот не раскрывался.

– Что задержался?

Он ведет себя у нас в доме, словно жил здесь всегда. Ему так нравится. Я подозреваю, что ему в его Подмосковье некого было угнетать и учить. Вот и приезжает к нам отдыхать таким образом.

– Работал, – сказал я.

Я вдруг понял, что смертельно устал. День-то был фантастически длинным и с фантастическим приключением.

– А я рыбачил, – сказал он. – Гляжу с моря, а вся ваша экспедиция лежит на пляже. Представляешь? Никто не работает, все лежат на пляже. Мне далеко было, я не разглядел, были ты там или нет. Но ведь это все равно? Государство вкладывает огромные деньги в освоение нашего культурного наследия. И если люди, которые отвечают за это освоение, будут лежать на пляже, что станет с государством?

– Рухнет, – сказал я убежденно. Не объяснять же ему, что у всей экспедиции был эмоциональный стресс?

– А ты заходи, заходи ко мне, – сказал Томат. Вы знаете – он если купается, потом завязывает волосы платочком, чтобы сохранять прическу?

Я зашел. Я понимал, что все эти слова – вступление к войне.

В его комнатке, здесь раньше жил отец, стоял его верстак, странное сочетание девичьего порядка и лавки старьевщика. У Томата страсть к вещам, которые могут пригодиться. Вот он идет с пляжа, волочит шар – стеклянный поплавок, который выкинуло на берег. Зачем человеку может понадобиться стеклянный поплавок?

– Это удивительная находка, – сообщит он нам вечером, за чаем. – Вы представляете, что из этого можно сделать?

Мы, разумеется, не представляем.

Тогда он подождет, насладится нашей тупостью и сообщит что-нибудь вроде:

– Мы прорезаем в нем отверстие и изготовляем светильник. Для нежилых помещений.

Не изготовит он этого светильника, но на весь вечер счастлив: приобрел. И вроде бы не больной человек, почти столичный житель, а иногда ведет себя как провинциальная баба. Садится в машину (меня никогда

с собой не берет), едет в Керчь: там что-то дают – от баб услыхал на базаре. Привозит японские плавки. Ну зачем ему японские плавки? Нет, давали! Он бензина истратит на десятку, еще куда заедет, еще чего возьмет, потом нам же будет говорить, что бензин такой дорогой, хорошо еще, он свои «Жигули» на семьдесят шестой переделал, с грузовиков покупает. И считает, сколько сэкономил. Ну, вы видите, я опять завелся: просто не люблю я такую породу людей. У него внутри все время идет процесс покупки и продажи. Заодно и тебя может продать.

– Вот, – сказал он, заведя меня в комнату. – Я в уголке помыл. Наверняка там есть внутренний слой. Представляешь, сколько это тогда будет стоить?

Он показывал мне на облезлую икону – у какой-то бабки на пути к нам выцыганил. Теперь любовался, скреб в уголке, надеялся, что там внутри есть какой-то шестнадцатый век. Я даже вспомнил слова Манина о реставраторах. Нет уж – скажешь ему, побежит в экспедицию, чтобы ему поглядели, что там внутри иконы. Какой она когда-то была. Неприятностей не оберешься. И стыдно. Все-таки как-никак моя пустоголовая сестра Люся имеет на него планы. И тут позор на весь поселок.

Я вежливо поглядел на икону – можно угадать, что на ней изображена богоматерь. Ничего интересного.

– Да, кстати, – сказал Томат невинным голосом. И у меня все внутри оборвалось. – Ты случайно не видел мою пластинку?

Вот так он всегда начинает свои допросы.

– Какую пластинку? – Меня тоже голыми руками не возьмешь. Я вообще-то ненавижу врать, да и не нужно. А с ним как будто наступает игра без правил. Вру и не краснею.

– Пластинку ансамбля «Абба», приобретенную мною на пути сюда. Дефицитную пластинку, за которую в Москве дают не менее десяти рублей.

Надо сказать, что когда он начинает волноваться, то почему-то переходит на какой-то античеловеческий канцелярский язык. Это как бы сигнал для меня: «Внимание: опасность!»

– Видел, конечно, – сказал я. – Только не помню когда.

Вот так всегда. Стоит начать врать, дальше приходится врать все больше. Цепная реакция.

– Вчера вечером, когда мы с твоей сестрой Людмилой находились в кинотеатре, пластинка лежала в большой комнате на столе. У меня хорошая зрительная память, Костя.

– Ну и что? – спросил я.

– Достаточно немного подумать, как это сделал я, чтобы прийти к безошибочному выводу, что пластинка была взята тобой для твоих неизвестных мне целей. Ну?

Я пожал плечами. Я на голову его выше, и если бы не мать и Люся, в жизни бы не пустил его к нам в дом. А теперь я злился на него втрое, потому что в самом деле был виноват. Надо было с самого начала сознаться и сказать, что выплачу ему деньги, пускай даже по этой самой подмосковной цене. А вот начал врать, теперь уже не остановишься.

– Более того, – сказал он совершенно спокойно. Так, наверное, удавы разговаривают с кроликами. – Вчера поздно вечером по возвращении из кинотеатра мне слышались звуки музыки, а конкретно именно ансамбля «Абба», доносящиеся со стороны школы, где поселилась ваша так называемая археологическая экспедиция.

– Не брал я вашей пластинки, – сказал я упрямо. Ну что мне оставалось сказать?

Тут я услышал, что пришла мать. Она зазвенела ведром в прихожей. Ну как, подумал я с надеждой, прекратит допрос?

Ничего подобного. Мать догадалась, что я пришел, и прошла прямо к нам.

– Костя, – спросила она, – ты ужинать будешь?

И тут же почувствовала неладное. Она буквально экстрасенс. Все чувствует.

– Костя, – спросила она, – ты чего натворил?

– Ничего я не натворил, – сказал я. – Томат, то есть Федор, спрашивает меня, не видел ли я его драгоценной пластинки. А я ее не видел.

– Тем не менее, – сказал Томат зло и тихо. Видно, его оскорбило прозвище – он никогда еще не слышал, чтобы я называл его Томатом. – Тем не менее пластинка пропала вчера вечером со стола. И если Костя отказывается в том, что он ее похитил, мои подозрения неизбежно падают на других обитателей этого дома.

– Другими словами, – спросил я, – вы хотите сказать, что мать свистнула вашу пластинку?

– Костя! – возмутилась мать.

– Ни в коем случае я не намерен кидать подозрения на Лидию Степановну, к которой я отношусь с близкой, можно сказать, сыновьей нежностью. Я методом исключения доказываю, что пластинку взял ты.

– Или Люся?

– Твоя сестра находилась со мной в кинотеатре.

Нет, у него намертво отсутствует чувство юмора. Это непростительней, чем глупость.

– Ну ладно, – сказал я. – Пойду телевизор посмотрю.

– Костя, – сказала мать. – Ты что сделал с чужой пластинкой?

– Ну вот, – ответил я. – Сейчас еще явится Люся и добавит масла в огонь.

И, как назло, именно в этот момент явилась Люся и подлила масла в огонь.

– Что еще? – спросила она трагическим голосом.

Люси не похожа на нас с матерью. Мы белые, узколицые и легко загораем. А она черноволосая, в отцовскую родню, с большой примесью греческой крови. Заводится она с полоборота.

– Мы о пластинке, – сказал тихо Томат. Ну просто овечка.

Я понял, что, когда я вчера уже спал, он ей плешь проел этой пластинкой.

– Что? Не вернул? – спросила она.

– Я не брал, – сказал я.

– Врешь.

– Ой и надоели вы мне все, – сказал я в сердцах. Вообще-то я выдержанный человек. Но такое вот падение от счастья присутствовать при великом событии – дрязгах из-за пластинки, которой цена два рубля, – кого угодно выведет из себя. Особенно если ты признаешь, что сам во всем виноват.

– Мама, – сказала Люся трагическим голосом, и грудь ее начала судорожно вздыматься, – мама, я не вынесу. Это такой позор!

– Товарищи, – сказал тогда Томат. Он своего добился, муравейник разворошен. – Я постараюсь забыть об этом происшествии. Я полагаю, что

пластинка была похищена у Кости и он, как подросток, не приученный к высоким нормам морали, в чем я не упрекаю вас, Лидия Степановна, которой приходится воспитывать детей без помощи отца, боится в этом сознаться. Я переживу эту болезненную для меня потерю...

– Костя, – рыдала Люся, – как ты мог!

Я понимал, ей казалось, что сейчас ее драгоценный Томат соберет свой чемодан – и не видать ей Подмосковья как своих ушей.

На этом этапе беседы я ушел из комнаты и хлопнул дверью. Хватит с меня. В самом деле. Переночую у Макара. А в крайнем случае в школе

с археологами. Они еще пожалеют, что меня выгнали из дома. Хотя я, конечно, в глубине души понимал, что никто меня из дома не выгонял.

Макар еще не спал. Он, к счастью, был даже не дома, а сидел на скамейке у ворот. Я знаю, он любит так сидеть, потому что в доме всегда душно и жарко, его отец боится сквозняков, к тому же за день соскучится дома и начинает разговаривать, вспоминать прошлое, и Макар от этого сбегает. Он на этой скамейке, может быть, уже в общей сложности года три просидел. Дом у них крайний на улице, отсюда со скамейки виден залив и мыс Диамант. Зрелище удивительное.

– Ты чего? – спросил он тихо.

– Пришел просить политического убежища, – сказал я. – Заели.

– Люся?

– Люся, но больше, конечно, ее Томат.

– Потерпи, он скоро уедет, – ответил мой разумный Макар.

– Боюсь, что на этот раз решит навсегда к нам переселиться. Может быть, он даже готовит операцию по моему изгнанию из дома.

– Я бы не удивился, – сказал Макар спокойно, и от его спокойствия мне стало тошно. Я, надо сказать, очень люблю свою мать и сестру. К отцу я равнодушен, он приезжал к нам в прошлом году на три дня. А так отделывается алиментами и подарками к празднику. Но мать с сестрой я люблю. Поэтому так психую из-за Томата. Люсю жалко.

– Я бы ее за кого-нибудь из археологов отдал. Она красивая, – сказал я.

– Борис женат, – ответил Макар. – Донин тоже. А остальные младше ее.

– Знаю, – ответил я.

– А из-за чего война?

Я ему рассказал про пластинку. Правду рассказал.

– Сам виноват, – сказал Макар, когда я кончил. – Надо было сразу взять огонь на себя.

– Теперь поздно.

– Признаться никогда не поздно, – ответил Макар, а потом стал говорить, что Донин обещает его взять к себе в институт, и о том, какой Донин гениальный. Как будто моя история с пластинкой не имела жизненного значения.

И я слушал его, представлял себе, что творится дома. Как рыдает моя дуреха Люся, как молчит мать. Рожу Томата представлял. Убить его был готов. И вот тогда мне в голову пришло решение. Оно, наверное, сидело у меня в голове уже давно, но кристаллизовалось только сейчас.

– Слушай, Макар, – сказал я. – Ты эту машину уже хорошо знаешь?

– В каком смысле?

– Ты мог бы ее сам запустить?

– Это несложно.

– И мог бы такого Геракла сам восстановить?

– Не знаю.

– Почему не знаешь?

– Сложность в настройке. Боюсь, мне одному не настроить.

– Ну а если не настроишь?

– Могут произойти ошибки.

– Но вообще-то можешь?

– А что тебе?

– Я понял, что надо сделать. Я сейчас схожу домой, принесу эту пластинку, а ты ее починишь.

– Как?

– Ну, сунешь ее в машину и восстановишь. Ведь пластинка помнит, какой она была недавно.

– Нет, – сказал Макар, подумав немного. – Донин не разрешит.

– Разумеется, не разрешит, – согласился я. – А ты его не будешь спрашивать.

– Ты с ума сошел! Ты что хочешь, чтобы я машину сломал?

Я понял, что надо попробовать другой подход.

– Пойми, Макар, – сказал я. – У тебя такой возможности, может, больше и не будет. Я тебе даю возможность самому провести эксперимент мирового значения. Неужели тебе не интересно самому попробовать?

– Нет, неинтересно.

– Врешь. Я же знаю, какой ты азартный. Я помню, как ты поспорил, что приемник починишь дяде Христо. «Телефункен», трофейный, на который все давно рукой махнули, потому что ламп нет. А ты два месяца возился, так его переделал, что наши лампы подошли. Разве забыл?

– Но приемник мне сам дядя Христо дал. А установку нельзя. Она вообще одна в мире.

– А я что, прошу ее сломать? Я прошу помочь мне и моей сестре Люсе. Ты не представляешь, в каком она состоянии.

Мои последние слова были нечестными, коварными и гадкими. Я бил ниже пояса. Мой друг Макар уже скоро год как безнадежно влюблен в мою родную сестру, но не скажет об этом даже под пытками. Только потому, что я его наблюдаю каждый день, я знаю, что это так. А Люся его не замечает. А как она может его замечать, если она не понимает, что он – технический гений, а для нее он только дружок ее младшего братишки, то есть мальчик, малыш, младенец.

– При чем тут Люся? – сказал Макар.

– А при том, что этот Томат ее охмуряет. И сейчас, если пластинку мы не вернем, он сделает так, что она станет его союзником против меня. Он – страдалец, понимаешь? А я негодяй! Мы обязаны выбить это оружие из его подлых рук.

Макар замолчал надолго, и поэтому я побежал домой, влез к себе через окно – никто не заметил. В доме было тихо, как бывает, когда пришла беда. Я вытащил из-под кровати пакет с обломками пластинки и побежал обратно, к Макару, чтобы сомнения его не одолели.

Глава четвертая

В школе все уже спали. Экспедиция, если нет какого-нибудь праздника или мероприятия, ложится рано. В школьном дворе не было ни души. Макар мрачно молчал. Он не одобрял наших действий, но ничего не мог поделать. Получалось, как будто его попросила сама Люся, ну и дружба наша тоже играла в этом не последнюю роль.

Правда, операция чуть было не провалилась из-за пустяка. Гараж был заперт, и ключа у нас не было. А идти красть его у Кролика было невозможно. Пластинка такого риска не стоила.

Тогда я нашел выход из положения. Я обошел гараж и увидел, что с обратной его стороны под крышей есть окошко. Я отыскал лестницу, оставил Макара на страже, сам залез наверх и, перебравшись по бал-

кам вперед, спрыгнул на пол у самой двери. На наше счастье, замок в гараже был не навесной. Он открывался изнутри. Я отворил дверь. Макара не было видно.

– Макар, – позвал я его.

Темная тень отделилась от стены школы. Уже почти совсем стемнело, – оказалось, за боями и разговорами прошел весь вечер.

– Ну что тебе? – прошептал Макар.

– Заходи, – сказал я, – гостем будешь.

В этот момент скрипнула школьная дверь. Кто-то выходил на улицу. Я еле успел втащить в гараж неуклюжего Макара и захлопнуть дверь. После этого нам пришлось просидеть больше часа в темноте, выслушивая бред, который нес один из студентов одной из студенток, который, оказывается, был в нее еще с зимы влюблен, страшно ревновал ее к какому-то Ричарду, оставшемуся в Москве, и, кроме того, хотел обсудить с ней вопросы мироздания. Хорошо еще, что его возлюбленную заели комары (которые и нас не жалели), и в конце концов они ушли со двора.

Настроение Макара упало ниже нуля. Ему хотелось только одного – скорей вернуться домой. Мне почти силком пришлось волочить его к пульту, самому отыскивать поднос. К тому же он боялся зажигать свет, и с каждой минутой ему становилось все более жалко установку и все меньше – меня и Люсю. А я находился во власти упрямства. Мне казалось тогда, что, не восстанови мы пластинку, весь мир обрушится. Я понимаю, как все это нелепо звучит для постороннего человека. Какой-то подросток испугался справедливого возмездия из-за пустяка и ради собственных эгоистических выгод решил под угрозу поставить эксперимент мирового значения.

Теперь-то я и сам это понимаю. Но в тот момент совершенно не понимал. Я был как танк. А Макар попал мне под гусеницу.

Когда машина зажужжала, мне показалось, что она шумит так сильно, что сейчас все прибегут из школы. Макару тоже так показалось. У него буквально руки опустились. Я опомнился быстрее.

– Дурак, – сказал я ему. – Чем дольше мы здесь сидим, тем больше опасность, что нас застукают. Давай действуй.

Макар молчал. Надулся. Он считал меня извергом и мерзавцем. Таким я и был, конечно.

Я высыпал на поднос осколки пластинки, и Макар подошел к пульту, чтобы откалибровать слой воспоминаний.

Свет мы включили не весь, только лампочку под потолком. Картина была зловещая.

Самое трудное оказалось – ждать, пока что-нибудь получится.

Я уж даже смирился с мыслью, что ничего не получится. Я стоял у двери, выглядывал сквозь щель, не идет ли кто-нибудь.

Почему-то на втором этаже загорелось окно. Я замер. Я представил, как Донин встает с постели, спускается во двор... Я смотрел на дверь и ждал, когда она откроется. И даже не услышал, как замолчала установка и голос Макара, хриплый, будто простуженный, сказал:

– Бери свою чертову пластинку и пошли.

Я даже подпрыгнул от неожиданности.

За моей спиной стоял Макар и протягивал мне совершенно целую пластинку.

Я еще сохранил достаточное присутствие духа, чтобы поглядеть на этикетку. Этикетка была в полном порядке. «Ансамбль «Абба», Швеция. Апрелевский завод грампластинок. Фирма «Мелодия». Все как надо. Потом взял со стола конверт с четырьмя певцами, которые одинаково улыбались, осторожно сунул в него пластинку и первым вышел из гаража.

Макар захлопнул дверь и сказал мне:

– Спокойной ночи.

И быстро пошел вперед не оглядываясь. Был зол на меня и на себя. Я его понимал. Но догонять не стал. Мне надо было идти осторожно. Лучше сломать ногу, чем еще раз разбить пластинку, которая так дорого обошлась.

Должен сказать, что никакого раскаяния я не чувствовал. Хотя был вдвойне, втройне преступником. Не только сам, но и друга толкнул на преступление.

Но, наверное, даже у самых закоренелых преступников бывает период морального облегчения. Когда они надеются, что совершили самое последнее преступление, что теперь начнут светлую, чистую честную жизнь. Что небо расчистилось от туч. Но обычно преступник такого рода ошибается. Ему кажется, что о преступлении можно забыть. Но тяжелая

костлявая рука прошлого тянется за ним и толкает к новым бедам. Так случилось и со мной.

Я вернулся домой, когда наши пили чай. У нас чай пьют поздно.

В большой комнате гудели, мирно переливались голоса. Я остановился в прихожей. Наш кот посмотрел на меня строго, потом сиганул на бочку с водой, чуть в нее не свалился. И я тогда еще подумал – ну почему я не свалил преступление на безгласного кота? Ну бросил бы пакет с разбитой пластинкой на пол и стоял бы на том, что виноват кот. Что коту? Коту на наши подозрения плевать. Ну ладно, дело сделано. Куда теперь положить пластинку, чтобы ее завтра нашли?

В прихожей оставлять ее нелепо. Ага, понял!

Я вышел на улицу, подошел к окну комнаты Томата, окно было приоткрыто. Я осторожно растворил его, подтянулся, влез в комнату и беззвучно положил пластинку под кровать Томата. Я вспомнил, что завтра мать на работу не идет, начнет, как всегда, уборку, выметет пластинку из-под кровати Томата и наш жилец будет посрамлен.

Сделав все, как задумал, я вновь вошел в дом, спокойно проследовал в большую комнату и сказал нормальным голосом:

– А мне чаю дадут?

Мое появление заставило их замолчать. Они никак не ожидали, что я вернусь таким спокойным и даже веселым. Люся окинула меня уничтожающим взглядом, а мать молча достала из буфета чашку и налила мне. Томат смотрел мимо меня, общение с таким низким существом доставляло ему неудовольствие. Но я-то был спокоен. Ведь я был единственным здесь, кто знал, чем кончится завтра наш детектив. И как человек с дополнительным знанием, мог сдержанно улыбаться.

А матери хотелось, чтобы дома был мир и порядок. Чтобы все друг друга любили. Она всегда устает, она всегда в заботах, даже теперь, когда мы выросли и нет в том большой нужды, она все равно носится по жизни как угорелая и ей кажется, что завтра мы останемся голодными или необутыми.

– Вот я Федору Львовичу предложила, – сказала она, глядя на меня материнским взглядом, – что я с получки отдам всю стоимость. А он отказался.

– Никогда, – сказал Федор.

– Мама, ну что за чепуху ты несешь! – воскликнула Люся, которая почти совсем разучилась разговаривать с матерью нормальным голосом.

– Да не волнуйся, мама, – сказал я. – Найдется эта пластинка.

– Может быть, – произнес задумчиво Томат. – Я уже высказал подозрение, что Костя подарил ее какому-нибудь своему дружку, и если дружок изъявит добрую волю, он может вернуть ее обратно и незаметно куда-нибудь подсунуть.

– С него станется, – поддержала своего кавалера Люся. – А потом, когда Федор Львович после всех переживаний наткнется на нее, мой братишка с чистым взором заявит, что в глаза ее не видел.

Как они были близки к истине! У меня даже пальцы на ногах похолодели. Черт возьми, ведь завтра ее найдут и скажут: мы же предупреждали! И стоило тогда идти на такие приключения! Лучше бы свалить на кота, и дело с концом. Но я взял себя в руки и ничем не показал своего расстройства. И был благодарен матери, которая по своей должности примиренца перевела разговор на наши дела.

– Уж ваша экспедиция, – сказала она. – Договор с совхозом заключили на продукты, а деньги не переводят. Наш Филин собирается в Симферополь писать. У них в экспедиции такой счетовод, просто удивительно, что из Москвы.

– Мама, ты опять о пустяках, – сказала Люся раздраженно.

– А что же тогда не пустяки? – спросила мать.

– Моральный уровень моего брата!

– Ого, чужим языком заговорила, – сказал я печально. Потому что печально слышать такие слова от собственной сестры. Как будто предательство от собственных солдат в разгар боя.

– Я полагаю вопрос исчерпанным, – сказал вдруг Томат. Не знаю, почему он решил нас примирить. – Есть много других тем для разговоров.

Но тем как-то не находилось. Мы пили чай в молчании. Я уже собирался идти спать, как Люся стала при мне рассказывать Томату, что в экспедицию привезли машину, весь гараж заняла. А машина эта будет заниматься склейкой всяких статуй, которые найдут.

– Зачем? – удивился Томат. – Зачем нужна машина, если можно обойтись клеем? – И он посмотрел на меня.

– Не склейкой, – сказал я, – а реставрацией.

– Это очень любопытно. А по какому принципу?

– Вы у Макара спросите, – сказал я, – он на ней работает.

– Ну уж чепуха! – сказала Люся. – Твой Макар малахольный. Он в восьмом классе учится.

– Интересно, что сказал бы Пушкин, если бы ты отвергла его стихи, написанные еще в лицее, – сказал я.

– Пушкин – гений, – ответила Люся. Пушкина она читала только то, что задавали в школе. Правда, память у нее хорошая, лучше моей, и она все это помнила наизусть. И могло показаться, что она и в самом деле понимает. А что он гений, это ей тоже в учебнике написали.

После этого я не стал больше отвечать на вопросы Томата, потому что и не смог бы ответить. Но сказал, что хочу спать. И ушел.

Глава пятая

На следующий день поднялся горячий ветер, на раскоп несло пыль, работать было совершенно невозможно. Манин посадил нескольких человек в зале на первом этаже, разбирать находки и заниматься описанием. Геракл, поражающий гидру, стоял посреди комнаты на столе, и все могли им полюбоваться. Что удивительно, на нем не было ни одной трещинки. Выбоины были, потому что не нашлось некоторых деталей, а трещин – ни одной.

После обеда, раз уж ветер не кончался, мы поиграли в шахматы, подождали и разошлись по домам пораньше. Только Макар остался с Дониным у машины. Я весь день опасался, что кто-нибудь догадается, что машиной пользовались. Но никто ничего не сказал. Макар был мрачен, словно туча, и со мной не разговаривал. Ну и я его не беспокоил. В конце концов, он взрослый человек, знал, на что идет.

Домой я возвратился часа в три. Томата еще не было, он уехал в Керчь, наверное, там чего-нибудь давали. На столе в большой комнате лежала пластинка. Мать сообщила мне, что нашла ее под кроватью у Томата, когда убиралась.

– Как хорошо, – сказала она. – А то я беспокоилась. Ведь такая ценная вещь.

Потом сделала красноречивую паузу и спросила:

– Ты ее туда не клал?

Сил врать у меня уже не осталось, поэтому я только отрицательно покачал головой.

Не знаю, поверила ли мне мать или нет, но я пошел к себе, лег на кровать и стал читать третий том историка Соловьева. Очень интересно. Правда, я все время отвлекался. Я думал о машине, о том, какой в общем неплохой человек Макар, и как машину будут использовать дальше. У меня даже появились кое-какие идеи, и я не услышал, как вернулся мой дорогой Томат.

Угадал я, что он приехал, по его удивленному возгласу:

– Откуда здесь эта пластинка?

И голос матери:

– Федор Львович, какое счастье. Знаете, где я ее нашла?

– Догадываюсь, – сказал Томат. – Костя принес ее обратно.

– Вот и не догадались! – Мать старалась спасти честь нашего семейства. – У вас под койкой лежала. Видно, упала, и вы не заметили.

Томат откашлялся. Я с интересом ждал, что он скажет.

– Возможно, – сказал он. – Возможно, и под кроватью. Но дело в том, что я вчера производил розыски пластинки в разных помещениях. В том числе заглядывал и под кровать. Могу вас заверить, что сделал это тщательно.

– Но она же лежала!

– Как вчера правильно заметила Людмила, – сказал этот негодяй, – в характере вашего сына было подбросить мне похищенную вещь, чтобы избежать справедливого наказания.

– Ну знаете! – Я изобразил возмущение, но оно было не очень, как вы понимаете, искренним.

Я встал и вышел из комнаты, чтобы лицом к лицу встретить бурю.

Но бури не было. Томат стоял, внимательно разглядывая конверт, в котором была пластинка. Затем подцепил пальчиками ее за край и вытащил на свет. Пластинка приятно поблескивала под лучом солнца, проникшим в окно. Наконец он удовлетворенно сказал:

– Вытер. Надеюсь, что не грубой тряпкой, которая может оставить микроцарапины на поверхности диска.

Я ничего не ответил. Мой ответ он бы тут же объявил признанием вины.

– Ну ведь хорошо все кончилось, правда? – спросила мать, и мне захотелось закричать, чтобы она не оправдывалась перед Томатом, не унижалась перед ним.

– Сейчас проверим, – сказал Томат, открыл наш проигрыватель и включил его. Я смотрел на него как мудрец на ребенка. Пусть он цепляется за свои погремушки. До чего, подумал я, мир разобщен и неправильно устроен. Пройди десять минут по свежему воздуху – и ты окажешься рядом с гаражом, где стоит машина, способная изменить к лучшему жизнь всего человечества. А здесь сидит мелкий собственник из Подмосковья и сейчас будет проверять, не потерял ли он двадцать копеек на качестве своей пластинки.

Для меня важнее – прогресс человечества. Для него – двадцать копеек.

Мне бы уйти к себе, читать Соловьева, но я остался в комнате. Мать тоже осталась, хотя собиралась готовить обед. Мы были как прикованы к этому проигрывателю. Как свидетели на допросе.

– Мани-мани-мани, – пели шведские певцы. Разумеется, у них, в капиталистическом мире, это и есть основная ценность. Но мы же выше этого!

– Мани-мани-мани...

Томат был недоволен. Я его понимал. Ему приятнее было бы услышать треск и всяческие неполадки. А так даже не пострадаешь... Вдруг звук песни оборвался, и началась бесконечная пауза. Томат прямо подпрыгнул на стуле. Ох, он сейчас начнет страдать. Что же произошло? Вроде мы все делали правильно.

– ...Мленное солнце нежно с морем прощалось, в этот час ты призналась, что нет любви, – запел вдруг противный сладкий голос.

– Чего? – спросил Томат и поглядел на меня.

– Не понимаю, – сказал я искренне.

Тут его слова оборвались и снова загремел оркестр на тему мани-мани-мани. Но ненадолго. Почему-то мани начали перебиваться фортепьянными аккордами. Могучими аккордами, а потом совсем отступили в сторону, исчезли и загремел шаляпинский бас. Он сообщил нам, что клевета торжествует по всему свету и справиться с ней нет никакой возможности.

– Это что такое? – почему-то Томат обратился с этим грозным вопросом к моей матери. А мать ничего лучше не придумала, как предположить:

– Может, брак? Заводской брак, ведь это бывает?

– Брак? А кто вместе со мной с первой до последней строчки прослушивал эту пластинку еще два дня назад? Не вы ли вкупе с вашим сыном и Людмилой? Неужели вы забыли, что два дня назад пластинка играла в совершенстве? Бе-зу-ко-риз-нен-но!

Мысли во мне носились, как стая перепуганных мух. Что случилось? Ведь это была та самая пластинка. Никакого сомнения в этом. Я не вынимал из пакета осколков. Только когда высыпал их на поднос. Что говорил Манин о слоях памяти? У вещей есть несколько слоев? Сначала память о том, что было вчера, потом память о более раннем состоянии? Неужели мы ошиблись? То есть это разгильдяй Макар ошибся? Нет, легче всего теперь упрекать Макара. Сам потащил – и сам недоволен.

– Костя, может, ты знаешь? – спросила меня мать. Как ей хотелось, чтобы все обошлось.

– Ничего не знаю, – буркнул я.

– А я знаю, – сказал Томат уверенно. – Константин погубил мою пластинку, а потом нашел где-то другую, бракованную. Именно так. Это не моя пластинка.

– Ваша, честное слово ваша! – Тут я мог дать честное слово. Потому что пластинка и в самом деле была его.

– Мне грустно, – сказал Томат, – мне грустно сознавать, насколько человек может изолгаться в таком юном возрасте. Простите.

И ушел, даже не сняв пластинку с проигрывателя. Как Наполеон после битвы при Ватерлоо.

– Костя, ты в самом деле... – начала было мать.

Я не ответил. К чему все эти оправдания? Я снял пластинку с проигрывателя и понес к свету, чтобы посмотреть, нет ли на ней трещин или швов. Ничего подобного. Наверное, надо смотреть под микроскопом. Правда, мне показалось, что в некоторых местах бороздки были пошире, в других – поуже.

– Ты чего? – раздался голос под окном.

Там стоял Макар.

– Ты мне и нужен, – сказал я. – Погоди, я к тебе выйду, дома не хочу говорить.

– Он? – спросил Макар.

– В частности.

Я взял с собой пластинку, махнул через подоконник. Я забыл спросить, зачем он ко мне пришел. Так и не узнал.

События начали развиваться с такой быстротой, что было не до вопросов. Наверное, и сам Макар забыл, зачем шел.

Макар как увидел пластинку, сразу понял, что дело неладно, но ничего не спрашивал, пока мы не зашли за сарай, где у нас давно, уже лет шесть, как дружим, было свое потайное место. Там лежало старое бревно, наполовину вросшее в землю. Рядом возились куры, негромко переговаривались на своем курином языке.

Я рассказал Макару, что случилось дома. Он взял пластинку, долго рассматривал ее, поворачивая к свету. Потом сказал:

– Твое предположение верно. Когда мы вели восстановление, шкалу я рассчитал неточно. Сам виноват. Задели внутренние слои.

– Но почему на пластинке старые песни? Ведь ее делали на заводе совсем недавно.

– Это все шеллак, – сказал Макар. – Очень редкая смола. Мы ее ввозим. Поэтому бой пластинок до недавнего времени сдавали в палатки вторсырья, и из них делали новые. Как книги из макулатуры. Значит, когда-то наша пластинка была другой. Может, в ней были куски пластинок, на которых пел Шаляпин или еще кто. Вернее всего, так и было. А настройка машины – дело нелегкое. И я ошибся. Так что, если хочешь, я пойду к твоему Томату и расскажу ему, что я во всем виноват.

– И что же ты ему скажешь? – спросил я не без ехидства.

– Все. Как ты случайно разбил его пластинку, как мы решили ее починить на установке и как ошиблись. Элементарно.

– Элементарно для другого человека. Но не для Томата. Где гарантия, что он не побежит к Манину и не доложит ему, что мы с тобой фактически совершили преступление?

– Зачем ему?

– От склонности к порядку. А потом меня вышибут из экспедиции, и не видать мне истфака как своих ушей, а тебя не возьмут в институт к Игоречку. Вариант?

– А что же делать?

– Скажи, вот я подумал, а нельзя ее снова в машину загнать?

– Пластинку?

– Чтобы вернуть ее к самому свежему слою. Понимаешь?

– Понимаю, но бессмысленно. Думаю, пройдет еще несколько лет, прежде чем машина научится гулять по слоям, как по комнате. Это все равно как если бы ты потребовал от токарного станка, чтобы он обточил деталь, а потом обратно вернул нам заготовку.

– Жалко. Придется тогда мне терпеть нападки этого Томата. А он, можешь поверить, еще поиздевается надо мной. И жалко, отношения с Люсей мне испортит. Это он сможет. Знаешь, эти женщины совершенно не так устроены, как мы с тобой. У них вся шкала ценности перепутана...

– Не надо было нам начинать с пластинкой, – сказал Макар.

– Сделанные ошибки трудно исправить, – сказал я умную фразу. Не то сам ее придумал, не то вычитал где-то. – Легче не совершать новых.

И тут мы услышали совершенно спокойный голос:

– Я тоже так думаю.

Томат вошел в наш тайный закуток. Предвечернее солнце золотило редкие волосы на его голове, лицо его было красным и блестело.

– Вы что, подслушивали? – возмутился я.

– Это далеко не самый тяжелый грех, – сказал Томат. – Я не подслушивал, я услышал. Случайно я проходил мимо сарая и услышал ваши голоса. То, о чем вы говорили, было настолько интересно, что я, сознаюсь, остановился и стал слушать дальше.

– Из-за сарая не слышно, – сказал я, но это были лишние слова. Что будешь делать?

Поэтому я протянул ему пластинку и добавил:

– Конверт остался на столе. Я согласен вам заплатить за нее по любому курсу, по государственному или по спекулянтскому, как вы сочтете нужным.

– Очередная грубость, – сказал Томат, но пластинку взял. Он стоял, нависая над нами, очень чистый, спокойный и неотвратимый, как четвертная контрольная по алгебре.

– Пошли, что ли? – сказал я Макару.

– Пошли, – сказал тот.

– Погодите. Значит, вы считаете, что машина, которая стоит в вашей экспедиции, восстановить пластинку не сможет?

– Нет, – сказал Макар.

– Помолчи, – сказал я.

– Ваш товарищ прав, – посмотрел на меня Томат. – Он понимает, что дальнейшее укрывательство безнадежно. Если ты не прав, имей мужество в этом сознаться.

– В чем сознаваться?

– В том, что вы воспользовались принадлежащей государству ценной и, вернее всего, секретной установкой в корыстных целях.

– Так чего в них корыстного? – я даже удивился.

– Избежание наказания. Изготовление предмета стоимостью в несколько рублей. Не надо, мне все ясно.

Я тоже поднялся, я был выше его, и оттого, что он в два раза меня старше, мне нельзя было применить насилие. Ну вы понимаете, в каком смысле. Но вид у меня был грозный.

– Вы что, донести собрались? Давайте, – сказал я.

– Вас жалею.

– Нет, доносите, мне нечего терять.

Вдруг он повернулся и ушел. Сам ушел. И это было совершенно непонятно.

Мы с Макаром буквально обалдели.

Потом я выглянул из-за сарая. Я подумал было, что он отправился в экспедицию. Сообщать. Ничего подобного. Он вошел в дом. Может, сделает это позже?

Настроение у нас с Макаром было поганое. Даже обсуждать эту историю не хотелось. Два мальчика, этакие лопоухие, нашкодили, а дяденька их поймал.

Когда Макар уходил, я сказал ему вслед:

– Даже не представляю, как я завтра на раскоп пойду.

– Я тоже, – сказал Макар.

Глава шестая

Весь вечер я поглядывал на Томата. И когда он в сумерках вышел из дома, я подошел к забору проследить за ним. Но оказалось, Томат пошел к Федотовым, за молоком. Он пьет молоко только от федотовской коровы, говорит, что в нем выше жирность. Иногда за молоком заходит с работы Люся, но в тот день она снова задержалась. Я стоял у забора до тех пор, пока он не вышел с банкой обратно и не отправился к дому. Нет. Ничего не произошло.

Но успокоиться я не мог. Тяжелые предчувствия, как пишут в романах, меня не покидали. Этот Томат должен был что-то натворить. Что-то варилось в его гладкой голове. И разумеется, нам с Макаром будет плохо. Я не строил иллюзий.

Раза два вечером я заглянул к нему в комнату. На проходе. Он сидел за столом, разглядывал свою икону, я даже подумал, не хочет ли он ее восстановить? Но восстанавливать там было нечего. Икона его была как новенькая. Он же мне сам показывал. У меня, как видите, уже тогда возникло подозрение, что такой человек, как Томат, захочет воспользоваться информацией. И, может, даже решит меня шантажировать. Но у него, насколько я понимал, не было никакой с собой вещи, которую он мог бы восстановить по ее памяти. Не ехать же ему в его Подмосковье. А раз так, то его замысел заключался в чем-то ином. И самое гадкое то, что я не смог догадаться. Даже голова разболелась.

За ужином не было никаких разговоров о пластинке. И мать молчала. Так что Люся даже и не узнала о том, что пластинка оказалась дефектной. Томат говорил о погоде, о ценах на рынке и потом принялся пересказывать какой-то двухсерийный индийский фильм, который видел в Москве.

Со стороны посмотришь – все мирно. Идеальная семья сидит за вечерним чаем. Но все во мне было напряжено.

Надо сказать, что у меня есть одно свойство организма. Может, оно иногда бывает полезным, но в тот день оно сыграло со мной дурную шутку. Если у меня нервный стресс, то я хочу спать. Я однажды на экзамене заснул, потому что не знал билета. А когда тетка умерла, я ее очень любил, то я целые сутки проснуться не мог. Так вот, в тот день после ужина я вдруг почувствовал, что меня тянет в сон. Что мне хочется заснуть сейчас, а утром проснуться, чтобы ничего уже не было, чтобы все обошлось.

Я решил – полежу немного, но спать не буду.

Лег и заснул.

И во сне мне все время снилось, что Геракл борется с гидрой, только гидра эта живая и все ее головы похожи на Томата.

А я – Геракл и рублю, рублю эти проклятые головы, а на их месте вырастают новые и что-то мне доказывают с сокрушенным видом, вроде говорят: «Нехорошо, Костя, отрубать головы человеку, который вдвое тебя старше и обитает в Подмосковье».

И тут я проснулся. От внутренней тревоги, которая пересилила сонливость.

Я был почти убежден – что-то случилось.

Я вскочил, натянул брюки и кеды и на цыпочках прошел к комнате Томата. Дверь в нее была закрыта. Я ее открыл. Томата не было. Я и не ждал, что он спит. Я был уверен, что его нет.

Я вышел из дома, тихо, чтобы никого не разбудить. На улице тоже было тихо. Светила луна. Времени было больше часа ночи. От луны по морю тянулась длинная прямая дорога.

Я пошел было к школе. Но через несколько шагов остановился.

Я рассудил, что Томат, даже если решил что-то сделать, один к машине не полезет. Он же не знает, как машина работает. Значит, он побежит к Макару. В случае, если решил воспользоваться установкой. А если нет? Чтобы жаловаться на нас, не надо ждать ночи, чтобы чем-нибудь еще заняться... а чем, простите, можно заняться в нашем поселке в час ночи?

И я побежал к Макару.

Окно в его комнату было открыто. Я прислушался. Было слышно, как вздыхает, всхрапывает во сне его отец. Но дыхания Макара я не уловил. Я подтянулся, заглянул в комнату. Кровать Макара была разобрана. Самого его не было. Худшие мои предчувствия оправдались. Значит, пока я безмятежно смотрел сны, здесь побывал Томат, каким-то образом заставил Макара пойти с ним к установке, а теперь они восстанавливают... но что?

Пока я пробежал весь поселок, то запыхался, разбудил всех собак, которые подняли истерику – в Таганроге слышно. Поближе к школе я перешел на шаг – зачем будить экспедицию?

Я отлично представлял себе, что между ними произошло. Для этого не надо быть Шерлоком Холмсом. Мой Макар приблизился к своей мечте.

Он увидел настоящую Машину, он встретил Донина. Ему даже обещали, что возьмут в институт. Макар был как зерно в земле, которое лежит, ждет своего часа, ждет, когда пригреет солнце, и потом начинает расти – и его уже ничем не остановишь. И вот к нему приходит этот Томат. Что-то Томату нужно. И Томат ему говорит: если ты не сделаешь того, что я тебе велю, то я тут же сообщаю обо всем Донину. Тебя, голубчик, выгоняют из экспедиции, и так далее. А если сделаешь, никто не узнает и все будут друг друга любить... Вообще-то, как потом выяснилось, в своих рассуждениях я был прав. Именно так и случилось.

Томат явился к нему в половине двенадцатого. Макар не спал. В отличие от меня у него сонного комплекса нету. Он читал и переживал от неизвестности. Он ждал этого Томата. Он, как и я, рассудил, что тот ушел не зря. Вернее, Макар не знал точно, кого ждать – Томата или разъяренного Донина. В половине двенадцатого Томат постучал к нему в окно и вызвал на улицу. На улице он сказал, что ему требуется от Макара одна небольшая услуга. Запустить на десять минут машину. Макар, естественно, наотрез отказался. Тогда он напомнил Макару, что прошлой ночью он уже ее запускал. «Но ради друга!» – пытался сопротивляться Макар. «И теперь, – сказал Томат, – тоже ради друга и ради тебя самого. Ты знаешь, что достаточно рассказать экспедиционному начальству, что вы с Костей натворили, и придется вам с экспедицией прощаться навсегда. И еще платить за ущерб». Он, Томат, знал, какое плохое денежное положение у Макара, и бил по самым больным местам. Макар все равно сопротивлялся, как спартанец при Фермопилах, но был обречен на гибель. Томат был беспощаден – ему нечего было терять, а приобрести он, как ему казалось, мог много. Я так думаю, что у некоторых людей в жизни такая ситуация бывает – надо выбирать между своей честью и своей любовью. И Макар, как большинство, выбрал любовь. Видно, ему показалось, что все еще обойдется. Тем более что Томат объяснил ему доступно, что моя судьба тоже в его руках. Вот мой толстый и гениальный Макар покорно поперся к школе.

По дороге возбужденный, трепещущий от предвкушений Томат показал ему свою икону – ну, ту самую, что получил от бабуси и теперь таскал с собой. Он сказал, что убежден, что в этой иконе есть внутренний слой, в смысле старая запись. Может быть, шестнадцатого века, и потому эта

икона совершенно бесценная. Он даже при лунном свете показывал Макару эту икону, переворачивал ее обратной стороной и утверждал, что доска очень старая, черная, гнутая. Макар, конечно, ничего в этом не понимал, он шел и проклинал себя. И ничего не мог придумать. И постепенно в Макаре рос гнев. Макар медленно зажигается, но если зажегся – его не остановишь, в этом отношении он как носорог. Томат этого не знал и думал, что он уже победил.

Наверное, вы подумаете, до чего все неинтересно получается. Вы думали, что у Томата какой-то грандиозный план, что он задумал какое-нибудь преступление. А тут – какая-то сомнительная икона. Но, во-первых, у Томата, кроме этой иконы, не было ничего достойного восстановления. А во-вторых, запомните, что Томат – никакой не преступник, просто не очень приятный человек, корыстный, зануда, но никакой не преступник. Он всегда старается воспользоваться выгодными обстоятельствами. И очень спешит при этом. Потому он так и не разбогател. И не разбогатеет. Масштаба у него нет.

К тому времени, когда я добрался до гаража, самое главнее уже произошло. Машина была запущена, а икона на подносе уже была заложена в нее.

Поэтому когда я заглянул в щель двери гаража, то увидел, что, освещенный лампочкой под потолком, стоит у пульта Макар. По его спине было мне понятно, как он взбешен и растерян. Неподалеку стоял Томат и не отрываясь смотрел на руки Макара, словно мог его проконтролировать.

Я не вошел сразу. Несмотря на то что я все знал заранее, оказалось, что я совершенно не представляю, что надо делать дальше. Вот я угадал, остановился, смотрю на них сквозь щель и не двигаюсь.

Машина щелкнула, и Макар ее выключил.

– Все, – сказал он и обернулся к Томату. И вдруг я увидел, что в его глазах горит опасный огонек. Я бы назвал его огнем торжества. Огнем благородного безумия. И ему в этот момент было плевать на институт, на научное будущее – на все. Он победил.

От удивления я не заметил, как отворил дверь и вошел в гараж. Но все так волновались, что меня не услышали и не заметили. Что же такое удалось сделать Макару, что он победил этого Томата? Чему он радуется?

– Давай! – сказал хриплым шепотом Томат. Его обычно приглаженные волосы растрепались, руки дрожали – он был кладоискателем, который

вот-вот откроет крышку сундука. И я понял, что если все у него пройдет нормально, он никогда не остановится. Он будет отыскивать еще и еще для нас задания и каждый раз будет нас пугать...

Макар нажал кнопку, поднос медленно выехал из чрева машины.

Вот это номер!

На подносе лежало небольшое бревно, вокруг – кучка разноцветного порошка.

– Что? – спросил Томат. Он еще ничего не понял.

Я чуть не расхохотался. Как все просто! Если в той иконе и был второй слой, то Макар его игнорировал. Он вскрыл еще более глубокую память иконы – память о том, как она была просто деревяшкой. Бревнышком, из которого сделали доску.

– Где икона? – прохрипел Томат. – Где она, я спрашиваю?

– Вот она и есть, – сказал Макар и имел еще наглость улыбнуться. – Вот ее второй слой.

– Убийца, – сказал Томат и взял бревно с подноса. И даже перевернул его в руке, заглядывая на другую сторону, словно там могла сохраниться первоначальная живопись.

– Чего хотели, то и получили, – сказал Макар.

– Ну нет! – голос Томата вдруг поднялся. – Издеваешься? Или ты немедленно вернешь все на старое место...

– Нельзя, – сказал Макар. – И не кричите, люди спят.

– Ах нельзя! – И вдруг Томат поднял бревно и замахнулся им. – Заговорщики! Вредители!

Макар испугался за машину и бросился к нему, но Томат был сильнее. Он отбросил Макара в сторону и кинулся к машине.

До того момента я стоял, как пришпиленный к месту. Я был как во сне, как зритель, который знает, что вмешаться в то, что видишь, невозможно. Анна Каренина все равно бросится под поезд. Но когда Макар со стоном упал на пол, а Томат бросился к машине, я пришел в движение. Бессознательно.

Я даже не помню, как мне удалось подставиться под удар, направленный на пульт. Он просто чудом не сломал мне плечо – ведь бил он как сумасшедший, изо всей силы. Рука сразу онемела, но я все равно закрывал собой машину и старался при этом одной рукой вырвать у него дубинку-икону.

Не знаю, чем бы это кончилось, – но на помощь ко мне пришел Макар и сонный Кролик. Оказывается, он услышал шум в гараже и пошел проверить.

Когда мы скрутили Томата, к этому времени уже пол-экспедиции сбежалось к полю боя. Рука болела страшно. Томат никак не мог прийти в себя, он все еще ругался и совал всем в лицо дубинку, крича, что это – Андрей Рублев. Дубинку у него отобрали. У меня жутко болела голова, а про руку

И вдруг Томат поднял бревно и замахнулся им. – Заговорщики! Вредители!

и говорить не приходится. Я даже плохо соображал. Как сквозь воду, до меня доносился сбивчивый рассказ Кролика, в котором все получалось наоборот. Оказывается, это злоумышленник Томат ворвался в гараж, а я, оказывается, жертвуя собой, спас эту машину.

Кто-то побежал за врачом, Донин смотрел на меня как на героя, и мне очень хотелось остаться героем, но я понимал, что это уж будет слишком. Поэтому я сказал:

– Да не спас я ее, а чуть не погубил. Я во всем виноват.

– Бредит, – сказал Кролик. – По голове ему дали, вот и бредит. Я сам видел, как он машину спасал.

– Это я уже потом, – сказал я. – Потом, понимаете?

– Такой худенький, а герой, – сказала Шурочка.

– Неееет! – закричал я.

Но они меня не слушали.

Только на следующий день все стало на свои места.

Это был не очень приятный день.

Но два утешения все же были.

Во-первых, из экспедиции нас все же не выгнали.

Во-вторых, Томат уехал. И полагаю, что навсегда. А Люся переживет. Завтра она обещала прийти на танцы в экспедицию.

Инопланетяне

О том, что прилетели пришельцы, Донат Пронькин узнал первым. И не потому, что верил в них или ждал прилета, а наоборот – у Доника, как говорит химик Волин, трезвый научный ум, не допускающий мистической чепухи, потому что она лежит за пределом опыта. Доник с детства преклонялся перед вольными мыслителями восемнадцатого века, а бабушка говорит, что уже в три года он не хотел слушать сказки и требовал правды о том, как размножаются цветы и куда прячется на ночь солнце.

История про цветы, неосторожно рассказанная бабушкой при гостях, сильно повредила Донику, потому что Катька разболтала об этом всему дому. Даже в свободной стенной газете 7-го «Б» был нарисован букет с подписью: «Групповое изнасилование ромашки».

Катька, хоть ей и замуж пора, верит в любого шарлатана. У нее свой аргумент: «Но ведь его по телевизору показывали». Пришельцы размеща-

ются у нее в области религиозного сознания, о них не надо рассуждать – в них надо верить. А они за это в самый критический момент прилетят на Землю, погрозят пальчиками и велят нам не взрывать атомные бомбы или не расстреливать в либерийской церкви беженцев.

Пришельцы высадились в среду около десяти вечера в сквере на той стороне 4-й Охотничьей улицы, и все произошло так буднично и тихо, что ни один поклонник инопланетян в это бы не поверил. Для них пришествие инопланетян – это эффектное зрелище с фейерверком, выступлениями на митинге в пользу космического братства, телевизионным репортажем и, конечно же, портретами пришельцев – чем страшнее, тем убедительнее.

Минут за пятнадцать до высадки Доник позвал Барбоса погулять. Барбоса, правда, и звать не надо было, он давно сидел у двери.

Барбос с детства воспитывался как собака, потому что Доник мечтал о щенке, а ему купили котенка. Доник внушил котенку собачьи правила поведения. В частности, вечерние и утренние прогулки. Собак Барбос не боялся, а на котов не обращал внимания, не считая их за людей.

Доник с Барбосом перешли в сквер на той стороне улицы, и в этот момент опустился инопланетный космический корабль.

Если спросить Доника или Барбоса, какой он был из себя, они бы не ответили, потому что он был темным и его очертания скрадывались ночью и кустами. Нечто огромное и непроницаемое для света беззвучно, но тяжело опустилось на поляну метрах в ста от Доника. Было так тихо, словно это тело намертво отрезало все звуки еще не уснувшего города.

Доник, охваченный тревогой, снял очки и стал протирать их большими пальцами, что служило у него признаком волнения, а Барбос совсем не по-собачьи прижался к ногам хозяина и опустил хвост, лишь подрагивая его концом.

Доник всматривался в темноту, думая, что вот-вот в центре тьмы образуется светящийся квадрат, оттуда и выйдут пришельцы.

Время шло, никакого люка не образовывалось. Донику хотелось уйти, но уходить тоже было страшно, потому что, пока ты неподвижен, тебя могут не заметить, а начнешь двигаться – станешь виден. Это был древний закон леса, и Доник подчинялся ему, хотя и не был лесным жителем.

И вдруг сверху, с той точки, откуда начинались звезды, возник тонкий, как лезвие кинжала, зеленый луч, опустившийся к земле. И тут же

И вдруг сверху, с той точки, откуда начинались звезды, возник тонкий, как лезвие кинжала, зеленый луч, опустившийся к земле.

Доник услышал то, что услышать было невозможно, – как отворились люки корабля и оттуда стаей тараканов или других совершенно беззвучных насекомых хлынула волна пришельцев, и он понял, хоть не услышал и не увидел, что пришельцы очень малы размером и что они охвачены страхом, иным, нежели тот, что владел Доником и Барбосом, – но, без сомнения, страхом, заставлявшим их стремиться отбежать от темной массы корабля, прежде чем случится нечто ужасное.

Поддавшись этому страху, Доник и Барбос тоже начали отступать к улице, и через секунду или несколько секунд время перестало быть постоянным потоком, а рассыпалось на отдельные секунды, каждая из которых помчалась в свою сторону, – Барбос, которому невмочь стало терпеть этот страх, взлетел по брючине и куртке Доника, прыгнул ему на плечо, забыв, что Доник не старое кресло, которое можно рвать когтями сколько заблагорассудится. Но Доник даже не стал сбрасывать кота, хоть и было больно. Потому что в этот момент корабль перестал существовать.

Он не то чтобы взорвался – если бы Доника попросили объяснить с точки зрения физических законов, что же произошло у него на глазах, он бы предположил, что произошел имплозив – то есть взрыв, вся сила которого была направлена к эпицентру, и оттого Доник увидел не вспышку белого пламени как при взрыве, а ужасающую темноту, сверкающую ослепительную темноту, как занавесом отделившую мир от Доника и заставившую зажмуриться...

Звука не было, и в то же время чуть не лопнули перепонки, так сильно метнулся воздух. Тысячи микроскопических ножек, что щебетали вокруг, замерли в ужасе, и потом их бег возобновился.

Вот и все.

Доник и Барбос остались живы.

Как и многие из пришельцев, которые успели убежать с корабля до взрыва...

По улице, за спиной, разрушая колдовство события, проехала машина, и отблеск ее фар скользнул по близким кустам и стволам деревьев.

Барбос оттолкнулся всеми четырьмя лапами, вырвался из рук и помчался к дому. Бросил хозяина на произвол судьбы.

И тут Доник услышал щебет. Почти неслышный – будто маленькие птички разговаривали шепотом, чтобы не разбудить соседей.

Ничего страшного или зловещего в этом щебете не было – но каким страшным он показался Донику! Ведь он, Доник, был сейчас единственным человеком на Земле, который знал, что произошло вторжение инопланетян. Совсем не такое, как предполагали сторонники его и противники, но оно уже факт... Словно ты упал. И сломал ногу. И уже неважно, как это случилось и как можно было предотвратить драму. Вот ты лежишь со сломанной ногой, и надо вызывать «Скорую помощь»...

Донику следовало уйти – уйти, уехать, убежать, уговорить родителей сесть на первый же поезд и исчезнуть, но он все еще стоял посреди сквера, выполняя роль беззащитной первой жертвы вторжения – именно на нем пришельцы могли испытать свою силу.

Что-то скользнуло по его ботинку, по носку, по ноге под штаниной, словно забрался быстрый муравей. Доник наклонился, чтобы сбросить насекомое, но опоздал – пальцы ничего не отыскали, и тогда Доник понял без всякого сомнения, что это был не муравей, а один из них...

И вот тогда страх сорвал Доника с места и заставил кинуться прочь, через улицу, по асфальтовой дорожке, к открытому подъезду в старом двухэтажном бараке, построенном еще до войны. Его обещали снести, когда жизнь станет лучше и веселее. Но жизнь так и не стала лучше – бараки остались, и в них жили подолгу: семья Доника – мама, бабушка, Катька и он – уже тридцать лет. Мама, Катька и Доник родились в этом бараке, а бабушка провела в нем молодость. Сначала была одна комната, а в последние десять лет – две комнаты. И бабушка радовалась, потому что помнила, каково было жить с маленькой мамой в одной комнате.

Барбос сидел перед дверью, ждал. Он отвел взгляд, потому что ему было стыдно, что он так позорно бросил Доника. Но Доник его не осуждал. Лампочка на лестнице была слабая, пятнадцатисвечовая, Доник осмотрел себя, даже завернул брюки, но ни одного пришельца не отыскал.

– Если бы ты был собакой, – сказал он Барбосу, – наверняка бы унюхал, взяли меня в плен или еще нет.

Барбос смотрел на Доника круглыми, бессмысленными глазами, потом чуть шевельнул верхней губой и тихо сказал «мама». Он хотел домой.

Доник полез за ключами, оказалось, что он их не взял. Он позвонил, и открыла Салима – соседка, которая прописалась в бараке недавно и была всем недовольна. И при виде Доника она рассердилась, зачем он

так поздно по улицам ходит, людям спать не дает, зачем звонит в дверь как чужой, пугает ее, Салиму.

Салима была низенькой, плотной женщиной с крашенными в оранжевый цвет волосами, она работала где-то продавщицей и всегда приносила большую сумку продуктов. К ней потом приходили родственники и делили эти продукты. Но кое-что оставалось. У Салимы всегда и все можно было купить. Но дорого.

Барбос юркнул мимо ее ног, в темный угол, в коридорные Помпеи, где стояли шкафы, оставшиеся еще от прошлых жильцов, и в них барахло, настолько никому не нужное, что даже выбрасывать его не хотелось.

Шкафы сами по себе поскрипывали, покачивались, шептались и порой, как казалось Донику, менялись местами или даже покидали квартиру, а на их место поселялись другие. Но никто, кроме Доника и Барбоса, не знал их в лицо.

Мать с Катькой – простые души, побежали в кино на индийскую драму о несчастной любви, а бабушка сидела у телевизора и смотрела парламентские дебаты.

– Вы рано вернулись, – сказала она Барбосу, который прыгнул к ней на колени и свернулся, спрятав нос подальше от света и волнений.

– Он космического корабля испугался, – сказал Доник.

– Уже спустились? – У бабушки было чувство юмора. Даже странно, почему она никому не передала его по наследству – ни матери, ни Катьке.

– В сквере, – честно сказал Доник, – на той стороне улицы.

– Большие? Зелененькие? Вчера по телевизору картинки показывали. У людей очень слабая фантазия.

– Я пошел мыться, – сказал Доник.

Стараниями Льва Абрамыча, третьего соседа по квартире, у них уже второй год как за фанерной перегородкой была установлена сидячая ванна. Доник увидел, что Салима на кухне разбирает белье, и понял, что если он не успеет занять ванную, то Салима кинется туда стирать, а это до глубокой ночи.

Войдя в ванную, Доник начал, раздеваясь, осматривать себя и одежду. Его не оставляло чувство, что он носит на себе пришельца. Никто никогда не думал, что пришельцы окажутся насекомыми, может, даже ядовитыми. И это еще хуже, чем самые страшные фантазии, – даже не расскажешь

поклоннику инопланетян – обидится: «Ах, у меня чешется! Опять пришелец кусается!»

Подумав так, Доник даже засмеялся, хоть и было страшно.

А Салима, которая на секунду опоздала к двери в ванную, начала кричать, чтобы он выходил, сколько можно воду переводить, а у нее белье, нести пора. Доник включил воду, чтобы вода шумела.

Доник разделся догола и стал себя осматривать, но ничего не нашел – ему нетрудно было себя обыскивать, потому что он был очень худой и небольшого размера. Когда он не нашел на себе следов от пришельцев, Доник стал просматривать одежду. Он не спешил, хоть Салима уже два раза стучала в дверь, требуя, чтобы он поскорее освобождал ванную. Он просматривал каждую складку, потому что допускал, что пришельцы могут быть размером с муравьев или еще меньше. Вода шла горячая, очки запотевали, Доник пустил холодную воду. Он не нашел пришельца в одежде, но это его не убедило. Еще два часа назад он смеялся над пришельцами и над людьми, которые в них верили. Теперь же он точно знал, что вечером в сквере на заводской окраине города Н. опустился космический корабль, затем взорвался, а часть пришельцев успела бежать. Можете сжечь Доника на костре или разрезать на части – он будет стоять на своем.

Не найдя пришельца, Доник покинул ванную, а Салима заметила, что он вышел с сухими волосами, и стала кричать, что некоторые люди ходят в ванную неизвестно зачем, лучше бы с девочками гулял, в ванной мыться надо... И Доник сбежал от Салимы – нырнул к себе в комнату.

Катька и мать вернулись из кино, мать уткнулась в телевизор, а Катька пила чай, и Доник сел рядом. Катька вымахала в девицу – можно на конкурс красоты загонять – ноги от пупа, взгляд с поволокой, ничего не выражающий. Они с мамой похожи: только мать плотная и покороче. Но у матери всегда романы, и, если бы мать не была такой доброй и покладистой, наверное, они отыскали бы себе нового папу. А так, получив все, что могли, поклонники уходили восвояси, мать два дня рыдала в подушку, а бабушка ее утешала. Катька говорила, что, наученная маминым опытом, никогда не будет целоваться до свадьбы, но Доник ей не верил, он сам видел, как она целовалась в подъезде с одним взрослым грузином. Впрочем, в тот вечер это не играло роли, если не считать, что у мамы как раз завязывался новый роман и завтра, в субботу, «дядя» Геннадий должен

был прийти в гости, как полагается у порядочных людей, а потому мать шепотом обсуждала с бабушкой, какой испечь пирог.

– Что с Барбосом? – спросила Катька. – Я его хотела гулять выгнать, а он рвется обратно домой. Психованный какой-то.

– Его пришельцы испугали, – сказал Доник.

– Какие пришельцы?

– Инопланетные.

– Да брось!

– Кем мне быть.

– А ты погляди на меня! В глаза гляди, в глаза!

Доник поглядел.

– Ты нарочно так честно глядишь, – сказала Катька, – а в самом деле врешь.

– Как хочешь. Хочешь верь, а хочешь нет.

Он допил чай и пошел в маленькую комнату, где они спали с Катькой, лег на свой диван, включил боковой свет и стал читать популярную книгу о тайнах Атлантиды.

Катька тут же прискакала.

– Нет, ты скажи! Какие они?

Катька верила в пришельцев свято, как в ангелов. Как-то мать ей сказала: «Мне бы тебя за фирму отдать, уедешь в Фээргэ, будешь на «Мерседесе». А Катька совершенно серьезно сказала: «Лучше за инопланетянина. Мне на Марс хочется». Для Катьки чем дальше от дома, тем больше дают в магазинах.

– Как вши, – сказал Доник. – Кем мне быть. Как тараканы.

– Ну ты даешь, – обиделась Катька. – Ну даешь! А я думала, что в самом деле.

Катька стала разбирать свою постель, потому что ей надо было рано вставать – до техникума почти час ехать.

Прежде чем раздеться, Катька принесла коробку с синими туфлями, которые она достала позавчера и еще не насмотрелась. У нее есть привычка – сначала новой хорошей вещью надо любоваться, а потом, когда налюбуешься, можно пользоваться. Катька придвинула стул к кровати и поставила на него коробку с туфлями. Коробка, видно, нужна была,

чтобы не сомневаться, что туфли новые. Донику было смешно, но вообще-то он к такому чудачеству привык.

– Мне интересно, – сказал он, – куда ты поставишь тачку, если ее купишь?

– Я в ней буду спать, – ответила Катька, у которой нет чувства юмора.

Катька разделась, не обращая внимания на Доника. Ему не всегда было приятно, что она не обращает на него внимания, что она его совсем не стесняется, – значит, он для нее дитя малое. В комнату заглянула мать, о чем-то стала шептаться с Катькой, но Доник, конечно, не прислушивался. Он достал из-под диванчика общую тетрадь, в которой вел дневник. Он старался не пропустить ни дня, потому что когда-нибудь потом это может представлять интерес для истории. Но ручка куда-то закатилась. Он спросил Катьку, может, она брала его ручку? Катька озлилась, сказала, что у нее своя, фирменная, она ее даст, но чтобы вернул, а то ему ничего доверить нельзя.

Ручка была хорошая. Катька пошла мыться, слышно было, как она собачится в коридоре с Салимой, которая не хочет уступать ванную, потом в спор включился низкий прерывистый астматический голос Абрамыча. Видно, его тоже тянуло в ванную.

Доник записывал события вечера, и ему хотелось спать.

До конца он записать не смог, его сморил сон. Пришла Катька, растолкала – велела идти в ванную, не спать же одетым. Ручку она отобрала.

Когда утром Доник проснулся, Катька уже умчалась в техникум. Время до школы еще было. Умывшись и одевшись, Доник пошел в другую комнату, там бабушка уже приготовила завтрак.

– У сестер Волковых собака нашлась, – сказала бабушка.

– Собаки находят свой дом за сотни километров, – сказал Доник. – Я читал. У Джека Лондона.

– Я тоже читала, – сказала бабушка. Она была самой начитанной в семье. – Только Волковы никогда ее со двора не отпускали.

До выхода оставалось время, Доник вспомнил, что не сделал геометрию. Он достал тетрадь, бабушка сидела напротив и любовалась им. Любой бабушке приятно иметь умного внука.

– Тебе очки не надо менять? – спросила она у Доника. – Может, слабые?

– Не надо, – сказал Доник. Ручка была хорошая, фирменная. Доник сообразил, что ручка – Катькина. Неужели она расщедрилась и оставила ручку брату? Этого с ней еще не случалось.

Сделав геометрию, Доник пошел к себе в комнату собираться. Любимые ненадеванные синие туфли стояли на стуле. Доник закрыл коробку и засунул туфли под Катькину кровать.

Коробке что-то мешало. Доник заглянул туда – оказалось, что под диваном стоит еще одна коробка. И с такими же туфлями. «Ну, Катька, не ожидал, что ты торговлей занялась», – подумал Доник.

В школе ничего особенного не случилось, если не считать того, что Севидов неожиданно отдал ему венгерский космос – четыре марки и блок – за парагвайское искусство. И когда Доник поинтересовался, с чего он такой добрый, Севидов начал заикаться, тужиться – он всегда так делает, если хочет выиграть время, потом сказал, что отец привез вторую серию. Это было вранье, но какое дело Донику до севидовских проблем.

Марья Сергеевна сказала Донику, что его выдвинули на олимпиаду по физике, так что придется поработать. Донику было приятно, что его выдвинули на олимпиаду, но он делал вид, что ему все равно, а то еще подумают, что он рад.

– Откуда у тебя такая ручка? – спросил Севидов на большой перемене. – Хочешь негашеного Циолковского?

– Не хочу, – сказал Доник. – Чужая ручка. Надо вернуть.

Когда Доник шел из школы домой, он проходил мимо дома сестер Волковых. В том месте между бараками остались по недосмотру несколько совсем старых одноэтажных домов, почти избушек. В одной из избушек и жили старые сестры Волковы. Из их двора доносился шум, женский крик, и Доник вспомнил, что к ним вернулась собака.

Калитка была приоткрыта, и Доник полюбопытствовал – сунул нос в щель. Сестры ругались, стоя посреди маленького, заросшего подорожником и крапивой двора. Между ними на траве сидела их собачка Нелли, не то болонка, не то солонка. Собака слушала крики сестер, чуть наклонив голову, как будто ее позвали быть судьей в споре.

– А я тебе говорю, – кричала старшая, Марксина Сергеевна, – что это не наша Неллечка! У нашей Неллечки вся мордочка белая, а у этой только сбоку.

– Ты что говоришь, что несешь! – возражала ее сестра, причем ни та, ни другая на собаку не глядела. – Ты посмотри, как она на тебя смотрит!

Собака Нелли сказала: «Тяф!»

Это было смешно, потому что получилось по-человечески.

– А я фотографию принесу! – кричала младшая сестра. – Там морда видна.

Она побежала в дом, а вторая осталась с собакой и стала ее утешать.

– Это даже стыдно, какое недоверие, – говорила она. – Это даже мне стыдно.

Она стала гладить собаку, и собака прижалась к ее ноге.

Донику пора было уйти, но почему-то стало любопытно, чем кончится пустой спор.

У собаки и в самом деле лишь правая сторона морды была белой, а слева шерсть была рыжей, как на верху головы и на спине. Но какой она была первоначально, Доник, конечно, не помнил – еще не хватало присматриваться к собаке сестер Волковых.

Старшая сестра скатилась с крыльца, размахивая фотографией.

– Я же говорила! Я же говорила – вся морда белая!

Она стала совать фотографию сестре, та смотрела, а Доник поглядел на собаку – ему вдруг стало грустно: такая была радость, вернулась собака, а они собственными руками от этой радости отказываются. Начинают сомневаться... а ведь пришла собака, и хорошо!

И тут Доник понял, что у собаки вся морда белая. Странно – сам же только что смотрел, и показалось, что морда только наполовину белая.

– Ну теперь ты не сомневаешься, что она чужая?

– Сомневаюсь, сомневаюсь, – злилась вторая сестра, – мало ли что на фотографии нарисовано! Может, там вовсе не наша Неллечка.

– Нет, – радостно объявила ее сестра, увидев наконец собаку, – я же говорила, что у нее вся морда белая.

– Нет, – обиделась первая сестра, – это я говорила, что она белая, а ты говорила, что у нее морда уполовиненная.

Они уже обе смотрели на собаку, и спор сам по себе утихал, потому что у собаки вся морда была белой, что и требовалось доказать.

– И чего ты все споришь и споришь, – сказала наконец сестра с фотографией в руке. – Все тебе нехорошо.

Собака поднялась и побежала к дому, виляя пушистым хвостиком.

Доник пошел дальше и стал думать, видел ли кто-нибудь, кроме него, гибель инопланетного корабля. Вернее всего, никто не видел. Доник давно уже заметил, что в иностранных фантастических рассказах и романах пришельцы обычно завоеватели или опасные существа, а в наших рассказах – они братья по разуму. Доник знал, что это объясняется тем, что мы живем в гуманистическом обществе, а Америка – это жестокая страна. Раньше, пока он был ребенком, он не задумывался, кто прав, а кто виноват, а теперь решил, что раньше у нас был Сталин и репрессии и люди были бесправны и не верили в Бога. И им очень хотелось на что-то надеяться. Вот они и надеялись на братьев по разуму. А цензура и начальники такие книжки не запрещали, потому что им казалось, что по космосу летают не просто братья по разуму, а их собственные братья. А у американцев и англичан были различные взгляды и надежды, а их президенты и королевы не очень вмешивались в их жизнь. Так что необязательно было надеяться на пришельцев.

Барбос сидел на тротуаре – вышел встречать Доника, что ему не дозволялось. Но Доник не стал на него сердиться, потому что он понимал состояние Барбоса – Барбос, как и Доник, знал, что среди нас – пришельцы. А об этой опасности забывать нельзя.

– Пошли домой, – сказал Доник. – Перекусим.

Когда Доник делал уроки, вернулась Катька. Мрачная как туча. Сказала, чтобы брат тут же очистил половину их общего письменного стола – ей надо срочно написать письмо одному человеку.

Один человек служил в армии, и заставить Катьку написать ему письмо в нормальных условиях было невозможно.

Полгода не писала. А тут как увидела, что Доник работает, все в ее душе загорелось... Вынь да положь!

Доник не стал спорить.

Катька взяла одну из тетрадей Доника и не спрашиваясь вырвала оттуда двойной лист, из середины. Доник стиснул зубы и промолчал. Потому что если станешь спорить, то она назло тебе разбросает книги, сломает стол, разорвет учебники – она взрывоопасная.

Не встретив сопротивления, Катька поняла, что ей ничего не остается, как привести свою угрозу в исполнение и написать письмо. Она

покопалась в сумке, вытащила ручку и поставила в верхнем правом углу страницы месяц и число. Потом уставилась на Доника злобным взглядом и спросила:

– Ты чем пишешь?

– Ручкой, – сказал Доник и вспомнил, что ручка у него чужая. Наверняка Катька уже забыла, что сама оставила ручку брату. Сейчас начнется пустой скандал.

– Откуда у тебя эта ручка? – спросила Катька.

– Ну возьми, возьми. – Доник протянул ей ручку. Можно ли готовиться к олимпиаде в таких условиях?

Катька протянула наманикюренную лапку, взяла ручку.

– А мне чем писать? – сказал Доник. – Дай мне свою, зачем тебе две?

Катька было согласилась: у нее теперь в каждой руке было по ручке. И Доник только тут заметил, что ручки были совершенно одинаковыми – обе фирменные, черные, с какой-то рекламной надписью. Катька такую ручку на той неделе выменяла у себя в группе на пару австрийских колготок, если не врет.

Катька тоже заметила, что намерена отдать брату фирменную ручку. Она замерла – и глаза ее с бешеной скоростью носились между ручками, стараясь решить задачу: какая ее?

– Ты что, шутишь, да? – спросила Катька наконец, поняв, что во всем виноват Доник.

– Честное слово, – сказал Доник, который сам безмерно удивился. – Я думал, у меня твоя. Что ты мне оставила.

– Да ты что! Я же ее на колготки выменяла.

– А эту?

– И эту.

– А не слишком много?

– Тебе рано знать! – сказала Катька, которая наконец-то решила для себя трудную проблему. Обе ручки перекочевали к ней в сумку, за ними – лист, вырванный из тетрадки. Никакого письма, значит, Борис не дождется, и обе ручки тоже останутся у Катьки. И уже сейчас, если ее спросить, она искренне скажет, что получила за колготки две ручки. Две ручки – и дело с концом. И она уже сама в это верит.

Доник и тут спорить с Катькой не стал по причине полной безнадежности. Он полез к себе в сумку, отыскал там тридцатикопеечную, старую, почти без пасты, ручку, а чем она хуже?

Катька схватила сумку и пошла в другую комнату к телевизору – не хотела оставлять ручку в распоряжении брата – наверное, уже планировала, как одну из ручек снова променяет на колготки. Потом – ну совсем как ребенок – прибежала снова, вытащила из-под кровати коробку с туфлями и открыла, чтобы насладиться.

– Пошла бы куда-нибудь, – сказал Доник. – В кино, а?

– Мешаю?

– Еще как!

Тут Катька издала клич индейца на тропе войны. Доник даже подскочил от неожиданности. Катька сидела на полу, и перед ней стояли две совершенно одинаковые коробки. Обе открыты, в обеих – синие туфли. Катька растерянно пощупала одну туфлю, потом вытащила туфлю из другой коробки, приложила к первой и стала очень похожа на обезьянку, которая старается составить две палки, чтобы достать банан.

Доник хотел пройтись по поводу ее раннего маразма, но тут она обратила к нему убийственный взгляд и спросила голосом директора школы:

– Это что за штучки?

– Ты что? – удивился Доник. – Какие штучки? Сама засунула, а на меня говоришь.

– Ты зачем надо мной издеваешься? – Катька готова была заплакать. – Ты зачем мне настроение портишь? Сначала с ручкой, а теперь с туфлями?

– Чесслово, я думал, что ты две пары купила, – честно сказал Доник. – Но если тебе не нужно, ты отдай обратно.

– Кому отдай?

– У кого взяла.

– Но я же одну пару взяла!

– Одну пару себе оставь, – сказал Доник, – и будет хорошо.

Катька не поняла этой логики и гневно заявила:

– Сейчас же убери одни туфли. Я не хочу из-за тебя в криминал попадать.

Доник хотел было засмеяться, но в этот момент взгляд его упал на пол, и он увидел, что там стоит только одна, и притом пустая, коробка из-под туфель. Это было как в сказке.

– Какой криминал? Какие туфли? – спросил Доник, улыбаясь, хотя он сильно испугался. Но когда люди сильно пугаются, они часто начинают улыбаться. Человека засасывает в болото, он ручками машет и улыбается: извините, нечаянно!

Тут Катька тоже поглядела себе под ноги и сразу успокоилась. Ей так хотелось думать, что у нее двоилось в глазах, а теперь обошлось, что она сразу поверила в то, что второй коробки и не было.

– Я тебе когда-нибудь голову оторву, – сказала она Донику.

– За что? – Доник подошел к тому месту, где только что стояла вторая коробка. Ему показалось, что он увидел какое-то легкое движение – нечто быстрое и маленькое скользнуло под диван.

– Не трогай! – предупредила Катька. – Я тебе этого никогда не прощу.

Доник выпрямился.

– Покажи туфли, – сказал он.

Он в волшебство не верил, а верил своим глазам.

Катька туфлю ему не дала, но показала издали.

– Обрати внимание, – сказал Доник, – обе правые.

– Что? – Катька перепугалась. – Что ты говоришь! Ты не представляешь, сколько они стоят!

– Да не в стоимости дело!

Катька сблизила туфли и сказала с облегчением:

– Ты шутишь, да?

И Доник увидел, что туфли в ее руках – парные. Только что были правые, а уже стали – один правый, другой – левый, как положено.

– Я ничего не понимаю, – сказал Доник.

– А я понимаю, – сказала Катька, – что тебе надо поменьше своими физическими опытами заниматься. И тебе спокойнее, и людям.

– Нет, – сказал Доник, – дело не в этом. Но в чем – я еще не знаю.

– Не знаешь, думай! – предложила Катька. Она поставила коробку на трюмо, чтобы не выпускать из поля зрения.

Значит, у Катьки возникло настроение провести ревизию ее ценностей. Она открыла ящик под зеркалом, стала пересчитывать бутылочки и флакончики, нюхать, бормотать что-то. Иногда до Доника доносились ее слова:

«Совсем духов не осталось...», «А где помада? Я вас спрашиваю – где помада? Вот моя пома-адочка...»

Но больше Доник ее не слушал. Он быстро сделал завтрашний английский и открыл «Динамику» Моранди, перевод с итальянского, ему Виктор Аркадьевич на неделю дал. И сказал, что без этой книги на олимпиаде делать нечего. В этом была хитрость – оба переводчика Моранди были в жюри олимпиады. Другой бы не догадался, а хитроумный Виктор Аркадьевич всегда узнавал обстановку вокруг олимпиады и говорил, что порой это важнее, чем сами соревнования. Недаром из его школы человек восемнадцать были уже лауреатами.

Не глядя, Доник подвинул к себе листок бумаги, брошенный на столе Катькой, и принялся выписывать из Моранди – для себя, потому что знал, если выпишешь – лучше запоминается.

Откладывая ручку, он заметил, что по рассеянности снова взял Катькину ручку. Он отбросил ее, как маленькую гадюку, и тут вспомнил, что собирался засветло обследовать место высадки пришельцев.

Он поднялся, проходя мимо сидевшей перед зеркалом среди своих сокровищ Катьки, протянул ей ручку и сказал:

– Не разбрасывайся.

– Ты что! – возмутилась Катька. – Зачем в сумку лазил?

– Я не лазил, – сказал Доник и поспешил прочь, чтобы не тратить время на перебранку.

– Только ненадолго, – сказала вслед бабушка, – скоро обедать.

Барбос увязался было за Доником, но Доник его не взял.

– Машин много, – сказал он коту, – задавят еще тебя.

Барбос смотрел на него так выразительно, что Доник пошутил:

– Я буду осторожен. И если мне предложат улететь на Альдебаран, я категорически откажусь.

При дневном свете сквер казался совсем другим. Куда меньше – мельче. Трава уже пожухла, и листва тополей стала почти серой – во всем чувствовалась осень. Сквер был неухоженным, хотя сюда многие ходили – утром на обеих лавочках сидели мамаши и бабки с колясками, а вечером сюда приходили собачники или любители распить. Мать уверяла, что когда-то сюда ходили целоваться – но Доник такого не застал.

Доник сразу прошел на то место, где погиб космический корабль: он думал, что какой-то след останется – примятая или выгоревшая трава. Нет, ничего такого не было. Через поляну по траве шел ежик, спокойно

шел, не таясь. Еще год назад Доник обязательно бы поймал ежика, притащил бы домой. А сейчас он только сказал ему:

– Шел бы куда подальше, попадешься малышам, замучают.

Он взял ежика, который вместо того, чтобы свернуться, спокойно лежал теплым животом на ладони и смотрел на Доника, и отнес его к густым кустам. Там отпустил. И подумал – какой красивый ежик! Вот вроде было глупое существо – колючки растут из спины, ноги короткие, а все равно красивый.

И тут Доник понял, что он не найдет на месте приземления никаких следов. Ведь взрыв был не обычный, а имплозивный.

Когда он вернулся домой, бабушка уже накрыла на стол, мать, которая пришла с работы чуть раньше обычного, уже вымылась и рассказывала бабушке, до чего докатился Ваганов из месткома. Доник пошел было мыть руки, но тут вошла Катька и сказала ему:

– Издеваешься, да?

– А что?

Катька держала в руке три совершенно одинаковые черные фирменные ручки с золотой надписью по-немецки.

– Зачем подсовываешь?

– Зачем мне подсовывать?

– А я говорю – ты нарочно, чтобы меня волновать!

– Ничего я тебе не подсовывал. Я вижу, что ты на столе забыла, вот и отдал. Зачем мне твои ручки?

– А зачем мне три? Может, их вообще миллион? Я у Багировой взяла, потому что она так и сказала – будет одна, одна на всю Москву, понял? На что мне три?

– Так отдай мне.

– Еще чего не хватало!

Катька тут же спрятала все три ручки в сумку, а Доник подумал, что надо будет расследовать загадку трех фирменных ручек. Но в тот вечер разгадать ее он не смог, надо было садиться за Моранди – но некуда спрятаться, потому что к Катьке пришли сразу две девицы: Варфоломеева – дура почище Катьки – и незнакомая спекулянтка шмотками. Причем денег у этих куриц нет, и они все время устраивают чейндж и базарят. На кухню тоже не пойдешь – там Салима устроила очередную стирку,

а в большой комнате телевизор на полную громкость. Но лучше при телевизоре, чем в щебетанье интеллектуалок из швейного техникума.

Доник уселся с книгой в угол, но с трудом понимал, что пишет Моранди.

Вдруг бабушка сказала:

– Вера, спасибо, что ты мне шерсть принесла.

– Ага, – сказала мать, которая уже впилась в телевизор.

Потом минут через десять, когда случилась какая-то пауза в действии, мать спросила:

– Какую шерсть?

Донику было забавно слушать, с какими перерывами идет разговор между мамой и бабушкой, но они этого не замечают.

– Синюю, – сказала бабушка еще минут через пять, кончив считать петли.

– А я не покупала, – сказала мать.

– Три мотка, – сказала бабушка. – Я же еще вчера просила тебя купить.

– Ага, – сказала мать, – я не покупала. Нет синей шерсти.

– А эти мотки – Доник, что ли, принес?

– Ах, оставь, – сказала мать, – ты мне смотреть мешаешь.

И тут Доник увидел ежика. Того самого, из сквера. Он не спеша топал через комнату, направляясь к Донику, а следом за ним, медленно переставляя лапы, как зачарованный, двигался Барбос, который, видно, расценил появление ежика в комнате как личный подарок судьбы.

– Барбос! – крикнул Доник. – Фу!

Кот не обратил никакого внимания на его слова, но мать услышала и оторвалась от экрана – проследила направление взгляда Доника и, еще не поняв, что в комнате бродят ежи, завизжала на всю улицу.

Ежик остановился, Барбос отпрыгнул в сторону, потому что решил, что в квартиру ворвалась пантера, бабушка выронила вязание, подруги вбежали из соседней комнаты, Салима распахнула двери и закричала с порога:

– Какой право имеешь меня нервы дергать?

Испугавшись за ежика, Доник схватил его на руки. Ежик был тот, из сквера, – он не умел сворачиваться в шар.

Девушки окружили Доника, хотели приласкать ежика, им было смешно, что он поднялся на второй этаж и пришел в гости. Мать чувствовала себя неловко, что так закричала, и потому стала ругать Доника за то, что тот без спросу принес домой ежа. Бабушка поддержала ее, сказав, что ежи дома не живут и оставить его дома – это замучить животное, к тому же его Барбос растерзает.

– Хорошо, – сказал Доник, как бы признавая этим, что принес ежика сам. – Я его отнесу.

И он понес ежика к выходу. Салима шла за ним до двери и твердила, что от ежей этих и крыс бывает чума и СПИД.

Уже темнело. Доник прижимал к себе ежика, тот доверчиво лежал на руке, и от него исходило спокойствие и теплота. Даже жалко стало расставаться с таким хорошим и добрым ежом. Доник подумал, может, отдать его Карапетяну, который как раз вышел гулять со своими близнецами, но потом решил – нет, пускай ежик живет на свободе. А он к нему будет приходить...

Когда, перейдя улицу, Доник вошел в сквер и стал искать место поглуше, чтобы отпустить ежика, ему в голову пришла гениальная мысль: «Ежик каким-то образом связан с космическим кораблем!»

В этой мысли заключался не вопрос, не предположение, а утверждение.

С этой мыслью Доник зашел в кусты и отпустил ежика. Ежик и не собирался убегать, он стоял у его ног и ждал. Из кустов Донику была видна скамейка. На скамейке сидели две девочки, лет по пяти, они держали в руках по ежику. А рядом с ними сидел их дед, толстый старик в пиджаке, обвисшем от груза медалей и юбилейных значков. Он тоскливо и монотонно вещал:

– Я помню, как мы стояли под Демьянском, а там леса густые, и в них водятся ежи. А жрать нечего. Сержант Ватрушка поймал трех ежей и изжарил. А наш ротный говорит – нельзя ежа жрать, отравишься. А Ватрушка изжарил и съел, и хоть бы что. Его через два дня убило осколком. Но животом совсем не страдал. От осколка погиб, я сам при этом присутствовал.

Доник посмотрел под ноги. Его ежик стоял внизу и ждал. Конечно, могло так случиться: попался выводок ежей – бывает. Но Доник был убежден, что все это не случайно.

– Пока, – сказал он ежику и медленно пошел к дому, но не домой, а только к дому. Он дошел до скамейки перед подъездом и сел на нее. Ситуация была неординарная, нестандартная, Доник обладал тайной, которую, кроме него, никто не знал. Тайна эта была невероятная, и от разгадки ее могла зависеть судьба всей Земли. Это трудно понять – человеку кажется всегда, что судьбы Земли и даже его района решаются в каких-то специальных учреждениях. Но если мы допустим, что единственный инопланетный корабль опустился именно в сквере по ту сторону Охотничьей улицы вчера в десять вечера, то уже это событие настолько невероятное, что его последствия должны проявить себя невероятно.

Допустим, рассуждал Доник, что ежики – это и есть инопланетные пришельцы... Хотя вряд ли. Если бы из корабля вышло сто ежей, Доник бы их увидел – не такая уж была темнота. Да и что за идея изображать из себя ежей? Это самый невыгодный камуфляж. Если бы Донику предложили спуститься на Землю и принять форму какого-нибудь земного существа, неужели он выбрал бы ежа? Да ни в коем случае! Еж медленно передвигается, он лишен средств защиты, он слишком очевиден в городе... Нет! Постой-ка, а вдруг пришельцы в самом деле так похожи на ежей? Доник покачал головой. Он точно знал, что вчера вечером из корабля вылезли мелкие существа, подобные маленьким насекомым, – не ежи... и не ручки!

А почему он подумал о ручках?

Потому что с ручками нелады. Ручка должна быть одна. А их уже три. Вторая появилась, потому что она понадобилась Донику. А третья? Третья тоже, потому что она понадобилась Донику. А откуда они появились, эти ручки?

Оттуда же, откуда и ежи – ниоткуда.

Доник сидел в одиночестве и строил умозаключения, которые имели прямое отношение к судьбе Земли. Она сейчас в руках единственного человека, который осознает опасность, грозящую нашей планете. Теперь подумаем, не был ли он сегодня свидетелем других странных случаев. Был! Была история с собакой. Ведь сначала у нее половина морды была белой, а потом и вся морда. Эта собака подобно ежам появилась неизвестно откуда – потерялась и потом пришла. Все? Нет, не все! Доник радовался, как грибник, попавший на поляну, где растут во множестве подосино-

вики. Что вы скажете о мотках синей шерсти, которых не было в магазине и которые оказались у бабушки, хотя мать их не покупала? Или о туфлях?

Допустим, что есть существа и вещи, которые возникают ниоткуда и не возникали раньше, пока не приземлился космический корабль. Значит, это было вторжение?

А почему бы нет? Необязательно же марсианам приземляться на Землю в снарядах и сразу же пить кровь землян. Можно вторгнуться невзначай, мало-помалу втереться людям в доверие, притвориться ежиками, заморочить человечество... Вторжение вещей!

Если бы Доник придумывал фантастический роман или фильм, он бы назвал его «Вторжение вещей!».

Стало прохладно. Зябкий ползучий ветер дергал за серые листья тополей. Надо что-то предпринимать, но совершенно неизвестно, с какого конца начать. Сейчас важно, чтобы пришельцы не догадались, что их зловещий план разгадан одним человеком четырнадцати лет, которому никто и ни за что не поверит, если он сейчас начнет предупреждать людей: «Опасайтесь пришельцев! Они среди вас в виде ежиков!»

Если они еще читают мысли... тогда положение безнадежно!

«А это можно проверить, – сказал сам себе Доник. – Надо подумать: сейчас я иду за бензином – я оболью бензином сквер, а потом подожгу его. И все пришельцы погибнут!»

Подумав так, Доник невольно внутренне сжался – так четко представил себе бушующее вокруг пламя.

Что же теперь предпримут пришельцы, чтобы уничтожить Доника – их главного и единственного врага?

Доник вскочил со скамейки и отошел к дому. Он прижался спиной к стене так, чтобы нельзя было зайти сзади. Он прищурился и стал ждать нападения...

Ничего не произошло. Значит, подумал Доник с облегчением, пришельцы не читают мыслей.

И тут он услышал шорох. Через улицу, прочь от Доника бежал ежик.

Доник сразу осмелел – любое существо смелеет, когда видит, что враг бежит. Он оторвался от стены и пошел следом за ежиком-пришельцем. И тут же увидел, как с рябины, росшей у барака, спрыгнула на асфальт

белка. Вот уж кого Доник отродясь не видел! Белка понеслась следом за ежиком.

«Ох, догоню! – мысленно угрожал им Доник. Вошел во вкус! – Догоню, оболью бензином и сожгу!»

Он пошел за зверьками, которые замерли на краю тротуара – почти касаясь друг друга.

И когда Донику оставалось до них два шага, они исчезли.

Растаяли в воздухе – раздался лишь легкий щелчок, как бывает, когда лопается воздушный шарик...

Доник добежал до того места – ничего не видно. Он присел на корточки, провел ладонью по асфальту – весь его страх улетучился. Под ладонью, которая ощущала шершавость асфальта, что-то шевельнулось – как будто насекомое быстро пробежало по тыльной стороне кисти и исчезло.

Теперь Донику все было ясно.

Они умеют менять обличье – превращаются в вещи или существа, которые людям почему-то нужны или приятны. Смотри-ка, никто из них не превратился в скорпиона... Впрочем, никто не превратился и в человека. Может, человек для них слишком велик?

Один за другим они внедряются в каждый дом, в каждую комнату... Незаметная ручка, моток шерсти... И когда поступит сигнал – уже готовы выскочить изо всех нор и укрытий. Сдавайтесь, люди!

В этой стройной гипотезе не сходились концы с концами. В чем же ошибка?

Зачем им превращаться в ручки и ежиков, подумал Доник, если они могут дожидаться приказа о наступлении, затаившись по темным углам? Зачем им рисковать и высовываться раньше времени?

С кем бы посоветоваться? В такой критической ситуации человеку нельзя оставаться в одиночестве.

Кажется, есть у тебя и знакомые, и друзья, вроде бы всегда есть с кем поговорить или поспорить... а вот началось космическое вторжение – и оказывается, что сообщить об этом, не рискуя показаться дураком, некому.

Дома нет человека, с которым можно обсудить судьбу Земли. В классе... в классе можно поговорить с Риной Осиповой. У нее голова устроена лучше, чем у ребят. Ее пришельцами не испугаешь.

Доник пошел на угол к автомату. Дома у него телефона не было, да если бы и был – он не стал бы звонить из дома.

Автомат по странной случайности оказался свободен и не сломан. Звонок у Рины отзвенел десять раз, но никто не подошел к телефону. Доник хотел было позвонить тогда Кольке Стахановичу, на крайний случай можно поговорить с ним. Но тут автомат щелкнул и сожрал монетку. Больше у Доника двушки не было. Теперь пришельцы могли заканчивать завоевание Земли совершенно спокойно, потому что Доник был нейтрализован.

Доник вышел из автоматной будки.

В двух шагах от нее стоял немного знакомый Донику алкаш Аполлон-Союз. Доник не знал, почему этого пожилого сутулого морщинистого мужчину так странно звали и как его настоящее имя.

– Тебе нужна двушка, – сообщил алкаш Донику и протянул ему сложенную ложечкой ладонь, в которой была целая горсть двушек. – Ты возьми и звони ей, не спеши, обязательно дозвонись. За мое здоровье.

– Спасибо, – сказал Доник, прижимая указательным пальцем дужку очков к переносице. – Ее нет дома.

– Все равно звони! – сказал Аполлон-Союз. – Пускай услышит и приедет, на скорую помощь.

Глаза у Аполлона-Союза были слишком блестящими.

– Не надо, спасибо, я домой пойду.

– Сначала пожертвуй мне пять минут, – сказал Аполлон-Союз. – Меня гнетет одиночество в день исполнения желаний.

– А как пожертвовать?

– Горе наше, людей конца двадцатого века, в том, что нам не перед кем исповедаться. И это хуже, чем одиночество. У меня сегодня праздник исполнения желаний. Но нужен ли он мне, если я не могу возвестить миру, что мои желания удовлетворены?

– А какие желания? – быстро спросил Доник.

– Ты еще молод задавать такие вопросы, – сказал Аполлон-Союз. – Но в виде исключения я тебе откроюсь.

Алкаш распахнул обвислый, потертый пиджак с ветеранским, незаслуженным значком на лацкане, и Доник увидел, что из обоих внутренних карманов выглядывают горлышки бутылок.

– Пшеничная, – сказал Аполлон-Союз. – Высший сорт. Могу позвать любого друга, откуда хочешь прибегут. Залейся.

– А откуда они у вас?

– Очкарик, я тебя буду звать Берией, ты другого не заслужил. А я тебе буду сознаваться. Так вот – хрен его знает откуда! Наверное, от верблюда. Еще час назад я был самым несчастным человеком в этом микрорайоне. Никуда не привезли, нигде не дают, и не на что купить! Ты такого чувства не испытывал ввиду чистоты твоего желудка. Я пошел топиться – кем мне быть, топиться, понял?! Сел и ботинки снял, чтобы не мешали топиться, – я люблю все делать культурно. Потом я пиджак снял, пиджак не виноват! – а в карманах у меня две, понимаешь, пустые бутылки для сдачи посуды. Значит, я все это положил на парапет и пошел через него лезть, чтобы свалиться в глубины безмолвия. И тут у меня появилось предчувствие. Словно голос с неба: «Уууу! Посмотри в пиджак! Вдруг у тебя бутылки уже полные?» Я голосу говорю: «Не дури! Что уже выпито, то полным не бывает...» – а голос: «Ууу! Гляди!» Я отложил потопление, смотрю в карман – а они полные до горлышка и запечатанные... Скажи, а Бог есть? Нет, ты мне честно скажи, значит, я еще нужен человечеству, если мою бессмертную душу решили сохранить через посредство чуда? Знаешь, очкарик, я завтра в церкву пойду, пускай меня крестят. А?

– Значит, вы уверены, что сначала бутылки были пустыми, а потом наполнились?

– И запечатались, кем мне быть! – Аполлон-Союз рассмеялся. Он был в самом деле счастлив. – Ты меня правильно пойми, – сказал он. – Это я не чтобы сразу вылакать – это я для счастья. Я уже час как хожу, смотрю, но чтобы пить – ни за что! Ты меня понимаешь?

– А почему вас Аполлон-Союз называют? – спросил Доник.

– Потому что Союз-Аполлон в Калуге живет, – ответил алкаш.

– А у вас имя-отчество есть?

– Оскорбляешь! Есть, и не одно. Хочешь, зови меня Эдиком Стрельцовым.

– В общем, мне все равно. Не хотите говорить, не надо. Только я знаю, откуда у вас бутылки.

– А ты объясни, может, пойму.

– Вам ведь все равно.

– Честно говоря, не все равно. Я вычисляю: подарков мне никто делать не будет. Но и красть я их не крал. Потому докладывай. Любой вариант будет рассмотрен нами уважительно, в обстановке консенсуса.

– Эти бутылки сделаны инопланетными пришельцами.

– Ну ты даешь, очкарь! Я думал – ты в норме.

– А я же вам не навязываю свою теорию, – сказал Доник, не опуская взгляда. – Только хочу объяснить, что они поступают логично. Может быть, и я на их месте начал бы вторжение точно таким образом.

Доник понимал, что Аполлон-Союз храбрится и готов поверить даже в черта. Иначе давно бы изматюгал Доника и ушел. А Донику тоже до смерти нужен был собеседник, союзник – нельзя быть одному хранителем такой тайны.

– Я вам не навязываюсь, – сказал Доник. – Не хотите, не верьте. Я сам еще вчера не верил. Глупости какие – пришельцы...

– Пришельцы-мришельцы, – сказал Аполлон-Союз. – Мать их.

– А вчера вечером я гулял и увидел, как их корабль вот здесь опустился, а они из него выбежали.

– Крупный?

– Корабль крупный, а десант – знаете, такое ощущение, словно насекомые. Я их не видел – но слышал, как шуршат.

– Это бывает, – сказал Аполлон-Союз, – это лечат. Тебе рано, а нашего брата лечат. Значит, на глаза не попались, а на плечо лезли?

– Вы не в том смысле понимаете. Главное, что их корабль взорвался и они остались у нас навсегда. И теперь им, наверное, надо здесь устроиться.

– Беженцы из Карабаха?

– Может быть, беженцы. Они стали превращаться в вещи, разных небольших существ.

– Зачем?

– Чтобы проникнуть, я думаю, – сказал Доник. – Я сейчас двух видел – один был как ежик, а другой – белка.

– И сбежали, – сказал Аполлон-Союз. – А бутылки стоят!

– Сбежали, потому что я их испугал. Они же боятся, что их разоблачат.

– С какой целью боятся?

– Тогда мы начнем их извлекать и уничтожать. И вторжение сорвется.

– Да здравствует вторжение! – громко сказал Аполлон-Союз. – Кто угодно, вторгнись, чтобы курево было и колбаса! Надоело жить свободным!

– Тише!

– Какой тише? У нас сколько властей менялось, и мне все обещали, что я буду жить при нынешнем поколении и при коммунизме. И все врали. А тут приходят – и сразу несут бесплатную водку. Да здравствуют инопланетные пришельцы!

Тут сестры Волковы, которые проходили неподалеку, подпрыгнули со страху, а их собачки залаяли. Доник сказал:

– Тихо вы! Видите – доказательство проходит?

– Какое доказательство?

– Эти бабушки – они сестры Волковы...

– Знаю, в одном доме с ними прописан. А что?

– А то, что у них была собака...

– И сейчас есть собака.

– Сколько собак?

– Не скажу. Может быть, у меня двоится в глазах, а это врачи нам не советуют.

– У них две собаки. Одна сестра думает, что у настоящей вся морда белая, а другая думает, что только половина. Вы смотрите, собаки почти одинаковые...

– Мне не видать, я только хвост наблюдаю, – сказал Аполлон-Союз.

– Но вы же видите, что у них две собаки!

– Удивительно, – согласился наконец Аполлон-Союз, – что хозяйки не замечают.

– А они довольны. Они счастливы, – сказал Доник. – В этом принцип завоевания.

– Завоевания?

– Пришельцы хотят, чтобы людям казалось, что они счастливые, а потом завоюют.

– Никто и никогда еще не хотел мне счастья. Нет, про пришельцев, может, и не врешь, а про счастье врешь.

– Тогда предлагаю эксперимент, – сказал Доник.

– Какой еще эксперимент?

– Разбейте эти бутылки.

– Ты что?

– Если это пришельцы, они не допустят, чтобы у вас было такое горе, – правильно?

– А если это не пришельцы?

– Тогда откуда у вас бутылки?

– А я лунатик! Спер и не заметил.

– Значит, испугались?

– Еще бы не испугаться!

– Вот если бы у меня была бутылка, я бы обязательно рискнул!

– Риск – это славно, очкарь! Рискуй на свои бутылки!

– У вас вторая останется!

– Для человека употребляющего, к которым я себя причисляю, каждая разбитая бутылка – трагедия. И за себя, и за того парня.

– Давайте тогда я ее разобью...

– Знаешь, за что Отелло свою жену задушил? Молчишь? За то, что она бутылку разбила.

Аполлон-Союз расхохотался, лицо его покраснело.

– Я вам гарантирую, – сказал Доник. – Никакого сомнения. Даже смешно. Зато узнаете, хочет ли кто-нибудь вам счастья.

– Эх, счастье... А что, если не врешь? Птица счастья завтрашнего дня!

И вдруг этот пожилой, обтрепанный, бессмысленный человек начал топтаться на месте, широко разведя руки и поводя ими, словно изображая крылья. Кружась, он напевал, как бы подгоняя себя, и ему-то казалось, что он бодро и весело пляшет, может, даже вприсядку – он был совсем не пьяный, но вел себя как изрядно подгулявший человек, – так он разогревал себя, и Доник даже отступил от него: он не ожидал такой вспышки энергии. Наплясавшись, Аполлон-Союз распахнул пиджак, трясясь, вытащил за горлышки бутылки с водкой и начал крутить их в руках, словно это были булавы, а он – жонглер. Но подкидывать он ничего не стал и приглушенно завопил:

– Иээх, где наша не пропадала! Смерть немецким захватчикам! – Видно, он вообразил себя защитником Севастополя, который выходит с бутылкой горючей смеси навстречу фашистским танкам, – раздался

неожиданно оглушительный звон – обе бутылки грохнулись об асфальт – и вдребезги!

Издали залаяла собака, хлопнуло окно в доме, и женский голос закричал:

– Хулиганить бы постеснялись! Дети уже спят!

Аполлон-Союз стоял не опуская рук и глядел на благоухающую спиртом черную лужу на асфальте, на блеск осколков стекла, и Донику стало страшно – что он наделал! А вдруг пришельцев нет?

– Какие еще пришельцы? – сказал Аполлон-Союз трезво и страшно – он уже хотел убить Доника, потому что Доник лишил его бутылок. Лишил его нежданного водочного счастья...

– Ну, где другие? – спросил Аполлон-Союз и всхлипнул. – Где счастье?

– Я не думал, – сказал Доник. – Я думал, что это пришельцы.

– Как же я так... поддался? Я ж никогда в жизни! Чтобы хоть рюмку разлить! Да ты что! А тут своими руками две бутылки? За что?

Аполлон-Союз опустился на корточки и стал гладить мокрый асфальт.

– Осторожно, – сказал Доник, которому было стыдно, что он заставил несчастного человека сделать глупость, – вы руки обрежете.

– Пускай обрежу, – сказал Аполлон-Союз. – Пускай до крови – водкой умоюсь... я сейчас лизать буду, вот посмотришь – лизать буду, не потому, что хочу, а чтобы у нее, у водочки, прощения выпросить!

Доник стал оттаскивать Аполлона-Союза от лужи, а тот клонился вперед и плакал.

Мимо прошел молодой парень, Доник хотел попросить его помочь, но парень сказал наставительно:

– Меньше принимать надо, папаша, сына испортишь!

И прошел мимо.

Доник все же тянул Аполлона, но тот сопротивлялся.

А тот молодой парень вернулся и спросил:

– Помочь надо, пацан?

Доник не успел ответить, потому что парень наклонился, взял с асфальта полную бутылку водки и протянул Донику:

– Возьми и мамке отдай – твой папаня уронил.

– Моя! – закричал Аполлон-Союз и выхватил бутылку. – Мой пузырь!

– Живите как хотите, я уеду навсегда! – сказал молодой парень.

Наплясавшись, Аполлон-Союз распахнул пиджак,
трясясь, вытащил за горлышки бутылки с водкой.

Он уходил и в голос смеялся. Аполлон-Союз сидел на мостовой и прижимал обе бутылки к груди. И тоже смеялся. Потом Доник увидел еще одну бутылку, которая лежала в траве.

– Видите, даже прибавилось, – сказал Доник с укоризной.

– Спасибо, – сказал Аполлон-Союз с чувством, – вам, товарищи инопланетные пришельцы, за нашу счастливую старость. Этого мне за день не выпить.

– Вот видите, – Доник не скрывал радости, – я же говорил, что они все делают, чтобы мы были счастливы!

– Молодцы – адидасы, – сказал Аполлон-Союз. – Наши спонсоры. Надо в Верховный Совет сообразить, они же нас обеспечат – кому водку, кому сгущенное молоко, я правильно говорю? Каждому по способностям, от каждого – кто сколько может.

Он смотрел бутылку на свет.

– Хрусталь, – сказал он.

Доник прошел по тому месту, где только что лежали осколки, – асфальт был сух, и все, что случилось несколько минут назад, казалось сном.

– Ты мой товарищ по разуму, можно сказать, друг, – сказал Аполлон бутылке. – Ты уж от нас не уезжай.

Он ловко сорвал зубами жестяную пробку с бутылки.

– Вы что? – удивился Доник.

– Пора начинать, – сказал Аполлон, – пора принимать вовнутрь.

– Как же так? Разве это для того, чтобы пить?

– Только так можно достичь счастья, – сказал Аполлон. – Путем приема внутрь. А ты как думал?

– Я думаю, что каждая такая бутылка – это в то же время пришелец...

– Закамуфлировался, во дает! – обрадовался Аполлон-Союз. – Нет, ты только подумай. Был в скафандре, стал мальчишкой, удивительным парнишкой, это очень хорошо, даже очень хорошо! Буратина ты моя!

Он взболтал жидкость, понюхал.

– Божья слеза, – сообщил он Донику.

– Не надо. – Доник осекся, хотя ощущение неумолимого бедствия не оставляло его. – Может, вы им отравитесь.

Аполлон пил, задрав голову.

– Я с вами поговорить хотел, посоветоваться, а вам это неинтересно, – сказал Доник.

Аполлон-Союз сделал еще несколько глотков и сказал, прижимая горлышко пальцем:

– Слабоват твой пришелец, сорока градусов не будет. Тридцать пять максимум. А ты иди, куда шел, а то я скоро стану опасным для человечества, потому что агрессивный. Тебя не узнаю – пришибу! Мотай отсюда!

Доник понял, что Аполлон-Союз прав – нечего ему здесь стоять и смотреть, как человек напивается.

Аполлон-Союз пошатнулся и с треском врезался в кусты – но не упал, а удержался, и треск продолжался, удаляясь, – значит, Аполлон-Союз пробивался в нужном ему направлении.

Доник пошел домой. Встреча с Аполлоном-Союзом могла показаться бессмысленной, но с научной стороны дала немало. Ведь был поставлен самый настоящий эксперимент – Аполлон показал пришельцам, как он расстроен из-за того, что бутылки разбились. И тут же появились новые бутылки. Значит, теория Доника была правильной. Значит, пришельцы читают мысли и быстро на них реагируют. Осталось понять: вещи и существа, что выдаются людям для счастья, – это фантомы, пустая видимость или сами пришельцы. Если пришельцы, значит, Аполлон-Союз людоед? Представляете, какую репутацию заработает человечество в галактическом содружестве? Нас будут называть расой каннибалов... Планета Каннибалов! Ужас какой-то!

Доник даже оглянулся, будто боялся, что какой-нибудь прохожий подслушает эту мысль. Но прохожих не было. Люди занимались своими делами. Только Доник с ума сходил.

Вроде бы главная загадка пришельцев им раскрыта: они – оборотни. Поэтому выловить их будет нелегко. Но прежде чем начинать ловлю пришельцев, надо разобраться, зачем им засвечиваться. Сидели бы по углам – никто бы не заметил. А теперь они потеряли внезапность.

Впрочем, внезапность они еще не потеряли, если уберут Доника. А как его убрать? Можно сбить машиной, отравить... утопить, подослать наемного убийцу.

Донику стало не по себе. Он обернулся: сзади никого не было. Хотя это ничего еще не значило. Они подкрадываются незаметно. Доник пошел быстрее. Еще быстрее.

Потом припустил к бараку, запыхавшись, вбежал по лестнице и прижал ладонь к звонку. Звонок заверещал, но Доник не отпустил кнопку.

Открыла бабушка.

– Ты что? Бежишь как кот от собаки.

– Побежишь, – сказал Доник, – если за тобой привидения гоняются.

Бабушка, видно, решила, что Доник так шутит, и спросила:

– Ужинать будешь?

Вся семья была в сборе перед телевизором. Чего и следовало ожидать.

Доник от ужина отказался, попросил чаю.

– Как твои пришельцы? – спросила Катька, не ожидая ответа, потому что была увлечена телевизионными приключениями.

– Надо что-то делать. И срочно, – сказал Доник.

– А ты поделись, – сказала бабушка, – легче станет.

И Доник поведал своему семейству не только о прилете пришельцев, но и о драматической истории Аполлона-Союза. Но никто не удивился и не испугался. Бабушка взяла уже связанную спинку свитера и долго принюхивалась к тому месту, что было связано из таинственных мотков.

– А зачем нюхаешь? – спросил Доник.

– Затем нюхаю, что запах другой, – сказала бабушка.

Мать сказала:

– Потише, смотреть мешаете.

– Дай понюхать, – сказала Катька.

– Осторожней, не отравись, – сказала мать. – Они там, может, всякую отраву в шерсть добавляют.

– Пахнет дикими прериями, – сказала Катька, которая только что читала роман «Анжелика в Новом Свете».

– Они рассудили, – сказала бабушка, – что любимую вещь я буду беречь. Может, они это уже на других планетах испытали.

– Можно подумать, что ты на других планетах бывала, – сказала Катька.

– Для этого не нужно бывать. Для этого можно прожить жизнь. Только подольше, чем ты, и с толком.

– Ничего себе с толком! – возмутилась Катька. – Всю жизнь по баракам! Это же не жизнь. Ты даже в Болгарии не была, а о других планетах рассуждаешь.

– А как ты бы хотела жить? – спросила бабушка с обидой в голосе.

– Я бы хотела за фирму выйти, – сказала Катька.

– Что еще за фирма такая?

– Сначала я поступлю на конкурс красоты!

Бабушка с внучкой ввергались в пустой спор, и Доник поспешил вмешаться:

– Помолчали бы! Нас же пришельцы слушают!

– Они слушают? – мама только сейчас об этом догадалась. – Какая гадость! Им никто не давал права.

– Конечно, не давал, – сказал Доник. – Только они не спрашивали.

– А ну, идите отсюда! – закричала мать. – Сейчас же! Чтобы и духу вашего не было.

– А кого ты конкретно гонишь? – спросил Доник, а Катька захихикала.

– Она знает, что гонит, – сказала бабушка. – Признавайся, кто в кухонный стол флакон французских духов подложил?

– Это я сама забыла, – сказала мать.

– Когда же ты себе по восемьдесят рублей духи покупала, а потом в кухонном столе забывала?

– Это мне подарили, – ответила мать, которая в это уже почти верила. – Подарил один мужчина, который просил никому не показывать.

– Что же за мужчина? – не выдержала Катька. – Водопроводчик Колька? Он свою жену испугался!

Мать рассердилась, выбежала из комнаты в коридор, а бабушка крикнула ей вслед:

– Погоди, Вера, ничего в этом плохого нет!

– Если бы меня заподозрили, что я такие подарки принимаю, меня бы со свету сжили! – заявила Катька. – А матери можно, да?

– Ты бы пошла, попросила у Веры прощения, – сказала бабушка. – Иди, иди, ничего твоей гордыне не станется.

Доник взял с обеденного стола «Теоретическую физику» Гордона-Смита, новенькую, в синем переплете, он о такой и не мечтал.

– Давно лежит? – спросил он бабушку.

Катька все же встала, пошла в коридор за матерью.

– А это не ты положил? – удивилась бабушка.

– Наполеон положил, – сказал Доник.

Бабушка взяла книгу и стала разглядывать.

– Я только не понимаю, – сказала она, – книга настоящая, ты как думаешь?

– Совершенно настоящая.

– Значит, они ее скопировали, – сказала бабушка. – С другой. А где они другую взяли?

– Может, у меня в голове?

– А она у тебя в голове была?

– Нет, вся не была, я ее всю не читал.

– Значит, они ее нашли и копию сделали, – сказала бабушка. – И это меня беспокоит. Пока они копии здесь делают – прямо в комнате, ну ладно, я еще понимаю. Но когда они неизвестно с чего копируют, значит, они уже всю Землю освоили?

– Я тебя понимаю, – сказал Доник. – Получается, что и в библиотеке были и передали по своим каналам связи информацию, а здесь ее получили.

– Значит, они все умеют.

– Тебе страшно, баб?

– А чего бояться? – сказала бабушка. – Может, неудобно, что кто-то сидит, смотрит на нас с тобой, думает и молчит. Но раз он нам с тобой не гадит, то я молчу. А если старается нам лучше сделать, тем более молчу. Кто мне добро делал? По пальцам можно перечесть. Добро – ценность редкая. Дай уж мне на их добро хоть злом не отвечать. Разве хуже, чем мы живем, жить возможно?

Пришел Барбос. Он втиснулся из коридора в щель приоткрытой двери, кончик его хвоста подрагивал – он чувствовал себя охотником.

И было отчего – в зубах он нес мышь.

Счастье охотника светилось в глазах кота.

– Что, – спросил Доник у Барбоса, – тебе тоже сделали подарок? Ты теперь тоже счастливый ходишь?

Барбос сделал движение хвостом и положил придушенную мышь у ног бабушки – он делал ей большой подарок.

– Убери! – сказала бабушка. – Сейчас Вера придет, такой крик поднимется...

Барбос понял, взял мышь и унес ее под диван.

– Тоже пришелец? – спросил Доник.

– А разве Барбосу счастье не полагается?

– Как мы привыкнем, – рассуждал вслух Доник, – они тут же обернутся автоматчиками...

– И что? – спросила бабушка. Перед ней на столе появился еще совсем-совсем целый моток синей шерсти. Бабушка осмотрела его и кинула в корзинку с вязаньем.

– И уничтожат.

– Хорошая шерсть, – сказала бабушка. – Натуральная.

Послышался звонок в дверь.

Один звонок – общий.

– Откроют, не бегай, – сказала бабушка.

Но Донику не сиделось, он выглянул в коридор. Дверь открыла Катька. В дверях стоял бледный, даже зеленоватый Аполлон-Союз. За ним еще какие-то люди, такие стоят у винного отдела.

– Здесь пацан живет? – спросил Аполлон-Союз. – Очкарик!

Язык плохо слушался Аполлона, и тот старался выговаривать слова медленно и внятно.

– Я здесь! – Доник вышел в коридор. Он сразу понял, что разыскивают его.

– То-то что здесь, а ты не таись! – сказал строго Аполлон-Союз. – Ты что наделал, а?

– Я ничего не делал. – Доник вдруг испугался. Он пришельцев так не боялся, как этого человека, от которого исходила глухая злоба.

Все, кто был в коридоре и на лестничной площадке, смотрели на Доника – кто с испугом, кто с тревогой. Салима не могла скрыть злорадства. И даже губы ее уже зашевелились, чтобы сказать: «Я же предупреждала!»

– Я чуть Богу душу из-за тебя не отдал. Пол-улицы изблевал. Водка-то была отравленная! – сказал Аполлон-Союз. От злобы он весь подобрался, сосредоточился. – Ты зачем продался? Ты мне ответь и всему народу – кому продался?

– Вы чего к мальчику пристали? – пискнула бабушка, и Доник вдруг увидел ее чужими глазами и понял, какая она маленькая, субтильная, одним пальцем можно перешибить.

– Молчать! – зарычал Аполлон-Союз. – Всем молчать по стойке... Пей, говорит, водку! Отравитель!

– Я вам говорил, что не надо. А вы сказали, что в ней сорока градусов не будет.

– Провокатор, вот он кто, – сказал Коля-водопроводчик, что пришел с Аполлоном, – душить таких нужно уже в колыбели.

– Я же товарищей угостил, – Аполлон-Союз широко провел рукой, но рука ударилась о вешалку. Аполлон-Союз длинно выругался.

– Вы не умеете себя вести, – сказал Лев Абрамович из дальней комнаты.

– Вот именно, – сказал кто-то темный от двери. В квартиру вливалось человеческое месиво, что пасется возле винного магазина.

– Теперь я заражен радиацией и мне жить осталось несколько часов, если не найдем способа отвезти меня в свободно конвертируемую страну, понял?

– С чего вы решили? – спросила бабушка.

– У него в бутылке был пришелец, – сказал Доник бабушке. – Он водку стал пить – наверное, пришелец не знал, что водку пьют... и погиб.

– Ах не знал! Нет, знал! Предупреждаю, сам погибну, как в Чернобыле четвертый реактор, но тебя с твоими пришельцами уничтожу!

– Да ты придуши его, милиция возражать не будет, – сказал один из собутыльников.

– Вот я сейчас вызову милицию, тогда посмотрим, кто хулиган! – сказала бабушка. – Вера, звони по ноль-два!

Мать сделала движение к двери, но остановилась, потому что дверь была перекрыта незваными гостями.

– Постой, – сказал Аполлон-Союз. – Руки не распускай. Пускай твой очкарь честно скажет, как их уничтожить!

– И чтобы обменяли водку на настоящую! – послышалось из-за его спины. Аполлон-Союз брыкнул назад ногой, и послышался вопль:

– Ты чего?!

– Говори! Ты знаешь!

– Честное слово, я не больше вас знаю, – ответил Доник. – Мы же с вами вместе эксперимент ставили.

– Он вообще очень скрытный ребенок, – сказал Лев Абрамович. – От него добром трудно добиться.

– А мы катаньем добьемся, – сказал Аполлон-Союз. – Будешь говорить или нет?

– Вы же знаете, – сказал Доник, – что они стараются сделать человека счастливым. Они как-то чувствуют, что ему нужно для счастья... и делают.

– А что тебе сделали? – быстро спросил Аполлон-Союз.

– Мне? Книжку по физике, переводную, – сказал Доник.

– Книжку! Ха-ха, – сказал пьяный голос с лестничной площадки.

– Ладно, верю, – сказал Аполлон. – Давай ее сюда.

– Зачем?

– А ну давай!

Катька испугалась – мгновенно метнулась в комнату, принесла книжку Аполлону. Она была как птица – уводила хищника от гнезда, а в гнезде у нее туфли, духи, наверное, что-нибудь еще...

– И ты думаешь, если его возненавидеть, он слиняет? – спросил Аполлон-Союз. Доник пожал плечами. Чего отвечать – Аполлон-Союз уже делал так с бутылками. Может быть, пришельцы внушали людям счастье, но сами могли существовать до тех пор, пока в ответ получали счастливое чувство...

Доник не хотел встречаться взглядом с Аполлоном, который как бы притягивал к своим тусклым водянистым глазам чужие глаза, чтобы подчинять их.

– Может, они хотят, чтобы люди стали как они? – вырвалось у Доника... И эти слова прозвучали как раз в тот момент, когда в коридоре было тихо.

– Эти слова мы уже слышали, молодой человек. И не стали умнее, – сказал Лев Абрамович.

– Почему вы все время говорите, что они плохие? – спросила бабушка. – Они ничего плохого не сделали.

– А это? – Аполлон рванул рубаху на груди – кожа под рубашкой была зеленой. – Может, это теперь навсегда?

– Ой! Лягушка! – закричала Салима. – Уходи от нас, прошу тебя.

– Молчать! – сказал Аполлон-Союз. – Я объявляю войну всем агрессорам и сволочам, которые хотят завоевать нашу славную родину! И пускай они знают: со мной шутки плохи – за мной стоит весь русский народ!

Собутыльники Аполлона закричали «ура!», затопотали, захлопали в ладоши, и Доник понял, что их немало, – лестничная площадка была забита народом.

– Вставай, страна огромная! – запел кто-то хрипло.

– Вставай на смертный бой! – подхватил другой голос.

– Стоп, стоп, стоп! – оборвал пение Аполлон-Союз. – Рассказываю, как истреблять эту сволочь! Сначала мы на нее смотрим и грозим: сейчас я тебя растопчу!

Он поднял к глазам книгу Гордона-Смита, и Донику стало жутко жаль эту книжку, больше ему ее уже не купить... Но он не посмел ничего сказать...

С легким щелчком, который был слышен, потому что все молчали, книжка исчезла.

Это воздух, понял Доник. Воздух заполнил пространство, только что занятое книгой. Аполлон-Союз подставил ладонь, что-то ловил, не поймал, опустился на колени на пол и стал искать на полу.

– Ты что? – наклонился над ним один из собутыльников.

– Я его ищу для уничтожения! – сказал Аполлон-Союз. – Пока он в собственном облике. Да отойдите подальше – далеко он не уйдет.

И тут Доник, который смотрел вниз, увидел пришельца – это был полупрозрачный шарик размером с божью коровку. Доник, сообразив, сделал движение навстречу шарику, что катился к нему, но тот, не почувствовав этого, сделал последнюю попытку угодить людям и не нашел ничего лучше, как превратиться в бутылку – бутылка водки покатилась по полу к ноге Доника. Из-за спины Аполлона раздался клич вожделения, а Аполлон захохотал, театрально подхватил бутылку, и она тотчас исчезла, уничтоженная его ненавистью. На этот раз Аполлон-Союз уже не выпустил пришельца – он держал его двумя пальцами, показывая всем.

– Я их, колорадских жуков, уже штук двадцать сегодня трахнул! – торжествовал Аполлон-Союз. – Не выйдет ваш план! Мы всех их истребим!

– Какой гадкий! – сказала Салима, приглядевшись. – Наверно, воняет.

– Может, сообщить куда надо? – спросил Лев Абрамович.

– А они комиссию пришлют и пять лет будут изучать, пока эти гады нас всех не перетравят. Нет уж – русский человек должен сам себя защищать! А то со всех сторон лезут, масоны проклятые. – И с этими словами Аполлон-Союз неожиданно ловким движением сжал горошинку ногтями. Раздался тонкий короткий писк. – Вот и все дела, – сказал Аполлон, вытирая руки о пиджак.

Все смотрели на него как на полководца, ожидая приказов. И он это понял. Обвел всех строгим взглядом и приказал:

– Чтобы к утру по всем квартирам выявить этих клопов. Если до утра не сделаем – кранты. Они вас используют! Я уже ребят послал за оружием. Будем вооружаться, понятно? Ну? Чего молчите? Понятно?

– Разумеется, мы понимаем всю серьезность момента, – сказал тогда Лев Абрамович. – Но я полагаю, что компетентные организации должны быть поставлены в курс дела.

– Ты только попытайся, сионист, – сказал Аполлон. – Ты только попытайся. Лучше ползай на коленках, ищи, куда к тебе враги забрались. Ты об этом думай. Ну, где твой прячется?

– Я не имею представления!

– Не имеешь? Граждане, он не имеет представления! Значит, он – шпион этих самых пришельцев. Шпион и разведчик. И будет казнен. Нет, не дрожи, не падай в обморок, сейчас я тебя не трону. Но если ты до утра не найдешь и не ликвидируешь своих клопов, то я приду и ликвидирую клопов и тебя заодно, понял?

– Понял.

– Тогда старайся. Думай, где у тебя враг!

– У него новые часы! – сказала быстро Салима. – Он мне хвастался. Откуда новые часы?

– Вот видишь, сионист, как народ помогает нам, органам порядка? Показывай часы!

– Я их купил!

– Ну-ка, «Сейко» купил? И сколько заплатил? Молчишь? И правильно делаешь. А мы все вместе: мы ненавидим эти часы! Ну: ненавидим!

На глазах у всех часы щелкнули и исчезли – лишь божья коровка бежит по ладони Аполлона, а тот хохочет – жизнь его, такая бессмысленная и никому не нужная еще утром, стала важной, руководящей – теперь он впервые за много лет получил возможность и моральное право распоряжаться, казнить, миловать и наводить порядок!

– Щелк! – лишь теплая розовая жидкость стекает по пальцам.

– Именно так! – Аполлон-Союз указал пальцем на ухо Катьки и сказал: – А ну снимай этого пришельца!

– Это мое, – сказала Катька.

– Врешь!

– Врет! – помогла сразу Салима. – Совсем недавно не было.

– Да это еще мое, моя мама мне подарила! – возмутилась бабушка.

– Знаем мы этих мам. Смотри, я ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу... – Он протянул руку и дернул за сережку. Катька ахнула. Сережка была в руке Аполлона-Союза, а из Катькиного уха потекла кровь. Доник, не соображая, что делает, кинулся на Аполлона-Союза с криком:

– Уйди, гад! Уйди, фашист!

Аполлон-Союз с неожиданной резвостью подставил колено – Доник налетел на колено, дыхание сорвалось, он упал бы, если бы его не успел подхватить Лев Абрамович, который стал его уговаривать:

– Мальчик, не надо, потерпи, обязательно надо потерпеть, они сейчас уйдут, они всегда уходят, в конце концов они уходят...

Доник пытался освободиться от мягких, дрожащих пальцев Льва Абрамовича, поэтому он не уловил момента, когда у бабушки оказался в руке пистолет. Большой черный пистолет. Бабушка поднимала его, словно отталкивала от себя, и вдруг стало тихо, будто ни одного человека вокруг. И бабушка произнесла очень тихо, почти шепотом:

– Тебе же сказали, чтобы ты ушел. Сколько надо повторять? Ну!

И это последнее слово прозвучало отдельно и слишком громко – хоть уши затыкай, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

И сразу тишина исчезла и наполнилась, как компот ягодами, разными голосами.

– Убивают! – кричала Салима.

– Я ухожу, ухожу... ты чего, я ухожу. – Это говорил Аполлон-Союз.

– Милицию надо позвать! – Это неизвестно кто закричал.

– Тетка, не стреляй, мы пошутили! – Это тоже незнакомый голос.

– Мама, осторожнее, он выстрелит!

– Пустите. – В этом голосе Доник узнал собственный голос. Лев Абрамович отпустил его.

Доник кинулся не к бабушке, а к дверям, в которых толклись, отступая, Аполлон-Союз и его свита.

– Давайте, – сказал он, выталкивая их. – Скорее, разве вы не видите...

Только оказавшись на лестнице, защищенный от бабушки косяком двери, Аполлон-Союз крикнул:

– Нас не запугаешь! Чтобы завтра ни одного!

Бабушка царственно отстранила пытавшегося помешать ей Льва Абрамовича и вышла на лестничную площадку.

По лестнице, сшибая друг друга, горохом, мешочным обвалом понеслись незваные гости. Они матерились, кричали, они были в панике, как стадо перепуганных коз.

– Ну, бабушка, – сказал Доник, – я от тебя не ожидал.

– А я ожидала? – спросила бабушка.

– Откуда у тебя пушка?

Остальные выглядывали из квартиры в открытую дверь, но на лестничной площадке были только бабушка и Доник.

– Какая пушка?

Доник поглядел на бабушку – в руке у нее была мухобойка – проволочная палочка с хлопушкой на конце. Бабушка тоже смотрела на свою руку.

– Лучше допустить, – сказал Лев Абрамович, – что ничего не было. И мы ничего не видели. Это снимает массу тревожных проблем.

Они вернулись в квартиру. Салима закрыла дверь на цепочку.

Мама принесла пластырь и заклеила Катьке ранку.

Все прошли на кухню – центр квартиры, нейтральную территорию. Кто сел на табуретку, кто стоял.

Это был военный совет.

– Я был не прав, – сказал Лев Абрамович. – Ничего не снято. Все проблемы остаются.

– А я думала, что ты часы «Сейку» украл. А оказывается, шпионы дали, – сказала Салима радостно. – А теперь отобрали. Нехорошо, а?

– А вы лучше, Салима Ибрагимовна, – сказал Лев Абрамович, – проведите ревизию своего хозяйства. Нет ли в нем чего лишнего.

– Откуда у меня лишнее? Мы не воруем, мы все заработали.

– Теперь ничего нельзя гарантировать. Разве Лидия Сергеевна подозревала, что у нее есть такой большой пистолет?

– А у меня его и нет, – сказала бабушка.

– Вот именно. Ничего нет. Хорошо еще, что вы не стали стрелять.

– А что с меня, со старухи, возьмешь, – сказала бабушка и положила на стол мухобойку.

Лев Абрамович двумя пальцами взял мухобойку и перенес в раковину.

– Начинаем проверку на шпионов? – спросил он, глядя на Салиму.

– Еще чего не хватало! – возмутилась Салима.

– И кофточка? – ехидно спросила Катька.

– Какая кофточка?

– Какая на тебе.

– Магазин купила. – Салима сразу стала хуже говорить по-русски. – Вчера купила, зачем спрашиваешь.

Она сделала попытку скрыться в своей комнате, но тут Лев Абрамович с наслаждением отомстил ей.

– Вы ее, конечно, можете оставить себе, – сказал он. – Это ваша кофточка, и мы разве что можем сказать? Но я вам не советую ее носить в свете сегодняшней обстановки, если это не кофточка, а только шпион. Вы представляете, какие будут последствия – она вас ночью задушит, как в произведениях Николая Васильевича Гоголя, а утром придет тот серьезный гражданин и из соображений дезинфекции все у вас сожжет.

– Нет! – закричала Салима. Она прикрыла грудь пухлыми ладошками, но вдруг кофточка исчезла. И Салима оказалась в лифчике, который был ей мал. Она тонко заверещала и побежала почему-то не к себе, а спряталась в уборной. Тогда наступила разрядка, и все начали смеяться.

Потом Лев Абрамович ушел к себе. Он сказал на прощание:

– Я осторожный человек, вы же меня понимаете, и русский народ трудно сдвинуть с места на что-нибудь хорошее, но когда вы хотите его немного напугать, чтобы он бегал за шпионами, сионистами или белыми воронами, он уже всегда готовый, потому что думает, что если поймать всех белых ворон, то будет колбаса и полное изобилие. И я не хочу быть соратником иностранной разведки, хоть вы мне будете говорить, что какая это к черту разведка, если они прилетели из космоса на аварийной летающей тарелочке. Но мы с вами не знаем, кто для нас страшнее – наши собственные борцы против шпионов или эти шпионы, которые так спешат сделать нам подарки. Скажите, зачем мне, старому бухгалтеру, японские часы «Сейко»? Я тоже не понимаю. Спокойной ночи, и обещаю вам, что я найду все подарки судьбы, которые я не заслуживаю, и как только найду, я их начну так ненавидеть, что они сами спрыгнут со второго этажа.

Лев Абрамович невесело засмеялся и пошел к себе.

И они остались вчетвером.

По лестнице, сшибая друг друга, горохом, мешочным обвалом понеслись незваные гости.

Женщины уселись в большой комнате у телевизора, а Доник прошел в маленькую, но не стал там зажигать света. Он подошел к окну. И увидел, как толпа людей, черная и плотная, в которой вспыхивают порой красные огоньки – когда кто-то затягивается сигаретой, – вытекает из подъезда дома напротив и полукругом охватывает две женские фигурки, замершие под фонарем. Доник понял, что это – сестры Волковы, каждая держит по собачке на руках, а толпа сдвигается все теснее... и вдруг одновременно – Доник увидел это так явственно, словно стоял в метре, – собачки исчезли – обе исчезли, и старушки засуетились, забегали – и слышен был смех, а люди в толпе начали подпрыгивать, чтобы раздавить пришельцев...

Доник отошел от окна.

В соседней комнате был слышен голос матери:

– Мама, ты не понимаешь, у меня дети. А это массовый психоз. И я не знаю, когда он кончится. Мы обязаны сами все очистить. Не будем же мы из-за каких-то жалких вещей рисковать самым дорогим...

Мама умеет себя уговорить. Теперь дети – тяжелая артиллерия, будто единственный выбор: дети – вещи. А ведь выбор совсем другой. И бабушка, конечно, это заметила.

– Меня не это тревожит, – сказала она. – У меня такое ощущение, Вера, что ко мне приблудился щенок и я его продаю барышникам, чтобы из него сделали шапку.

– Мама, ну что ты несешь! При чем тут барышник! Ты же сама говорила – неизвестно, какие у них цели! Может, сначала внедриться, потом разложить нас морально и уничтожить.

– Я все это слышала...

– Ради Катьки и Доника я пойду на все! – Мать перешла в наступление. И Доник понимал, что бабушка долго не продержится.

Катька молчала. Сейчас она придет и начнет решать проблему – оставлять себе туфли или нет... интересно, будут ли они хитрить и утаивать что-нибудь от Аполлона? Если будут, то они глупые – Аполлон-Союз со своими соратниками наверняка к утру разработают систему... Но и пришельцы будут дураками, если до утра останутся в своем облике.

– Дураки, – сказал Доник вслух. Он подумал, что если они могут угадывать мысли, то, наверное, услышат и слова. – Вам надо отсюда рвать когти. И подальше... правда, вы не знаете куда, вам трудно без людей – вам

нужно, чтобы было с кем вместе... я так понимаю? Вы не можете существовать в ненависти, в нелюбви, во вражде – просто не можете существовать.

– Да, – ответила комната. Не какое-нибудь ее место, а вся комната.

– В вашем мире состояние счастья – эта самое обычное и единственно возможное состояние? – спросил Доник.

– Да.

Комната замолчала.

Вошла Катька.

– Ты чего без света? – спросила она.

Доник задернул занавески.

– У Волковых собачек убили, – сказал он.

– Ну уж не убили! – сказала Катька. – И вовсе не собачек.

«И ты мне не союзник», – подумал Доник.

Доник перешел в большую комнату и дождался, пока мать вышла.

– Бабушка, – сказал он, – дай мне рублей десять.

– Зачем?

– Мы с Барбосом гулять пойдем.

– Далеко?

– Я смотрел на сестер Волковых, – сказал Доник, – у них собачек убили, и вспомнил о тете Дусе. В Пушкине.

– Ты прав, – сказала бабушка, – у нее большой участок, и никто к ней не сунется.

– Я думаю, им надо переждать, пока за ними прилетят, чтобы их не убили.

– А они тебя поймут?

– Ты молодец, бабушка, – сказал Доник. – Другая бы начала кудахтать – десять часов вечера, а ты электричкой, за город, это так опасно!

– Лучше возьми такси, я тебе тридцатку дам. У меня есть. Тебе надо утром вернуться, чтобы они не догадались, что ты уезжал.

– Ладно, – сказал Доник. Он взял деньги. И вовремя, потому что вернулась мать. – Мы пошли гулять, – сказал он. – Где Барбос?

Барбос выскочил из-за дивана. Он держал в зубах мышку.

– Дурак, – зашипел на него Доник, и мышка исчезла, а на шее у Барбоса возник тонкий ошейник.

– Ты далеко не отходи, – сказала мать, включаясь в экран телевизора, словно всей истории с пришельцами и не было. Доник посмотрел на трюмо – флакон с духами исчез. Значит, пришельцы принимают меры. Даже интересно – какие меры?

Барбос первым побежал через дорогу, Доник за ним.

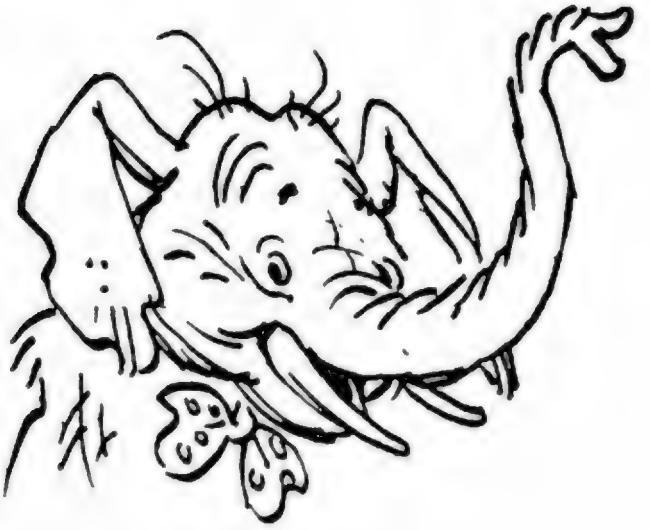
Когда он прошел уже половину сквера, он остановился, стараясь понять, идут ли с ним пришельцы. И тогда он услышал легкое трепетание крыльев – над ним, над головой, совсем низко, кружила стая птиц – воробьев, ласточек, стрижей, синиц – не время в десять вечера собираться в стаю таким разным птицам...

Тогда Доник пошел из города, к тихой пригородной платформе, где останавливается поздняя электричка. Над ним неслась стая птиц, а сзади не спеша трусили штук десять Барбосов – не ссорились, не обращали друг на дружку внимания – гуляли с хозяином.

СТИХИ

СЛОНОВАЯ ЗАГАДКА

Почему нет городов
У слонов?



СЧИТАЛКА

Раз, два, три, четыре,
Разведем зверей в квартире.
Жить, конечно, веселей,
В окружении зверей...

Жил-был слон в одной квартире –
Метра три или четыре.
Только ноги я нашел –
Хобот выше этажом.

Таракан живет в квартире,
А возможно, их четыре,
Может, двести сорок пять.
Лучше снова сосчитать.

Жил удав в одной квартире:
Метров пять или четыре.
Он в пустой квартире жил –
Шкаф и стулья проглотил.

Жил-был кит в одной квартире:
Метров пятьдесят четыре.
Хвост наружу, нос наружу –
Посреди большая лужа...

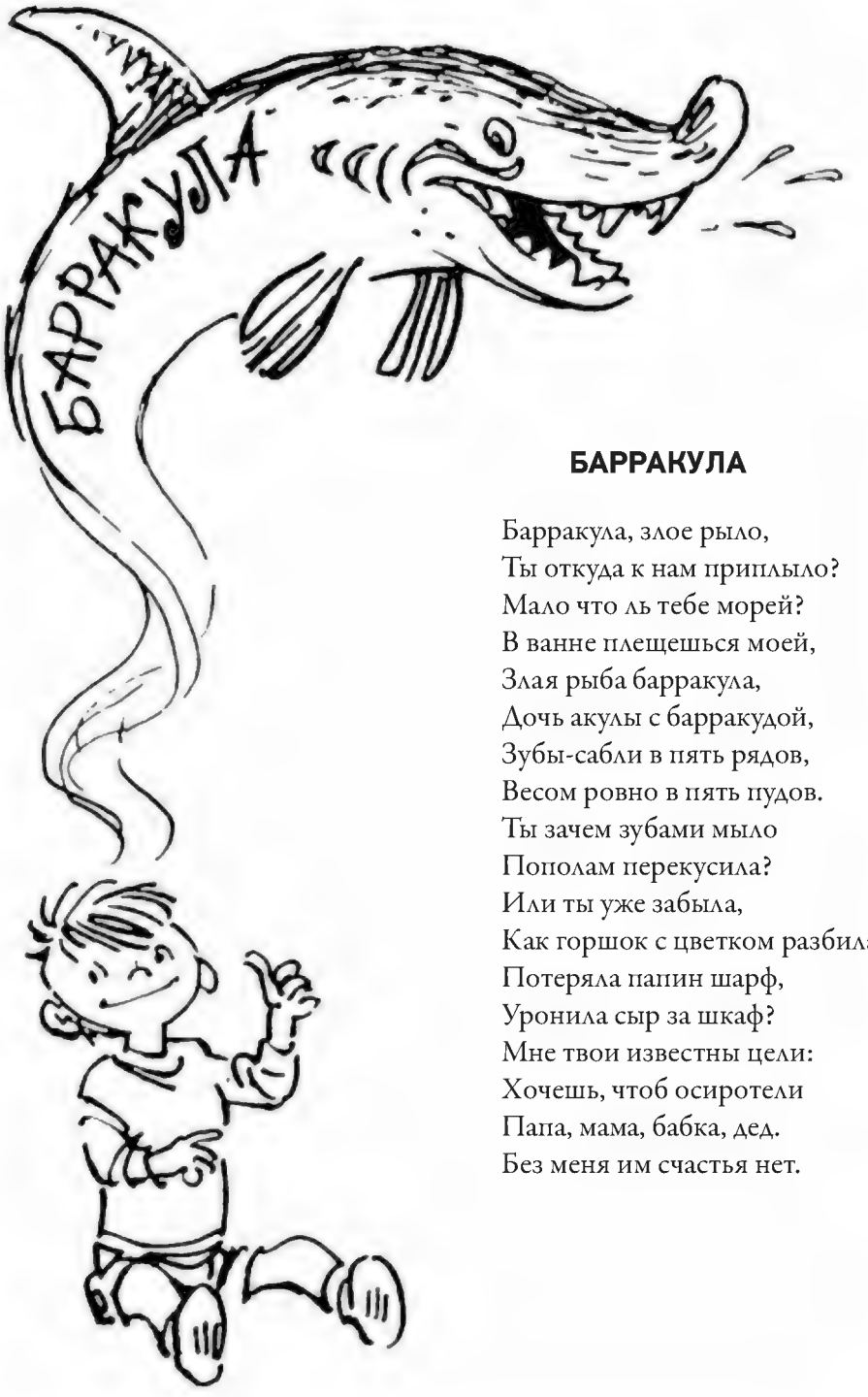
Жил-был лев в одной квартире.
Лев – один, жильцов – четыре.
А осталось наконец:
Трое львов – один жилец.

КТО ПОБЕДИТ – СЛОН ИЛИ КИТ!

Как столкнутся слон и кит,
Кто в сраженьи победит?
Кит сильнее или слон?
Поглядим со всех сторон:
Если в море будет кит,
Он, конечно, победит.
Он такую даст волну,
Что не выбраться слону.
А на сушу кит вползет,
Будет все наоборот.
У кита – ни ног, ни рук,
Слон же бегает вокруг.
Хочет – топчет, хочет – колет,
Хочет – дразнит, хочет – бьет
Кит заплачет, кит застонет
И обратно уплывет.
Скучно, если наперед
Знаешь, кто кого побьет.
Надо все перепридумать,
Сделать все наоборот.

Пусть полезет в море слон,
Что плавучим был рожден.
Хобот, бивни возле рта,
Хвост и рот как у кита.
Значит, это СЛОНОКИТ.
Он, конечно, победит.

Ну, а если прямо в лес
Сухопутный кит залез?
Вес китовый и длина,
Ноги словно у слона.
Лес трещит со всех сторон:
Наступает КИТОСЛОН!
Слон увидит, как он прет,
И, конечно, удерет.
Посмотреть бы нам с тобой,
Если вдруг случится бой,
И сойдутся с двух сторон
СЛОНОКИТ и КИТОСЛОН.
Как сбегутся, топнут разом,
Как ударят, как заржут!
Нет, пожалуй, лучше сказку
Я про гномов расскажу.



БАРРАКУЛА

Барракула, злое рыло,
Ты откуда к нам приплыло?
Мало что ль тебе морей?
В ванне плещешься моей,
Злая рыба барракула,
Дочь акулы с барракудой,
Зубы-сабли в пять рядов,
Весом ровно в пять пудов.
Ты зачем зубами мыло
Пополам перекусила?
Или ты уже забыла,
Как горшок с цветком разбила,
Потеряла папин шарф,
Уронила сыр за шкаф?
Мне твои известны цели:
Хочешь, чтоб осиротели
Папа, мама, бабка, дед.
Без меня им счастья нет.

Только в ванную войду –
Смерть в зубах твоих найду.
А когда меня сожрешь,
Ты к соседям уплывешь.
И уверен я, тогда
Детям всем грозит беда.
Барракула, злое рыло,
В доме всех перехитрила:
Взрослый в ванную войдет
Барракулы не найдет.
Как увидит рыба маму,
Сразу прячется под ванну.
Я чистюля, чистоплюй,
Мыться жажду, но терплю,
Жду неделю, чтоб заснула
Злая рыба барракула.

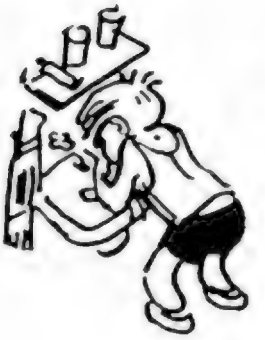
Кто сказал, что я неряха?
Ведь не моюсь я от страха.

***

В июле, в самую жару
В вагоне пропыленном
Приехал в город кенгуру
Работать почтальоном.
На животе его карман –
Чтобы удобней было.
В него войдут сто три письма
И сорок пять посылок.
Но если к вам письмо придет
На месяц позже срока,
Не удивляйтесь: почтальон
Читает очень плохо.

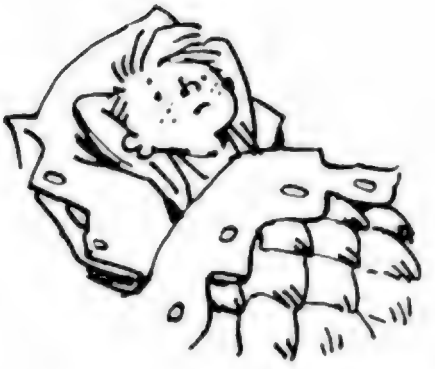
СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА

Сберегательная касса.
Там хранится денег масса.
Если деньги те забрать,
Я бы мог богатым стать.
Я приду с наганом в кассу,
Заберу я денег массу,
Суматоху пережду,
Их обратно положу,
Чтоб на этот капитал
Я проценты получал.



***

Ежедневно просыпаться,
Одеваться, умываться,
Зубы чистить, руки мыть,
В школу мчаться, заниматься,
Не мечтать, не отвлекаться,
А к обеду – дома быть!
Возвращаться, раздеваться,
За уроки приниматься...
Ни минуты, чтобы жить!
Надо это прекратить.
Если очень постараться,
Можно и не просыпаться.

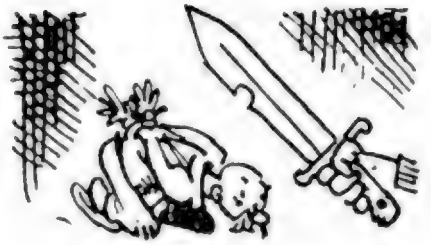


СТАРИКАШКА

Пиши на бумажке
Для старикашки,
Когда ему кушать
котлетки и кашку,
Когда ему выпить
капли от кашля,
Когда ему сдать
на анализ какашки.
А если забудешь
об этой бумажке,
То все перепутает
тот старикашка:
На завтрак он скушает
капли от кашля,
А сдаст на анализ
котлеты и кашку.

***

Разбудили царя –
ни свет ни заря.
Вот какие порядки
в том царстве царят!
Разбудили царя... а зря.
Если даже царю
Толком спать не дают,
Если будят царя
ни свет ни заря,
Что же с бедным народом
злодеи творят?
Только-только народ мой
уляжется спать,
Как будильник трезвонит,
что надо вставать...
Вы, наверно, забыли,
что нынче, как встарь,
Беспощаден
Не к месту
разбуженный царь!

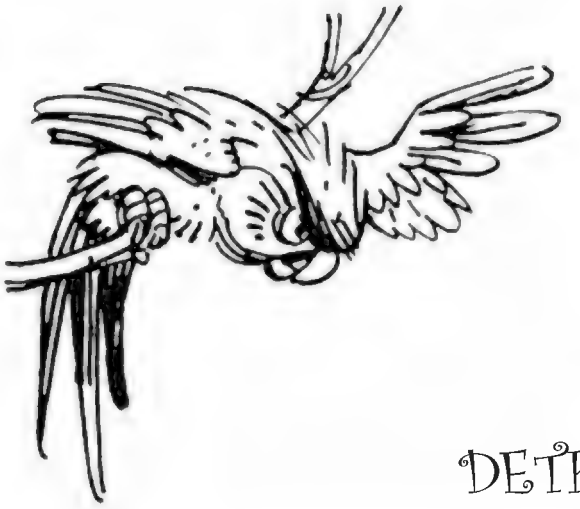


Я встаю, обнажаю
сверкающий меч
И дедуле срубаю я голову
с плеч.
А потом я бабусю
родную свою
К тиграм в клетку
железной рукой засую.
После маму сожгу
на костре я живьем
И народу воскликну:
– Ребята, живем!
А народ закричит:
– Ах, спасибо царю!
И устроит парад,
и закатит салют.
Так добро победит,
так наказан порок.
Я подушку возьму
и засну как сурок.

РЕКИ И РЫБЫ

Известно ли вам, что в реке Хуан-хэ
Водится рыба только на «хэ»?
Водится хариус, водится хек...
Больше не помню я рыбы на «хэ».
Речкам другим посчастливилось больше.
Висла-река протекает по Польше.
Водятся в Висле, как, впрочем, и в Волге,
Выдры, вьюны, водолазы и воблы.
Сена-река омывает Париж,
Разною рыбой набита до крыш:
Стерлядь, сазаны, судак и ставрида,
Рыбка-сардинка, невзрачная с виду,
Сом там зевает и плещется громко,
Скумбрии тьма и соленая семга.

Правда, бывают несчастные рыбки:
Трудно на щуку смотреть без улыбки,
Раз не нашла она речки на «ще»,
Ходит по берегу щука вообще.
Чтобы спокойно нырять и купаться,
В речек названьях нельзя ошибаться.
Если ошибку ты сделал в Оке,
Станут водиться акулы в реке.
Омары Амур словно раки заселят,
А рыба-игла заплывет к Енисею.
Но если ты правила выучил эти,
То можешь хоть в Ниле закидывать сети.
Вот будет добыча! Вспотеешь немного,
Но вытащишь нильского носорога.



Содержание:

ДЕТКИ В КЛЕТКЕ 7

КРОВАВАЯ ШАПОЧКА, ИЛИ СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ

От автора 47

Глава первая
О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ПОШЛА К БАБУШКЕ 49

Глава вторая
О ТОМ, КАК ВМЕСТО БАБУШКИ КРАСНАЯ ШАПОЧКА УВИДЕЛА СЕРОГО ВОЛКА 60

Глава третья 69
О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА СПАСАЛА БАБУШКУ ОТ СЕРОГО ВОЛКА 69

Глава четвертая 81
О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ИСКАЛА СВОЮ БАБУШКУ 81

Глава пятая 88
О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ВСЕ-ТАКИ ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ 88

Глава шестая 94
КАК СЕРЫЙ ВОЛК СТАЛ МАЛЕНЬКИМ 94

Глава седьмая 102
О ТОМ, КАК ВСЕ КОНЧИЛОСЬ 102

РЕЧНОЙ ДОКТОР

(фантастическая история)

110

ЗВЕЗДОЛЕТ В ЛЕСУ

169

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ

Глава первая
ТИГРЫ ХОДЯТ ПО НОЧАМ ... 254

Глава вторая
РОКОВАЯ ОШИБКА ... 261

Глава третья
ХИЩНИКИ СРЕДИ НАС! ... 267

Глава четвертая
КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА ... 273

Глава пятая
ВЕЧЕРНЕЕ БЕГСТВО ... 279

Глава шестая
ВЕЧЕРНИЕ СОБЫТИЯ ... 284

Глава седьмая
ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ ... 291

Глава восьмая
БАБУШКА, Я НЕ ОДНА! ... 296

Глава девятая
СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО ... 302

Глава десятая
ИСПЫТАНИЕ ... 310

Глава одиннадцатая
ПИСЬМА ИЗ ИНДИИ ... 316

ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА

Глава первая ... 320
Глава вторая ... 324
Глава третья ... 326
Глава четвертая ... 329
Глава пятая ... 333
Глава шестая ... 335
Глава седьмая ... 340
Глава восьмая ... 342
Глава девятая ... 343
Глава десятая ... 345
Глава одиннадцатая ... 355

ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ

Глава первая ... 356
Глава вторая ... 363
Глава третья ... 373
Глава четвертая ... 384
Глава пятая ... 387
Глава шестая ... 391

ГЕРКУЛЕС И ГИДРА

Глава первая ... 398
Глава вторая ... 409
Глава третья ... 419
Глава четвертая ... 427
Глава пятая ... 432
Глава шестая ... 439

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

... 447

СТИХИ

СЛОНОВАЯ ЗАГАДКА 493

СЧИТАЛКА 494

КТО ПОБЕДИТ – СЛОН ИЛИ КИТ! 496

БАРРАКУЛА 498

В июле, в самую жару... 500

СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА 501

Ежедневно просыпаться... 502

СТАРИКАШКА 503

Разбудили царя – ни свет ни заря... 504

РЕКИ И РЫБЫ 506

Кир Булычёв

ПОВЕСТИ И СКАЗКИ, СТИХИ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 258

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
Е. Гезенцвея

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
13 кегль

Сдано в печать 29.03.2024
Объем 56 печ. листов
Тираж 2000 экз.
Заказ № 1541/24

Бумага
Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м^2

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.сзкэо.рф

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

Жизнь Игоря Всеволодовича Можейко (1934–2003) протекала в двух разных плоскостях. Одни знали его как востоковеда, доктора наук, сотрудника Института востоковедения и автора трудов по истории Юго-Восточной Азии. Другие зачитывались фантастическими историями, которые Можейко публиковал под псевдонимом Кир Булычев. К концу XX в. Можейко стал одним из самых популярных фантастов в нашей стране. Кто не видел мультфильм «Тайна третьей планеты»? Его главную героиню — Алису Селезневу — придумал Булычев. В начале XXI в. вышло собрание его сочинений — 18 томов! В них важное место занимает цикл, посвященный приключениям Алисы; повести о ней считаются наиболее известными произведениями Булычева. В середине XX века Станислав Лем отправил своего героя Ийона Тихого в космос, где с этим новоявленным Мюнхгаузеном произошло множество забавных приключений. Придуманная Можейко героиня — девочка из будущего Алиса Селезнева — также начала путешествовать по космическим далям. Такой ход оказался удачным и плодотворным. В этом секрет успеха «Алисианы». Однако из-под пера Можейко вышло множество повестей и рассказов с другими героями. С такими произведениями Можейко и знакомит читателей эта книга. В нее вошли девять повестей и сказок: «Детки в клетке», «Кровавая Шапочка, или Сказка после сказки», «Речной доктор», «Звездолет в лесу», «Два билета в Индию», «Фотография пришельца», «Черный саквояж», «Геркулес и гидра», «Инопланетяне», а также десять стихотворений.

Как и предыдущие книги Булычева в серии «Библиотека мировой литературы», это издание украшают рисунки Евгения Тихоновича Мигунова (1921–2004). Его стиль легко узнается по уверенному штриху и удивительному динамизму. Евгений Тихонович почти всегда изображает героев в движении, и это неслучайно, ведь он много и плодотворно работал в анимационном кино. В 1939 г. Мигунов поступил на художественный факультет Всероссийского государственного института кинематографии, где одним из его наставников стал знаменитый режиссер, художник и сценарист Иван Петрович Иванов-Вано. Мигунов стал не обычным художником-мультипликатором, а настоящим новатором рисованного и кукольного кино. Его находки и приемы сыграли важную роль в становлении современной школы отечественной мультипликации. Вместе с тем Евгений Тихонович был прекрасным графиком. С 1961 г. он начал выполнять иллюстрации для журналов «Мурзилка», «Веселые картинки», «Пионер» и «Крокодил». В 1965 г. с его рисунками вышла ставшая знаменитой повесть Стругацких «Понедельник начинается в субботу». По манере и технике эти рисунки были очень похожи на его иллюстрации, которые украшают эту книгу.